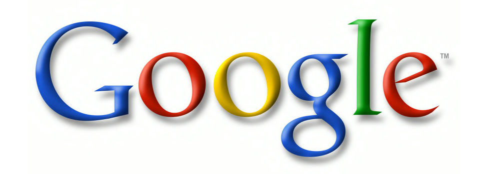

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1672. 1872.

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ

ПЕТРУ ПЕРВОМУ.

ИЗДАННЫЙ ПО ПОВОДУ
ДВУХСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ РОЖДЕНІЯ ЦАРЯ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.

СОСТАВИЛЪ
Н. ТИХОМИРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го іюня.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

1672 — 1872.

ДВУХСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

РОЖДЕНІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1672. 1872.

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ

ПЕТРУ ПЕРВОМУ.

ИЗДАННЫЙ ПО ПОВОДУ

ДВУХСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ РОЖДЕНІЯ ЦАРЯ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.

СОСТАВИЛЪ

Н. ТИХОМИРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1872.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

О, тѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ тьмы твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.

Ломоносовъ.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

40.

Единственнымъ побужденіемъ къ составленію этого Сборника было желаніе, по поводу празднованія двухсотлѣтняго юбилея рожденія императора Петра Перваго, предложить читателю книгу, содержащую въ себѣ литературныя произведенія (какъ цѣлыя, такъ и въ отрывкахъ), совокупность которыхъ давала бы ему возможность воспроизвести величавый образъ Царя-Преобразователя, его жизнь и дѣятельность, хотя въ главныхъ, существенныхъ ихъ чертахъ.

Н. Т.

26 мая 1872 года.

ВЪ ПАМЯТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

1672. 1872.

СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

КЪ

ПЕТРУ ПЕРВОМУ.

ИЗДАННЫЙ ПО ПОВОДУ

ДВУХСОТЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ РОЖДЕНІЯ ЦАРЯ-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ.

СОСТАВИЛЪ

Н. ТИХОМИРОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».
1872.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го іюня.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

1672 — 1872.

ДВУХСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

рожденія

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

казнилъ по своему благоусмотрѣнію, жаловалъ и отмѣнялъ права сословій, опредѣлялъ подати и налоги, и однимъ царскимъ словомъ ополчалъ Россію. Эту власть крѣпкую, единую, нераздѣльную, учредили князья Московскіе. Она такъ сроднилась съ духомъ Русскаго народа, что ни тяжкое самовластіе Іоанна Грознаго, ни крамолы бояръ при воцареніи Шуйскаго не могли поколебать ее. Несправедливо пишутъ Котошихинъ и Татищевъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ съ властію ограниченною, давъ по примѣру Шуйскаго запись, ничего не дѣлать безъ совѣта боярскаго. Мы имѣемъ несомнительные акты о возведеніи его на престолъ: изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные сословіями лучшіе, разумные люди, и въ храмѣ Успенія, вмѣстѣ съ святителями и вельможами, вручили ему державу безъ всякихъ условій, съ одною мольбою спасти церковь и царство.

Съ другой стороны, эта власть безусловная не была безотчетнымъ произволомъ, какъ хотятъ увѣрить насъ иностранцы. Трудно найти другую страну, гдѣ бы самодержавіе пользовалось своимъ правомъ съ такою осторожностію, съ такимъ уваженіемъ святости закона, съ такою заботливостію о выгодахъ и благосостояніи каждаго сословія, какъ въ нашемъ отечествѣ, по воцареніи дома Романовыхъ. Ни одного важнаго дѣла не рѣшали они безъ совѣта съ боярскою думою и съ патріархомъ; не рѣдко призывали на совѣтъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ сословій. Такъ, окруженный святителями, духовенствомъ, боярами, окольничими, избранными дворянами, стрѣлецкими головами, казацкими атаманами, людьми торговыми и посадскими, разсуждалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своими вѣрными подданными о неправдахъ короля Польскаго, нарушившаго миръ Деулинскій, о предложеніи короля Шведскаго воевать Польшу общими силами, о взятіи Азова Донскими казаками; такъ читалъ на земскомъ соборѣ свое Уложеніе царь Алексѣй Михайловичъ, въ послѣдствіи неоднократно совѣтовался съ выборными чинами о дѣлахъ Малороссійскихъ, Польскихъ, Шведскихъ, Турецкихъ; такъ преемникъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ приговоромъ земскаго собора уничтожилъ Мѣстничество.

Неоднократное повтореніе подобныхъ случаевъ невольно возбуждаетъ мысль, не были ли земскіе соборы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, необходимымъ условіемъ тогдашняго образа

правленія? Отвѣчаемъ: нѣтъ, никогда. Государи созывали ихъ въ Москву единственно по внушенію доброй воли своей, слушали откровенныя, часто несогласныя мнѣнія выборныхъ чиновъ и рѣшали вопросъ по своему благоусмотрѣнію. Земскіе соборы не имѣли и тѣни власти законодательной. Служа правительству только средствомъ къ раскрытію нуждъ и желаній народныхъ, они остались для потомства красноречивымъ памятникомъ благодушія нашихъ государей, хотѣвшихъ быть царями правды, отцами своихъ подданныхъ [1]).

Второю, неоцѣненною выгодою Россіи, также незамѣченною и непонятою иноземными наблюдателями, было благопріятное для общества положеніе Церкви, которая въ ея отношеніяхъ къ міру и къ верховной власти представляла зрѣлище утѣшительное. Водворившись въ Русскую землю безъ насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ, въ видѣ стройномъ и прекрасномъ, какъ благодать неба, съ божественнымъ словомъ на языкѣ родномъ, понятномъ народу, она неизмѣнно хранила вѣру чистую, наслѣдованную отъ православнаго востока; тихо и спокойно, безъ фанатизма и мірскихъ расчетовъ, утверждала святое ученіе въ странахъ отдаленныхъ, покоряемыхъ Русскимъ оружіемъ, и поддерживала во всѣхъ сословіяхъ глубокое религіозное чувство, равно благотворное и для успѣховъ общежитія и для нравственной силы государства. Пастыри церкви были достойными ея служителями. Ознаменованные рѣдкимъ безкорыстіемъ во времена княжескихъ междоусобій, благочестивою ревностью за независимость народную въ годину Татарскаго владычества, дѣятельнымъ содѣйствіемъ дому князей Московскихъ къ утвержденію единовластія, они сохранили то же неизмѣнное благочестіе, то же ясное сознаніе своего долга, ту же ревность къ вѣрѣ, къ престолу, къ отечеству, и при патріархахъ.

Не будемъ говорить о величественномъ самоотверженіи Ермогена, о благочестивой твердости Филарета, о великодушномъ мужествѣ Діонисія, о мученическихъ страданіяхъ Іосифа въ защиту церкви, престола и государства: обратимъ вниманіе на постоянную заботливость нашихъ патріарховъ о церковномъ благоустройствѣ. Въ этой заботливости, въ этомъ стремленіи къ луч-

---

[1]) Соборныя дѣянія времени Михаила, Алексѣя и Θеодора въ Румянцовскомъ Собораніи государств. грамотъ и договоровъ. Томы III и IV.

*

шему, обнаружился въ полномъ блескѣ кроткій характеръ нашего духовенства, столь несходный съ характеромъ западнаго: когда папы, вопреки общему требованію народовъ, упорствовали въ старинныхъ притязаніяхъ или предразсудкахъ, шли наперекоръ времени, не соглашались ни на какую полезную реформу, которой громко требовалъ общій голосъ вѣка, и изъ личныхъ видовъ воспламеняли въ Еропѣ кровавыя войны, наши благочестивые іерархи, большею частію по собственному побужденію, упреждали время, сознавали необходимость улучшеній, исправляли неизбѣжные безпорядки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, даже отказывались отъ многихъ своихъ преимуществъ для пользы государства, и ревностно содѣйствовали стараніямъ монарховъ о благоустройствѣ общественномъ. Въ доказательство, какой духъ безкорыстія одушевлялъ въ то время наше духовенство, довольно привести уничтоженіе такъ называемыхъ тархановъ: это было право монастырей и духовныхъ властей на безпошлинную торговлю и на разныя льготы отъ земскихъ повинностей,—право, освященное вѣками, утвержденное великокняжескими и царскими граматами и служившее обильнымъ источникомъ церковныхъ доходовъ. Царь Алексѣй отмѣнилъ его [1]), чтобы дать болѣе простора народной промышлености, и духовенство безъ ропота исполнило царскую волю, между тѣмъ какъ на западѣ отмѣна индульгенцій породила Реформацію.

Въ такомъ видѣ находились въ нашемъ отечествѣ два главные, основные элемента Европейскаго общества, монархія и церковь. Далѣе, вникая въ подробности стариннаго управленія нашего, формъ и обрядовъ суда, мѣръ къ безопасности внутренней и внѣшней, къ обогащенію государственному и частному, не можемъ не замѣтить, что правительственная система наша къ концу XVII столѣтія достигла вообще стройнаго и полнаго развитія; что она обнимала главныя условія общественнаго порядка, имѣла свои опредѣлительныя формы, и, установившись постепенно, по указанію опыта, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала нравамъ и обычаямъ народнымъ. Правда, остались въ ней черты владычества Татарскаго, жестокія пытки, безчеловѣчныя казни; но вообще она выражала ясную идею правительства о необходимости закона твердаго, неприкосновеннаго, о водвореніи доб-

---

[1]) Указомъ 1 марта 1672 года. Полн. Собр. Закон. I. № 307.

рой нравственности, о возможномъ облегченіи народа, о защитѣ чести его и достоянія.

Былъ у насъ свой кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, если угодно неполный, недостаточный даже для своего времени, тѣмъ не менѣе мудрый и благодѣтельный въ основной идеѣ, какъ органическій сводъ законовъ отечественныхъ. Былъ у насъ свой государственный совѣтъ (Большая Дума), составленный изъ вельможъ, убѣленныхъ сѣдинами, умудренныхъ опытностію: они собирались почти ежедневно въ царскихъ палатахъ, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, и каждый изъ нихъ могъ говорить предъ государемъ свободно и откровенно. Были у насъ свои министерства, приказы, высшія правительственныя вѣдомства, которыя распоряжали дѣлами внѣшними, военными, судными, финансовыми. Подъ главнымъ надзоромъ ихъ состояли исполнители велѣній правительства, областные воеводы, судьи, сборщики податей, окладчики, дозорщики и другіе чины, обязанные дѣйствовать согласно съ данными имъ наказами или инструкціями, въ которыхъ правительство равно заботилось и о государственномъ интересѣ, и о выгодахъ народныхъ.

Законъ достаточно обезпечивалъ не только свободу или безопасность личную, но и честь каждаго подданнаго. Право помѣстнаго владѣнія было утверждено царскими грамматами и опредѣлено писцовыми книгами. Единообразное устройство было принято за непремѣнное условіе всѣхъ областей и народовъ, подвластныхъ скипетру Россійскаго государя; вездѣ господствовалъ и Русскій законъ, и Русскій языкъ. Отъ того быстро сглаживались мѣстныя черты покоряемыхъ нашимъ оружіемъ земель, и разнородныя части Россіи сливались въ одну плотную массу, въ одну могущественную Русскую державу.

Предъ закономъ были всѣ равны; онъ не различалъ вельможи отъ простолюдина въ случаѣ преступленія; судъ для всѣхъ былъ ровенъ [1]). Но различіе въ правахъ сословій, неизбѣжное, необходимое для каждаго благоустроеннаго общества, существовало. У насъ было дворянство многочисленное и блестящее, которое не уступало въ знатности и благородствѣ происхожденія ни одному Европейскому: въ составѣ своемъ оно могло насчитать нѣсколько тысячъ прямыхъ потомковъ Владиміра св. и столько же

---

[1]) Основная мысль Уложенія.

фамилій, ознаменованныхъ доблестью своихъ родоначальниковъ. На немъ лежали двѣ главныя обязанности: оборонять государство отъ враговъ внѣшнихъ и помогать государю въ управленіи. Каждый владѣлецъ земли, по первому царскому указу, долженъ былъ непремѣнно лично явиться на сборъ воинскій съ опредѣленнымъ числомъ людей ратныхъ; иначе терялъ свое помѣстье. Въ старину Русскій дворянинъ не могъ сказать, что въ его волѣ служить и не служить: онъ служилъ царю и царству до гроба, до послѣднихъ силъ, и своими заслугами облагороживалъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ, которые гордились службою предковъ, какъ доблестью семейною, родовою. Изъ этой идеи возникло у насъ Мѣстничество, обыкновеніе вредное по слѣдствіямъ, но благородное по началу: ибо въ основаніе расчетовъ при спорахъ о старшинствѣ принимаемы были фамильныя заслуги предковъ. «Беречь и жаловать вельможъ по отечеству» было постояннымъ правиломъ всѣхъ государей Московскихъ, и престолъ ихъ окружали обыкновенно люди родословные, знаменитые знатностью отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, весьма неохотно принимавшіе въ свой кругъ даже царскихъ свойственниковъ, если они не отличались своимъ происхожденіемъ. У насъ была своя высшая аристократія, гордая, недоступная, неизмѣнная въ своихъ правилахъ, которыя переходили изъ рода въ родъ. Нерѣдко безпокойная своими притязаніями, она служила однакожъ крѣпкою опорою престолу, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Москва обязана своимъ величіемъ сколько генію своихъ государей, столько и дальновидной мудрости ихъ совѣтниковъ.

Такимъ образомъ стародавняя Россія заключала въ нѣдрахъ своихъ главныя начала государственнаго благоустройства: она имѣла правленіе крѣпкое, единодержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь, въ наилучшихъ отношеніяхъ къ міру и къ верховной власти, опредѣленную въ правахъ и обязанностяхъ своихъ служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освященные опытомъ, мудростію вѣковъ. Единство вѣры, языка, управленія, скрѣпляло всѣ части ея въ одно цѣлое, въ одну могущественную державу, готовую по первому мановенію царя возстать на своихъ враговъ. Чего же не доставало ей? Чѣмъ вооружила она противъ себя государя природнаго, великаго умомъ и

душою, такъ пламенно любившаго ея славу и благоденствіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ постоянно, такъ упорно ненавидѣвшаго ея старинныя формы, ея нравы и обычаи? Для чего разрушалъ онъ утвержденный вѣками порядокъ и замѣнялъ его новымъ? Согласимся ли съ Карамзинымъ и скажемъ, что безотчетная страсть къ иноземному руководила его мыслями и дѣйствіями? Или откроемъ болѣе основательныя побужденія къ этой реформѣ, столь тягостной для современниковъ, столь ненавистной для восторженныхъ приверженцевъ Русской старины?

Темная сторона Россіи до Петра.

Мы видѣли, какъ развились въ нашемъ отечествѣ основные элементы общественные; бросимъ теперь безпристрастный взглядъ на тогдашнее состояніе Россіи. Нигдѣ ни одно правительство не пеклось заботливѣе Русскаго о благоденствіи народа, о внѣшней безопасности его, о неприкосновенности достоянія и чести каждаго, о святости закона, о чистотѣ нравственной, и нигдѣ положеніе дѣлъ не представляло столь грустной и печальной картины, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Извнѣ тревожили и грабили насъ хищные сосѣди, малосильные для другихъ, грозные и опасные для насъ однихъ. Не говоримъ о Швеціи, которая имѣла надъ нами перевѣсъ явный и рѣшительный: она занимала почетное мѣсто среди державъ Европейскихъ. Но какимъ образомъ могла соперничествовать съ нами Польша, составленная изъ самыхъ разнородныхъ стихій и уже носившая въ нѣдрахъ своихъ зародышъ неминуемаго разрушенія? Карлъ X завоевалъ ее однимъ походомъ. Карлъ XII низринулъ короля ея съ престола; а мы, послѣ вѣковыхъ усилій, не могли исхитить изъ рукъ ея единоплеменную, единовѣрную намъ страну, которая такъ часто умоляла насъ о защитѣ, и оставили ее подъ игомъ жестокимъ, подавившимъ въ ней и Русскій языкъ и Русскій законъ. Мало того: намъ не давала покоя даже полудикая орда, гнѣздившаяся на Крымскомъ полуостровѣ. Едва ли проходилъ годъ, когда бы она, отдѣленная отъ Россіи пространствомъ степей, не разоряла полуденнаго края нашего; сколько разъ трепетала самая Москва отъ ея нашествій, даже при Рома-

новыхъ! И дѣло невѣроятное, тѣмъ не менѣе достовѣрное: чтобы отвратить ея губительные набѣги, Московскій дворъ ежегодно посылалъ ей богатые дары, такъ называемые *поминки*, которыхъ ханы требовали однакожъ какъ должнаго, грозя, въ случаѣ неисправной присылки *хераджи*, или казны, разореніемъ нашихъ селъ и городовъ. Мы имѣли многочисленное, мужественное дворянство, могли вывести въ поле до 200,000 ратниковъ—и почти платали дань степной ордѣ! Можемъ ли послѣ сего гордиться тогдашнимъ политическимъ могуществомъ?

Не утѣшительнѣе было и внутреннее состояніе Россіи. При всей строгости закона, при всей заботливости государей о правомъ судѣ, о безопасности лицъ и собственности, въ подробностяхъ управленія господствовало вообще тягостное самовластіе и безсовѣстное лихоимство. Довольно привести въ доказательство горькія жалобы народа въ послѣдніе годы жизни Михаила Ѳеодоровича на людей приказныхъ, всеобщее ожесточеніе противъ Морозова, неоднократные бунты при царѣ Алексѣѣ, бывшіе слѣдствіемъ наглыхъ притѣсненій. Областные воеводы, сосредоточивая въ лицѣ своемъ право суда гражданскаго и уголовнаго, сборъ податей, земскую полицію, нарядъ войска, съ одной стороны не имѣли возможности выполнить столь разнородныя обязанности, съ другой же находили множество случаевъ къ удовлетворенію беззаконнаго корыстолюбія. Пытки составляли необходимую принадлежность розыска по дѣламъ уголовнымъ и преступленіямъ государственнымъ. Столь же ненавистный, столь же безчеловѣчный правежъ отдавалъ бѣдныхъ должниковъ въ жертву немилосердыхъ заимодавцевъ. Кнутъ не щадилъ даже знатныхъ дворянъ. Ратныя ополченія наши представляли многочисленную, но нестройную громаду малоопытныхъ помѣщиковъ и сельскихъ обывателей, оторванныхъ отъ плуга и вооруженныхъ чѣмъ попало: обязанные сами заботиться о своемъ продовольствіи во время похода, они равно опустошали и свою и чужую землю, или гибли отъ голода.

Кромѣ того, у насъ не развилась ни одна отрасль промышлености, знанія или искусства. Наше рукодѣльное производство ограничивалось выдѣлкою грубаго холста; наша торговля заключалась въ перевозкѣ изъ города въ городъ хлѣба, сала, дегтю. Все необходимое для удобства жизни мы получали изъ-за границы, оттуда везли намъ сукна, полотна, издѣлія шелковыя, метал-

лическія; оттуда мы получали даже пушки и ядра. Города наши отличались отъ деревень только большимъ числомъ домовъ, церквей, кремлемъ или крѣпостью, обыкновенно земляною, и базаромъ, гдѣ продавались сельскія произведенія и мелочные предметы для домашняго обихода. Едва имѣя понятіе о ремеслахъ, мы тѣмъ менѣе были знакомы съ художествами и искусствами изящными. Единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ была балалайка; живописью занимались одни иконописцы, большею частію не понимавшіе первыхъ началъ своего искусства; только зодчество оставило нѣсколько памятниковъ, замѣчательныхъ красотою, еще болѣе древностью. Словесность ограничивалась списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспасительныхъ. Грамота впрочемъ была доступна весьма немногимъ: еще въ исходѣ XVII столѣтія не каждый царедворецъ умѣлъ подписать свое имя. Грубое невѣжество, господствуя въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, разливало тлетворный ядъ свой на нравы и обычаи, которые представляли странную смѣсь добрыхъ качествъ, свойственныхъ Русскому народу, съ предразсудками, суевѣріемъ, даже съ отвратительными пороками.

Странно было бы доказывать, что Россія, при такомъ положеніи дѣлъ, вопреки мнѣнію краснорѣчиваго защитника старины ея, не взирая на благотворное развитіе основныхъ элементовъ своихъ, далеко не достигла той цѣли, къ которой стремились всѣ государства Европейскія, и которая состоитъ въ надежной безопасности извнѣ и внутри, въ дѣятельномъ развитіи нравственныхъ, умственныхъ и промышленныхъ силъ, въ знаніи, искусствѣ, въ смягченіи дикой животной природы, однимъ словомъ—въ томъ, что украшаетъ и облагороживаетъ человѣка. Остается рѣшить вопросъ, не могла ли Россія выйти изъ своего тягостнаго положенія постепеннымъ, хотя медленнымъ образованіемъ своего гражданскаго порядка, въ слѣдствіе внутренняго стремленія къ усовершенствованію, безъ крутаго переворота, которымъ такъ сильно потрясъ ее Петръ Великій? Исторія собственно не можетъ и не должна входить въ изслѣдованіе подобныхъ вопросомъ: одному Богу извѣстно, что было бы съ Россіею, даже съ Европою въ XVIII столѣтіи, если бы мы въ суровой школѣ Петра не извѣдали тайны сокрушить Карла XII, смирить Фридриха Великаго, поколебать Порту Оттоманскую... Но исторія можетъ и должна сказать, въ какой степени обнаруживалось въ

насъ внутреннее стремленіе къ лучшему, къ усовершенствованію, къ заимствованію отъ другихъ болѣе образованныхъ народовъ всего полезнаго: здѣсь она судитъ по фактамъ.

Было время, когда все предвѣщало Россіи блестящую будущность: окрестъ ея падали могущественныя непріязненныя царства, и отдаленные народы вступали съ нею въ торговыя связи; внутри, въ каждомъ дѣйствіи правительства, выражалась ясная, отчетливая идея о водвореніи лучшаго порядка, объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей жизни общественной, и, что̀ всего важнѣе, о необходимости образованія народнаго. Такъ было въ то время, когда близъ трона Іоанна Грознаго стоялъ незабвенный Адашевъ. Тутъ мы сокрушили царство Казанское, царство Астраханское, подчинили своей власти казаковъ Донскихъ, казаковъ Запорожскихъ, едва не овладѣли Крымомъ, завоевали Ливонію, завели дѣятельную торговлю съ Англіею, съ Персіею, даровали свое покровительство Грузіи, имѣли сношенія со всею Европою; между тѣмъ, внутри положили начало войску регулярному, предоставили важныя преимущества городамъ, ограничили самовластіе воеводъ, учредили бдительный надзоръ за исполненіемъ закона, за чистотою нравственною, устроили книгопечатаніе, и, къ довершенію всего, обратились къ просвѣщенной Европѣ съ призывомъ ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, для образованія Россіи, въ твердомъ намѣреніи основать училища народныя, о чемъ уже разсуждали на Соборѣ. Вотъ моментъ, когда въ древнемъ отечествѣ нашемъ обнаружилось живое чувство цивилизаціи, ясное стремленіе впередъ, къ лучшему, къ совершеннѣйшему.

Отъ сей эпохи до Петра Великаго протекло около полутораста лѣтъ: казалось бы, Россія, обновленная послѣ Татарскаго ига, устроенная, возвеличенная, не остановится на своемъ блестящемъ поприщѣ и совершитъ подвигъ великій;—вышло иначе. Извнѣ мы болѣе теряли, чѣмъ пріобрѣтали: упустили изъ рукъ своихъ Ливонію, утратили стародавнія Русскія земли при Финскомъ заливѣ и дали возможность ожить Крымской ордѣ, обезсиленной умомъ и мечемъ Адашева. Мы пріобрѣли Малороссію, но не всю, только половину ея, съ трудомъ удержали за собою Кіевъ; и какихъ огромныхъ пожертвованій стоило намъ это пріобрѣтеніе, какъ оно было не надежно до самаго конца XVII вѣка отъ бурныхъ волненій ея, еще болѣе отъ вмѣшательства Турціи.

Казань, долговременную соперницу Москвы, упорно защищавшую свою вѣру и независимость, мы сокрушили однимъ ударомъ; а Малороссія, страна единовѣрная, добровольно намъ поддавшаяся, вовлекла насъ въ жестокую, пятидесятилѣтнюю борьбу и съ ея собственными сынами и съ сосѣдями. Умолчимъ о другихъ неудачахъ внѣшнихъ, о походѣ Шеина подъ Смоленскъ, объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, о неоднократномъ пораженіи нашихъ войскъ Чарнецкимъ, Любомирскимъ.

Внутри обнаруживались бѣдственныя предзнаменованія: регулярное войско, учрежденное при Іоаннѣ Грозномъ, въ счастливое время его правленія, обратилось въ скопище необузданныхъ мятежниковъ. Въ самомъ народѣ господствовалъ ропотъ, который неоднократно обнаруживался кровавыми событіями: общее неудовольствіе сословій на людей приказныхъ, на ихъ лихоимство и неправосудіе, замѣтное въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, разразилось, по воцареніи сына его, страшнымъ бунтомъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ. Вскорѣ послѣ того вспухнулъ бунтъ Коломенскій; тамъ поднялся на Дону Разинъ; тутъ взволновалась Малороссія. Даже мирная обитель Соловецкая возмутилась. Злобный духъ противодѣйствія и мятежа проникъ далѣе: первосвятитель Никонъ дерзнулъ вступить въ открытый, дотолѣ неслыханный въ нашемъ отечествѣ споръ съ государемъ, своимъ другомъ и благодѣтелемъ, къ общему соблазну всей Россіи. Мало того: на самую Церковь, всегда чистую, всегда недоступную усиліямъ еретиковъ, возстала многочисленная секта такъ называемыхъ старовѣровъ, нелѣпая по своему происхожденію, тѣмъ не менѣе упорная и мятежная.

Не ясно ли свидѣтельствуютъ сіи событія о раздражительномъ состояніи умовъ, столь вредномъ для благоустройства общественнаго? Они же, вмѣстѣ со многими подобными фактами, удостовѣряютъ въ другой, не менѣе горестной истинѣ: намъ еще незнакомо, намъ чуждо было то, чѣмъ Европейскіе народы справедливо гордятся предъ обитателями другихъ частей свѣта, внутреннее стремленіе къ лучшему, совершеннѣйшему, самобытное развитіе своихъ силъ умственныхъ и промышленныхъ, ясное сознаніе необходимости образованія народнаго. Напрасно увѣряетъ Карамзинъ, что Россія въ XVII столѣтіи сближалась съ Европою, и «явная польза, явное превосходство одерживали верхъ

«надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ «свѣтскомъ обхожденіи». Мы согласны, что сношенія наши съ Европою въ царствованіе дома Романовыхъ были вообще дѣятельны; но надобно вникнуть въ истинное свойство ихъ и значеніе: не мы заводили эти связи, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для своей промышлености или образованія, а предпріимчивые Голландцы, Англичане, Датчане, Шведы посылали къ намъ своихъ пословъ и агентовъ, отчасти вмѣшиваясь въ наши вѣковыя распри съ Польшею, отчасти, и еще болѣе, изъ видовъ торговыхъ. Призваніе же нѣсколькихъ сотъ иноземныхъ офицеровъ въ царскую службу, самое учрежденіе многихъ полковъ по образцу нѣмецкому со временъ Михаила Θеодоровича, ни мало не измѣнило нашей системы войны: мы ополчались по прежнему, сражались по старинѣ, нестройными массами, и царь Θеодоръ Алексѣевичъ откровенно сознался Земскому собору, что даже Турки превосходили насъ въ воинскомъ искусствѣ.

Разительнымъ доказательствомъ, какъ еще лѣниво и неохотно мы пользовались великими изобрѣтенія ума Европейскаго, служитъ состояніе у насъ книгопечатанія, узнанное нами чрезъ *сто* лѣтъ послѣ его изобрѣтенія и заведенное въ Москвѣ въ счастливые годы царствованія Іоанна Грознаго, оно ограничилось тѣснымъ кругомъ книгъ церковныхъ. Мы не успѣли напечатать даже ни одной лѣтописи; да и самыя лѣтописи, единственное выраженіе нашей любознательности, принявшія подъ перомъ Адашева характеръ исторіи, основанной на актахъ, самыя лѣтописи въ XVII столѣтіи замолкли. Вообще намъ еще недоступна была идея о необходимости образованія. Мы коснѣли въ старыхъ понятіяхъ, которыя переходили изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ; мы спѣсиво и съ презрѣніемъ смотрѣли на все чужое, иноземное; ненавидѣли все новое, и въ какомъ-то чудномъ самозабвеніи воображали, что «православный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь первое государство». Безспорно, привязанность къ родному, національному, также необходима для благоденствія обществъ, какъ и самое образованіе. Но если это благородное чувство переходитъ въ закоренѣлый предразсудокъ, отвергающій всякую новую мысль, ужели государство, имъ зараженное, можетъ благоденствовать? Вотъ, противъ чего такъ грозно, такъ могущественно, со всею пылкостью

своего огненнаго характера, со всею крѣпостью своей желѣзной воли, вооружался Петръ Великій. Онъ хотѣлъ преобразовать полуазіятскую Росію въ государство, цвѣтущее промыслами, искусствами, науками, съ необходимыхъ политическимъ вѣсомъ въ Европѣ.

Вотъ основная идея царствованія Петра, вотъ истина, которая ярко свѣтится на всѣхъ памятникахъ его времени!

Н. Устряловъ.

другихъ, и въ этомъ огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи, въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея цивилизаціи, крайность, исключительность одного направленія необходимо условливали крайность противоположнаго направленія, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему, такъ называемому, преобразованію характеръ революціонный. Наша революція начала XVIII вѣка уяснится чрезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе; во Франціи слабое правительство не устояло и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ; въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистію посматриваютъ на сосѣдній островъ, гдѣ фундаментъ зданія складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ Французской исторіи, котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ; что не было сдѣлано исподоволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженіями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностію плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть

народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу: но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ, удовольствія повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ, не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать въ послѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но для устраненія безплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ Европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый Европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ исторію принятія христіанства Европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно

дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, при чемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія, масса, въ продолженіе вѣковъ, оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ?—то, что Европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ Римской церкви; но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значитъ — Англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII? Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ: отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота не отрывать главнаго дѣятеля, вождя отъ народа, отъ общества, съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это-то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ, въ слѣдствіе извѣстныхъ условій, Русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Бегатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ

народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ свой народъ, не создаетъ того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ, разрушающимъ и создающимъ по своему произволу: но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чуждая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго впрочемъ, удовольствія повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ, не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать въ послѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но для устраненія безплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ Европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый Европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ исторію принятія христіанства Европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно

дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, при чемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія, масса, въ продолженіе вѣковъ, оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ?—то, что Европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ Римской церкви; но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значитъ — Англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII? Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ: отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота не отрывать главнаго дѣятеля, вождя отъ народа, отъ общества, съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшія вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это-то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ, въ слѣдствіе извѣстныхъ условій, Русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ

когда всѣ вышли изъ столовой, оставшись съ хозяиномъ наединѣ, сказалъ: «Дѣвушка весьма пригожа, кажется доброе имѣетъ сердце и не слишкомъ молода для вступленія въ супружество; ты долженъ пещися, чтобъ она получила добраго жениха».—Такъ, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, ваше величество весьма справедливо судить изволите; она имѣетъ много разума, а при великомъ цѣломудріи и доброе сердце. Жена моя и весь мой домъ отмѣнно и не меньше какъ-бы родную дочь мою ее любятъ; что-же касается до жениха для нея, то не легко онаго найти; хотя она и исполнена хорошихъ качествъ, но мало и почти ничего не имѣетъ приданаго; и хотя я за долгъ поставилъ ее выдать, однакожъ приданое, по малому моему имѣнію, также не можетъ быть велико. Царь отвѣтствовалъ: «Она достойна имѣть такого жениха, который бы былъ столь богатъ, чтобъ не имѣлъ нужды въ приданомъ».—Сего-то и желаю я, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, но гдѣ найти такихъ жениховъ, которые бы болѣе смотрѣли на душевныя дарованія невѣсты, нежели на богатое приданое? «Иногда и противное сему случается, сказалъ государь; думай-ты только о семъ, при случаѣ я и самъ вмѣстѣ съ тобою постараюсь. Сія дѣвушка заслуживаетъ, чтобъ сдѣлать ей счастіе». Матвѣевъ благодарилъ монарха за толь милостивое благоволеніе. На семъ дѣло и осталось.

Спустя нѣсколько дней, государь паки пришелъ къ Матвѣеву, разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ часа съ два; послѣ чего казалось, что монархъ намѣрился выходить; но остановяся, паки сказалъ Матвѣеву: «Скажи мнѣ пожалуй, не забылъ ли ты со времени послѣдняго нашего разговора думать о доставленіи достойнаго жениха твоей питомицѣ?»

— Нѣтъ, всемилостивѣйшій государь! отвѣтствовалъ Матвѣевъ, я всегда о семъ думаю; но доселѣ однако-же не нахожу еще ей достойнаго жениха, и сомнѣваюсь, чтобъ сіе могло такъ скоро сдѣлаться, какъ я желаю: ибо хотя и многіе изъ нашихъ молодыхъ дворянъ ко мнѣ ходятъ, и часто посматриваютъ на мою пригожую питомицу, однако-же никто не вызывается за нее посвататься. «Хорошо, сказалъ царь, можетъ быть сіе и не нужно будетъ; я обѣщалъ тебѣ самъ принять на себя трудъ пещися о добромъ женихѣ, и мнѣ посчастливилось таковаго найти, которымъ чаятельно и она будетъ давольна.—Я его знаю, продолжалъ государь; онъ весьма добрый и честный человѣкъ, имѣетъ заслуги, и столь богатъ, что не будетъ спрашивать у ней имѣнія и приданаго;

онъ ее любитъ, хочетъ вступить съ нею въ супружество и сдѣлать ее счастливою; да и она его знаетъ, хотя онъ и не далъ еще доселѣ примѣтить ей того. Я такъ думаю, что она не откажетъ ему, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе».— Матвѣевъ чувствительную его величеству за милостивое его попеченіе о бѣдной дѣвицѣ приносилъ благодарность; но «смѣю-ли, всемилостивѣйшій государь, придалъ онъ, просить ваше величество наименовать мнѣ сего человѣка? Можетъ быть и я также его знаю, и могу что нибудь донести вашему величеству о его состояніи».

На сіе отвѣтствовалъ Монархъ: «Я тебѣ сказалъ, что онъ добрый и честный человѣкъ, и въ состояніи жену свою сдѣлать счастливою; ты безъ сомнѣнія можешь мнѣ повѣрить; больше ничего не могу я тебѣ о немъ сказать, покамѣсть мы не узнаемъ, согласна ли будетъ выдти за него Наталія Кирилловна».—Въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ Матвѣевъ, если она услышитъ, что ваше величество предлагаете его ей въ женихи; однако-же все она захочетъ узнать, кто онъ таковъ, прежде нежели объявитъ свое согласіе; и сіе кажется мнѣ и весьма справедливо. «Ну такъ хорошо, сказалъ царь, знай-же ты и скажи ей, что я тотъ самый, который вознамѣрился взять ее за себя».

Толикою нечаянностію приведенный въ великое удивленіе, г. Матвѣевъ палъ къ монаршимъ ногамъ, говоря: «Бога ради удержитесь отъ сего великодушнаго намѣренія, или по-крайней-мѣрѣ не чрезъ меня сдѣлайте ей предложеніе сіе. Вы знаете, всемилостивѣйшій Государь, что милости и довѣренности ваши ко мнѣ возбудили у многихъ бояръ зависть; какое-же родится въ нихъ чувствованіе, если они увидятъ, что ваше величество, обошедъ всѣ знатныя фамиліи, сочетаетесь съ бѣдною дѣвицею изъ моего дома. Тогда-то уже всѣхъ зависть и ненависть устремится на меня, и каждый подумаетъ, что я, употребляя во зло милости вашего величества, сосваталъ за васъ родственницу и воспитанницу свою, дабы всѣхъ ихъ превзойти вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, и фамилію свою ввести съ родство Царскаго дома».

— Все сіе ничего не значитъ, продолжалъ царь; это уже мое попеченіе, чтобъ ты не имѣлъ никакой опасности; намѣреніе мое рѣшено и быть тому такъ. «Да будетъ воля твоя, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, да благословитъ Богъ намѣреніе вашего величества; но если уже сему быть, то я единыя прошу для себя и для Наталіи Кирилловны милости, чтобъ ваше величество изволили поступить

когда всѣ вышли изъ столовой, оставшись съ хозяиномъ наединѣ, сказалъ: «Дѣвушка весьма пригожа, кажется доброе имѣетъ сердце и не слишкомъ молода для вступленія въ супружество; ты долженъ пещися, чтобъ она получила добраго жениха».—Такъ, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, ваше величество весьма справедливо судить изволите; она имѣетъ много разума, а при великомъ цѣломудріи и доброе сердце. Жена моя и весь мой домъ отмѣнно и не меньше какъ-бы родную дочь мою ее любятъ; что-же касается до жениха для нея, то не легко онаго найти; хотя она и исполнена хорошихъ качествъ, но мало и почти ничего не имѣетъ приданаго; и хотя я за долгъ поставилъ ее выдать, однакожъ приданое, по малому моему имѣнію, также не можетъ быть велико. Царь отвѣтствовалъ: «Она достойна имѣть такого жениха, который бы былъ столь богатъ, чтобъ не имѣлъ нужды въ приданомъ».—Сего-то и желаю я, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, но гдѣ найти такихъ жениховъ, которые бы болѣе смотрѣли на душевныя дарованія невѣсты, нежели на богатое приданое? «Иногда и противное сему случается, сказалъ государь; думай-ты только о семъ, при случаѣ я и самъ вмѣстѣ съ тобою постараюсь. Сія дѣвушка заслуживаетъ, чтобъ сдѣлать ей счастіе». Матвѣевъ благодарилъ монарха за толь милостивое благоволеніе. На семъ дѣло и осталось.

Спустя нѣсколько дней, государь паки пришелъ къ Матвѣеву, разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ часа съ два; послѣ чего казалось, что монархъ намѣрился выходить; но остановяся, паки сказалъ Матвѣеву: «Скажи мнѣ пожалуй, не забылъ ли ты со времени послѣдняго нашего разговора думать о доставленіи достойнаго жениха твоей питомицѣ?»

— Нѣтъ, всемилостивѣйшій государь! отвѣтствовалъ Матвѣевъ, я всегда о семъ думаю; но доселѣ однако-же не нахожу еще ей достойнаго жениха, и сомнѣваюсь, чтобъ сіе могло такъ скоро сдѣлаться, какъ я желаю: ибо хотя и многіе изъ нашихъ молодыхъ дворянъ ко мнѣ ходятъ, и часто посматриваютъ на мою пригожую питомицу, однако-же никто не вызывается за нее посвататься. «Хорошо, сказалъ царь, можетъ быть сіе и не нужно будетъ; я обѣщалъ тебѣ самъ принять на себя трудъ пещися о добромъ женихѣ, и мнѣ посчастливилось таковаго найти, которымъ чаятельно и она будетъ давольна.—Я его знаю, продолжалъ государь; онъ весьма добрый и честный человѣкъ, имѣетъ заслуги, и столь богатъ, что не будетъ спрашивать у ней имѣнія и приданаго;

онъ ее любитъ, хочетъ вступить съ нею въ супружество и сдѣлать ее счастливою; да и она его знаетъ, хотя онъ и не далъ еще доселѣ примѣтить ей того. Я такъ думаю, что она не откажетъ ему, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе».—Матвѣевъ чувствительную его величеству за милостивое его попеченіе о бѣдной дѣвицѣ приносилъ благодарность; но «смѣю-ли, всемилостивѣйшій государь, придалъ онъ, просить ваше величество наименовать мнѣ сего человѣка? Можетъ быть и я также его знаю, и могу что нибудь донести вашему величеству о его состояніи».

На сіе отвѣтствовалъ Монархъ: «Я тебѣ сказалъ, что онъ добрый и честный человѣкъ, и въ состояніи жену свою сдѣлать счастливою; ты безъ сомнѣнія можешь мнѣ повѣрить; больше ничего не могу я тебѣ о немъ сказать, покамѣсть мы не узнаемъ, согласна ли будетъ выдти за него Наталія Кирилловна».—Въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія, продолжалъ Матвѣевъ, если она услышитъ, что ваше величество предлагаете его ей въ женихи; однако-же все она захочетъ узнать, кто онъ таковъ, прежде нежели объявитъ свое согласіе; и сіе кажется мнѣ и весьма справедливо. «Ну такъ хорошо, сказалъ царь, знай-же ты и скажи ей, что я тотъ самый, который вознамѣрился взять ее за себя».

Толикою нечаянностію приведенный въ великое удивленіе, г. Матвѣевъ палъ къ монаршимъ ногамъ, говоря: «Бога ради удержитесь отъ сего великодушнаго намѣренія, или по-крайней-мѣрѣ не чрезъ меня сдѣлайте ей предложеніе сіе. Вы знаете, всемилостивѣйшій Государь, что милости и довѣренности ваши ко мнѣ возбудили у многихъ бояръ зависть; какое-же родится въ нихъ чувствованіе, если они увидятъ, что ваше величество, обошедъ всѣ знатныя фамиліи, сочетаетесь съ бѣдною дѣвицею изъ моего дома. Тогда-то уже всѣхъ зависть и ненависть устремится на меня, и каждый подумаетъ, что я, употребляя во зло милости вашего величества, сосваталъ за васъ родственницу и воспитанницу свою, дабы всѣхъ ихъ превзойти вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, и фамилію свою ввести съ родство Царскаго дома».

— Все сіе ничего не значитъ, продолжалъ царь; это уже мое попеченіе, чтобъ ты не имѣлъ никакой опасности; намѣреніе мое рѣшено и быть тому такъ. «Да будетъ воля твоя, отвѣтствовалъ Матвѣевъ, да благословитъ Богъ намѣреніе вашего величества; но если уже сему быть, то я единыя прошу для себя и для Наталіи Кирилловны милости, чтобъ ваше величество изволили поступить

лотымъ широкимъ галуномъ; застѣнокъ ихъ или спинка была обита сафьяномъ червчатымъ; къ нимъ сдѣлана скамейка, обитая по хлопчатой бумагѣ червчатымъ сукномъ. Въ 1675 году ему сдѣлали столикъ, росписанный красками, золотомъ и серебромъ. Тогда еще вмѣсто стеколъ въ рамахъ или оконницахъ употребляли слюду, слѣд. изъ слюды же были сдѣланы и оконницы въ хоромахъ Петра. Въ мартѣ 1676 года поручено было искуснѣйшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать въ хоромы царевича оконницу: «въ кругу орла, по угламъ травы, по слюдѣ; а написать такъ чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобъ невидно было». Здѣсь высказалась та мысль древняго воспитанія въ царскомъ быту, въ силу которой дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, царевичи лѣтъ до 13, а царевны на всю жизнь.

Начало потѣшныхъ.

Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанщовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ *робятокъ*. Ровесники-робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ каждаго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры. За исключеніемъ карликовъ, они набирались изъ дѣтей бояръ и особенно изъ родственниковъ царицы, близкихъ или дальнихъ, которыхъ она выбирала къ себѣ въ стольники и тѣмъ приближала ко двору свое родство.

Вотъ имена нѣкоторыхъ ихъ спальниковъ и стольниковъ, находившихся въ числѣ робятокъ при Петрѣ въ первое время: Нарышкины — Левъ, Мартемьянъ, Өедоръ Кирилловы; Василій, Андрей, Семенъ Өедоровы; Кирилла Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ; Гаврила Головкинъ, сынъ постельничаго Ив. Сем. Головкина; Автамонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, кн. Андрей Мих. Черкасскій, кн. Вас. Лавр. Мещерскій, кн. Ив. Дан. Великого-Гагинъ, кн. Ив. Ив. Голицынъ, Ив. Род. Стрѣшневъ; кромѣ того Григорій

Ѳед. Балакиревъ, справлявшій должность стряпчаго у крюка; карлы: Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родіоновъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы.

Безъ сомнѣнія, обычныя игры съ сверстниками въ скоромъ времени вполнѣ были исчерпаны и мало уже интересовали даровитаго ребенка, въ которомъ, какъ говоритъ Крекшинъ, отъ самыхъ первыхъ лѣтъ видима была природная военная охота и храбрость, и ни къ какимъ другимъ забавамъ и увеселеніямъ онъ не прилежалъ, а желалъ только вѣдать военное ученіе. На четвертомъ году царевичъ является уже *полковникомъ*; полкъ набранъ былъ изъ возрастныхъ, т. е. въ отношеніи къ нему, и названъ его именемъ *Петровъ полкъ*. Крекшинъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: государь Алексѣй Михайловичъ «повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ съ знамемъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ *Петровъ*. Царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ государь своею персоною всегда наблюдалъ». Конечно запискамъ Крекшина въ полной мѣрѣ довѣрять нельзя; старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ однимъ словомъ посочинительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожъ, его сочинительство едва-ли простиралось до того, чтобъ выдумывать фактъ; онъ только узнанные имъ факты, изъ разсказовъ ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ разсказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына — по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живаго, какъ говорятъ, затѣйнаго, — маленькій полкъ Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту. Воинскія игрушки были весьма обыкновенны и составляли любимую потѣху дѣтей. Въ такихъ игрушкахъ провелъ свое дѣтство и самъ царь Алексѣй; въ 1634 г. ему скованы были даже латы. Сохра-

и совершено было молебствіе. Послѣ молебна митрополитъ Питиримъ со властями, 3 митрополитами, 3 архіепископами и 1 епископомъ и со всѣмъ соборомъ поздравилъ государя съ новорожденнымъ. За тѣмъ поздравляли царевичи, боярство и всякихъ чиновъ люди, бывшіе на выходѣ, при чемъ грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ, стоявшій въ главѣ синклита, произнесъ обычную поздравительную рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь шествовалъ въ соборъ Архангельскій, потомъ въ монастыри Чудовъ и Вознесенскій и, на возвратномъ пути, въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ и совершалъ обычное богомолье.

Возвратившись во дворецъ, государь, въ Столовой палатѣ, пожаловалъ изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, и своего *друга Сергѣевича* — Артамона Матвѣева. Въ тотъ же день пожалованы были въ думные дворяне—дядя царицы Өедоръ Полуектовичъ Нарышкинъ, Авраамъ Никитичъ Лопухинъ и московскій ловчій Аөанасій Ивановичъ Матюшкинъ. Отслушавъ потомъ обѣдню, государь, по случаю общей радости, справилъ въ Передней и обычное родинное угощеніе водкой, винами и разными сластями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другіе «овощи» въ патокѣ, въ ковшахъ. Изъ собственныхъ рукъ государь подавалъ водку и фряжскія вина боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, дьякамъ и полковникамъ стрѣлецкимъ; головамъ и полуполковникамъ стрѣлецкимъ и солдатскимъ подносилъ водку передъ Переднею въ сѣняхъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только *коврижекъ* и *взвару*, необходимыхъ принадлежностей этого угощенія, которыхъ подача, какъ увидимъ, была отложена до другаго времени.

По порядку вскорѣ слѣдовало дать во дворцѣ родинный столъ; но черезъ три дня по рожденіи младенца наступилъ Петровъ постъ; въ воскресенье праздновали день Всѣхъ Святыхъ и было заговѣнье. — Приготовиться такъ скоро, въ два дня къ большому торжественному столу было невозможно и для дворцоваго хозяйства и для гостей, потому что къ родинному столу гости по коренному обычаю должны были явиться съ дарами для новорожденнаго. Нельзя однакожъ было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 іюня въ воскресенье, въ самое заговѣнье, государь далъ приватный столъ одному боярству съ дьяками, *безъ зову и безъ мѣстъ*. Столъ накрытъ былъ въ Золотой Царицыной палатѣ.

Въ числѣ яствъ важнѣйшее мѣсто занимали здѣсь *коврижки и взваръ*: «Великій Государь жаловалъ всѣхъ водкой, а заѣдали коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, сукатомъ въ патокѣ и иными овощами; а какъ начали ѣсть, напередъ носили *взваръ* въ ковшахъ». Въ то же время передъ палатою, въ проходныхъ сѣняхъ, кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у *крестовъ*, т. е. въ царскихъ моленныхъ комнатахъ. Этимъ небольшимъ столомъ и заключились предварительныя торжества.

Наконецъ насталъ Петровъ день, въ который праздновались именины новорожденнаго и назначены были крестины. Крестины были совершены въ Чудовомъ монастырѣ, у Алексѣя Чудотворца въ трапезѣ, передъ обѣднею, въ 3 часу дня. Крестилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ. Воспріемниками были старшій братъ Петра царевичъ Өедоръ Алексѣевичъ и тетка царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденнаго въ церковь, то по пути кропилъ святой водою дворцовый рождественскій священникъ Никита, весьма уважаемый въ то время за святость жизни. За крещенье государеву духовнику дано отъ государя: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 60 зол.; сорокъ соболей въ 80 руб., атласу таусиннаго 10 арш. Отъ царицы: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 9 зол.; сорокъ соболей во 100 руб.; камки куфтерю темно-лазоревой 10 арш. Отъ царевича: сорокъ соболей во 100 руб., объяри гвоздичной 5 арш., 50 золотыхъ чудовскому архимандриту Іоакиму: кубокъ вѣсомъ фунтъ 14 зол., сорокъ соболей во 100 руб., байберекъ таусинной; рождественному священнику Никитѣ 50 руб., дьяконамъ: чудовскому Пахомію 20 рублей да объяри таусинной 5 арш., екатерининскому Ивану сукна кармазину, тафты зеленой, по 5 арш.

На другой день, 30 іюня, также въ воскресенье, послѣ обѣдни, во дворцѣ собрались духовенство «съ образы и съ дары», боярство, гости, выборные гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и изъ городовъ отъ посадскихъ, также съ родинными дарами. Родинный столъ былъ данъ въ Грановитой Палатѣ въ этотъ же день. Отъ другихъ столовъ родинные столы отличались неимовѣрнымъ количествомъ подаваемыхъ гостямъ всякаго рода *сахаровъ*, пряниковъ, и «овощей», вареныхъ и сушеныхъ. Столъ новорожденнаго Петра въ буквальномъ смыслѣ загроможденъ былъ этими разнообразными издѣліями старинныхъ

приспѣшниковъ. Между ними самое видное мѣсто занимали и служили украшеніемъ царскаго пира огромныя коврижки и литыя сахарныя фигуры птицъ, зданій и т. п. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полпуда, попугай полпуда и т. п. Былъ сдѣланъ также и *городъ сахарный Кремль съ людьми, съ конными и съ пѣшими* и другой *городъ* четвероугольный съ пушками (крѣпость). Въ то же время и царица давала родинный столъ боярынямъ въ своей Золотой Палатѣ. Изъ сахаровъ и «овощей», поданныхъ ей за столъ, коврижка большая изображала гербъ государства Казанскаго; орлы, лебедь, утя и другія птицы были того же вѣса, какъ за столомъ царскимъ. Былъ здѣсь также городъ сахарный треугольный съ цвѣтами, двѣ палатки и кроватка сахарная. Каждый изъ гостей получалъ по большому блюду съ разнообразными сахарами: зеренчатыми, леденцами и конфектами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и проч. Количество сахаровъ и разныхъ заѣдокъ соразмѣрялось впрочемъ со степенью значенія каждаго изъ гостей. Младшіе члены пира, т. е. люди низшихъ разрядовъ, получали меньше высшихъ. Это были обычные родинные подарки въ то время. Они раздавались гостямъ послѣ стола, и каждый уносилъ гостинцы съ царскаго пира домой. Тѣмъ изъ знатныхъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахары посылались обыкновенно на домъ. Такимъ же образомъ черезъ четыре дня, іюля 4, справленъ былъ и *крестинный столъ*, которымъ и заключились придворныя торжества по случаю царскихъ родинъ.

Теперь остановимся на первыхъ заботахъ и распоряженіяхъ касательно самого младенца. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ предметѣ, по свойству доступныхъ намъ матеріаловъ, будутъ по преимуществу касаться одной только внѣшней стороны воспитательныхъ заботъ того времени. Но соберемъ и эти скудныя и сухія крупицы, можетъ-быть и онѣ не будутъ безполезны при изученіи дѣтскихъ лѣтъ Великаго Преобразователя.

Одно изъ первыхъ распоряженій въ отношеніи новорожденнаго касалось дѣла благочестиваго и душеполезнаго. Съ дитяти снимали *мѣру*, долготу и широту, и въ эту мѣру, на кипарисной или липовой дскѣ писали икону тезоименитаго его ангела. На третій день по рожденіи Петра, 1 іюня, царь Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ повелѣлъ писать мѣру сына искуснѣйшему въ

тріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь — дворъ, государыня — двѣ пары богатаго платья и весь уборъ.

Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученіе письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ *царевичевой букварu* (прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ *учительномъ налоѣ*, шириною въ $1\frac{1}{2}$ арш., вышиною въ аршинъ, который въ 1680 г. былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 г. алымъ атласомъ.

Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ кромѣ Зотова въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще *учитель* Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который можетъ быть и былъ учитель пѣнія.

Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ *исторіи*, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно *потѣшными*. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и *училищъ*, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исто-

ріи лицевыя съ прописьми, т. е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ коликія благополученія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владиміра и Александра Невскаго и о прочихъ». А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исторій и подвиговъ и, переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными *науками*, присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархамъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполнѣ подтверждается современными официальными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта [1]) мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей или точнѣе передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно правильный составъ. Книги съ картинками историческаго содержанія назывались *царственными*, потому что излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображенные въ картинкахъ, свѣтскаго содержанія, носили имя *потѣшныхъ*, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо назидательнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ почиталось одно только *Св. Писаніе* и вообще книги Церковно-учительныя. Поэтому и всѣ эстампы, гравюры, привозимые съ Запада, также носили названіе потѣшныхъ, фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ.

Потѣшныя книги и потѣшные фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частію къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ потѣшный, какъ мы замѣтили, разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказочнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли,

[1]) От. Зап. т. XCVII.

дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ, доступныя намъ офиціальныя указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ 8 января 1675 года, царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, расцвѣтивъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 г. иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также писалъ книгу шафраномъ на толстой и гладкой доброй бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и разцвѣчивалъ сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. 1680 г. января 15, и февраля 17, Тимофей Рязанецъ разцвѣчивалъ шафраномъ потѣшныя тетради по приказу боярина Род. Матв. Стрѣшнева. 19 марта одна потѣшная книжка была переплетена въ алый бархатъ. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ офиціальныя записки сообщаютъ, что въ 1680 г. 11 матра царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 г. 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ въ хоромы взялъ *сто листовъ фряжскихъ*. Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно, на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка, эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ

тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединялись и рисованные, вѣроятно пополнявшіе выборъ початныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ царевичу «на Александрѣйскомъ листѣ красками и золотомъ: *двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того какъ въ столовой въ подволокахъ написано*», то есть въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ курсъ обученія былъ по преимуществу практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе опредѣленной системы, но за то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика, соотвѣтствовалъ именно тою стороною, которая, вмѣстѣ съ первыми его играми, присвоила такой *дѣльный* и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, замѣчаетъ Крекшинъ, а *книжное ученіе* толико имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочиталъ... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжеся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и тяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой книги съ рисунками, фряжскіе листы и разные куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

Забѣлинъ.

ХАРАКТЕРЪ ВОСПИТАНІЯ И ОБРАЗОВАНІЯ ПЕТРА; ЕГО ПОТѢХИ И ПЕРВЫЙ БРАКЪ.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныя существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряющихъ, образовательныхъ началъ? Какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра, какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполина?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго Русскаго общества; но видѣли также, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ — существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шатости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорятъ, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримымъ авторитетъ отцовъ духовныхъ: теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой, новые учителя православные и неправославные, подкапываютъ этотъ авторитетъ, архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя, молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей

нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды, учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, давала себя тяжело чувствовать ослушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанесть безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло извѣстныя матеріальныя сдержки въ помощь нравственнымъ: такъ люди знатные и достаточные держали своихъ женъ и дочерей взаперти, въ теремахъ. Теперь это затворничество начало прекращаться. Но какъ никакая тюрьма не воспитываетъ, не приготовляетъ для свободы, не развиваетъ и не укрѣпляетъ силъ, такъ и теремъ не воспиталъ русской женщины для ея новаго положенія, не укрѣпилъ ея нравственныхъ силъ; а съ другой стороны общество не приготовилось еще къ ея принятію, не могло представить ей чисто нравственныхъ сдержекъ, какъ не представляло ихъ и для мужчины. Примѣръ исторической женщины, освободившейся изъ терема, но не вынесшей изъ него нравственныхъ сдержекъ и не нашедшей ихъ въ обществѣ, представляетъ богатырь-царевна Софья Алексѣевна.

Какъ же воспитывался богатырь-царевичъ Петръ въ разшатавшемся обществѣ?

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуютъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева; ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ, то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности; онъ уже герой драмы, дѣйствующее лице; онъ ненавидитъ

гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистію, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои онъ самъ, его мать, дядья. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый въ послѣдствіи Пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время.

Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка, которому уже «начинаетъ быть грузно отъ силушки, такъ отъ тяжелаго бремени». Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе — «ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться», какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличъ по новую дружину, и дружина собирается, удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодаго царя на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ

прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство, — и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностію Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслію, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились; какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда Русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Таково значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустію и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины;

поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною — таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что «Руси есть веселіе пити». Слѣдовательно нечему удивляться, если и новая дружина Петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней Русской женщины — охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексей Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была Русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объясняются привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся [1]).

Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла странная, огненная природа. Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василья. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василья, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнилъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софіею и послѣ съ стрѣльцами, съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: «Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не по малу воздамъ хвалу Богу. *Ласкать и манить не буду*, только прошу у Бога всегда такое одолженіе и славу чтобъ всегда одержать». Но этого самаго князя

---

[1]) Исторія Россіи Т. XIII, стр. 159, 198—199.

Бориса иностранцы и Русскіе не иначе называютъ какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, Датскаго Коммиссара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они еще не далеко ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужаго обѣда! Вотъ еще любопытный разсказъ о томъ же князѣ Борисѣ. Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-поляками, привелъ въ ужасъ выходкою противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также Поляка. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру: онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: «Бориско, хотя быть пьянъ».

Съ княземъ Борисомъ Голицыномъ соединяется въ разсказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ, также очень близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по латыни, любилъ читать и съ жадностію слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная Русская женщина, которая не румянилась.

Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сгаравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елизавета Петровна, вшедши въ комнату племянника своего Петра Ѳедоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами: «Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда

вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ: «Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно»!

Петра не учили какъ должно, по его собственному признанію; но онъ многое зналъ; какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію въ посольствѣ, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да, жаль, украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: «Купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ, астролябія въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать, не умѣетъ какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру Нѣмцу: не знаетъ ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго человѣка, и дѣйствительно приводитъ Голланца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи».

— «И тако, говоритъ Петръ, сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами».

Нашелся знающій человѣкъ и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета разспросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное! запросъ Тиммерману: что это за судно? — Ботъ Англійскій. — Гдѣ его употребляютъ? — При корабляхъ для ѣзды и возки. — Чѣмъ лучше нашихъ? — Ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру. — Противъ вѣтру! быть не можетъ! надобно посмотрѣть: есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ? — Есть. Сейчасъ отыскали Голланца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. «Это мнѣ

паче удивительно и зѣло любо стало, говоритъ Петръ. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе».

Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: «Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе-жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его».

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи, царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ, мало того, предлагалъ герцогу Курляндскому, нельзя ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностію, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ кремлевскомъ дворцѣ и слать указы; надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устяхъ Невы казались земнымъ раемъ, *парадизомъ*, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

«Охота стала отъ часу болѣе». Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на больше озеро плавать и суда строить — не отпуститъ, надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы

пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ, царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому отъ матери — поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому. Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина, Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Іларіона на новое Ѳедора.

Русская пословица: «женится — перемѣнится» не исполнилась на Петрѣ: онъ попрежнему рвался изъ дому отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ сажень, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу». Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: «А за ними дѣло станетъ, и житье наше продолжится».

С. Соловьевъ.

ИЗБРАНІЕ ІОАННА И ПЕТРА НА ПРЕСТОЛЪ И КОРОНОВАНІЕ ИХЪ.

Послѣ царя Θеодора Алексѣевича, умершаго 27 апрѣля 1682 года, остались два брата его: царевичъ Іоаннъ, рожденный отъ одной съ нимъ матери, Маріи Ильинишны Милославской, первой супруги царя Алексѣя Михайловича, слабый тѣломъ и духомъ,— и царевичъ Петръ, отъ второй супруги, Натальи Кирилловны Нарышкиной, крѣпкій тѣломъ и бодрый духомъ. Народъ и большинство вельможъ, зная душевныя и тѣлесныя качества царевича Петра, единодушно избрали его на царскій престолъ. Но царевна Софья, руководствуясь честолюбіемъ и ненавистью къ мачихѣ, матери Петра, сдѣлавшейся, по воцареніи сына своего, правительницей государства, задумала учредить двоецарствіе и стала хлопотать объ избраніи на царскій престолъ единоутробнаго брата своего Іоанна, намѣреваясь занять мѣсто царицы Натальи Кирилловны, т. е. сдѣлаться правительницею государства. Заручившись расположеніемъ къ себѣ большинства стрѣльцовъ и воспользовавшись ихъ смутами, приведшими къ трехдневному кровавому бунту, она достигла своей предположенной цѣли: безъ малаго чрезъ два мѣсяца по избраніи Петра въ цари, стрѣльцы, а за ними боярская дума и духовенство избрали на царскій престолъ и царевича Іоанна, а правительницею Россіи и опекуншею юныхъ государей назначили царевну Софію, правленіе которой продолжалось семь лѣтъ, до совершеннолѣтія Петра, въ 1689 году удалившаго ее, за недобрые замыслы, въ Новодѣвичій монастырь. Москва, а за нею и вся Россія присягнули въ вѣрности обоимъ царямъ: шестнадцатилѣтнему Іоанну и десятилѣтнему Петру. Вѣнчаніе ихъ на царство совершилось 25 іюня 1682 года, по чину, установленному Іоанномъ Грознымъ [1]).

---

[1]) См. Полн. Собр. Зак. № 931.

Наканунѣ коронованія, 24 іюня, оба царя, Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, повелѣли устроить въ Успенскомъ соборѣ чертожное мѣсто, возвышеніе, и поставить на немъ для царей два особыхъ мѣста, въ родѣ двойнаго трона. Вечеромъ была всенощная во всѣхъ приходскихъ церквахъ, монастыряхъ и соборахъ; а въ Успенскомъ служилъ всенощную самъ патріархъ Іоакимъ, съ митрополитами, архіепископами, епископами и прочимъ духовенствомъ. На другой день, рано утромъ, было поставлено среди собора, близъ заднихъ столповъ, приготовленное наканунѣ чертожное мѣсто, съ двѣнадцатью ступенями, покрытое сукномъ багрянаго цвѣта, и съ двумя царскими мѣстами на верху; отъ ступеней его посрединѣ храма, до самыхъ царскихъ вратъ, постлано было алаго цвѣта широкое сукно, по которому тянулись рядомъ два бархатныхъ полотна: одно, рудожелтое, венецейское, для шествія государей,—другое, лазоревое, для патріарха; а въ другую сторону отъ царскихъ вратъ, къ южнымъ дверямъ храма, постланы были багряныя сукна, указывавшія путь къ обыкновенному царскому мѣсту, устроенному прежними государями для стоянія въ храмѣ во время богослуженія. Отъ чертожнаго мѣста, отъ самыхъ ступеней его, къ царскимъ вратамъ, поставлены были по обѣ стороны широкаго сукна двѣ длинныя скамьи, покрытыя золотными персидскими коврами для сидѣнія, во время царскаго вѣнчанія, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ.

До начала служенія царскій казначей и четыре человѣка стряпчихъ принесли въ соборъ два царскія златыя мѣста, украшенныя дорогими золотыми каменьями; подножія же ихъ обиты были золотнымъ бархатомъ; поставили эти царскіе троны на высокомъ чертожномъ мѣстѣ по правой сторонѣ его; а подлѣ нихъ, по лѣвую сторону, патріаршее мѣсто съ бархатной золотной подушкой. Противъ чертожнаго мѣста, на амвонѣ, близъ царскихъ дверей, поставили шесть налоевъ: четыре изъ нихъ были одинаковой высоты, а два пониже; ширина же всѣхъ была одинакова. Одинъ изъ этихъ налоевъ былъ обтянутъ турецкимъ золотнымъ бархатомъ, три—золотной объярью, малые же два турецкимъ атласомъ, а на нихъ лежали покровы, унизанные крупнымъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Налои эти назначались для крестовъ, бармъ, царскихъ вѣнцовъ и державъ.

Въ восьмомъ часу утра, до прихода царей въ соборъ, па-

тріархъ велѣлъ перезванивать въ колокола, и духовенству, которому должно было служить въ этотъ день съ патріархомъ, велѣлъ собраться къ нему въ Крестовую палату. Потомъ, по повелѣнію царей, патріархъ изъ Крестовой палаты отправился торжественнымъ ходомъ въ соборъ, въ лучшемъ одѣяніи. Передъ нимъ шли поддьяконы и пѣвчіе дьяки и поддьяки, въ златныхъ стихаряхъ съ лампадою, со свѣщами и съ пѣніемъ. За патріархомъ шли, также въ лучшихъ одеждахъ, прочія духовныя власти: восемь митрополитовъ, четыре архіепископа, два епископа (въ числѣ которыхъ былъ Митрофаній Воронежскій), восемь архимандритовъ и восемь игумновъ.

При входѣ въ соборъ патріархъ былъ встрѣченъ ризничимъ іеродіакономъ и діаконами, съ кадилами въ рукахъ; вошедши въ храмъ, патріархъ и сопровождавшіе его духовные чины стали прикладываться къ святымъ иконамъ; послѣ чего владыка взошелъ на приготовленное для него чертожное мѣсто и началъ облачаться во всю святительскую одежду: въ большой греческій саккосъ Фотія митрополита, украшенный дорогимъ жемчугомъ и съ вышитымъ на немъ символомъ православной вѣры на греческомъ языкѣ. Облачившись, патріархъ сѣлъ на свое мѣсто; прочіе же духовные чины облачились въ алтарѣ.

Въ то же время и цари, Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, вышли изъ своихъ царскихъ палатъ въ церковь Спаса Нерукотвореннаго, что на сѣняхъ, и, приложившись къ святымъ иконамъ, отправились въ Грановитую большую палату. Во время этого выхода царямъ предшествовали, по чину, окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди, а также и дьяки Посольскаго приказа; а за царами шли бояре и думные дворяне, всѣ одѣтые въ платье вышитое золотомъ; крестовый протоіерей шелъ впереди братьевъ-царей и кропилъ имъ путь святою водой. Пришедши въ Грановитую палату, юные государи сѣли на свои царскія мѣста и указали сѣсть боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ. Передъ Грановитою палатою, въ сѣняхъ, приказано было находиться стольникамъ, стряпчимъ, дворянскимъ дьякамъ и торговымъ людямъ, одѣтымъ въ золотное платье. Цари были одѣты въ золотые съ кружевами кафтаны, съ широкими рукавами; головы ихъ покрыты были шапками съ дорогими запонами. Находясь въ Грановитой палатѣ, цари пожаловали нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей свиты новымъ званіемъ. Потомъ они повелѣли

придворнымъ чинамъ въ золотыхъ нарядныхъ одеждахъ и двумъ протоіереямъ въ лучшихъ ризахъ принести съ казеннаго двора кресты съ животворящимъ древомъ отъ креста, на которомъ былъ распятъ Господь Іисусъ Христосъ, бармы, т. е. діадемы, царскіе вѣнцы и цѣпи аравійскаго золота и прочія принадлежности царскаго коронованія. Для Петра были сдѣланы новыя царскія регаліи, и такъ искусно, что ихъ трудно было распознать отъ древнихъ. Ближній бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, оберегатель царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ, находился во главѣ посланныхъ за царскими регаліями. Пришедши въ казенную палату, онъ передалъ на золотыхъ блюдахъ двумъ бывшимъ съ нимъ духовнымъ лицамъ два креста съ животворящимъ древомъ и бармы, покрывъ эти священные предметы пеленами, унизанными жемчугомъ и украшенными другими драгоцѣнными каменьями; прочія вещи переданы боярамъ и думнымъ людямъ. Кресты и бармы несли на головахъ протоіереи, которыхъ во время шествія въ Грановитую палату дьяконы поддерживали съ обѣихъ сторонъ подъ руки. За протоіереями шелъ князя Голицынъ, а за нимъ слѣдовали, по два въ рядъ, бояре, несшіе царскіе вѣнцы, скипетры, державы и стоянцы, т. е. приборы для поддержки послѣднихъ. Впереди лицъ, несшихъ священныя регаліи, шли посольскіе дьяки. Шествіе сопровождалось колокольнымъ звономъ.

Процессія эта, при входѣ въ Грановитую палату, была встрѣчена царями, которые, приложившись къ крестамъ и святымъ бармамъ, повелѣли ихъ отнести съ подобающимъ торжествомъ въ Успенскій соборъ. Въ этотъ разъ впереди двухъ протоіеревъ, несшихъ святыя бармы, шли діаконы со свѣщами и кадилами, и этотъ второй ходъ сопровождался также колокольнымъ звономъ. На встрѣчу этой процессіи вышли изъ собора одинъ архіепископъ, два архимандрита и два игумна; первый изъ нихъ, покадивши трижды всѣ несомые предметы и поклонившись имъ, присоединился къ этому торжественному ходу вмѣстѣ съ другими, вышедшими съ нимъ духовными лицами, занявъ мѣсто позади протоіереевъ, шедшихъ съ крестами и бармами. Когда ходъ приблизился къ южнымъ дверямъ собора, то патріархъ послалъ на помостъ, выстроенный на церковной паперти, восемь митрополитовъ, четырехъ архіепископовъ и двухъ епископовъ принять священныя регаліи. Послѣ того какъ окадили вторично регаліи, двое изъ митро-

политовъ приняли кресты съ бармами, а остальныя вещи были переданы прочимъ духовнымъ лицамъ, вышедшимъ на паперть. У самаго порога храма встрѣтилъ ихъ патріархъ съ оставшимся при немъ духовенствомъ и, поклонившись крестамъ, принялъ ихъ вмѣстѣ съ бармами и, поддерживаемый подъ руки двумя митрополитами, понесъ къ амвону, на приготовленныя для нихъ мѣста; за нимъ несли прочія вещи. Животворящіе кресты, бармы, вѣнцы, скиптры и державы были размѣщены самимъ патріархомъ на шести вышепомянутыхъ налояхъ; потомъ, трижди окадивъ ихъ и приложившись къ крестамъ и къ лику Спасителя и Пресвятой Богородицы, изображеннымъ на діадемахъ, отшелъ на уготованное свое мѣсто. Вслѣдъ за нимъ и прочія духовныя лица стали прикладываться къ принесенной святынѣ и, поклонившись патріарху, разошлись по своимъ мѣстамъ. Для охраненія же священныхъ регалій, стали по обѣ стороны налоевъ царскій казначей и печатникъ.

Наконецъ патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ началъ пѣть молебный канонъ Пресвятой Богородицѣ: «Воду прошедъ» и проч., по окончаніи котораго князь Голицынъ, вмѣстѣ съ прочими боярами, участвовавшими въ перенесеніи регалій, отправился изъ собора къ царямъ въ Грановитую палату съ извѣстіемъ отъ патріарха, что все приготовлено къ царскому вѣнчанію. Въ ожиданіи царей, патріархъ и прочее духовенство оставались въ соборѣ на своихъ мѣстахъ.

Вскорѣ, по увѣдомленіи царей, началось шествіе ихъ изъ Грановитой палаты въ соборъ чрезъ Красное крыльцо. Впереди всѣхъ шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, а близъ государей окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди. Подлѣ царей шелъ впередъ Благовѣщенскаго собора протоіерей съ крестомъ и святою водою и кропилъ имъ путь. За царями шли бояре, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и дьяки, дворяне изъ городовъ, дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди; по обѣимъ сторонамъ отъ царей, поодаль, стольники и полковники, солдатскіе и стрѣлецкіе, и прочіе многіе чины; кромѣ того, въ этомъ торжествѣ учавствовало множество и другихъ людей, русскихъ и иноземцевъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути, отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора, стояли войска, солдатскія и стрѣлецкія.

При входѣ царей въ соборъ было имъ пропѣто пѣвчими многолѣтіе. Вошедши въ храмъ, государи стали передъ царскими

придворнымъ чинамъ въ золотыхъ нарядныхъ одеждахъ и двумъ протоіереямъ въ лучшихъ ризахъ принести съ казеннаго двора кресты съ животворящимъ древомъ отъ креста, на которомъ былъ распятъ Господь Іисусъ Христосъ, бармы, т. е. діадемы, царскіе вѣнцы и цѣпи аравійскаго золота и прочія принадлежности царскаго коронованія. Для Петра были сдѣланы новыя царскія регаліи, и такъ искусно, что ихъ трудно было распознать отъ древнихъ. Ближній бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, оберегатель царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ, находился во главѣ посланныхъ за царскими регаліями. Пришедши въ казенную палату, онъ передалъ на золотыхъ блюдахъ двумъ бывшимъ съ нимъ духовнымъ лицамъ два креста съ животворящимъ древомъ и бармы, покрывъ эти священные предметы пеленами, унизанными жемчугомъ и украшенными другими драгоцѣнными каменьями; прочія вещи переданы боярамъ и думнымъ людямъ. Кресты и бармы несли на головахъ протоіереи, которыхъ во время шествія въ Грановитую палату дьяконы поддерживали съ обѣихъ сторонъ подъ руки. За протоіереями шелъ князя Голицынъ, а за нимъ слѣдовали, по два въ рядъ, бояре, несшіе царскіе вѣнцы, скипетры, державы и стоянцы, т. е. приборы для поддержки послѣднихъ. Впереди лицъ, несшихъ священныя регаліи, шли посольскіе дьяки. Шествіе сопровождалось колокольнымъ звономъ.

Процессія эта, при входѣ въ Грановитую палату, была встрѣчена царями, которые, приложившись къ крестамъ и святымъ бармамъ, повелѣли ихъ отнести съ подобающимъ торжествомъ въ Успенскій соборъ. Въ этотъ разъ впереди двухъ протоіеревъ, несшихъ святыя бармы, шли діаконы со свѣщами и кадилами, и этотъ второй ходъ сопровождался также колокольнымъ звономъ. На встрѣчу этой процессіи вышли изъ собора одинъ архіепископъ, два архимандрита и два игумна; первый изъ нихъ, покадивши трижды всѣ несомые предметы и поклонившись имъ, присоединился къ этому торжественному ходу вмѣстѣ съ другими, вышедшими съ нимъ духовными лицами, занявъ мѣсто позади протоіереевъ, шедшихъ съ крестами и бармами. Когда ходъ приблизился къ южнымъ дверямъ собора, то патріархъ послалъ на помостъ, выстроенный на церковной паперти, восемь митрополитовъ, четырехъ архіепископовъ и двухъ епископовъ принять священныя регаліи. Послѣ того какъ окадили вторично регаліи, двое изъ митро-

политовъ приняли кресты съ бармами, а остальныя вещи были переданы прочимъ духовнымъ лицамъ, вышедшимъ на паперть. У самаго порога храма встрѣтилъ ихъ патріархъ съ оставшимся при немъ духовенствомъ и, поклонившись крестамъ, принялъ ихъ вмѣстѣ съ бармами и, поддерживаемый подъ руки двумя митрополитами, понесъ къ амвону, на приготовленныя для нихъ мѣста; за нимъ несли прочія вещи. Животворящіе кресты, бармы, вѣнцы, скиптры и державы были размѣщены самимъ патріархомъ на шести вышепомянутыхъ налояхъ; потомъ, трижди окадивъ ихъ и приложившись къ крестамъ и къ лику Спасителя и Пресвятой Богородицы, изображеннымъ на діадемахъ, отшелъ на уготованное свое мѣсто. Вслѣдъ за нимъ и прочія духовныя лица стали прикладываться къ принесенной святынѣ и, поклонившись патріарху, разошлись по своимъ мѣстамъ. Для охраненія же священныхъ регалій стали по обѣ стороны налоевъ царскій казначей и печатникъ.

Наконецъ патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ началъ пѣть молебный канонъ Пресвятой Богородицѣ: «Воду прошедъ» и проч., по окончаніи котораго князь Голицынъ, вмѣстѣ съ прочими боярами, участвовавшими въ перенесеніи регалій, отправился изъ собора къ царямъ въ Грановитую палату съ извѣстіемъ отъ патріарха, что все приготовлено къ царскому вѣнчанію. Въ ожиданіи царей, патріархъ и прочее духовенство оставались въ соборѣ на своихъ мѣстахъ.

Вскорѣ, по увѣдомленіи царей, началось шествіе ихъ изъ Грановитой палаты въ соборъ чрезъ Красное крыльцо. Впереди всѣхъ шли стольники, стряпчіе, дворяне и дьяки, а близъ государей окольничіе, думные дьяки и комнатные ближніе люди. Подлѣ царей шелъ впередъ Благовѣщенскаго собора протоіерей съ крестомъ и святою водою и кропилъ имъ путь. За царями шли бояре, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и дьяки, дворяне изъ городовъ, дѣти боярскія и всякихъ чиновъ люди; по обѣимъ сторонамъ отъ царей, поодаль, стольники и полковники, солдатскіе и стрѣлецкіе, и прочіе многіе чины; кромѣ того, въ этомъ торжествѣ учавствовало множество и другихъ людей, русскихъ и иноземцевъ. По обѣимъ сторонамъ царскаго пути, отъ Краснаго крыльца до Успенскаго собора, стояли войска, солдатскія и стрѣлецкія.

При входѣ царей въ соборъ было имъ пропѣто пѣвчими многолѣтіе. Вошедши въ храмъ, государи стали передъ царскими

дверьми и положили предъ ними три поклона, а потомъ, оборотясь, поклонились патріарху, который, стоя на чертожномъ мѣстѣ, осѣнилъ ихъ обѣими руками. Потомъ государи стали прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ, къ многоцѣлебной ризѣ Спасителя, къ мощамъ московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ: Петра, Іоны и Филиппа. Пѣвчіе во все это время не умолкая пѣли царское многолѣтіе стариннымъ демественнымъ напѣвомъ. Когда же цари приложились къ святымъ иконамъ, находившимся на налояхъ, стоявшихъ противъ патріаршаго мѣста, тогда патріархъ, сошедши съ чертожнаго мѣста, встрѣтилъ ихъ, осѣнилъ животворящимъ крестомъ, и, окропивши святой водою, благословилъ ихъ.

Послѣ взаимнаго облобызанія, они пошли всѣ вмѣстѣ, «равно», по постланнымъ полотнамъ къ чертожному мѣсту и сѣли на предварительно приготовленныхъ мѣстахъ. Митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты Троицкой лавры и Спаса Новаго сѣли, по чину, на скамьяхъ, а прочіе архимандриты, игумны и протоіереи стояли, но также по чину. Близъ царей на чертожномъ мѣстѣ стояли ближніе бояре и ближніе люди. Подъ руки держали царей дьяки. Посольскій думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ показывалъ чинъ царскаго вѣнчанія; прочіе бояре стояли внизу у чертожнаго мѣста. Позади патріарха находились ризничій іеродіаконъ, дьяконы и поддьяконы, а внизу чертожнаго мѣста, по лѣвую сторону, у столпа, стояли большихъ монастырей келари, строители, казначеи и соборные старцы, со страхомъ ожидая рѣчей государей и патріарха. Въ этотъ моментъ во всемъ храмѣ была глубокая тишина; всѣ стояли со страхомъ и трепетомъ, возсылая молитвы къ всемогущему Богу за царей и о совершеніи начатаго великаго дѣла.

Наконецъ, посидѣвъ немного, цари и патріархъ встали съ своихъ мѣстъ. Цари начали говорить рѣчь, въ которой, обращаясь къ патріарху, ко всему духовному чину, боярамъ, ко всякимъ служителямъ и торговымъ людямъ, воинству и ко всему православному русскому народу, указывали свои законныя права на царскую власть, требовали отъ патріарха освященія этой власти благословеніемъ, помазаніемъ святымъ мvромъ, положеніемъ вѣнцовъ и діадемы по преданію святой восточной церкви и по древнему царскому чину.

Выслушавъ рѣчь, патріархъ спросилъ у царей: «како вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа»?

Въ отвѣтъ на это цари прочитали Символъ вѣры, по окончаніи чтенія котораго патріархъ сдѣлалъ имъ возгласъ: «Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ вами»!

Послѣ этого патріархъ, въ свою очередь, сталъ говорить царямъ отвѣтную рѣчь. Признавъ ихъ достойными царскаго вѣнчанія, святитель, во второй половинѣ своей рѣчи, высказалъ коронующимся государямъ свои благія пожеланія: «Да умножитъ Господь Богъ лѣтъ царствію вашему, и сохранитъ мирно и ненавѣтно, и да благословитъ васъ благословеніемъ крайнимъ, Ему же нѣсть премѣненія, и положитъ на главахъ вашихъ государскихъ вѣнцы отъ камени честнаго, и даруетъ вамъ долготу дней, да и вдастъ вамъ Господь въ десницы ваши скиптры царствія, и посадитъ на престолѣ правды, и оградитъ васъ всеоружествомъ Святаго Духа, и утвердитъ мышцы ваши, и подастъ вамъ на враги побѣду, яко Давиду на Голіаѳа, и Гедеону на Мадіамы; и да покоритъ вся языки хотящіе бранемъ, яко да вами пресвѣтлыми государи благочестивое ваше царство и паки воспрославитъ и распространитъ Богъ отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, во еже быти вамъ государемъ на вселеннѣй царями и самодержцы Христіанскими, и совозсіяти яко солнцу посреди звѣздъ, яже на пользу строенія и во благоденствіи душевномъ и тѣлесномъ, и да всѣетъ Господь въ сердца ваша страхъ свой, еже къ послушнымъ милостивое и праведное, и соблюдетъ Господь въ непорочнѣй православнѣй Христіанстѣй вѣрѣ, и возраститъ Господь сѣмя ваше государское въ вѣкъ грядущій, въ родъ и родъ, въ нескончаемые вѣки, на Великороссійстѣмъ царствіи, и покажетъ васъ великихъ государей опасныхъ хранителей, яко да судите люди ваша правдою и нищихъ судомъ истиннымъ; да возсіяетъ во днехъ вашихъ правда и множество мира, яко да и мы въ тихости вашей тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ, да здѣ добрѣ и благоугодно поживете, и наслѣдники будете Небеснаго царствія со всѣми святыми православными цари. Пресвысочайшую же честь и вышехвальную славу царствія, вѣнцы на главы и святыя бармы на рамы своя, скипетры и державы царствія вашего воспріимете, еже взыскалъ отъ древнихъ лѣтъ великій князь Владиміръ Всеволодичъ Мономахъ, чтобъ отъ васъ великихъ государей, царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и отъ вашего царскаго прекрасно-цвѣтущаго ко-

рене пресвѣтлыя и прекрасныя вѣтви процвѣли, въ надежду и наслѣдіе всѣмъ великимъ государствамъ Великороссійскаго царствія, въ родъ и родъ, въ вѣки и на вѣки».

По окончаніи рѣчи, цари и патріархъ заняли опять свои мѣста. Посидѣвъ немного, патріархъ велѣлъ тремъ протоіереямъ взять у одного изъ стольниковъ одежду царей, благословивъ которую, велѣлъ возложить ее на государей ихъ дядькамъ. У царя Іоанна были дядьками князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій и бояринъ Борисъ Гавриловичъ Юшковъ, у царя Петра — бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и окольничій Тихонъ Никитичъ Стрешневы. Послѣ этого патріархъ велѣлъ четыремъ архимандритамъ принести кресты къ ступенямъ чертожнаго мѣста, гдѣ ихъ приняли четыре митрополита и поднесли къ патріарху. Послѣдній, сотворивъ три поклона передъ крестами и приложившись къ нимъ, снялъ ихъ съ золотыхъ блюдъ и, благословивъ ими царей, повѣсилъ на шеи коронующихся государей; потомъ, благословивъ преклоненныя головы царей и возложивъ на нихъ крестообразно руки, сталъ читать, послѣ малой эктеніи, молитву, указанную уставомъ царскаго вѣнчанія. Такимъ же образомъ патріарху переданы были съ налоевъ бармы, т. е. діадемы, и вѣнцы, для перенесенія которыхъ мѣнялись только духовныя лица. Между прочимъ вѣнецъ Петра переданъ былъ патріарху Митрофаніемъ, епископомъ Воронежскимъ. Послѣ возложенія діадемъ на плечи царей, читалась также отдѣльная молитва. По возложеніи вѣнцовъ на государей, патріархъ, взявъ ихъ за правыя руки, поставилъ на царскомъ мѣстѣ и, благословивъ ихъ, отошелъ съ поклономъ къ своему мѣсту. Въ свою очередь и цари, подошедши къ патріарху, сдѣлали ему поклонъ и опять стали на свои мѣста. За этимъ послѣдовало принесеніе скиптровъ и державъ, которые патріархъ вручилъ царямъ: скиптры въ правыя руки, а державы въ лѣвыя; послѣ чего опять читалась краткая молитва, выслушавъ которую, коронованные государи, со скиптрами и державами въ рукахъ, не снимая вѣнцовъ, отдали поклонъ патріарху. Вслѣдъ за этимъ митрополиты, архіепископы и епископы кланялись царямъ и получили отъ нихъ въ отвѣтъ малые поклоны. Наконецъ патріархъ, благословивъ царей, отвелъ ихъ за правыя руки къ ихъ царскому мѣсту и самъ сѣлъ на свое, а за нимъ и прочее духовенство заняло свои мѣста: высшее на скамьяхъ, по чину, низшее стояло, но также по чину. Бояре, вельможи и всѣ православные христіане стояли съ вели-

кимъ вниманіемъ и глубокимъ молчаніемъ, радостно ожидая провозглашенія царскаго многолѣтія. Наконецъ ризничій іеродіаконъ, по приказу патріарха, взошедъ на амвонъ, предъ высокимъ чертожнымъ царскимъ мѣстомъ, прямо противъ царей, началъ возглашать многолѣтіе велегласно, «высочайшимъ гласомъ», какъ подобаетъ:

«Благовѣрнымъ и Благороднымъ Христолюбивымъ, Богомъ избраннымъ и Богомъ почтеннымъ, и Богомъ возлюбленнымъ и поставленнымъ, и Богомъ вѣнчаннымъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимірскимъ, Новгородскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, и Сибирскимъ и всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, многая лѣта!»

Въ отвѣтъ на провозглашеніе ризничаго пропѣло духовенство всѣмъ соборомъ велегласно три раза: «многая лѣта»; тоже самое пропѣли три раза демественнымъ напѣвомъ пѣвчіе праваго клироса, а за ними и лѣваго.

Послѣ того патріархъ отъ себя и отъ всего священнѣйшаго собора поздравилъ государей съ принятіемъ царскихъ вѣнцовъ, высказавъ имъ, въ общемъ привѣтствіи своемъ, радость и желаніе здравія и долгоденствія, а также и всему царскому дому, духовенству, боярамъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. По окончаніи этого привѣтствія всѣ духовные произнесли: «аминь».

На это цари отвѣтили патріарху краткою рѣчью, пожелавъ также и ему и всему духовному собору спасенія и здравія на многія лѣта. За духовенствомъ стали поздравлять Боговѣнчанныхъ царей бояре и прочіе люди, послѣ чего патріархъ сказалъ государямъ душеполезное поученіе [1]), заканчивающееся пожеланіемъ имъ долголѣтняго и мирнаго царствованія, что подтвердили всѣ находившіеся въ храмѣ, провозгласивъ: «Будетъ и будетъ многолѣтно. Аминь».

Послѣ поученія цари и патріархъ сошли съ чертожнаго мѣста, такъ какъ обрядъ царскаго вѣнчанія уже кончился. Благословивъ еще разъ коронованныхъ царей, патріархъ возвелъ ихъ на обыкновенное царское мѣсто, устроенное прежними царями на правой сторонѣ въ храмѣ. Возвратившись одинъ на чертожное

[1]) Чит. это поученіе въ ораторскомъ отдѣлѣ.

мѣсто, патріархъ повелѣлъ митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ благословить государей, а потомъ читать часы и начинать святую литургію. Во время чтенія евангелія цари стояли безъ вѣнцовъ и, по прочтеніи его, сошли съ своихъ царскихъ мѣстъ, чтобы приложиться къ евангелію, послѣ чего опять взошли на свои мѣста и надѣли вѣнцы. Во время пѣнія херувимской пѣсни государи тоже сняли съ себя вѣнцы и отдали ихъ боярамъ на золотыя блюда. По осѣненіи патріархомъ трикиріями государей, всего царскаго синклита и всѣхъ православныхъ христіанъ, цари подошли къ царскимъ вратамъ, гдѣ патріархъ благословилъ ихъ крестомъ и возложилъ на нихъ златыя цѣпи съ животворящими крестами; затѣмъ цари опять отошли на свои мѣста. Въ то время, когда патріархъ возгласилъ: «Пріимите и ядите, сіе есть тѣло мое», цари, опять отдавъ вѣнцы боярамъ, клали земные поклоны и уже надѣли вѣнцы послѣ «достойной пѣсни».

Во время причастнаго стиха дьяки казеннаго двора постлали по красному ковру, отъ самаго царскаго мѣста и до царскихъ вратъ, вышитый золотомъ бархатъ. Передъ самыми царскими дверьми постлали особый, вышитый также золотомъ, коверъ, сверхъ котораго еще положили бархатъ венецейскій, вышитый золотомъ по багровому полю. На этихъ подножіяхъ цари стояли во время помазанія муромъ и принятія Св. Таинъ. Патріархъ послалъ къ царямъ изъ алтаря двухъ іеродіаконовъ возвѣстить имъ о наступленіи времени приступить къ таинствамъ муропомазанія и св. причащенія. Іеродіаконы, вышедши изъ сѣверныхъ дверей алтаря, чинно подошли къ царямъ и, поклонившись имъ оба вмѣстѣ, передали предложеніе патріарха. Цари тихо и благочинно пошли къ царскимъ вратамъ и стали на приготовленномъ имъ мѣстѣ. Во время шествія государей въ храмѣ водворилась особенная тишина: взоры всѣхъ устремлены были на царственныхъ отроковъ. Подошедши къ царскимъ вратамъ, государи стали на приготовленномъ имъ мѣстѣ. Когда отверзлись царскія врата, патріархъ вышелъ изъ алтаря къ царямъ въ сопровожденіи митрополитовъ и архіепископовъ; одинъ изъ митрополитовъ держалъ на золотомъ блюдѣ святое пречистое муро, находившееся въ дорогомъ хрустальномъ сосудѣ; патріархъ три раза благословилъ (осѣнилъ) святое муро. Государи, снявъ свои вѣнцы и поставивъ ихъ на золотомъ блюдѣ, велѣли боярамъ держать ихъ близъ себя, а также и скипетры и державы, до окончанія муропомазанія. Прежде,

тѣмъ приступить къ мѵропомазанію, цари стали прикладываться къ святымъ иконамъ: къ образу Спасителя, написанному греческимъ царемъ Мануиломъ, къ чудотворной иконѣ Владимірской Божіей Матери, написаной евангелистомъ Лукою, еще при жизни Богоматери и ею свидѣтельствованной, и потомъ образу Успенія Пресвятой Богородицы. Приложившись къ иконамъ, цари возвратились къ царскимъ вратамъ и стали у самаго входа въ нихъ, на приготовленномъ для нихъ мѣстѣ, предъ самымъ патріархомъ. Взявши у митрополита святое мѵро, патріархъ приступилъ къ совершенію таинства: помазалъ св. мѵромъ чела государей, уста, перси, шеи, плечи, ладони и руки, произнося при каждомъ помазаніи: «печать и даръ Святаго Духа, аминь». Послѣ этого патріархъ взялъ губку и притеръ у царей помазанныя мѣста, дабы не пало святое мѵро на одежду или на полъ, а потомъ пошелъ въ алтарь и тамъ въ особомъ мѣстѣ сжегъ губку. Въ продолженіе восьми дней цари не омывали тѣхъ частей своего тѣла, которыя были помазаны святымъ мѵромъ. По совершеніи мѵропомазанія, патріархъ велѣлъ взять діаконамъ златошвейный коверъ и постлать его въ алтарѣ предъ самымъ престоломъ, а потомъ приказалъ ризничему, двумъ іеродіаконамъ и одному діакону принять царственныхъ помазанниковъ подъ руки и ввести ихъ царскими вратами въ алтарь и поставить передъ престоломъ, на небольшомъ отъ него разстояніи, для пріобщенія ихъ Св. Таинъ По входѣ государей въ алтарь, царскія врата затворили. Патріархъ, положивъ часть тѣла Христова на яшмовый дискосъ и, впивъ крови Христорой въ потиръ, передалъ ихъ двумъ митрополитамъ. Оба эти сосуда чудеснымъ образомъ приплыли нѣкогда водою въ Новгородъ, вмѣстѣ съ святымъ Антоніемъ Римляниномъ. Передъ святымъ причастіемъ патріархъ повелѣлъ государямъ причитать: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»....

По прочтеніи молитвы, патріархъ пріобщилъ государей Таинъ Христовыхъ, послѣ чего цари опять вышли изъ алтаря. Надѣвши у царскихъ дверей вѣнцы и взявши скипетры, Богомъ вѣнчанные и свято-помазанные цари возвратились на свои прежнія мѣста. Когда же патріархъ, по прочтеніи священникомъ заамвонной молитвы, вышелъ на амвонъ для раздачи антидора, то цари опять подошли къ нему и, снявъ вѣнцы, приняли святой хлѣбъ; послѣ чего опять, надѣвши вѣнцы, возвратились на свои прежнія мѣста. По окончаніи литургіи, патріархъ подошелъ къ царскому мѣсту

со всѣмъ духовенствомъ для поздравленія государей съ помазаніемъ святымъ мvромъ и съ пріобщеніемъ святыхъ и животворящихъ Таинъ, причемъ патріархъ произнесъ небольшую рѣчь, повторивъ почти слово въ слово тоже, что говорено имъ было при коронованіи. По окончаніи ея, прочія духовныя лица произнесли «аминь». Цари пригласили къ себѣ въ палату на обѣдъ патріарха со всѣмъ бывшимъ съ нимъ духовенствомъ, а также бояръ, окольничихъ и думныхъ людей. Приложившись къ кресту, государи во всей своей царской одеждѣ, въ вѣнцахъ, въ бармахъ и со скиптрами въ рукахъ, вышли изъ собора южными дверями. Лишь только они показались на подмосткахъ, какъ ихъ осыпали золотыми монетами Сибирскіе царевичи. Юные цари, принявъ вѣнцы предковъ своихъ, шли въ Архангельскій соборъ поклониться гробамъ предковъ своихъ. Въ соборѣ ихъ встрѣтилъ протоіерей съ крестомъ, и діаконъ сталъ читать эктенію: «Помилуй насъ, Боже» и проч. Государи же въ это время прикладывались къ иконамъ и къ изображенію св. князя Димитрія Царевича, а потомъ кланялись гробамъ дѣда своего царя Михаила Θеодоровича, отца своего царя Алексѣя Михайловича и брата Θеодора Алексѣевича и гробамъ прочихъ царей и великихъ князей. По выходѣ царей изъ Архангельскаго собора въ Благовѣщенскій, ихъ тѣ же Сибирскіе царевичи опять осыпали золотомъ. Приложившись къ святымъ иконамъ этого храма, государи отправились въ свои царскія палаты чрезъ Красное крыльцо. И въ этотъ выходъ они были три раза осыпаны золотомъ помянутыми царевичами.

Во время этихъ переходовъ царей окружала та же торжественная обстановка, какая была при шествіи ихъ къ обряду коронованія: множество бояръ въ парадныхъ одеждахъ предшествовали имъ и сопутствовали; по обѣимъ сторонамъ ихъ пути стояли войска и вся площадь была наполнена безчисленнымъ множествомъ народа. Послѣ обѣдни патріархъ также торжественно возвращался въ свои палаты изъ Успенскаго собора, какъ и шелъ въ него на служеніе.

Когда цари вышли изъ своихъ внутреннихъ покоевъ въ Грановитую палату къ своему государскому столу, въ своемъ обѣденномъ одѣяніи, то послали пригласить къ своей царской трапезѣ патріарха, со всѣмъ духовнымъ его соборомъ. Получивши приглашеніе на обѣдъ, патріархъ, сопровождаемый духовенствомъ, отправился въ Грановитую палату; передъ нимъ на блюдѣ несли крестъ и святую воду. Весь духовный клиръ вошелъ чрезъ Красное крыльцо

кимъ вниманіемъ и глубокимъ молчаніемъ, радостно ожидая провозглашенія царскаго многолѣтія. Наконецъ ризничій іеродіаконъ, по приказу патріарха, взошедъ на амвонъ, предъ высокимъ чертожнымъ царскимъ мѣстомъ, прямо противъ царей, началъ возглашать многолѣтіе велегласно, «высочайшимъ гласомъ», какъ подобаетъ:

«Благовѣрнымъ и Благороднымъ Христолюбивымъ, Богомъ избраннымъ и Богомъ почтеннымъ, и Богомъ возлюбленнымъ и поставленнымъ, и Богомъ вѣнчаннымъ Государемъ нашимъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, Московскимъ, Кіевскимъ, Владимірскимъ, Новгородскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, и Сибирскимъ и всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, многая лѣта!»

Въ отвѣтъ на провозглашеніе ризничаго пропѣло духовенство всѣмъ соборомъ велегласно три раза: «многая лѣта»; тоже самое пропѣли три раза демественнымъ напѣвомъ пѣвчіе праваго клироса, а за ними и лѣваго.

Послѣ того патріархъ отъ себя и отъ всего священнѣйшаго собора поздравилъ государей съ принятіемъ царскихъ вѣнцовъ, высказавъ имъ, въ общемъ привѣтствіи своемъ, радость и желаніе здравія и долгоденствія, а также и всему царскому дому, духовенству, боярамъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. По окончаніи этого привѣтствія всѣ духовные произнесли: «аминь».

На это цари отвѣтили патріарху краткою рѣчью, пожелавъ также и ему и всему духовному собору спасенія и здравія на многія лѣта. За духовенствомъ стали поздравлять Боговѣнчанныхъ царей бояре и прочіе люди, послѣ чего патріархъ сказалъ государямъ душеполезное поученіе [1]), заканчивающееся пожеланіемъ имъ долголѣтняго и мирнаго царствованія, что подтвердили всѣ находившіеся въ храмѣ, провозгласивъ: «Будетъ и будетъ многолѣтно. Аминь».

Послѣ поученія цари и патріархъ сошли съ чертожнаго мѣста, такъ какъ обрядъ царскаго вѣнчанія уже кончился. Благословивъ еще разъ коронованныхъ царей, патріархъ возвелъ ихъ на обыкновенное царское мѣсто, устроенное прежними царями на правой сторонѣ въ храмѣ. Возвратившись одинъ на чертожное

---

[1]) Чит. это поученіе въ ораторскомъ отдѣлѣ.

Царь выѣхалъ изъ Архангельска 1-го сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немногими поплылъ въ карбазѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы, Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая и ничтожныхъ мелочей: «Купи мнѣ лимоновъ, и если будетъ ихъ много, то половину посоли, а другую изготовь съ сахаромъ, на что и образцы посылаю, а если мало ихъ привезутъ, то обрати все въ лимонадъ. Да не забудь о рейнвейнѣ. Больше мнѣ ничего не нужно, развѣ только привезутъ математическіе инструменты, то купи непремѣнно». «Письмо твое получилъ», писалъ ему еще царь, «только усомнился о томъ ко мнѣ ли писано, потому что писано съ *зѣльными* чинами. Ты знаешь, что я чиновъ не люблю, а бывши *нашимъ товарищемъ*, долженъ ты вѣдать, какъ писать ко мнѣ надобно. Пиши только о дѣлѣ и просто». Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились *женщины*, жены и дочери иностранцевъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ 1690 году скончался патріархъ Іоакимъ, умоляя даже въ духовной своей граматѣ удаляться отъ бусурманскихъ обычаевъ. Царь избралъ на мѣсто его Чудовскаго архимандрита Адріана, старца добродѣтельнаго и кроткаго, который ни въ чемъ не смѣлъ противиться волѣ царя и не спорилъ противъ его нововведеній. Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила нѣжное сердце Петра: скончалась добродѣтельная мать его, царица Наталія. «Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю печаль мою», писалъ онъ Апраксину. «Вспоминаю слова апостола Павла: *не скорбѣть объ умершихъ*, и слова Ездры, что *мимошедшаго не возвратить*. Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха».

Не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить ее трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ доселѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряжено было второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ на-

чали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. «Докладывалъ я его величію, князю Кесарю», писалъ Петръ шутливо Апраксину, «спрашивая его величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А *братецъ* его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ Аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о кораблѣ. Кланяюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами»*.

Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ не останавливаясь мимо Холмогоръ, и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій, и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить корабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ — «я знаю что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло»? Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ»? смѣясь спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло», отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое, дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уеди-

ненной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ Соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи, и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ, и самъ вырѣзалъ на немъ надпись Голландскую: Dat krus maken kaptein Piter van a. Chr. 1694 (*Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, 1694 года*). На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донынѣ хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія царя въ Пертоминской обители, куда перенесли его въ 1802 году [1]). Буря утихла, и 6-го іюня царь пустился въ Соловецкій монастырь.

Сія знаменитая обитель воздвигнутая въ древнія времена благочестивыми иноками Зосимою и Савватіемъ, бѣжавшими отъ прелестей міра въ глубины сѣверныхъ странъ, издревле была предметомъ благоговѣнія Русскихъ царей и ихъ подданныхъ. Усердными приношеніями владыкъ Россіи и людей благочестивыхъ, при неутомимыхъ трудахъ иноковъ, на хладныхъ скалахъ среди пучинъ Бѣломорскихъ воздвиглись величественныя зданія, церкви, больницы, домы, заселились утесы безплодные. Здѣсь былъ нѣкогда игуменомъ св. Филиппъ митрополитъ, и отсюда мощи его были перенесены патріархомъ Никономъ въ Москву. Въ крѣпкихъ стѣнахъ Соловецкихъ нѣсколько лѣтъ защищались при Алексіи противъ царскихъ войскъ закоренѣлые раскольники. Въ 1694 году настоятелемъ Соловецкимъ былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи, и вознося ихъ *заздравную чашу*, провелъ царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель, и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду. «Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ»! писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по

[1]) Этотъ крестъ находится нынѣ въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ. Устряловъ (Истор. Петра В. II, 367).

его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю морскую службу, такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ въ свои учители искуснаго шкипера Голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ. «Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ», сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь. «А какая цвиббера должность»? спрашивалъ царь. — «Вотъ, поди набей мнѣ трубку и принеси водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать». — Царь бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе. «Хорошо», сказалъ Виллемсонъ: — «теперь полѣзай на мачту!» и онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ прибылъ давно ожиданный корабль. Августа 1-го царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до Святаго Носа, или устья Бѣлаго моря, и продолжалось десять дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ, коего взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ Московскихъ, распредѣлялъ войско, чертилъ планы.

Полевой.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

(1693—1694.)

Іюля 4-го (1693 г.), говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни, посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ, на приготовленныхъ для того стругахъ, и 28-го іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова, гдѣ черезъ 8-мь лѣтъ потомъ родился пѣвецъ Петра — Ломоносовъ, въ бѣдной хижинѣ рыбака. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій. Сей пастырь умный и просвѣщенный препроводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній городской соборъ, съ иконами и *благочестнымъ пѣніемъ*. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ, и ночевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него, небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ приходило въ Архангельскъ ежегодно до 50-ти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія Архангелогородцевъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками, и, наконецъ, видъ безконечнаго моря, все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ

Ни тѣлесный недугъ, ни душевная скорбь не могли ослабить неутомимой дѣятельности Петра. Оставивъ генералиссимуса, боярина Шеина, адмирала Лефорта и всю свою компанію въ Москвѣ, самъ онъ, съ больною ногою, въ весеннюю распутицу, сопровождаемый малочисленною свитою, отправился въ Воронежъ на тяжкій трудъ. Тамъ ждалъ его стольникъ Титовъ, съ заготовленными для «галернаго и каторжнаго дѣла» лѣсными матеріалами. Вопреки обыкновенію, царь ѣхалъ медленно, вѣроятно изъ опасенія скорою ѣздою растревожить страждущую ногу, цѣлую недѣлю былъ въ дорогѣ, но по пріѣздѣ въ Воронежъ забылъ всѣ недуги и немедленно принялся за работу.

Чрезъ пять дней, повелѣвая боярину Стрешневу выслать, какъ можно скорѣе, изъ Тульской засѣки на весла ясеневыя бревна, которыхъ Титовъ не могъ найти въ Воронежскихъ лѣсахъ, Петръ въ заключеніе письма присовокупилъ: «А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». «Господинъ капитанъ Петръ Алексѣевичъ!» отвѣчалъ Стрешневъ: «Пишетъ ваша милость, что пребываете по приказанію Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего кушаете хлѣбъ свой: и то вѣдаемъ, что празденъ николи, а всегда трудолюбно быть имѣешь, и то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ».

На луговой сторонѣ Воронежа, по чертежамъ и размѣрамъ самого царя, заложено было до 30 военныхъ судовъ, подъ названіемъ галеасовъ, галеръ, каторгъ и брандеровъ. Строили ихъ, по всей вѣроятности, тѣ же «корабельнаго дѣла мостилыщики», ученики Петровы, которые трудились съ нимъ прежде на Переславской верфи. Корабельные мастера, вызванные изъ Архангельска, пріѣхали уже къ концу дѣла: Класъ спустя цѣлый мѣсяцъ по прибытіи царя въ Воронежъ, а Мейеръ, искусный въ строеніи галеасовъ, еще позже, и главнымъ распорядителемъ при сооруженіи флотиліи, первымъ мастеромъ, въ то же время и первымъ плотникомъ, былъ Петръ. Дни и ночи проводилъ онъ на верфи, то съ циркулемъ, то съ топоромъ въ рукѣ. Самая легкая на ходу галера *Principium*, вмѣщавшая въ себѣ болѣе 200 человѣкъ, была дѣломъ царскихъ рукъ.

Ненастное время увеличивало тяжесть труда: до половины марта шли проливные дожди, такъ что рѣки вскрылись; потомъ вдругъ наступила стужа; рѣки опять стали, и отъ жестокаго хо-

лода не было возможности работать на верфи, въ продолженіе пяти дней. Въ концѣ марта весеннее солнце согрѣло воздухъ и оживило природу; рѣки выступили изъ береговъ. Царь исцѣлился отъ болѣзни и съ новою ревностью принялся за работы; 7 апрѣля, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, поднялась вьюга съ бурею, снѣгомъ, морозомъ: цѣлые четыре дня нельзя было не только работать на верфи, но даже выйдти изъ дому.

Не взирая на всѣ препятствія, Петръ въ теченіе одного мѣсяца соорудилъ свою флотилію, и съ первыхъ чиселъ апрѣля началъ спускать суда на воду. Три изъ нихъ, бо̀льшаго противъ другихъ размѣра, были названы *Principium* (Начало), *Св. Маркъ* и *Св. Матөей*. Они спущены 2 апрѣля съ церемоніею. За ними слѣдовали другія суда. Между тѣмъ въ лѣсахъ по всему теченію Воронежа, болѣе 30,000 человѣкъ, подъ надзоромъ четырехъ стольниковъ и разрядныхъ подъячихъ, готовили струги для перевозки Дономъ къ Черкаскому войскъ, орудій, снарядовъ, запасовъ продовольствія, и какъ скоро вскрылись рѣки, болѣе 1,300 судовъ, отъ 15 до 19 саженъ длиною, покрыли Воронежскія воды, ожидая нагрузки.

Н. Устряловъ.

чали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. «Докладывалъ я его величію, князю Кесарю», писалъ Петръ шутливо Апраксину, «спрашивая его величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А *братецъ* его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ Аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о кораблѣ. Кланяюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами*».

Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ не останавливаясь мимо Холмогоръ, и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій, и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить корабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. «Поди прочь!» закричалъ разсерженный Антипъ — «я знаю что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло»? Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. «Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ»? смѣясь спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. «Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло», отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое, дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уеди-

къ Зандаму (Zaandam). Онъ взялъ съ собою только шесть волонтеровъ, въ томъ числѣ царевича Имеретійскаго, Гаврилу и Александра Меншиковыхъ; прочихъ же спутниковъ высадилъ въ Амстердамѣ. Вскорѣ наступившая ночь принудила его остановиться въ Остъ-Занскомъ Овертомѣ; на другой день, рано утромъ, ботъ пошелъ далѣе.

Часу въ 6 подъѣзжая къ Форзану, въ Керкеракѣ, царь замѣтилъ стараго знакомаго, кузнеца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь на лодкѣ ловившаго угрей, и кликнулъ его. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ Россійскаго монарха въ одеждѣ Голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ холстинныхъ шароварахъ, съ лакированною шляпою на головѣ, и еще болѣе изумился, когда великій царь Московскій изъявилъ намѣреніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его смиренной хижинѣ, съ условіемъ никому о томъ не сказывать. Тщетно отговаривался кузнецъ бѣдностью и тѣснотою своего жилища: онъ долженъ былъ уступить непреклонной волѣ царя и согласился отвести ему заднюю отдѣльную половину своего дома, которую нанимала вдова какого-то поденьщика. Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову очистить квартиру для новаго жильца, въ чемъ и успѣлъ за 7 гульденовъ. Царь между тѣмъ зашелъ въ гербергъ, подъ вывѣскою *Выдры.* День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русская одежда царскихъ спутниковъ возбудила общее вниманіе, и праздная толпа обступила гостинницу съ разспросами. «Мы простые плотники, ищемъ работы», велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ, и отправился къ Кисту.

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной части Сардама, на Кримпѣ, вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому труду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо ждалъ онъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ, рано утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Линста Рогге въ Бейтеı

Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу, и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой-нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы, или посѣщалъ семейства Сардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что̀ дѣлалъ и говорилъ царь Московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томасъ Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Антѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ: «онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль».—«Развѣ и ты плотникъ?» возразила недовѣрчивая Голландка.—«Да, и я плотникъ», отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ навѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени Россійскаго государя въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что Московскій гость не простой плотникъ, просила его сказать, при случаѣ, его царскому величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю Московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Сардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ, иногда болѣе, чѣмъ могли они или хотѣли объяснить ему, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ, на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *Повара*, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія Занландскія деревни; въ Зандамѣ [illegible] помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки для купца [illegible] существуетъ [illegible] торъ, подъ именемъ de Grootvorst [illegible] [illegible]).

[illegible] о была водою. На другой [illegible]

«Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ».

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла и Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адольфъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Сардамъ главнаго прикащика своего Якова Избрандеса удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Сардамѣ. Гоутманъ и пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣтили Петра въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули: «Вы ли это, ваше величество?» — «Вы сами видите», ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стоѳельса за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бугшпритъ. «Нельзя было не удивляться, пишетъ Номенъ, съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ буеромъ и какъ искусно прилаженъ былъ бугшпритъ». Герритъ Мушъ, братъ Класа, служилъ на буерѣ каютъ-юнгою. Царь былъ очень доволенъ его расторопностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ, и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ. Въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ; къ полудню возвратился въ Занъ; отобѣдалъ у купца Кальфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ путь къ Гальвегу, плотинѣ, отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря. Безпокойные Голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился, и Корнелію Марсену, который находился ближе другихъ, съ размахнутою рукою, смотрѣвъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. «Браво, Марсенъ», закричали въ толпѣ, «ты посвященъ въ рыцари!» Разсердившійся Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Сардамъ.

Здѣсь между тѣмъ готовилось любопытное зрѣлище: Заландскія мѣстечки, гдѣ строились суда, по примѣру всей Голландіи, ограждены были отъ напора морскихъ волнъ плотиною, вышиною 7 футовъ, шириною въ 150, съ многими шлюзами; мелкія суда легко проходили ими изъ Бинненвана (внутренняго зана) въ Форзанъ (внѣшній занъ) и оттуда къ заливъ; но большіе корабли надлежало поднимать на плотину, перетаскивать чрезъ нее на пространствѣ 20 саженъ, по устроенной для того нарочно деревянной настилкѣ, и потомъ снова спускать, для вывода въ заливъ. Этимъ дѣломъ многотруднымъ и опаснымъ занималась особая компанія, получавшая за каждое судно, смотря по величинѣ, отъ 50 до 250 гульденовъ. 14 августа назначено было перевести изъ Бинненвана въ Форванъ большой корабль, построенный купцомъ Кальфомъ. Мѣстное начальство пригласило Петра взглянуть на изумительное дѣйствіе механическаго искусства, предупредивъ, что для него и для свиты приготовлено удобное мѣсто, окруженное палисадомъ и охраняемое отъ народа городовою стражею; хозяинъ корабля присовокупилъ къ тому просьбу удостоить присутствіемъ обѣденный столъ. На первое приглашеніе царь охотно изъявилъ согласіе; отъ втораго отказался.

Въ назначенный день, рано утромъ, собралось на Кримпѣ такъ много народа, что всѣ предосторожности оказались тщетными: палисады были опрокинуты, стражи разогнаны. Видя несмѣтныя толпы, покрывавшія не только улицу, но и кровли домовъ, царь рѣшился остаться дома. Явились бургомистры, бальи, члены совѣта, съ просьбою не отказать въ своемъ присутствіи, предлагая пройти въ отведенное ему мѣсто задними воротами; сначала онъ было согласился и сталъ одѣваться, говоря straks, straks (тотчасъ); но, выглянувъ на улицу и увидѣвъ вездѣ густыя толпы любопытныхъ, нетерпѣливо его ожидавшихъ, съ досадою сказалъ: «слишкомъ много народу», захлопнулъ дверью и цѣлый день никуда не выходилъ. Это было въ субботу.

Еще болѣе собралось народа изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, также изъ Амстердама, въ воскресенье. Стража, стоявшая на мосту, не въ силахъ была удержать любопытныхъ, отвсюду стекавшихся на Кримпъ посмотрѣть Плотника-царя. Домъ Киста былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ досаднѣе было Петру стеченіе народа, загородившаго дорогу къ шлюзу Горнъ, гдѣ стоялъ его буеръ, что онъ намѣревался ѣхать въ Амстердамъ, куда на дру-

гой день должно было торжественно вступить его посольство; внѣ себя отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ дому, долго не могъ пробиться сквозь густыя массы и съ великимъ трудомъ достигъ до своего буера. Между тѣмъ разыгралась сильная погода. Опытные пловцы уговаривали царя не пускаться въ заливъ въ столь опасное время. Онъ ничего не слушалъ, поднялъ парусъ и часа черезъ три благополучно прибылъ въ Амстердамъ; но и здѣсь на пристани также встрѣтилъ множество любопытныхъ и не безъ труда проложилъ себѣ путь къ главному городскому гербергу, назначенному для помѣщенія Россійскаго посольства, которое уже приближалось къ Амстердаму.

Оно прибыло девятью днями послѣ государя, бывъ задержано въ пути многочисленностью свиты и торжественными встрѣчами въ каждомъ значительномъ городѣ, съ пушечною пальбою. До Нимвегена послы ѣхали сухимъ путемъ чрезъ Везель, Ксантенъ, Клевъ и Краненбургъ; въ Нимвегенѣ перебрались на приготовленныя, по распоряженію Нидерландскаго правительства, яхты и плыли сперва Вааломъ, мимо Тиля и Сантъ-Андрюса; потомъ Масомъ, мимо Бомеля, Лувенштейна, Горкума и Дордрехта; далѣе Исселемъ до Гоуда или Доргоу; отсюда каналами на мелкихъ судахъ до самаго Амстердама, куда вступили торжественно въ полдень 16 августа.

Высокомочные штаты, въ надеждѣ увеличить выгоды торговыхъ сношеній съ Россіею, не пощадили ничего къ пышному пріему Россійскаго посольства, назначивъ на содержаніе его, сверхъ опредѣленной въ такихъ случаяхъ суммы, еще 100,000 гульденовъ, и разгласивъ, для устраненія притязаній этикета со стороны другихъ пословъ, собравшихся въ Рисвикѣ, по случаю мирныхъ переговоровъ съ Франціею, что никогда еще не бывало въ Голландіи столь великаго и почетнаго посольства, что оно составлено изъ трехъ вице-королей (onder koningen), съ титуломъ намѣстниковъ Новгорода, Сибири и Болхова, и что въ свитѣ его находится самъ царь

На другой день по пріѣздѣ пословъ, Петръ вмѣстѣ съ ними, сопровождаемый бургомистрами, осматривалъ ратушу, главное украшеніе Амстердама; вечеромъ посѣтилъ театръ, гдѣ представленъ былъ балетъ *Очарованія Армиды*, съ комедіею *Притворный адвокатъ*; въ слѣдующій день обозрѣвалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины. Послѣ того бургомистры пригла-

сили его со своею свитою на великолѣпный обѣдъ, съ блестящимъ фейерверкомъ на Амстелѣ. Примѣрное морское сраженіе въ заливѣ Эй, подъ руководствомъ искуснаго адмирала Схея, заключило празднества, данныя городомъ Амстердамомъ въ честь Россійскаго государя. Всѣ парусныя суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, предъ Схелингвудомъ. Петръ, сопровождаемый послами и бургомистрами, пріѣхалъ на богато-украшенной яхтѣ Остъ-индской компаніи. Флотъ привѣтствовалъ его залпомъ изъ всѣхъ орудій, и вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что ничего нельзя было разслышать. Царь не хотѣлъ оставаться простымъ зрителемъ: перешелъ съ яхты на военный корабль и непрестанно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

По окончаніи празднествъ, Петръ принялся за работу. Уже въ день торжественнаго въѣзда пословъ, онъ изъявилъ желаніе бургомистру Витсену, съ которымъ лично познакомился, продолжать изученіе корабельнаго искусства въ Амстердамѣ на тамошнихъ верфяхъ, менѣе доступныхъ несносному любопытству черни, не дававшей ему прохода въ Сардамѣ. Витсенъ обѣщалъ сыскать ему дѣло на верфи Остъ-индской компаніи, и 19 августа состоялось слѣдующее опредѣленіе ея директоровъ: «Лейтенантъ фанъ-деръ-Гулстъ, введенный въ собраніе, объявилъ отъ имени великаго посольства Московскаго, что знатная особа, пребывающая здѣсь *incongnito*, желала бы провести нѣкоторое время на верфи компаніи, при сооруженіи судовъ и при другихъ работахъ; въ слѣдствіе чего просилъ приготовить, для жительства ея, домъ канатнаго мастера и заложить новый фрегатъ, въ удовольствіе высокопомянутой особы. По совѣщаніи, благопризнано изъявить на то полное согласіе; о закладкѣ же и постройкѣ фрегата отписать строительнымъ камерамъ, поручивъ господину Витсену спросить высокоименную особу, въ какомъ размѣрѣ желательно ей видѣть строеніе фрегата, на 130 или на 100 футахъ; и если для нея все равно, то компанія признаетъ за лучшее заложить фрегатъ въ 100 футовъ длиною».

Царь былъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ посольству его отъ города Амстердама, когда принесли ему извѣстіе о благо-

пріятномъ рѣшеніи компаніи; онъ хотѣлъ немедленно приняться за дѣло; съ трудомъ уговорили его подождать конца пиршества и посмотрѣть приготовленный въ честь его фейерверкъ съ тріумфальною аркою; но едва погасли послѣдніе огни, онъ объявилъ, что ѣдетъ Сардамъ за своими инструментами. Тщетно молили его послѣ и упрашивали бургомистры повременить до утра, представляя всю опасность ночнаго плаванія. Онъ не слушалъ никакихъ убѣжденій. Послали въ ратушу за ключами отъ портовой заставы, опустили подъемный мостъ, отперли заставу, и въ 11 часовъ ночи Петръ вышелъ на своемъ буерѣ въ заливъ. Въ часъ по полуночи пріѣхалъ онъ въ Сардамъ, уложивъ въ буеръ свои инструменты, и рано утромъ возвратился въ Амстердамъ, прямо къ Остенбургу, гдѣ находилась верфь Остъиндской компаніи, и гдѣ приготовленъ былъ для него домъ канатнаго мастера, на взморьѣ.

Въ тотъ же день онъ поступилъ плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту Класу Полю, и распредѣлилъ по работамъ своихъ волонтеровъ: Головиныхъ (Ивана Михайловича и Ивана Алексѣевича), Өедора Плещеева, Гаврилу Кобылина, Гаврилу и Александра Меншиковыхъ, Лукьяна Верещагина, Өедосѣя Скляева, Петра Гутмана и Ивана Кропоткина оставилъ при себѣ, для изученія корабельнаго дѣла; Александра Кикина и Степана Васильева назначилъ къ мачтовому дѣлу; князя Алексѣя Голицына и Савву Уварова къ ботовому дѣлу; Өадѣя Попова и Ивана Кочета къ парусному дѣлу; Тихона Лукина и Петра Кобылина къ блочному дѣлу; царевича Александра Арчиловича Имеретійскаго послалъ въ Гагу учиться артиллеріи; Гаврилу Коншина, Ивана Владимерова, Ермолая Скворцова, Алексѣя Петелина, Ипата Муханова, Андрея Тишенинова, Ивана Синявина роздалъ по разнымъ кораблямъ въ матросы. «Спальники, которые прежде насъ посланы сюды», писалъ тогда же государь къ Виніусу, «выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ Статъ», къ устью Эльбы, познакомиться съ моремъ.

На Остъ-индской верфи Петръ трудился четыре мѣсяца съ половиною; такимъ образомъ, не въ Сардамѣ, гдѣ пребываніе его ограничилось одною недѣлью, а въ Остенбургѣ, на славнѣйшей Голландскихъ верфей, изучалъ онъ искусство кораблест
Первыя три недѣли прошли въ приготовленіи матеріаловъ

тября онъ заложилъ, подъ руководствомъ Геррита Класа Поля, фрегатъ 100 футовъ длиною, во имя святыхъ Апостолъ Петра и Павла, и на другой день написалъ въ Москву къ патріарху слѣдующія строки: «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся: что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану».

Ничѣмъ не отличаясь отъ простыхъ плотниковъ, онъ послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера: когда посѣтилъ верфь какой-то знатный Англичанинъ, пріѣхавшій нарочно изъ Ло, посмотрѣть царя, и мастеръ, чтобы показать его посѣтителю, кликнулъ державному плотнику: «Питеръ тиммерманъ Сардамскій! что же ты не пособишь своимъ товарищамъ»? переносившимъ въ то время тяжелое бревно, Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ дерево и помогъ перенести его въ назначенное мѣсто. И долго въ послѣдствіи разсказывали Голландцы своимъ дѣтямъ и внукамъ, передавая преданія изъ рода въ родъ, какъ видали они царя, работавшаго на верфи; какъ, утомленный трудомъ, отирая потъ съ своего чела, садился онъ на обрубокъ дерева, и, опустивъ топоръ между ногъ, дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами; охотно разговаривалъ и съ сторонними посѣтителями, если только называли его просто Pieter timmerman; но отворачивался и не отвѣчалъ ни слова, когда привѣтствовали его: «Государь, или Ваше Величество». Впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не любилъ продолжительныхъ разговоровъ, и, отдохнувъ нѣсколько минутъ, возвращался къ дѣлу.

Потрудившись на верфи, неутомимый царь принимался за другую работу: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы; бояре-правители, ближніе люди, кумпанцы, корабельщики извѣщали его о дѣлахъ важныхъ и неважныхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ, иногда писали одни привѣтствія, нерѣдко увѣдомляли о своемъ здравіи, или въ шутливомъ тонѣ ра[illegible] [illegible]ъ пирушкахъ и попойкахъ. Царь отвѣчалъ [illegible] [illegible]шею почтою по пятницамъ, если же не [illegible] [illegible]кручиниться, «потому что», писалъ онъ [illegible]

ніусу, «иное за недосугомъ, иное за отлучкою, а иное за Хмѣльницкимъ не исправишь».

Письма его самаго разнообразнаго содержанія. Они свидѣтельствуютъ, что, окруженный толпою грубыхъ рабочихъ, обтесывая бревна и доски, прилаживая корабельныя снасти, царь зорко слѣдилъ за современными дѣлами Европы, часто предавался думамъ о любезной ему Россіи и, возвратившись съ верфи, въ часы ночной тишины, дрожащею отъ усталости рукою, торопливо и кратко, но всегда сильно и рѣзко, изъявлялъ Московскимъ правителямъ свою волю, свои виды, желанія и надежды.

Н. Устряловъ.

ЗНАКОМСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО СЪ УЧЕНЫМИ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

«18 прошедшаго августа, въ 8 часовъ утра, царь и великій князь Московскій, Петръ Алексѣевичъ тайно пріѣхалъ сюда, въ Сардамъ, на небольшой лодкѣ въ сопровожденіи шести Москвитянъ. Онъ прожилъ въ Кримпенбургѣ у одного кузнеца 8 дней и возвратился на лодкѣ въ Амстердамъ, куда прибыло его великое посольство. Ростомъ онъ 6 футовъ, носитъ платье сардамскаго крестьянена, работаетъ съ плотниками на адмиралтейской верфи—говорятъ, что онъ большой охотникъ до мореплаванія».

Такову отмѣтку сдѣлалъ Сардамскій пасторъ въ приходской книгѣ 1697 г., о событіи, которое избрано исходною точкою въ настоящемъ изслѣдованіи. Впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь цѣлью слѣдить за подробностями о всемъ происходившемъ, какъ въ первое пребываніе царя за границей, такъ и въ послѣдующія поѣздки его по Европѣ,—наша задача состоитъ собственно въ указаніи того только, что въ этихъ путешествіяхъ имѣетъ какую нибудь связь съ исторіею наукъ и литературы въ Россіи.

Въ бытность царя въ Голландіи, жилъ въ Амстердамѣ бургомистръ Николай Витзенъ (Nicolas Witsen). Знатный по рожденію, богачъ по состоянію, благородный наружности, этотъ человѣкъ не заботился ни о свѣтскихъ удовольствіяхъ, ни о честолюбивыхъ исканіяхъ: съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ путешествіямъ, занимался науками, поощрялъ ученыя предпріятія. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ побывалъ, съ посольствомъ, въ малознаемой Московіи, посѣтилъ даже берега Каспійскаго моря и, по возвращеніи въ Голландію, рѣшился сдѣлать описаніе восточной и южной Россіи. Но для осуществленія такого намѣренія, Витзенъ, прежде всего, приступилъ къ собранію свѣдѣній о тѣхъ странахъ, провѣрялъ сказанія о нихъ своихъ единозем-

цовъ, разспрашивалъ людей, тамъ бывалыхъ. Какъ добросовѣстно Витзенъ исполнилъ свой трудъ, можно судить по тому, что только 20 лѣтъ спустя, именно въ 1687 г., ему удалось издать географическую карту восточной и южной части Европы и Азіи, отъ Новой Зеландіи до Китая. Въ 1692 г., онъ же издалъ: «Татарія восточная и южная». Оба эти труда были посвящены царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, которые благосклонно приняли посвященіе и послали Витзену благодарственную грамоту за государственною печатью. Между тѣмъ, нѣкоторое время спустя, Эвертъ Избрандсонъ Идесъ (Evert Ysbrandszoon Ides), бывшій въ Китаѣ по порученію Русскаго правительства, сообщилъ бургомистру подробности о своемъ путешествіи и тотъ нашелъ ихъ достойными къ изданію въ свѣтъ. И это сочиненіе было посвящено также Петру.

Кромѣ путешествій, Витзена занималъ и тотъ предметъ, которому такъ страстно былъ преданъ царь—это мореплаваніе. Бургомистръ извѣстенъ былъ ученымъ изслѣдованіемъ о древней и новой постройкѣ кораблей и объ искусствѣ управлять ими. Ему же Голландское законодательство обязано большею частью постановленій о кормщикахъ, аваріяхъ, береговомъ правѣ. Наконецъ, Витзенъ владѣлъ полною коллекціею машинъ и инструментовъ для кораблестроенія.

Голландское правительство, заботясь о пріемѣ Русскаго великаго посольства, обращалось къ Витзену то за разрѣшеніемъ недоумѣній, то съ просьбою о прiисканіи необходимыхъ переводчиковъ. Послѣ всего этого неудивительно, что царь, во время пребыванія своего въ Голландіи, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ бургомистромъ, и лицо это, дѣйствительно, встрѣчается при каждомъ сколько нибудь замѣчательномъ случаѣ изъ путешествія Петра, какъ совѣтникъ и руководитель.

По возвращеніи въ Россію, государь велъ переписку съ ученымъ бургомистромъ; памятникомъ ея служатъ четыре письма Витзена. Одного изъ нихъ сохранился и подлинникъ на Голландскомъ языкѣ, а прочія дошли въ современномъ Русскомъ переводѣ.

Царь пожелалъ брать уроки мореплаванія и навигаціи, также учиться черченію кораблей, и Витзенъ выбиралъ для него преподавателей. Альбертсонъ фанъ Дамъ (I. Albertzoon van Dam) пользовался тогда извѣстностью опытнаго математика и знатока науки мореплаванія, а потому и преподавалъ царю эти предме-

ты. Адамъ Сило (Adam Silo), одаренный самыми разнообразными способностями (онъ былъ сатирикъ и живописецъ, строитель кораблей и фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ и проч.), давалъ царю уроки въ черченіи.

Библіотекарь основанной въ Петербургѣ библіотеки (нынѣ академической) Шумахеръ, представляя, въ 1722 г., Петру Великому отчетъ объ осмотрѣнныхъ имъ кабинетахъ Натуральной Исторіи и рѣдкостей въ Европѣ, замѣтилъ при томъ, что считаетъ излишнимъ входить въ подробности о нихъ, такъ какъ мало сыщется въ Германіи, Голландіи, Англіи и Франціи подобныхъ учрежденій, которыхъ бы не зналъ и не видалъ самъ царь. И, дѣйствительно, Петръ Великій, какъ это видно и изъ его поденныхъ журналовъ, не оставлялъ безъ внимательнаго осмотра до самыхъ мелочей ни одного достопримѣчательнаго собранія натуральной исторіи и рѣдкостей, которыя ему представлялась возможность посѣщать во время его заграничныхъ поѣздокъ.

Въ первое свое пребываніе въ Амстердамѣ, Петръ не упустилъ случая побывать въ музеѣ Якова Вильде (Jacob de Wilde), славившемся въ особенности полнотою и сохранностью коллекцій древнихъ Египетскихъ, Греческихъ, Македонскихъ и Римскихъ монетъ, также собраніемъ языческихъ идоловъ, древнихъ статуй, наконецъ—камеевъ и разнаго рода антиковъ. Вильде издавалъ нѣсколько разъ описанія своихъ коллекцій, а гравюры въ нимъ рѣзалъ голландскій граверъ Адріанъ Шхонебекъ, переселившійся потомъ, по приглашенію Петра, въ Россію и работавшій здѣсь не мало гравюръ по повелѣнію царя. Для насъ въ особенности любопытно изданное въ 1700 году «Signa antiqua e museo Jacobi de Wilde veterum poetorum carminibus illustrata». Здѣсь виньетта на заглавномъ листѣ съ подписью Шхонебека, но всѣ остальныя гравюры въ изданіи рѣзаны 17-ти лѣтнею дочерью владѣльца музея, Маріею Вильде, которая, сколько можно судить по ея работамъ, едва ли не была ученицею Шхонебека. Послѣ ея портрета и Латинскихъ и Голландскихъ стиховъ въ честь артистки, слѣдуетъ гравюра съ изображеніемъ зала, въ которомъ помѣщался музей Вильде съ его древностями, глобусами и книгами; по срединѣ столъ, за которымъ сидятъ два человѣка: по правую сторону Яковъ Вильде въ современной европейской одеждѣ и парикѣ; въ одной рукѣ у него статуэтка, другою показываетъ монету. На лѣвой—молодой человѣкъ въ шапкѣ, опушенной мѣхомъ, каф-

ОСНОВАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГА И НАЧАЛО КРОНШТАДТСКОЙ КРѢПОСТИ ВЪ 1703 ГОДУ.

Землѧ́ же бѣ̀ невидима,
и҆ неꙋстрое́на: и тма̀
верхꙋ̀ бе́здны.
(Бытіѧ Гл. а҃. Ст. в҃.)

Взятіе Нотеборга, названнаго Петромъ Великимъ Шлиссельбургъ, то есть Ключъ-городъ, точно послужило ключемъ къ завоеванію не только того мѣста, гдѣ нынѣ красуется Петербургъ, но и всей Эстляндіи, Лифляндіи и части Финляндіи. Петръ, имѣя твердое намѣреніе возвратить и распространить издревле принадлежавшія Россіи владѣнія при Балтійскомъ морѣ, повелѣлъ фельдмаршалу Шереметеву, главнокомандовавшему войсками и комплектовавшему оныя въ Москвѣ, открыть кампанію 1703-го года походомъ къ Шлиссельбургу, съ тѣмъ, чтобы оттуда идти на Ніеншанцъ.

Сія крѣпость, имѣвшая видъ довольно правильнаго пятиугольника, построеннаго почти въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Охты въ Неву, еще до войны Петра съ Карломъ XII-мъ, была на значительномъ протяженіи прикрыта валомъ и рвами, проведенными подлѣ Невскаго берега и отъ стороны Шлиссельбурга. Въ пространствѣ, между самою крѣпостью и наружнымъ укрѣпленіемъ, заключалось нѣсколько строеній, принадлежавшихъ къ городу; остальная же главная часть Ніена, въ томъ числѣ довольно обширный военный госпиталь и двѣ протестантскія церкви, Шведская и Нѣмецкая, находились на другой сторонѣ Охты. Таковы были Ніенъ и Ніеншанцъ, осенью 1702 года, когда достигшая

туда вѣсть о взятіи Нотеборга подтвердилась появленіемъ небольшаго Русскаго отряда, посланнаго царемъ отъ истока Невы до рѣки Охты. Комендантъ, видя близкое сосѣдство Россіянъ, и опасаясь скорой осады, заперся въ крѣпости, предавъ пламени весь городъ, горѣвшій болѣе двухъ сутокъ. Опасенія гарнизона были основательны, но напрасны, ибо, какъ упомянуто выше, походъ къ Ніеншанцу былъ отложенъ до весны; но крѣпость была встревожена въ продолженіе зимы отрядами войскъ, высыланными изъ Шлиссельбурга губернаторомъ Меньшиковымъ.

Въ то время, какъ Шереметевъ шелъ отъ Москвы къ Ніеншанцу съ гвардіею, двумя драгунскими полками и двадцатью баталіонами пѣхоты, всего съ 20 т. человѣкъ,—царь прибылъ въ Шлиссельбургъ, и, дождавшись прихода войскъ, послѣдовавшаго 22-го апрѣля, поступилъ подъ начальство главнокомандовавшаго, въ званіи капитана состоявшей при Преображенскомъ полку бомбардирской роты; 24-го апрѣля, не доходя пятнадцати верстъ до Ніеншанца, Шереметевъ послалъ къ оному, на большихъ лодкахъ, дѣйствовавшихъ уже прежде на Ладожскомъ озерѣ, 2 т. человѣкъ пѣхоты, подъ командою полковника Нейдгарта и капитана Глѣбовскаго. Отрядъ сей, имѣвшій цѣлію одну рекогносцировку, въ ночи на 25-е подошелъ, непримѣтно, къ наружному валу, напалъ въ расплохъ на передовые посты Шведовъ, опрокинулъ ихъ и, воспользовавшись смятеніемъ гарнизона, овладѣлъ однимъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ. Послѣ такого успѣха, не много-бъ, казалось, недоставало къ занятію остальныхъ укрѣпленій, обороняемыхъ только 800 челов.; но неоказаніе содѣйствія войскамъ, ворвавшимся въ бастіонъ, сомнительная надежда на успѣхъ и неимѣніе приказаній на дальнѣйшія предпріятія, кромѣ рекогносцировки, — были причинами, что атакующіе, не воспользовавшись пріобрѣтенными уже выгодами, отступили. Шведы, имѣвъ время придти въ себя отъ перваго изумленія и увидѣвъ удаленіе Россіянъ, ободрились, взяли мѣры предосторожности на случай новаго нападенія, и, приготовясь такимъ образомъ къ отпору, заставили своихъ непріятелей, какъ увидимъ ниже, потерять недѣлю времени.

Шереметевъ, послѣ донесенія о семъ дѣлѣ, въ ночи на 26-е апрѣля, двинулся впередъ со всѣми войсками, и поутру предъ Ніеншанцемъ уже стоялъ Русскій лагерь. Хотя мѣсто, занятое симъ послѣднимъ, и было совершенно открыто для крѣпостныхъ вы-

стрѣловъ, но окружавшіе оное лѣсъ, болото и кочки, не позволяли избрать лучшаго. Въ тотъ же день, управлявшій инженерными работами Россіянъ, генералъ Ламбертъ, открылъ траншею въ тридцати саженяхъ отъ крѣпости, и началъ строеніе батарей для 12 мортиръ и 20 пушекъ, привезенныхъ изъ Шлиссельбурга на судахъ, кои были построены въ продолженіе зимы, подъ надзоромъ Меньшикова.

Между тѣмъ, какъ осадныя работы подвигались, вечеромъ 28 числа, царь, принявшій, какъ выше сказано, званіе бомбардирскаго капитана, посадилъ четыре роты Преображенскаго и три Семеновскаго полковъ на шестьдесятъ лодокъ, и, не взирая на жестокій огонь береговыхъ укрѣпленій, пустился съ сею флотиліею внизъ по Большой Невѣ, для занятія ея устья, которымъ Шведскія суда могли бы войти въ рѣку и подать помощь осажденнымъ.

Прикрытые лѣсомъ берега, мимо которыхъ плыла флотилія, представляли любопытнымъ взорамъ царя мрачную картину дикой и сиротствующей природы, коей самые живописные виды не плѣняютъ взора, если онъ не встрѣчаетъ въ нихъ присутствія людей, оживляющаго и пустыни. Не одни берега, но и все пространство, занимаемое нынѣ Петербургомъ и его красивыми окрестностями, были усѣяны лѣсомъ и топкимъ болотомъ; только мѣстами, и то весьма рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частію покинутыя, деревушки, состоявшія изъ полуразвалившихся хижинъ, гдѣ жили туземные поселяне, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ, для провода судовъ, приходившихъ съ моря въ Неву.

Увѣривъ пустынныхъ жителей сего лѣсистаго края въ неприкосновенности ихъ лицъ и имуществъ, снабдивъ ихъ охранными листами, и не видя на взморьѣ ни одного непріятельскаго судна, Петръ возвратился на другой день въ лагерь, оставя на островѣ Витц-сари, или Прутовомъ, нынѣ Гутуевомъ, три гвардейскія роты, для охраненія Невскихъ устій.

Въ кратковременное отсутствіе царя, осадныя работы производились дѣятельно, и къ полудню 30-го числа уже вся артиллерія, доставленная изъ Шлиссельбурга, могла громить стѣны крѣпости.

Шереметевъ, зная слабыя силы гарнизона и избѣгая напраснаго пролитія крови, предложилъ коменданту сдаться на честныхъ условіяхъ; но получа въ отвѣтъ, что крѣпость будетъ обо-

роняться до послѣдней крайности, приказалъ открыть огонь залпомъ изъ всѣхъ орудій. Шведы отвѣчали съ равною жестокостію, и съ обѣихъ сторонъ пальба не умолкала съ 7 часовъ вечера до 5 утра. Тогда только гарнизонъ, чувствуя себя совершенно не въ силахъ долѣе сопротивляться, и опасаясь рѣшительнаго приступа, прибѣгнулъ къ переговорамъ. Въ силу оныхъ, осажденные получили позволеніе перейти въ Выборгъ, и того же 1-го мая, въ десятомъ часу вечера, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, имѣя въ рядахъ своихъ царевича Алексѣя Петровича, начавшаго тѣмъ службу, вошелъ въ крѣпость, которую въ тѣ минуты еще никто, ни даже самъ Петръ, не предполагалъ основаніемъ новой столицы обширнаго Русскаго царства. Государь, исполненный удовольствія, что дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, назвалъ завоеванный Ніеншанцъ «Шлотбургъ», и на утро праздновалъ побѣду благодарственнымъ молебствіемъ, которое сопровождалось троекратнымъ залпомъ изъ пушекъ и бѣглымъ огнемъ изъ ружей.

Извѣстіе объ успѣхѣ царскаго оружія скоро достигло Москвы, и древняя столица Россіи достойно торжествовала оный.

Между тѣмъ, какъ царь, воздавъ благодареніе Всевышнему за ниспосланную побѣду, занимался обозрѣніемъ крѣпости и найденныхъ въ ней артиллеріи, снарядовъ и разныхъ военныхъ припасовъ, вечеромъ того же 2-го мая гвардейскія роты, занимавшія постъ при устьѣ Невы, извѣстили о появленіи Шведскаго флота. Непріятельскія суда, еще не зная о приходѣ Россіянъ къ Ніеншанцу, и не подозрѣвая взятія крѣпости, двумя пушечными выстрѣлами давали ей знать о своемъ прибытіи. Царь, догадываясь, — какъ подтвердилъ и Ніеншанцскій гарнизонъ — что сіе было условнымъ сигналомъ между симъ послѣднимъ и флотомъ, счелъ полезнымъ для себя поддерживать таковое заблужденіе, и велѣлъ отвѣчать равнымъ числомъ. Хитрость сія, повторенная нѣсколько разъ сряду, имѣла полный успѣхъ: вечеромъ 5-го мая съ Шведскаго адмиральскаго корабля отправили въ Неву шлюпку за лоцманами. Посланные на оной матросы и солдаты, не предполагая близкаго присутствія Русскихъ войскъ, вышли безпечно на берегъ; одинъ изъ нихъ, бывъ схваченъ, показалъ, что прибывшею эскадрою начальствовалъ вице-адмиралъ Нумерсъ, который еще въ 1702 году былъ съ флотиліею на Ладожскомъ озерѣ, и потерпѣлъ пораженіе отъ войскъ окольничаго Апраксина. Почти въ

слѣдъ за шлюпкою приблизились къ устью, отдѣлившіяся отъ Шведскаго флота, два военныя судна: шнява «Астрель» о 14-ти и ботъ «Геданъ» о 10-ти пушкахъ, и, въ ожиданіи лоцмановъ и разсвѣта, легли на якорь противъ входа въ Большую Неву.

Петръ Великій, узнавъ о семъ обстоятельствѣ, рѣшился извлечь изъ онаго всю возможную выгоду, и для того, съ предварительнаго дозволенія фельдмаршала, взявъ съ собою Меньшикова, какъ поручика бомбардирской роты, и часть гвардіи, въ тотъ же вечеръ отправился на тридцати лодкахъ къ Невскимъ устьямъ, въ намѣреніи, при наступленіи ночи, атаковать оба Шведскія судна.

Погода, сначала тихая и свѣтлая, не благопріятствовала предпріятію Русскаго монарха, но мало по малу вѣтръ измѣнялся, тучи скоплялись, и вскорѣ послѣ полуночи, обложивъ небо непроницаемою пеленою, разразились проливнымъ дождемъ.

Петръ распорядился такимъ образомъ, что лодки его, плывшія подлѣ острова Хирвисари, или Лосинаго, нынѣ Васильевскаго, подъ заслономъ покрывавшаго оный лѣса, предъ нападеніемъ должны были раздѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ одна атаковала бы суда со стороны моря, а другая отъ берега; въ ожиданіи удобной для того минуты, поставилъ флотилію въ протокѣ за островомъ Витцсари, близъ построеннаго въ послѣдствіи Екатерингофа. Чрезъ нѣсколько часовъ ожиданія, благопріятное время настало, и посреди мрака и бури Оссіановской ночи, Петръ, въ потѣ лица трудившійся для Россіи, ударилъ съ двухъ сторонъ на изумленныхъ непріятелей. Примѣръ вождя одушевилъ предводимыхъ. Подъ градомъ ядеръ, гранатъ и пуль, сыпавшихся на царскую флотилію, не только съ абордированныхъ судовъ, но и съ остальной эскадры, вступившей подъ паруса въ намѣреніи ихъ выручить, но остановленной мелководіемъ, взлетали Русскіе на суда, гдѣ смерть являлась во всѣхъ видахъ. Ни губительное дѣйствіе непріятельскихъ выстрѣловъ, ни отчаянныя усилія защищавшихся, не спасли сихъ послѣднихъ отъ угрожавшей имъ участи. Царь, съ гранатою въ рукѣ, взошелъ первый на шняву, и чрезъ нѣсколько минутъ оба судна находились въ его власти. Изъ 77 человѣкъ, составлявшихъ ихъ экипажъ, только 19 сохранили жизнь цѣною плѣна; всѣ остальные пали подъ ударами побѣдителей, раздраженныхъ упорнымъ сопротивленіемъ. Побѣда сія, первая одержанная Россіянами на водахъ Балтики, и тѣмъ важнѣйшая, что одержалъ ее самъ Петръ, была имъ празднована

ЗНАКОМСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО СЪ УЧЕНЫМИ ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

«18 прошедшаго августа, въ 8 часовъ утра, царь и великій князь Московскій, Петръ Алексѣевичъ тайно пріѣхалъ сюда, въ Сардамъ, на небольшой лодкѣ въ сопровожденіи шести Москвитянъ. Онъ прожилъ въ Кримпенбургѣ у одного кузнеца 8 дней и возвратился на лодкѣ въ Амстердамъ, куда прибыло его великое посольство. Ростомъ онъ 6 футовъ, носитъ платье сардамскаго крестьянена, работаетъ съ плотниками на адмиралтейской верфи—говорятъ, что онъ большой охотникъ до мореплаванія».

Такову отмѣтку сдѣлалъ Сардамскій пасторъ въ приходской книгѣ 1697 г., о событіи, которое избрано исходною точкою въ настоящемъ изслѣдованіи. Впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь цѣлью слѣдить за подробностями о всемъ происходившемъ, какъ въ первое пребываніе царя за границей, такъ и въ послѣдующія поѣздки его по Европѣ,—наша задача состоитъ собственно въ указаніи того только, что въ этихъ путешествіяхъ имѣетъ какую нибудь связь съ исторіею наукъ и литературы въ Россіи.

Въ бытность царя въ Голландіи, жилъ въ Амстердамѣ бургомистръ Николай Витзенъ (Nicolas Witsen). Знатный по рожденію, богачъ по состоянію, благородный наружности, этотъ человѣкъ не заботился ни о свѣтскихъ удовольстіяхъ, ни о честолюбивыхъ исканіяхъ: съ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ путешествіямъ, занимался науками, поощрялъ ученыя предпріятія. Еще при Алексѣ Михайловичѣ, онъ побывалъ, съ посольствомъ, въ малознаемой Московіи, посѣтилъ даже берега Каспійскаго моря и, по возвращеніи въ Голландію, рѣшился сдѣлать описаніе восточной и южной Россіи. Но для осуществленія такого намѣренія, Витзенъ, прежде всего, приступилъ къ собранію свѣдѣній о тѣхъ странахъ, провѣрялъ сказанія о нихъ своихъ единозем-

танъ съ узкими у кисти рукавами, высокіе сапоги, на боку сабля; онъ разсматриваетъ статуэтки и вещи, разложенныя предъ нимъ на столѣ. Этотъ молодой человѣкъ—самъ царь, въ чемъ удостовѣряетъ двуглавый Русскій орелъ, изображенный у подножья его. Любопытную гравюру эту, вѣроятно, знаютъ осматривавшіе нашу Публичную библіотеку: —она выставлена тамъ въ одной изъ витринъ ея.

Упомянувъ выше о Шхонебекѣ, замѣтимъ кстати, что недавно стало извѣстно у насъ, что Петръ Великій, будучи въ Амстердамѣ, пробовалъ, подъ руководствомъ этого художника, гравировать самъ, и памятникъ тому можно видѣть также въ Публичной библіотекѣ. Въ 1860 г. пріобрѣтенъ ею факсимиле гравюры, сдѣланной Петромъ Великимъ: «она представляетъ, въ овальной рамкѣ, торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, выраженное посредствомъ фигуры ангела, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попирающаго полулуніе и турецкіе бунчуки. Оригинальный оттискъ, единственный доселѣ извѣстный, хранится въ Амстердамскомъ музеѣ, и современная на немъ надпись, на Голландскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующее извѣстіе: «Петръ Алексѣевичъ, великій царь Русскій, награвировалъ это иглою и крѣпкою водкою, подъ смотрѣніемъ Адріана Шхонебека въ Амстердамѣ, въ 1698 г., въ спальнѣ своей квартиры, на верфи Остъ-индской компаніи». На гравюрѣ можно примѣтить и поправки, сдѣланныя Шхонебекомъ.

Съ помощію Витзена, царь знакомился съ тогдашними учеными знаменитостями Голландіи. Такъ бургомистръ доставилъ ему случай узнать извѣстнаго профессора анатоміи Рюйша (Frederic Ruysch). Разсказываютъ, что царь былъ изумленъ, когда увидѣлъ въ первый разъ знаменитый анатомическій театръ этого ученаго. Особенно онъ пораженъ былъ при видѣ трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохраненъ, что казался живымъ и съ улыбкой на устахъ,—царь не могъ воздержаться, чтобы не поцѣловать его. Съ трудомъ Петръ рѣшился выйдти изъ кабинета ученаго: много разъ потомъ возвращался къ нему, за-просто обѣдалъ съ нимъ и присутствовалъ на лекціяхъ Рюйша; онъ ходилъ съ нимъ даже въ госпиталь св. Петра, гдѣ для этого была продѣлана особенная дверь, чтобы избавить царя отъ взглядовъ любопытной толпы; слѣды этой двери остались и донынѣ.

Замѣчательно то, что Петръ Великій вспомнилъ о Рюйшѣ въ

тѣ времена, когда казалось ему надобно было только думать о войнѣ извнѣ, объ укрощеніяхъ смутъ внутри государства. Около 1701 г., онъ послалъ Витзену нѣсколько экземпляровъ ящерицъ и червей, съ условіемъ, чтобы половина изъ нихъ была отдана Рюйшу. Послѣдній написалъ благодарственное письмо, въ которомъ, какъ страстный охотникъ до рѣдкостей, не преминулъ надавать царю самыхъ мелочныхъ наставленій, какъ червяковъ кормить листьями, какъ прокалывать бабочекъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ, напр., о присылкѣ рѣдкихъ звѣрковъ и рыбокъ изъ подъ Азова и т. п.

Бывши въ Лейденѣ, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени — доктора Бэргавена (Boerhaven) и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстіе, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ при томъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ Русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами.

У архитектора Симона Шейнфойта (Simon Chynvoet) царь разсматривалъ коллекцію для изученія натуральной исторіи, при чемъ долго разговаривалъ съ хозяиномъ объ архитектурѣ. Полагаютъ, что у этого архитектора или учились Русскіе, или же онъ посылалъ въ Россію своихъ учениковъ: по крайней мѣрѣ въ дворцахъ и загородныхъ домахъ, строенныхъ въ Петербургѣ въ началѣ XVIII вѣка, проглядывается тяжелый обремененный украшеніями стиль Шейнфойта.

Не забыты были въ экскурсіяхъ царя и машинисты фанъ деръ Гейденъ (Van der Heyden), изобрѣтатели пожарныхъ трубъ: въ ихъ мастерской Петръ проводилъ цѣлые часы, удивляясь ловкости и изобрѣтательности этихъ людей.

Пекарскій.

ОСНОВАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГА И НАЧАЛО КРОНШТАДТСКОЙ КРѢПОСТИ ВЪ 1703 ГОДУ.

Землѧ же бѣ невидима,
и неѹстроена: и тма
верхѹ бездны.
(Бытїѧ Гл. а. Ст. в.)

Взятіе Нотеборга, названнаго Петромъ Великимъ Шлиссельбургъ, то есть Ключъ-городъ, точно послужило ключемъ къ завоеванію не только того мѣста, гдѣ нынѣ красуется Петербургъ, но и всей Эстляндіи, Лифляндіи и части Финляндіи. Петръ, имѣя твердое намѣреніе возвратить и распространить издревле принадлежавшія Россіи владѣнія при Балтійскомъ морѣ, повелѣлъ фельдмаршалу Шереметеву, главнокомандовавшему войсками и комплектовавшему оныя въ Москвѣ, открыть кампанію 1703-го года походомъ къ Шлиссельбургу, съ тѣмъ, чтобы оттуда идти на Ніеншанцъ.

Сія крѣпость, имѣвшая видъ довольно правильнаго пятиугольника, построеннаго почти въ углу, образуемомъ впаденіемъ рѣки Охты въ Неву, еще до войны Петра съ Карломъ XII-мъ, была на значительномъ протяженіи прикрыта валомъ и рвами, проведенными подлѣ Невскаго берега и отъ стороны Шлиссельбурга. Въ пространствѣ, между самою крѣпостью и наружнымъ укрѣпленіемъ, заключалось нѣсколько строеній, принадлежавшихъ къ городу; остальная же главная часть Ніена, въ томъ числѣ довольно обширный военный госпиталь и двѣ протестантскія церкви, Шведская и Нѣмецкая, находились на другой сторонѣ Охты. Таковы были Ніенъ и Ніеншанцъ, осенью 1702 года, когда достигшая

туда вѣсть о взятіи Нотеборга подтвердилась появленіемъ небольшаго Русскаго отряда, посланнаго царемъ отъ истока Невы до рѣки Охты. Комендантъ, видя близкое сосѣдство Россіянъ, и опасаясь скорой осады, заперся въ крѣпости, предавъ пламени весь городъ, горѣвшій болѣе двухъ сутокъ. Опасенія гарнизона были основательны, но напрасны, ибо, какъ упомянуто выше, походъ къ Ніеншанцу былъ отложенъ до весны; но крѣпость была тревожена въ продолженіе зимы отрядами войскъ, высыланными изъ Шлиссельбурга губернаторомъ Меньшиковымъ.

Въ то время, какъ Шереметевъ шелъ отъ Москвы къ Ніеншанцу съ гвардіею, двумя драгунскими полками и двадцатью баталіонами пѣхоты, всего съ 20 т. человѣкъ,—царь прибылъ въ Шлиссельбургъ, и, дождавшись прихода войскъ, послѣдовавшаго 22-го апрѣля, поступилъ подъ начальство главнокомандовавшаго, въ званіи капитана состоявшей при Преображенскомъ полку бомбардирской роты; 24-го апрѣля, не доходя пятнадцати верстъ до Ніеншанца, Шереметевъ послалъ къ оному, на большихъ лодкахъ, дѣйствовавшихъ уже прежде на Ладожскомъ озерѣ, 2 т. человѣкъ пѣхоты, подъ командою полковника Нейдгарта и капитана Глѣбовскаго. Отрядъ сей, имѣвшій цѣлію одну рекогносцировку, въ ночи на 25-е подошелъ, непримѣтно, къ наружному валу, напалъ въ расплохъ на передовые посты Шведовъ, опрокинулъ ихъ и, воспользовавшись смятеніемъ гарнизона, овладѣлъ однимъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ. Послѣ такого успѣха, не много-бъ, казалось, недоставало къ занятію остальныхъ укрѣпленій, обороняемыхъ только 800 челов.; но неоказаніе содѣйствія войскамъ, ворвавшимся въ бастіонъ, сомнительная надежда на успѣхъ и неимѣніе приказаній на дальнѣйшія предпріятія, кромѣ рекогносцировки,—были причинами, что атакующіе, не воспользовавшись пріобрѣтенными уже выгодами, отступили. Шведы, имѣвъ время придти въ себя отъ перваго изумленія и увидѣвъ удаленіе Россіянъ, ободрились, взяли мѣры предосторожности на случай новаго нападенія, и, приготовясь такимъ образомъ къ отпору, заставили своихъ непріятелей, какъ увидимъ ниже, потерять недѣлю времени.

Шереметевъ, послѣ донесенія о семъ дѣлѣ, въ ночи на 26-е апрѣля, двинулся впередъ со всѣми войсками, и поутру предъ Ніеншанцемъ уже стоялъ Русскій лагерь. Хотя мѣсто, занятое симъ послѣднимъ, и было совершенно открыто для крѣпостныхъ вы-

стрѣловъ, но окружавшіе оное лѣсъ, болото и кочки, не позволяли избрать лучшаго. Въ тотъ же день, управлявшій инженерными работами Россіянъ, генералъ Ламбертъ, открылъ траншею въ тридцати саженяхъ отъ крѣпости, и началъ строеніе батарей для 12 мортиръ и 20 пушекъ, привезенныхъ изъ Шлиссельбурга на судахъ, кои были построены въ продолженіе зимы, подъ надзоромъ Меньшикова.

Между тѣмъ, какъ осадныя работы подвигались, вечеромъ 28 числа, царь, принявшій, какъ выше сказано, званіе бомбардирскаго капитана, посадилъ четыре роты Преображенскаго и три Семеновскаго полковъ на шестьдесятъ лодокъ, и, не взирая на жестокій огонь береговыхъ укрѣпленій, пустился съ сею флотиліею внизъ по Большой Невѣ, для занятія ея устья, которымъ Шведскія суда могли бы войти въ рѣку и подать помощь осажденнымъ.

Прикрытые лѣсомъ берега, мимо которыхъ плыла флотилія, представляли любопытнымъ взорамъ царя мрачную картину дикой и сиротствующей природы, коей самые живописные виды не плѣняютъ взора, если онъ не встрѣчаетъ въ нихъ присутствія людей, оживляющаго и пустыни. Не одни берега, но и все пространство, занимаемое нынѣ Петербургомъ и его красивыми окрестностями, были усѣяны лѣсомъ и топкимъ болотомъ; только мѣстами, и то весьма рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частію покинутыя, деревушки, состоявшія изъ полуразвалившихся хижинъ, гдѣ жили туземные поселяне, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ, для провода судовъ, приходившихъ съ моря въ Неву.

Увѣривъ пустынныхъ жителей сего лѣсистаго края въ неприкосновенности ихъ лицъ и имуществъ, снабдивъ ихъ охранными листами, и не видя на взморьѣ ни одного непріятельскаго судна, Петръ возвратился на другой день въ лагерь, оставя на островѣ Витц-сари, или Прутовомъ, нынѣ Гутуевомъ, три гвардейскія роты, для охраненія Невскихъ устій.

Въ кратковременное отсутствіе царя, осадныя работы производились дѣятельно, и къ полудню 30-го числа уже вся артиллерія, доставленная изъ Шлиссельбурга, могла громить стѣны крѣпости.

Шереметевъ, зная слабыя силы гарнизона и избѣгая напраснаго пролитія крови, предложилъ коменданту сдаться на честныхъ условіяхъ; но получа въ отвѣтъ, что крѣпость будетъ обо-

роняться до послѣдней крайности, приказалъ открыть огонь залпомъ изъ всѣхъ орудій. Шведы отвѣчали съ равною жестокостію, и съ обѣихъ сторонъ пальба не умолкала съ 7 часовъ вечера до 5 утра. Тогда только гарнизонъ, чувствуя себя совершенно не въ силахъ долѣе сопротивляться, и опасаясь рѣшительнаго приступа, прибѣгнулъ къ переговорамъ. Въ силу оныхъ, осажденные получили позволеніе перейти въ Выборгъ, и того же 1-го мая, въ десятомъ часу вечера, лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, имѣя въ рядахъ своихъ царевича Алексѣя Петровича, начавшаго тѣмъ службу, вошелъ въ крѣпость, которую въ тѣ минуты еще никто, ни даже самъ Петръ, не предполагалъ основаніемъ новой столицы обширнаго Русскаго царства. Государь, исполненный удовольствія, что дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, назвалъ завоеванный Ніеншанцъ «Шлотбургъ», и на утро праздновалъ побѣду благодарственнымъ молебствіемъ, которое сопровождалось троекратнымъ залпомъ изъ пушекъ и бѣглымъ огнемъ изъ ружей.

Извѣстіе объ успѣхѣ царскаго оружія скоро достигло Москвы, и древняя столица Россіи достойно торжествовала оный.

Между тѣмъ, какъ царь, воздавъ благодареніе Всевышнему за ниспосланную побѣду, занимался обозрѣніемъ крѣпости и найденныхъ въ ней артиллеріи, снарядовъ и разныхъ военныхъ припасовъ, вечеромъ того же 2-го мая гвардейскія роты, занимавшія постъ при устьѣ Невы, извѣстили о появленіи Шведскаго флота. Непріятельскія суда, еще не зная о приходѣ Россіянъ къ Ніеншанцу, и не подозрѣвая взятія крѣпости, двумя пушечными выстрѣлами давали ей знать о своемъ прибытіи. Царь, догадываясь, — какъ подтвердилъ и Ніеншанцскій гарнизонъ — что сіе было условнымъ сигналомъ между симъ послѣднимъ и флотомъ, счелъ полезнымъ для себя поддерживать таковое заблужденіе, и велѣлъ отвѣчать равнымъ числомъ. Хитрость сія, повторенная нѣсколько разъ сряду, имѣла полный успѣхъ: вечеромъ 5-го мая съ Шведскаго адмиральскаго корабля отправили въ Неву шлюпку за лоцманами. Посланные на оной матросы и солдаты, не предполагая близкаго присутствія Русскихъ войскъ, вышли безпечно на берегъ; одинъ изъ нихъ, бывъ схваченъ, показалъ, что прибывшею эскадрою начальствовалъ вице-адмиралъ Нумерсъ, который еще въ 1702 году былъ съ флотиліею на Ладожскомъ озерѣ, и потерпѣлъ пораженіе отъ войскъ окольничаго Апраксина. Почти въ

слѣдъ за шлюпкою приблизились къ устью, отдѣлившіяся отъ Шведскаго флота, два военныя судна: шнява «Астрель» о 14-ти и ботъ «Геданъ» о 10-ти пушкахъ, и, въ ожиданіи лоцмановъ и разсвѣта, легли на якорь противъ входа въ Большую Неву.

Петръ Великій, узнавъ о семъ обстоятельствѣ, рѣшился извлечь изъ онаго всю возможную выгоду, и для того, съ предварительнаго дозволенія фельдмаршала, взявъ съ собою Меньшикова, какъ поручика бомбардирской роты, и часть гвардіи, въ тотъ же вечеръ отправился на тридцати лодкахъ къ Невскимъ устьямъ, въ намѣреніи, при наступленіи ночи, атаковать оба Шведскія судна.

Погода, сначала тихая и свѣтлая, не благопріятствовала предпріятію Русскаго монарха, но мало по малу вѣтръ измѣнялся, тучи скоплялись, и вскорѣ послѣ полуночи, обложивъ небо непроницаемою пеленою, разразились проливнымъ дождемъ.

Петръ распорядился такимъ образомъ, что лодки его, плывшія подлѣ острова Хирвисари, или Лосинаго, нынѣ Васильевскаго, подъ заслономъ покрывавшаго оный лѣса, предъ нападеніемъ должны были раздѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ одна атаковала бы суда со стороны моря, а другая отъ берега; въ ожиданіи удобной для того минуты, поставилъ флотилію въ протокѣ за островомъ Витцсари, близъ построеннаго въ послѣдствіи Екатерингофа. Чрезъ нѣсколько часовъ ожиданія, благопріятное время настало, и посреди мрака и бури Оссіановской ночи, Петръ, въ потѣ лица трудившійся для Россіи, ударилъ съ двухъ сторонъ на изумленныхъ непріятелей. Примѣръ вождя одушевилъ предводимыхъ. Подъ градомъ ядеръ, гранатъ и пуль, сыпавшихся на царскую флотилію, не только съ абордированныхъ судовъ, но и съ остальной эскадры, вступившей подъ паруса въ намѣреніи ихъ выручить, но остановленной мелководіемъ, взлетали Русскіе на суда, гдѣ смерть являлась во всѣхъ видахъ. Ни губительное дѣйствіе непріятельскихъ выстрѣловъ, ни отчаянныя усилія защищавшихся, не спасли сихъ послѣднихъ отъ угрожавшей имъ участи. Царь, съ гранатою въ рукѣ, взошелъ первый на шняву, и чрезъ нѣсколько минутъ оба судна находились въ его власти. Изъ 77 человѣкъ, составлявшихъ ихъ экипажъ, только 19 сохранили жизнь цѣною плѣна; всѣ остальные пали подъ ударами побѣдителей, раздраженныхъ упорнымъ сопротивленіемъ. Побѣда сія, первая одержанная Россіянами на водахъ Балтики, и тѣмъ важнѣйшая, что одержалъ ее самъ Петръ, была имъ празднована

10-го мая, въ лагерѣ подъ Шлотбургомъ, въ виду плѣнныхъ судовъ, торжественно туда приведенныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ, генералъ-адмиралъ Головинъ, первый кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, возложилъ знаки онаго на главныхъ виновниковъ побѣды: царя и любимца его Меньшикова; офицеры же и солдаты, въ оной участвовавшіе, получили медали, съ изображеніемъ царя и съ надписью: *«Небываемое бываетъ»*.

Видя себя властелиномъ Невы отъ истока ея до самаго устья,— ибо хотя Шведская эскадра находилась еще въ виду, но не могла войти въ рѣку, по недостаточной глубинѣ,—Петръ вознамѣрился стать твердою ногой на возвращенномъ имъ силою оружія мѣстѣ, и укрѣпить оное такъ, чтобы всѣ покушенія Шведовъ къ обратному завоеванію онаго содѣлать безплодными. Съ сею цѣлію, вскорѣ послѣ Усть-Невскаго дѣла, царь собралъ Военный Совѣтъ, на которомъ было разсуждаемо: должно ли укрѣпиться въ Шлотбургѣ, или предпочесть иное мѣсто, не столь удаленное отъ моря?— Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, Шлотбургъ, по причинѣ тѣсноты, по слабымъ способамъ, представлявшимся къ его оборонѣ, и, всего болѣе, по отдаленію отъ устья Невы, положили срыть, и построить новую крѣпость ближе ко взморью. Для выбора къ тому мѣста, Петръ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поѣхалъ осматривать острова, омываемые разными рукавами Невы, и здѣсь-то блеснула въ умѣ его великая и полезная мысль: въ семъ уединенномъ, но богатомъ удобствами мѣстѣ, основать обширный городъ и оживить дикія пустыни Ингріи и Кореліи народонаселеніемъ, торговлею и промышленостію. Необозримыя пространства лѣсовъ и болотъ, представлявшихся со всѣхъ сторонъ взорамъ царя, не остановили его исполинскаго намѣренія: оно было принято — и небольшой низменный островъ Енисари, или Заячій, лежащій на Большой Невѣ, предъ нынѣшнею Петербургскою стороною, избранъ для заложенія крѣпости.

Есть преданіе, будто еще предшественникъ Карла XII подарилъ знатному Шведскому вельможѣ (кажется, графу Стенбоку) участокъ земли при Невскихъ устьяхъ. Графъ, прельстясь красивымъ и выгоднымъ положеніемъ мѣста, построилъ тамъ мызу, заселилъ ее и назвалъ Lustholm (увеселительный островъ). Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ осенью, еще до появленія льда, нѣсколько изъ жившихъ при мызѣ поселянъ погибли отъ стужи, а въ

слѣдъ за тѣмъ выступившая изъ береговъ вода затопила все селеніе. Графъ, увидѣвъ свои труды и издержки утраченными, не разсудилъ за благо возобновлять разрушенныя строенія, назвалъ подаренное ему мѣсто Teufelsholm (чортовъ островъ), и уѣхалъ, оставивъ разоренную мызу въ запустѣніи и забвеніи. Преданіе сіе, не подтверждаемое свидѣтельствами современниковъ, вѣроятно вымышлено, но тѣмъ не менѣе удачно приноровлено къ понятію о Петербургскомъ климатѣ, который въ настоящее время еще умѣреннѣе прежняго отъ увеличивающагося съ каждымъ почти днемъ народонаселенія и отъ сопряженныхъ съ онымъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ.

Рѣшаясь укрѣпить островъ Енисари, Петръ Великій едва ли могъ сдѣлать лучшій выборъ, ибо здѣсь крѣпость, окруженная уже отъ природы вмѣсто рвовъ водами Невы, съ сухаго пути была почти недоступна по причинѣ пространнаго вязкаго болота, которое покрывало нынѣшнюю Петербургскую сторону, называвшуюся у Шведовъ Койвисари, т. е. Березовый островъ, и другіе острова, съ нею смежные. Дорожа временемъ, царь, 16-го того же мѣсяца, въ праздникъ Св. Троицы, приступилъ къ заложенію земляной крѣпости, и собственными руками положилъ закладный камень въ основаніе бастіона, лежащаго влѣво отъ нынѣшнихъ Петровскихъ воротъ, лѣвымъ фасомъ къ Петербургской сторонѣ. Для усиленія крѣпостной обороны, передъ куртиною, обращенною къ верху Невы, назначено было построить равелинъ, а на Лосиномъ (Васильевскомъ) островѣ, у оконечности, образуемой раздѣленіемъ Невы на Большую и Малую, и по виду ея названной «Стрѣлкою», поставлена сильная батарея. Прикрытый такимъ образомъ и достаточно защищенный со стороны взморья, Березовый островъ былъ избранъ для построенія города, названнаго государемъ, въ честь Св. Апостола Петра, «Санктпетербургъ». Сотрудникъ царя, Меньшиковъ, былъ тогда же назначенъ въ оный губернаторомъ, драгунскій полковникъ Ренне комендантомъ, а артиллеріи полковникъ Трезини, родомъ Италіянецъ, архитекторомъ. Въ слѣдъ за симъ распоряженіемъ, войска, осаждавшія Ніеншанцъ и стоявшія лагеремъ по берегамъ Невы, пѣхота на правомъ, кавалерія на лѣвомъ, были раздѣлены на двѣ части. Одна, подъ начальствомъ генерала князя Репнина, оставлена при С.-Петербургѣ, а съ другою Шереметевъ пошелъ къ укрѣпленнымъ замкамъ Копорью и Ямамъ, коихъ взятіе, вскорѣ и почти безъ урона послѣдовавшее,

доставило Петру Великому обладаніе надъ всею Ингерманландіею. Въ память возвращенія сей страны подъ Россійскую державу, царь, лѣтомъ того же 1703 года, повелѣлъ изъ тысячи видныхъ и стройныхъ людей набрать пѣхотный полкъ, и назвалъ оный сначала, по имени шефа, «Меньшиковымъ», а впослѣдствіи «Ингерманландскимъ». Отличный сей полкъ, хотя и входилъ въ составъ полевыхъ но будучи гвардіею Меньшикова, пользовался почти всѣми преимуществами гвардіи императорской, и весьма долгое время имѣлъ непремѣнныя квартиры въ С.-Петербургѣ.

Поднятіе низменнаго острова Енисари, расчистка земли, вырубка лѣса, построеніе крѣпости и домовъ и другія работы требовали большаго числа рукъ, и потому царь, употребивъ на сіи работы сначала бывшія у князя Репнина войска, также Ингерманландцевъ, Кореловъ, Олончанъ и Новогородцевъ, повелѣлъ высылать изъ Россіи тысячи рабочихъ и мастеровыхъ, равномѣрно казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, присоединя къ нимъ значительное число плѣнныхъ Шведовъ, такъ что того же лѣта сорокъ тысячъ человѣкъ, разныхъ племенъ и нарѣчій, раздѣленныхъ на двѣ очереди, трудились надъ созиданіемъ Петербурга. Казенные работники получали отъ казны только пищу, а вольные сверхъ оной и плату, по три копѣйки въ сутки. По недостатку въ инструментахъ и землекопныхъ орудіяхъ, большая часть работъ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себѣ въ мѣшкахъ, или даже въ полахъ платья. Если къ сему прибавить, что работавшіе не имѣли не только жилищъ, но даже необходимаго крова, и нерѣдко томились голодомъ, ибо не всегда успѣвали доставлять имъ потребное количество съѣстныхъ припасовъ, то можно вообразить, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій стоило первоначальное обстроеніе Петербурга; но того требовали обстоятельства, того требовала польза цѣлой Россіи

Не смотря однако на всѣ затрудненія, дѣятельность, возбуждаемая присутствіемъ и распорядительностію царя, была въ такой степени, что въ теченіе немногихъ недѣль большіе участки лѣсовъ и болотъ исчезли, и на мѣстѣ двухъ ветхихъ, полуразрушенныхъ хижинъ, составлявшихъ на островѣ Енисари всѣ слѣды человѣческаго пребыванія, возникали, какъ бы изъ среды водъ, грозные валы крѣпости. Еще въ день заложенія сей послѣдней, Петръ, желая поспѣшить съ работами, раздѣлилъ надзоръ за оными на шесть участковъ, изъ коихъ одинъ взялъ на себя, а ос-

тальные поручилъ бывшимъ при немъ вельможамъ: Нарышкину, Трубецкому, Зотову, Головкину и Меньшикову. Въ память сего, и сооруженные подъ ихъ надзоромъ *раскаты*, или бастіоны, начиная отъ находящагося по правую сторону Петровскихъ воротъ, царь повелѣлъ называть: «Государевъ», «Нарышкинъ», «Трубецкой», «Зотовъ», «Головкинъ» и «Меньшиковъ». Въ продолженіе работъ, Петръ съ большимъ торжествомъ праздновалъ день своего тезоименитства, 29-го іюня; причемъ Меньшиковъ угощалъ монарха и знатныхъ особъ роскошнымъ банкетомъ, въ казармахъ, строившихся въ бастіонѣ его имени. Къ основанію крѣпости и города при устьяхъ Невы послужило не одно только красивое положеніе сего мѣста, но и удобство къ вмѣщенію флота и къ открытому выходу онаго въ море. Петръ, испытавшій уже въ 1695 году, при неудачной осадѣ Азова, какъ важно въ войнѣ съ морскою державою содѣйствіе флота, увидѣлъ съ перваго взгляда на Невскія устья, сколь полезны они быть могутъ для Россіи, и, не теряя времени, приступилъ къ приведенію въ дѣйство исполинскаго своего плана.

Между тѣмъ, какъ мертвая тишина, царствовавшая дотолѣ на островахъ, омываемыхъ рукавами Невы, нарушалась звуками сѣкиръ и криками работающихъ, Шведы не были праздными зрителями сей картины. Двѣнадцатитысячный ихъ корпусъ, подъ начальствомъ генерала Кроніорта, имѣвшаго въ 1702 году дѣло съ окольничимъ Апраксинымъ, въ первыхъ числахъ іюля вышелъ изъ Выборга, въ намѣреніи разрушить начатыя Русскими работы; но царь, заблаговременно извѣщенный объ опасности, выступилъ изъ Петербурга съ обоими гвардейскими и четырьмя драгунскими полками, кои, 9-го іюля, усмотрѣвъ непріятеля за рѣкою Сестрою, совершили въ глазахъ его весьма трудную переправу, и атаковали Шведовъ. Сіи послѣдніе, не взирая на выгодную свою позицію въ густомъ лѣсу, были сбиты и принуждены отступить къ Выборгу, потерявъ весь обозъ и часть артиллеріи.

При великомъ числѣ работавшихъ въ Петербургѣ, строеніе крѣпости было окончено въ четыре мѣсяца. Внутри, по всей длинѣ острова, былъ вырытъ каналъ, для снабженія гарнизона, въ случаѣ осады, водою, и по сторонамъ онаго стояли четыре ряда домовъ, крытыхъ, по Финскому обыкновенію, дерномъ или берестою. У южнаго берега канала сооружена была, во имя Св. Апостолъ Петра и Павла деревянная, окрашенная подъ желтый мраморъ, церковь, съ тремя спицами, на которыхъ въ празднич-

ные и воскресные дни поднимали корабельные вымпела, и, сверхъ того, на одномъ изъ нихъ, служившемъ колокольнею, колоколъ днемъ и ночью билъ часы. На другой сторонѣ канала, противъ сѣверныхъ дверей церкви, стоялъ небольшой, одноэтажный домъ коменданта, и близъ него домы гарнизонныхъ офицеровъ. По южную сторону церкви, на мѣстѣ нынѣшняго комендантскаго дома, была довольно обширная гауптвахта, съ небольшою впереди площадкою. Сію послѣднюю называли *плясовою*, отъ находившихся на ней деревянной лошади съ острою спиной и столба со вбитыми около онаго въ землю заостренными кольями. На первую сажали верхомъ, а на послѣдній становили ногами провинившихся солдатъ, — наказанія, сообразныя духу того времени. Подлѣ гауптвахты деревянный, одинаково съ церковью окрашенный домъ, былъ назначенъ для арсенала, или цейхгауза; въ остальныхъ строеніяхъ помѣщались крѣпостные священно-и церковно-служители, церковь для жителей протестантскаго исповѣданія, гарнизонная канцелярія, провіантскіе магазины, и наконецъ, въ бастіонѣ Меньшикова, небольшой, довольно красивой наружности домъ, назначался подъ казенную аптеку. Устроенныя въ куртинѣ между Государевымъ и Меньшиковымъ бастіонами ворота выходили на длинный, подъемный въ двухъ мѣстахъ, деревянный мостъ, который служилъ сообщеніемъ крѣпости съ Петербургскимъ островомъ.

Ежедневно, отъ пробитія утренней зари до вечерней, на Государевомъ бастіонѣ развѣвался въ будни кейзеръ-флагъ, а въ праздники и торжественные дни штандартъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ носу и въ когтяхъ четыре моря: Бѣлое и Черное, Каспійское и Балтійское. Поднятіе и спускъ флага служили сигналомъ къ начатію и прекращенію городскихъ работъ, и сопровождались всегда пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости, производившимся кромѣ того еще разъ въ день, въ 10 часовъ утра, т. е. предъ обѣденнымъ временемъ. Въ то же самое время, какъ застроивался островъ Енисари, царь, желая быть сколько можно ближе къ оному, дабы чаще навѣщать работы, повелѣлъ построить для своего жительства, на Петербургскомъ островѣ, подлѣ берега Большой Невы, не далѣе какъ въ 200 саженяхъ отъ крѣпости, на мѣстѣ, гдѣ во времена Шведскаго владѣнія стояла ветхая рыбачья хижина, небольшой деревянный домикъ, ширипою въ восемь, длиною въ

три сажени. Врагъ всякаго излишества и роскоши, преобразователь Россіи, подавая собою примѣръ умѣренности, помѣщался въ двухъ небольшихъ комнатахъ, раздѣленныхъ узкими сѣнями и кухнею, обитыхъ внутри холстомъ, и потомъ выбѣленныхъ безъ всякихъ украшеній. Убранство комнатъ простотою своею соотвѣтствовало стѣнамъ; снаружи домикъ былъ выкрашенъ въ Голландскомъ вкусѣ, подъ кирпичъ; на крышѣ были укрѣплены, по срединѣ мортира, а по обоимъ угламъ двѣ пылающія бомбы, та и другія изъ дерева. Такъ просто и тѣсно было первое жилище Петра Великаго въ Петербургѣ; но нигдѣ именно величіе его не является столь разительно и съ такимъ блескомъ, какъ въ сей хижинѣ. Почти рядомъ съ оною, Меньшиковъ, любитель великолѣпія и роскоши, построилъ для себя деревянный же, но довольно обширный домъ, гдѣ, по тѣснотѣ царскаго, давались обыкновенно большіе обѣды и аудіенціи. Въ сихъ двухъ домахъ и въ шалашахъ и сараяхъ, построенныхъ на зиму для рабочихъ людей и въ безпорядкѣ разбросанныхъ по Петербургскому острову, заключался въ 1703 году весь городъ.

Положивъ такимъ образомъ основаніе Петербургу, и видя возможность помѣстить при ономъ флотъ, Петръ въ началѣ октября поѣхалъ въ Лодейное Поле, переименованное Олонецкою верфью, заложилъ тамъ шесть фрегатовъ и девять шнявъ, и возвратился въ Петербургъ на новопостроенномъ фрегатѣ «Штандартъ», въ сопровожденіи новыхъ же галіотовъ. На семъ обратномъ пути, въ крѣпкій вѣтеръ, фрегатъ сталъ на мель и получилъ поврежденія, исправленныя уже въ Петербургѣ: первый случай, что Русское военное судно сего ранга разсѣкало Невскія волны и починивалось у береговъ Невскихъ.

Нетерпѣніе, съ какимъ царь желалъ видѣть умноженіе своего Балтійскаго флота, побудило его, въ томъ же 1703 году, учредить еще верфь въ Новгородской провинціи, на устьѣ рѣки Сяси, гдѣ тою же осенью были спущены на воду три шнявы и до трехъ сотъ разныхъ перевозныхъ судовъ и барокъ, строенныхъ большею частію мастеромъ Гавриломъ Меньшиковымъ, учившимся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи. Недостатокъ въ мореходцахъ нѣсколько озабочивалъ Петра; но онъ скоро обезпечилъ себя и съ сей стороны, пригласивъ въ свою службу офицеровъ изъ Голландіи, Венеціи и земель, обитаемыхъ Славянскими племенами при берегахъ Адріатическаго моря, и

ные и воскресные дни поднимали корабельные вымпела, и, сверхъ того, на одномъ изъ нихъ, служившемъ колокольнею, колоколъ днемъ и ночью билъ часы. На другой сторонѣ канала, противъ сѣверныхъ дверей церкви, стоялъ небольшой, одноэтажный домъ коменданта, и близъ него домы гарнизонныхъ офицеровъ. По южную сторону церкви, на мѣстѣ нынѣшняго комендантскаго дома, была довольно обширная гауптвахта, съ небольшою впереди площадкою. Сію послѣднюю называли *плясовою*, отъ находившихся на ней деревянной лошади съ острою спиной и столба со вбитыми около онаго въ землю заостренными кольями. На первую сажали верхомъ, а на послѣдній становили ногами провинившихся солдатъ, — наказанія, сообразныя духу того времени. Подлѣ гауптвахты деревянный, одинаково съ церковью окрашенный домъ, былъ назначенъ для арсенала, или цейхгауза; въ остальныхъ строеніяхъ помѣщались крѣпостные священно-и церковно-служители, церковь для жителей протестантскаго исповѣданія, гарнизонная канцелярія, провіантскіе магазины, и наконецъ, въ бастіонѣ Меньшикова, небольшой, довольно красивой наружности домъ, назначался подъ казенную аптеку. Устроенныя въ куртинѣ между Государевымъ и Меньшиковымъ бастіонами ворота выходили на длинный, подъемный въ двухъ мѣстахъ, деревянный мостъ, который служилъ сообщеніемъ крѣпости съ Петербургскимъ островомъ.

Ежедневно, отъ пробитія утренней зари до вечерней, на Государевомъ бастіонѣ развѣвался въ будни кейзеръ-флагъ, а въ праздники и торжественные дни штандартъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ носу и въ когтяхъ четыре моря: Бѣлое и Черное, Каспійское и Балтійское. Поднятіе и спускъ флага служили сигналомъ къ начатію и прекращенію городскихъ работъ, и сопровождались всегда пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости, производившимся кромѣ того еще разъ въ день, въ 10 часовъ утра, т. е. предъ обѣденнымъ временемъ. Въ то же самое время, какъ застроивался островъ Енисари, царь, желая быть сколько можно ближе къ оному, дабы чаще навѣщать работы, повелѣлъ построить для своего жительства, на Петербургскомъ островѣ, подлѣ берега Большой Невы, не далѣе какъ въ 200 саженяхъ отъ крѣпости, на мѣстѣ, гдѣ во времена Шведскаго владѣнія стояла ветхая рыбачья хижина, небольшой деревянный домикъ, шириною въ восемь, длиною въ

царя о дозволеніи продолжать рубку, и для того пріѣхалъ въ Петербургъ, но въ такое время, когда тамъ не было ни Петра, ни Меньшикова, ѣздившихъ на нѣсколько дней въ покоренные Шереметевымъ Ямъ и Копорье. Такимъ образомъ онъ не могъ видѣть монарха, но дождался губернатора, отъ котораго получилъ не только дозволеніе рубить лѣсъ въ желаемомъ мѣстѣ, но еще приглашеніе прибыть въ Петербургъ на судахъ съ товаромъ. Обрадованный шхиперъ желалъ немедленно войти въ Неву. Не получивъ на то дозволенія отъ Нумерса, опасавшагося, чтобы Россія не вздумала вооружить Голландскія суда артиллеріею и употребить оныя въ свою пользу, онъ успѣлъ въ ночное время придти съ шестью судами сквозь Шведскій флотъ къ рѣкѣ Сестрѣ, гдѣ, послѣ отраженія генерала Кроніорта, оставались нѣсколько Русскихъ полковъ. Изъ сихъ-то судовъ, одно, наруженное солью и винами, воспользовавшись удаленіемъ Нумерсовой эскадры и оттепелью, разогнавшею ледъ на Невѣ и въ заливѣ, пришло въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ Петербургу. (Это былъ первый заграничный корабль, пришедшій къ Петербургу.) Меньшиковъ, постигавшій мудрыя намѣренія монарха, и ревностно онымъ содѣйствовавшій, оказалъ шхиперу самый лестный пріемъ, пригласилъ его къ обѣденному столу, подарилъ ему 500 червонцевъ, а каждому матросу по 300 ефимковъ, и откупилъ весь привезенный грузъ, обѣщавъ 300 червонцевъ награды шхиперу перваго судна, которое бы послѣ того пришло въ Петербургъ, и 130 второму.

Царь, не смотря на множество и разнообразіе предметовъ, требовавшихъ не только его особеннаго вниманія, но часто даже и личнаго присутствія, столько заботился о застроеніи и укрѣпленіи Петербурга, что казалось, будто вся его дѣятельность и всѣ попеченія были устремлены на одно сіе мѣсто. Дѣйствуя вездѣ самъ, если не личнымъ распоряженіемъ, то подробными наставленіями, онъ въ одно и то же время вводилъ новыя, полезныя учрежденія во внутреннемъ управленіи государства, занимался сношеніями внѣшними, пріуготовлялъ кампанію, которой надлежало открыться съ наступленіемъ весны, спускалъ и вновь закладывалъ корабли и суда на верфь рѣки Дона, и едва успѣлъ прибыть изъ Москвы въ Воронежъ, какъ уже начерталъ и отправилъ въ Петербургъ къ Меньшикову проектъ укрѣпленія, которое, будучи построено по южную сторону острова Котлина, у самаго фарватера, не

допускало бы непріятельскихъ судовъ до Петербурга. Меньшиковъ, получивъ планъ укрѣпленія, поспѣшилъ къ острову Котлину, и тамъ совершилъ такое дѣло, какому не много найдется подобныхъ. По его распоряженію, всѣ потребные для строенія матеріалы доставлялись изъ Петерурга по льду; работы производились такъ же дѣятельно и скоро, какъ бы посреди лѣта, и въ короткое время на поверхности Финскаго залива, на вышеописанной отмели, возникла трехъ-ярусная деревянная батарея, или башня, поставленная какъ бы на стражѣ при входѣ въ Невскій фарватеръ. Основаніемъ оной послужили большіе ряжи, или бревенчатые ящики, наполненные каменьями и потомъ погруженные на дно. Не взирая на зимнюю стужу, многія тысячи рукъ занимались постройкою и доставкою матеріаловъ. Около осьми тысячъ лошадей пали отъ недостатка корма и отъ изнуренія; не мало погибло и людей, но это была необходимая жертва, принесенная для охраненія Петербурга и для обезпеченія будущихъ успѣховъ Петра на водахъ и берегахъ Балтики. Еще до вскрытія льда, главныя части укрѣпленія были окончены, и возникавшая столица защищена со стороны моря.

Батюшкій.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

(1709 г. 27 іюня.)

Побѣда при Лѣсной (28 сентября 1708 г.), какъ сказалъ самъ Петръ, была матерью Полтавской побѣды. Она лишала Карла XII шедшихъ къ нему значительныхъ подкрѣпленій и огромнаго транспорта съ продовольственными и военными припасами; въ особенности же для него была чувствительна потеря послѣднихъ, которые онъ не могъ замѣнить другими въ Украйнѣ. Не менѣе важно было и въ нравственномъ отношеніи вліяніе побѣды при Лѣсной, какъ перваго значительнаго успѣха, одержаннаго Русскими регулярными войсками, успѣха, одержаннаго равными съ непріятелемъ силами. Иностранные писатели говорятъ, что, въ этомъ дѣлѣ, на сторонѣ Петра былъ значительный перевѣсъ въ числѣ войскъ: такимъ образомъ — нѣкоторые изъ нихъ (Нордбергъ, Краакъ, Гримаре) увѣряютъ, что у Петра было 40, 50 и даже 80 тысячъ человѣкъ, а у Левенгаупта не болѣе 9-ти тысячъ. Но эти пристрастныя показанія опровергаются сличеніемъ ихъ съ официальными источниками, и преувеличеніе иностранцами числа нашихъ войскъ доказываетъ, быть-можетъ, только то, что 15-ти тысячный Русскій корпусъ сражался съ такимъ мужествомъ, что силы его казались непріятелямъ гораздо большими, нежели были въ дѣйствительности.

Между тѣмъ какъ Петръ дѣйствовалъ противъ Левенгаупта, генералъ Иффландъ съ авангардомъ главныхъ силъ двигался такъ быстро, что успѣлъ предупредить Шведовъ въ Стародубѣ. Въ этомъ городѣ, укрѣпленномъ въ то время, какъ были укрѣплены почти всѣ города войнолюбивой Украйны, начальствовалъ казачій полковникъ Скоропадскій, котораго Мазепа считалъ совершенно себѣ преданнымъ; но ожиданія измѣнника были обмануты:

Скоропадскій впустилъ въ городъ Ифланда. Этотъ случай могъ бы послужить къ предостереженію Карла XII, насчетъ обѣщаній Мазепы, тѣмъ болѣе, что всѣ деревни, лежавшія въ окрестностяхъ расположенія Шведской арміи, были оставлены жителями. Но какъ ему нельзя было долѣе оставаться на мѣстѣ, то онъ рѣшился идти далѣе, и 10 октября перешелъ въ Бѣлогорцъ. Между тѣмъ Ифландъ, находясь въ Стародубѣ и получивъ тамъ свѣдѣніе о приближеніи остатковъ Левенгауптова корпуса, двинулся на перерѣзъ ему и нанесъ совершенное пораженіе его арріергарду. 12 октября, Левенгауптъ съ 6-ью тысячами войскъ прибылъ къ главнымъ силамъ Шведской арміи въ Бѣлогорцъ.

По присоединеніи Левенгаупта, Карлъ XII прошелъ подъ стѣнами Стародуба, и, не успѣвъ предупредить занятіе Новгорода-Сѣверскаго Русскими войсками, отряженными туда Шереметевымъ, расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города у села Городокъ, 24-го октября. До сего времени Мазепа ограничивался тайными сношеніями съ королемъ Шведскимъ и заготовленіемъ для него магазиновъ въ главнѣйшихъ городахъ Малороссіи; готовясь сбросить личину притворства, онъ долго колебался въ нерѣшимости; непріятельская армія, имъ призванная, находилась въ такомъ жалкомъ состояніи, что Мазепа, не надѣясь на успѣхъ ея дѣйствій, охотно прервалъ бы сношенія съ Карломъ, если бы не страшился справедливаго мщенія Петра. Эта нерѣшительность Мазепы ежедневно уменьшала число его сообщниковъ; наконецъ, когда уже нельзя было долѣе медлить, выступилъ онъ съ 5-ью тысячами казаковъ изъ резиденціи своей, Батурина, къ Деснѣ. За исключеніемъ немногихъ приверженцевъ его, участвовавшихъ въ преступномъ замыслѣ, всѣ прочіе казаки шли въ полной увѣренности, что гетманъ ведетъ ихъ противъ непріятеля; но когда они, переправясь черезъ Десну 26-го октября, очутились среди Шведовъ, то одно лишь опасеніе быть истребленными, заставило ихъ слѣдовать далѣе въ Горки, гдѣ находилась главная квартира Карла. Впослѣдствіи многіе изъ нихъ бѣжали въ Русскій лагерь.

Въ продолженіе слѣдованія Шведской арміи отъ Ипути къ Деснѣ, главныя наши силы, двигаясь параллельно войскамъ Карла черезъ Почепъ, пришли въ концѣ октября въ окрестности Новгорода-Сѣверскаго, куда въ то же время прибылъ изъ Смоленска Петръ Первый, приказавъ пѣхотѣ, дѣйствовавшей прежде про-

тивъ Левенгаупта, идти вслѣдъ за нимъ на присоединеніе къ главнымъ силамъ. Русская армія расположена была близъ села Погребковъ, на лѣвой сторонѣ Десны, съ тою цѣлью, чтобы не позволить непріятелю переправиться черезъ эту рѣку. Туда было доставлено княземъ Меньшиковымъ первое свѣдѣніе объ измѣнѣ Мазепы; въ Военномъ Совѣтѣ, собранномъ по сему случаю, положено было отрядить Меньшикова для овладѣнія Батуриномъ, гдѣ собраны были значительные магазины, приготовленные для непріятеля Мазепою, и оставленъ былъ сильный гарнизонъ. Шведская армія находилась ближе къ сему пункту, нежели наша; но какъ непріятелю для достиженія Батурина необходимо было переправиться черезъ Десну, то князь Меньшиковъ предупредилъ Шведовъ и, подступивъ къ Батурину, потребовалъ отъ казаковъ сдачи; получивъ отказъ, Меньшиковъ 2-го ноября атаковалъ этотъ городъ, обнесенный землянымъ валомъ съ деревянною одеждою и рвомъ, и, взявъ его штурмомъ, разорилъ до основанія. Несмѣтныя богатства и огромная военная добыча достались побѣдителямъ. Болѣе 300 орудій найдено было въ городѣ. Жители Батурина истреблены были всѣ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ казачьихъ начальниковъ: полковника Чечеля и прусскаго уроженца есаула Кёнигсека съ небольшимъ числомъ приверженцевъ Мазепы. Разореніе Батурина лишило Шведскую армію значительныхъ магазиновъ и удержало въ вѣрности къ Петру тѣхъ казачьихъ начальниковъ, которые, покорствуя своему гетману, готовы были подражать ему. Мѣры, принятыя государемъ въ отношеніи къ жителямъ Украйны, упрочили еще болѣе ихъ преданность престолу и отечеству: повелѣвъ предать казни Чечеля и прочихъ защитниковъ Батурина, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ, изъ числа послѣдователей Мазепы, которые въ теченіе мѣсяца оставятъ измѣнника; Скоропадскій, подавшій примѣръ исполненія священнаго долга вѣрности царю, былъ избранъ въ гетманы малороссійскими депутатами, собранными въ Глуховѣ въ началѣ ноября; а Мазепа, въ то же самое время, всенародно преданъ проклятію.

Между тѣмъ въ концѣ октября, Карлъ, не желая оставаться долѣе въ странѣ, опустошенной долговременнымъ пребываніемъ двухъ армій, рѣшился переправиться на лѣвую сторону Десны и двигаться далѣе: съ этою цѣлью онъ спустился внизъ по рѣкѣ къ селу Мезину и устроилъ батарею изъ 28-ми орудій на такомъ пунктѣ, гдѣ Десна течетъ въ глубокой долинѣ и гдѣ правый бе-

регъ ея имѣетъ значительное возвышеніе надъ лѣвымъ. Превосходство Шведской артиллеріи въ числѣ орудій и выгоды мѣстности, ею занятой, способствовали непріятелю построить два парома, несмотря на сопротивленіе Русскаго отряда, состоявшаго подъ начальствомъ генерала Гордона; но самая переправа сопряжена была съ чрезвычайными затрудненіями: берега были такъ круты, что не было никакой возможности устроить спусковъ, и потому войска принуждены были спускаться по крутому скату къ тому мѣсту, гдѣ находились паромы; самъ король употребилъ этотъ неудобный способъ спуска. Переправа производилась весьма медленно: на каждомъ паромѣ помѣщалось не болѣе пятнадцати или двадцати человѣкъ, и потому въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ Шведы успѣли переправить не болѣе 600 человѣкъ; между тѣмъ артиллерія ихъ громила наши войска и отвлекала ихъ вниманіе отъ переправы, совершенно прикрытой возвышенными берегами рѣки. Отрядъ Гордона, не успѣвъ удержать непріятеля, отошелъ назадъ, и тогда Карлъ, устроивъ нѣсколько мостовъ, переправилъ свои главныя силы и двинулся мимо развалинъ Батурина, гдѣ перешелъ рѣку Сеймъ къ Ромнамъ и Гадячу.

Русская армія, одновременно съ помянутымъ движеніемъ Шведовъ, выступя изъ окрестностей Новгорода-Сѣверскаго, слѣдовала фланговымъ маршемъ, черезъ Глуховъ и Путивль, къ Лебедину, куда и прибыла въ концѣ ноября. Отрядъ, посланный отъ нашей арміи для занятія Гадяча, опоздалъ нѣсколькими часами и не успѣлъ предупредить непріятеля. Это упущеніе, котораго истинная причина въ точности неизвѣстна, доставила Карлу огромные магазины, приготовленые, по распоряженію Мазепы, въ Ромнахъ и Гадячѣ.

Уже наступила зима. Шведскія войска, послѣ многотруднаго похода, ими совершоннаго, имѣли необходимую нужду въ отдыхѣ, и потому король рѣшился, отложивъ до весны движеніе къ Москвѣ, занять зимнія квартиры въ Украйнѣ. Шведская армія, въ числѣ съ небольшимъ 30-ти тысячъ, не считая находившихся при ней нѣсколькихъ тысячъ казаковъ, расположилась, въ концѣ ноября 1708 года, по деревнямъ на пространствѣ между Ромнами, Гадячемъ, Лохвицею и Прилуками; главная квартира была въ Ромнахъ.

Вскорѣ послѣ того Русская армія, въ числѣ 40-ка тысячъ, кромѣ находившихся при ней иррегулярныхъ войскъ, также распо-

вить Петра идти въ помощь Полтавѣ и вступить въ рѣшительное сраженіе; но если бы даже и удалось Карлу одержать побѣду надъ Русскою арміею, то положеніе его оттого ни сколько бы не улучшилось: малочисленность его силъ, состоявшихъ въ числѣ 28-ми тысячъ, и долженствовавшихъ еще ослабиться послѣ генеральнаго сраженія, не позволяла ему помышлять о движеніи къ Москвѣ. Принимая во вниманіе низкую степень, на которой стояло тогда инженерное искусство въ Шведской арміи, нельзя не сознаться также и въ томъ, что успѣхъ осады Полтавы былъ весьма сомнителенъ. Гордѣенко, человѣкъ необразованный, но весьма сметливый, полагалъ возможнымъ овладѣть Полтавою посредствомъ нечаяннаго нападенія, безъ всякихъ предварительныхъ осадныхъ работъ. Весьма замѣчательно, что Кейтъ, имѣвшій случай видѣть Полтавскія укрѣпленія въ то время, когда онъ находился въ нашей службѣ, былъ того же мнѣнія.

Полтава лежитъ на правой сторонѣ Ворсклы, образующей своими рукавами въ окрестностяхъ города довольно обширныя болота. Укрѣпленія Полтавы, построенныя подобно укрѣпленіямъ прочихъ Малороссійскихъ городовъ, были довольно слабы; но Русскія войска въ теченіе зимы исправили ихъ, усилили новыми пристройками и обнесли ихъ палисадами. Гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ тысяхъ регулярныхъ войскъ и 2,500 вооруженныхъ мѣщанъ, снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи, и военными — въ небольшомъ количествѣ. Комендантомъ города назначенъ былъ, по непосредственному выбору самого Петра, полковникъ Келлинъ.

Карлъ XII, обозрѣвъ Полтавскія укрѣпленія еще въ началѣ апрѣля, послалъ, въ концѣ этого мѣсяца, изъ Будища, къ сѣверу отъ Полтавы, куда переведена была главная квартира Шведской арміи, генерала Шпарра съ однимъ артиллерійскимъ и съ 9-ью пѣхотными полками, для обложенія города. 30-го апрѣля открыты была траншея; вслѣдъ за тѣмъ подошли къ Полтавѣ, съ правой стороны Ворсклы, главныя силы Шведовъ, а съ лѣвой — часть нашей арміи подъ начальствомъ князя Меньшикова, который, переправясь черезъ рѣку выше Полтавы и расположась противъ города, покушался открыть сообщеніе съ осажденными, и даже успѣлъ ввести въ Полтаву 2 батальона. Но вскорѣ Шведскія войска, построивъ редутъ у подошвы горы, на которой лежитъ Полтава, прервали сообщеніе Меньшикова съ гарнизономъ, и безъ

того весьма затруднительное по болотистому свойству мѣстности. Осада шла весьма медленно, благодаря храбрости гарнизона, который производилъ безпрестанныя вылазки. Осаждающіе начали было устроивать мины; но осажденные уничтожили это покушеніе посредствомъ своихъ контрминъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Шереметевъ сперва перешелъ съ главными силами арміи въ Хороль, а потомъ въ Голтву; когда же совершенно обнаружилось намѣреніе Карла овладѣть Полтавою, то рѣшено было, въ отсутствіе Петра, находившагося тогда въ Воронежѣ, чтобы главная наша армія соединилась съ войсками Меньшикова: съ этою цѣлью Шереметевъ переправился черезъ Псіолъ, а потомъ черезъ Ворсклу, выше Полтавы, и прибылъ къ селенію Крутому-Берегу, гдѣ были расположены войска Меньшикова. Въ это время съ нашей стороны были возобновлены покушенія проникнуть въ Полтаву; чтобы приблизиться къ городу, устроены были линіи по лѣвому берегу Ворсклы; но Шведы, съ своей стороны, тоже соорудили линіи по правому берегу и тѣмъ совершенно отрѣзали городъ отъ нашей арміи. Перваго іюня непріятель произвелъ сильное бомбардированіе по городу, зажегъ его, и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ приступъ; но гарнизонъ отбилъ его, нанеся значительный уронъ непріятелю. Четвертаго іюня, прибылъ къ арміи Петръ и немедленно вошелъ въ сношенія съ осажденными, посредствомъ бомбъ, въ которыя были вкладываемы бумаги съ извѣстіями. Этотъ опасный для получателей корреспонденціи способъ передачи свѣдѣній употребляемъ былъ нѣсколько разъ въ теченіе осады. Имѣя въ виду освободить Полтаву, не вступая въ рѣшительное сраженіе, Петръ послалъ два отряда на противоположную сторону Ворсклы: одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, занялъ позицію на правомъ берегу выше Полтавы, у деревни Петровки; а генералъ Аллартъ съ другимъ отрядомъ расположился, также на правомъ берегу, нѣсколько ниже города. Карлъ, узнавши о томъ, съ частію войскъ направилъ фельдмаршала Рейншильда противъ Ренне; а самъ съ другою двинулся противъ Алларта. Но въ то самое время, когда онъ производилъ развѣдку расположенія Русскихъ войскъ, 17-го іюня былъ тяжело раненъ ружейною пулею съ противоположнаго берега. Этотъ случай заставилъ оба Шведскіе отряда возвратиться въ лагерь. Тѣмъ не менѣе, однако же, положеніе защитниковъ Полтавы, почти вовсе не имѣвшихъ пороху и

теля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего а о Петрѣ знайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила, Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Карлъ-XII, имѣя тоже въ виду возвысить духъ своихъ войскъ, объѣхалъ ряды ихъ, напоминалъ побѣды ими одержанныя, и приглашалъ ихъ на пиръ въ шатры царя Московскаго.

27-го іюня, въ два часа утра, выступили Шведы. Пѣхота двигалась въ четырехъ колоннахъ, кавалерія же слѣдовала за нею въ шести колоннахъ. Король, несмотря на боль, чувствуемую имъ отъ раны, предполагалъ распоряжать непосредственно ходомъ сраженія, и для этого приказалъ вести себя на носилкахъ. На разсвѣтѣ Шведская пѣхота напала на редуты; а кавалерія, пройдя между редутами, пошла въ атаку на нашу кавалерію, которая сражалась весьма успѣшно и отбила у непріятеля нѣсколько штандартовъ. Но Петръ, несмотря на то, приказалъ нашимъ эскадронамъ отступить: генералъ Боуръ (оставшійся единственнымъ начальникомъ Русской кавалеріи, потому что генералъ Ренне былъ тяжело раненъ), получилъ приказаніе, отступивъ мимо лагеря, расположиться къ нему лѣвымъ флангомъ: это распоряженіе имѣло цѣлью подвергнуть непріятеля огню нашей артиллеріи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Между-тѣмъ Карлъ, котораго войска, послѣ многократныхъ усилій, успѣли овладѣть только двумя неоконченными редутами, приказалъ своей пѣхотѣ оставить дальнѣйшую атаку прочихъ редутовъ и пройдти линію ихъ вслѣдъ за кавалеріею. Шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, увлеченныя преслѣдованіемъ отступавшей нашей кавалеріи, двинулись мимо нашего лагеря, при чемъ правое крыло ихъ, находившееся не далѣе ста шаговъ отъ батарей, подвергнулось сильнѣйшему продольному дѣйствію нашихъ орудій. Непріятельскія войска, не имѣя возможности оставаться подъ выстрѣлами Русской артиллеріи, на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря, отступили въ безпорядкѣ къ большому лѣсу и стали тамъ строиться въ боевой порядокъ; но правое крыло ихъ, состоявшее подъ командою Рооса, отстало отъ центра и принуждено было броситься въ лѣсъ, простирающійся къ сторонѣ Полтавы. Бѣстро замѣтивъ это ошибочное движеніе, Петръ отрядилъ, для окончательнаго пораженія Рооса, 5 баталіоновъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Меньшикова, который довершилъ раз-

мовать укрѣпленіе. Эти благоразумныя предосторожности способствовали храбрымъ защитникамъ Веприка отбить нѣсколько разъ повторенный приступъ Карла XII; но въ слѣдующую же ночь, съ 6-го на 7-ое января, они, издержавъ весь свой порохъ, принуждены были сдаться. Въ февралѣ производились поиски съ обѣихъ сторонъ: Карлъ вторгнулся въ страну, простирающуюся по лѣвой сторонѣ Ворсклы; а Шереметевъ двинулся черезъ Ромны на правую сторону Сулы. Эти предпріятія не имѣли никакихъ результатовъ, кромѣ опустошенія страны, служившей театромъ военныхъ дѣйствій.

Наступила весна. Карлъ, опрометчиво зашедшій во внутрь непріязненной страны, ясно видѣлъ опасность своего положенія. Несмотря на происки Мазепы, несмотря на мятежныя воззванія Карла къ жителямъ Украйны, незамѣтно было въ нихъ ни малѣйшаго желанія поддерживать Шведовъ (столь же чуждыхъ имъ по религіи, сколько были и Поляки) противъ единовѣрцевъ своихъ. Непріятельская армія таяла замѣтно. Король Шведскій долженъ былъ въ это время основывать успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій не на себѣ самомъ, не на закаленныхъ въ бояхъ воинахъ своихъ, но на посторонней помощи. Онъ надѣялся, во-первыхъ, на возстаніе противъ Россіи Запорожскихъ казаковъ; во-вторыхъ, на содѣйствіе ему Оттоманской Порты, и, въ-третьихъ, на прибытіе къ нему въ помощь короля Станислава съ Шведскимъ корпусомъ Крассова. Дѣйствительно, Запорожцы, обманутые льстивыми увѣреніями Мазепы, пришли въ числѣ 8-ми тысячъ въ главную квартиру Карла XII; но это безпорядочное полчище, уподоблявшееся разбойничьей шайкѣ, не доставляя никакой пользы Шведскимъ войскамъ, было для нихъ истиннымъ бременемъ. Оттоманская Порта оставалась въ союзѣ съ Россіею, не находя выгоды разрывать его для поддержанія Карла. Что̀ же касается до Станислава и Крассова, то они до такой степени были озабочены дѣйствіями Синявскаго и Гольца, посланнаго Петромъ въ Польшу въ концѣ 1708 года, что имъ нельзя было помышлять о движеніи въ помощь королю Шведскому.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Карлъ рѣшился, по совѣту запорожскаго атамана Гордѣенка, осадить Полтаву, гдѣ находились главные склады Русской арміи. Взятіе этого города не могло вывести короля изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился; говорятъ, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы заста-

потерпѣвшихъ значительныя потери въ теченіе семинедѣльной осады, было весьма тягостно. Единственнымъ средствомъ, для спасенія города, оставалось сраженіе,—и Петръ рѣшился вступить въ бой. Скоропадскій, расположенный съ корпусомъ Малороссійскихъ казаковъ по правую сторону Псла, получилъ повелѣніе идти черезъ Будище на соединеніе съ главными силами Русской арміи, которыя, выступя изъ своего лагеря, переправились близъ Чернякова, черезъ Ворсклу, по мосту и въ бродъ, 20-го іюня, и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ между деревнями Петровкою и Семеновкою, въ полупереходѣ отъ Полтавы. Узнавъ о томъ, Шведскій король приказалъ, 21-го, штурмовать городъ; но осажденные отбили этотъ приступъ. На слѣдующій день, 22-го, сдѣлано было Шведами послѣднее покушеніе овладѣть Полтавою; цѣлый день продолжались отчаянныя усилія съ обѣихъ сторонъ; настала ночь; бой все-еще продолжался и только лишь чрезвычайное утомленіе сражавшихся прекратило ожесточенныя покушенія Шведовъ, то взбиравшихся на городскія стѣны, то опрокидываемыхъ мужественнымъ гарнизономъ съ содѣйствіемъ Полтавскихъ гражданъ. На этомъ приступѣ, столь славномъ для имени Русскаго, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 900 человѣкъ; а непріятель почти вдвое.

Три дня спустя, 25-го, Русская армія двинулась внизъ по Ворсклѣ и расположилась въ шести верстахъ отъ Полтавы, въ укрѣпленномъ лагерѣ, обнесенномъ непрерывною линіею земляныхъ работъ со многими выходами для войскъ. Этотъ лагерь имѣлъ фигуру неправильнаго четыреугольника, обращеннаго тыломъ къ Ворсклѣ, а фронтомъ къ обширной равнинѣ, ограниченной съ сѣвера лощиною; съ запада—большимъ лѣсомъ; съ юга—другимъ лѣсомъ, простиравшимся до полтавскаго Воздвиженскаго монастыря; наконецъ съ востока Ворсклою. Открытое пространство между помянутыми лѣсами, шириною около полуторы версты, было занято шестью редутами, расположенными на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другаго. Для большаго же еще усиленія позиціи, Петръ Первый приказалъ впослѣдствіи построить еще четыре редута въ направленіи перпендикулярномъ къ линіи прежнихъ; но они не были окончены. Расположеніе войскъ на этой позиціи было слѣдующее: 56 баталіоновъ занимали укрѣпленный лагерь; остальные 2 баталіона назначены были для занятій редутовъ; 17 кавалерійскихъ полковъ расположились въ двѣ линіи позади реду-

товъ; прочіе же 6 полковъ кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Волконскаго, отряжены были вправо для открытія сообщенія съ казачьимъ корпусомъ гетмана Скоропадскаго. Артиллерія, въ числѣ 72-хъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брюса, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Число нашихъ войскъ вообще простиралось около 50-ти тысячъ.

Петръ Первый, имѣя въ виду освобожденіе Полтавы, вовсе не предполагалъ принять бой въ занятомъ имъ расположеніи; укрѣпленія, устроенныя по его повелѣнію, были сооружены единственно съ тою цѣлью, чтобы выждать въ совершенной безопасности прибытіе подкрѣпленій, по присоединеніи которыхъ онъ намѣревался идти къ Полтавѣ и атаковать Карла XII. Для этого нападенія назначенъ былъ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, двадцать-девятаго іюня.

Король Шведскій, вѣроятно, проникнувъ намѣренія Петра, рѣшился самъ атаковать его до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Оставя для охраненія обоза и осадныхъ работъ Мазепу и Гордѣенка съ Запорожскими казаками и съ небольшою частію регулярныхъ войскъ, Карлъ выступилъ противъ Русской арміи со всѣми остальными силами, за исключеніемъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, изъ которыхъ составлены были четыре поста, размѣщенные по Ворсклѣ отъ Полтавы до Переволочны. Это распоряженіе было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы обезпечить отступленіе Шведовъ, въ случаѣ неудачи предположеннаго нападенія. Но какъ они не озаботились устройствомъ моста на Днѣпрѣ у Переволочны, то отряженіе помянутыхъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, не принеся никакой пользы, послужило только къ ослабленію Шведской арміи. Число войскъ Карла, назначенныхъ для нападенія на главныя наши силы, не превосходило 25-ти или 26-ти тысячъ; артиллерійскихъ орудій они имѣли при себѣ только четыре, по причинѣ недостатка въ порохѣ; вся же остальная артиллерія оставлена была подъ Полтавою.

Готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ непріятелемъ ослабленнымъ, но еще опаснымъ, Петръ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ: «Воины! вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. И такъ, не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣдимости непрія-

теля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего а о Петрѣ знайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила, Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего». Карлъ-XII, имѣя тоже въ виду возвысить духъ своихъ войскъ, объѣхалъ ряды ихъ, напоминалъ побѣды ими одержанныя, и приглашалъ ихъ на пиръ въ шатры царя Московскаго.

27-го іюня, въ два часа утра, выступили Шведы. Пѣхота двигалась въ четырехъ колоннахъ, кавалерія же слѣдовала за нею въ шести колоннахъ. Король, несмотря на боль, чувствуемую имъ отъ раны, предполагалъ распоряжать непосредственно ходомъ сраженія, и для этого приказалъ везти себя на носилкахъ. На разсвѣтѣ Шведская пѣхота напала на редуты; а кавалерія, пройдя между редутами, пошла въ атаку на нашу кавалерію, которая сражалась весьма успѣшно и отбила у непріятеля нѣсколько штандартовъ. Но Петръ, несмотря на то, приказалъ нашимъ эскадронамъ отступить: генералъ Боуръ (оставшійся единственнымъ начальникомъ Русской кавалеріи, потому что генералъ Ренне былъ тяжело раненъ), получилъ приказаніе, отступивъ мимо лагеря, расположиться къ нему лѣвымъ флангомъ: это распоряженіе имѣло цѣлью подвергнуть непріятеля огню нашей артиллеріи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Между-тѣмъ Карлъ, котораго войска, послѣ многократныхъ усилій, успѣли овладѣть только двумя неоконченными редутами, приказалъ своей пѣхотѣ оставить дальнѣйшую атаку прочихъ редутовъ и пройдти линію ихъ вслѣдъ за кавалеріею. Шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, увлеченныя преслѣдованіемъ отступавшей нашей кавалеріи, двинулись мимо нашего лагеря, при чемъ правое крыло ихъ, находившееся не далѣе ста шаговъ отъ батарей, подвергнулось сильнѣйшему продольному дѣйствію нашихъ орудій. Непріятельскія войска, не имѣя возможности оставаться подъ выстрѣлами Русской артиллеріи, на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря, отступили въ безпорядкѣ къ большому лѣсу и стали тамъ строиться въ боевой порядокъ; но правое крыло ихъ, состоявшее подъ командою Рооса, отстало отъ центра и принуждено было броситься въ лѣсъ, простирающійся къ сторонѣ Полтавы. Быстро замѣтивъ это ошибочное движеніе, Петръ отрядилъ, для окончательнаго пораженія Рооса, 5 баталіоновъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Меньшикова, который довершилъ раз-

товъ; прочіе же 6 полковъ кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Волконскаго, отряжены были вправо для открытія сообщенія съ казачьимъ корпусомъ гетмана Скоропадскаго. Артиллерія, въ числѣ 72-хъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брюса, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Число нашихъ войскъ вообще простиралось около 50-ти тысячъ.

Петръ Первый, имѣя въ виду освобожденіе Полтавы, вовсе не предполагалъ принять бой въ занятомъ имъ расположеніи; укрѣпленія, устроенныя по его повелѣнію, были сооружены единственно съ тою цѣлью, чтобы выждать въ совершенной безопасности прибытіе подкрѣпленій, по присоединеніи которыхъ онъ намѣревался идти къ Полтавѣ и атаковать Карла XII. Для этого нападенія назначенъ былъ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, двадцать-девятаго іюня.

Король Шведскій, вѣроятно, проникнувъ намѣренія Петра, рѣшился самъ атаковать его до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Оставя для охраненія обоза и осадныхъ работъ Мазепу и Гордѣенка съ Запорожскими казаками и съ небольшою частію регулярныхъ войскъ, Карлъ выступилъ противъ Русской арміи со всѣми остальными силами, за исключеніемъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, изъ которыхъ составлены были четыре поста, размѣщенные по Ворсклѣ отъ Полтавы до Переволочны. Это распоряженіе было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы обезпечить отступленіе Шведовъ, въ случаѣ неудачи предположеннаго нападенія. Но какъ они не озаботились устройствомъ моста на Днѣпрѣ у Переволочны, то отряженіе помянутыхъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, не принеся никакой пользы, послужило только къ ослабленію Шведской арміи. Число войскъ Карла, назначенныхъ для нападенія на главныя наши силы, не превосходило 25-ти или 26-ти тысячъ; артиллерійскихъ орудій они имѣли при себѣ только четыре, по причинѣ недостатка въ порохѣ; вся же остальная артиллерія оставлена была подъ Полтавою.

Готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ непріятелемъ ослабленнымъ, но еще опаснымъ, Петръ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ: «Воины! вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. И такъ, не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣдимости непрія-

са. Шведскія войска, поражаемыя многочисленною нашею артиллеріею, которой не могли противопоставить болѣе 4-хъ орудій, и охваченныя съ фланговъ нашею конницею, были обращены въ бѣгство. Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра Перваго прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшій на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ; а впослѣдствіи, во время отступленія Шведовъ, убита подъ нимъ лошадь. Для преслѣдованія непріятелей, бѣжавшихъ съ поля сраженія внизъ по Ворсклѣ, отряжены были князь Голицынъ съ гвардейскими и Боуръ съ 10-ью драгунскими полками, всего 9 тысячъ человѣкъ подъ общимъ начальствомъ князя Меньшикова.

Потеря въ Полтавскомъ сраженіи, со стороны Шведовъ, простиралась до 9-ти тысячъ убитыми и ранеными и около 3-хъ тысячъ плѣнными; сверхъ-того, они потеряли 4-е орудія и 137 знаменъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: министръ Пиперъ и фельдмаршалъ Рейншильдъ. Такимъ образомъ, одна и та же участь постигла осторожнаго политика и пылкаго воина, дававшихъ своему королю совершенно противоположные совѣты. Сверхъ-того, взято въ плѣнъ 4 генерала. Въ числѣ убитыхъ—былъ Адлерфельдъ, историкъ Карла XII, пораженный ядромъ близъ носилокъ своего государя. Съ нашей стороны уронъ простирался до 1,300 убитыми и 3,200 человѣкъ ранеными.

Остатки Шведской арміи отступали въ совершенномъ безпорядкѣ внизъ по Ворсклѣ; достигнувъ Переволочны, Карлъ XII успѣлъ переправиться съ частію своей свиты на лѣвую сторону Днѣпра. По отбытіи короля, Левенгауптъ, оставшійся главнымъ начальникомъ Шведскихъ войскъ, предполагалъ переправиться черезъ Ворсклу и идти въ Крымъ; но дѣятельный Меньшиковъ не далъ ему на то времени: Русскія войска прибыли къ Переволочнѣ на высоты праваго берега Днѣпра, тогда какъ Шведы, находившіеся у самой рѣки подъ горою, не успѣли еще устроить моста. Меньшиковъ предложилъ непріятелю сдаться, и Левенгауптъ, считая силы нашего отряда большими нежели онѣ были въ дѣйствительности, и почти вовсе не имѣя военныхъ припасовъ, сдался на капитуляцію, по которой остатки Шведской арміи, въ числѣ 14-ти тысячъ, положили оружіе, 28 орудій и 127 знаменъ были трофеями побѣдителей.

стройство непріятельскаго отряда, прогналъ остатки его въ редуты, устроенные Шведами для прикрытія осадныхъ работъ подъ Полтавою, и, поручивъ дальнѣйшія дѣйствія генералу Ренцелю съ 5-ью баталіонами, возвратился съ кавалеріею на поле сраженія. Дѣйствія Ренцеля были весьма успѣшны; окруживъ Шведскіе редуты, онъ заставилъ Рооса сдаться съ остатками праваго крыла и съ большею частію войскъ, оставленныхъ для охраненія траншей; прочія же разбѣжались въ разныя стороны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Мазепа. Часть регулярныхъ войскъ съ артиллеріею, оставленною подъ Полтавою, отступила внизъ по Ворсклѣ по направленію къ Переволочнѣ.

Такимъ образомъ нашимъ войскамъ былъ открытъ путь къ Полтавѣ; теперь дѣло шло уже не объ освобожденіи Полтавы, а объ уничтоженіи непріятельской арміи. Предполагая, что Карлъ пойдетъ атаковать лагерь, Петръ вывелъ въ поле часть своей пѣхоты и расположилъ ее по сторонамъ лагеря, съ тою цѣлью, чтобы во время наступленія непріятеля ударить на него съ фланговъ. Но здѣсь было не то уже, что подъ Нарвою: Карлъ вовсе не помышлялъ объ атакѣ нашего лагеря, а старался только возстановить порядокъ въ войскахъ своихъ.

Въ шесть часовъ утра, Петръ вывелъ изъ лагеря всѣ свои войска, за исключеніемъ 9-ти баталіоновъ и сборныхъ командъ, частію оставленныхъ для охраненія лагеря, частію отряженныхъ для занятія Воздвиженскаго монастыря. Остальныя войска построились въ боевой порядокъ впереди лагеря, въ двѣ линіи, слѣдующимъ образомъ: пѣхота въ составѣ 42-хъ баталіоновъ, подъ начальствомъ Шереметева, расположилась въ центрѣ; 11 кавалерійскихъ полковъ и лейбъ-эскадронъ князя Меньшикова, подъ командою Боура, на правомъ крылѣ; 6 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ Меньшикова — на лѣвомъ.

Непріятельская армія, ослабленная отдѣленіемъ войскъ Рооса, находилась въ составѣ 18-ти баталіоновъ и 14-ти кавалерійскихъ полковъ. Король построилъ свою пѣхоту, въ центрѣ, въ одну линію съ небольшимъ резервомъ; а кавалерію, по флангамъ, въ двѣ линіи. Карлъ XII, какъ искусный тактикъ, весьма хорошо зналъ, что кавалерія, еще болѣе нежели пѣхота, имѣетъ надобность въ возобновленіи боя свѣжими войсками.

Обѣ арміи двинулись одна другой на встрѣчу. Сраженіе возобновилось въ девять часовъ утра и продолжалось не болѣе получа-

скіе торжествовали на сушѣ и моряхъ и славный миръ Ништадтскій (1721 г.) исполнилъ надежды Россіи на Отца Отечества.

Петръ Первый, великій во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ своихъ помыслахъ, былъ великъ и въ дѣлѣ ратномъ. Его образъ веденія войны былъ плодъ собственныхъ соображеній геніальнаго полководца, опередившаго свой вѣкъ и умѣвшаго оцѣнить односторонность современныхъ понятій о военномъ искусствѣ. Въ то время, когда знаменитѣйшіе военачальники западной Европы, платя дань предразсудкамъ ихъ вѣка, дѣйствовали медленно, нерѣшительно, одерживали побѣды, не приносившія никакихъ результатовъ, брали крѣпости для славы, а не для достиженія какой-либо цѣли, и, дѣйствуя на основаніи постоянно принятыхъ правилъ, безполезно теряли и время, и людей, и средства бывшія въ ихъ распоряженіи, Петръ Первый велъ войну, руководствуясь однимъ только правиломъ—«дѣйствовать сообразно съ средствами и обстоятельствами». Этимъ правиломъ руководствовались и прежде Петра военные геніи: Александръ-Македонскій, Юлій-Цезарь, Густавъ-Адольфъ. Но Александръ, въ началѣ своего военнаго поприща, повелѣвалъ твердыми фалангами отца своего,—Цезарь начальствовалъ превосходными въ тактическомъ образованіи римскими легіонами; а Петръ самъ образовалъ вооруженныя силы нашей арміи. Онъ образовалъ Шереметева, благоразумнаго, основательнаго военачальника, русскаго Тюреня, какъ называлъ его самъ Петръ; рѣшительнаго, дѣятельнаго Меньшикова; Голицына, соединявшаго отвагу съ осторожностью; хладнокровнаго Репнина; хитраго въ ратномъ дѣлѣ Апраксина; превосходнаго кавалериста Боура и Брюса, искуснаго артиллериста и инженера, потомка фамиліи царствовавшей въ Шотландіи, отличавшагося своими многосторонними знаніями. Онъ создалъ тѣ стройныя дружины, которыя впослѣдствіи распространили славу Русскаго имени отъ Торнео до Нови, отъ Арзерума до Парижа. Во всякой изъ побѣдъ, одержанныхъ нашими регулярными войсками, былъ участникомъ тотъ, чье имя каждый изъ насъ произноситъ съ умиленіемъ. Чтобы воздать должную дань хвалы дѣламъ Петра, достаточно представить ихъ вѣрный образъ..... ихъ вѣрный образъ, запечатлѣнный въ душѣ каждаго Русскаго.

Богдановичъ.

ТОРЖЕСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПОСЛѢ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ пріѣзжающихъ къ себѣ генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своей, уклонялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще и кровію непріятельскою обагренный мечъ свой, и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ Дневникѣ Крекшина [1]) помѣщено привѣтствіе монаршее, съ каковымъ онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я вношу и здѣсь: «Здравствуйте, сыны отечества, чада моя, возлюбленная; потомъ трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству какъ тѣлу безъ души жить не можно; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ, и ко мнѣ, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовалъ монарху полковникъ, оной генералъ-поручикъ, князь Голицынъ, такъ: «Мужественною крѣпостію отъ Господа Бога утвержденный, благочестивѣйшій государь! кто тебя достойно восхвалить можетъ? Кто не имать повелѣній твоихъ усерднѣйше исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростію, и смысломъ ученія, всѣхъ насъ обогащаешь».

Въ самое сіе время представлены были его величеству изъ плѣнныхъ принцъ Виртенбергскій, и генералъ-маіоры Штакельбергъ и Гамильтовъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостію своею, повелѣлъ съ честію и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнялъ

---

[1]) Новогородскій дворянинъ, оставившій послѣ себя записки о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго; умеръ въ 1763 году

са. Шведскія войска, поражаемыя многочисленною нашею артиллеріею, которой не могли противопоставить болѣе 4-хъ орудій, и охваченныя съ фланговъ нашею конницею, были обращены въ бѣгство. Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра Перваго прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшій на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ; а впослѣдствіи, во время отступленія Шведовъ, убита подъ нимъ лошадь. Для преслѣдованія непріятелей, бѣжавшихъ съ поля сраженія внизъ по Ворсклѣ, отряжены были князь Голицынъ съ гвардейскими и Боуръ съ 10-ью драгунскими полками, всего 9 тысячъ человѣкъ подъ общимъ начальствомъ князя Меньшикова.

Потеря въ Полтавскомъ сраженіи, со стороны Шведовъ, простиралась до 9-ти тысячъ убитыми и ранеными и около 3-хъ тысячъ плѣнными; сверхъ-того, они потеряли 4-е орудія и 137 знаменъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: министръ Пиперъ и фельдмаршалъ Рейншильдъ. Такимъ образомъ, одна и та же участь постигла осторожнаго политика и пылкаго воина, дававшихъ своему королю совершенно противоположные совѣты. Сверхъ-того, взято въ плѣнъ 4 генерала. Въ числѣ убитыхъ—былъ Адлерфельдъ, историкъ Карла XII, пораженный ядромъ близъ носилокъ своего государя. Съ нашей стороны уронъ простирался до 1,300 убитыми и 3,200 человѣкъ ранеными.

Остатки Шведской арміи отступали въ совершенномъ безпорядкѣ внизъ по Ворсклѣ; достигнувъ Переволочны, Карлъ XII успѣлъ переправиться съ частію своей свиты на лѣвую сторону Днѣпра. По отбытіи короля, Левенгауптъ, оставшійся главнымъ начальникомъ Шведскихъ войскъ, предполагалъ переправиться черезъ Ворсклу и идти въ Крымъ; но дѣятельный Меньшиковъ не далъ ему на то времени: Русскія войска прибыли къ Переволочнѣ на высоты праваго берега Днѣпра, тогда какъ Шведы, находившіеся у самой рѣки подъ горою, не успѣли еще устроить моста. Меньшиковъ предложилъ непріятелю сдаться, и Левенгауптъ, считая силы нашего отряда большими нежели онѣ были въ дѣйствительности, и почти вовсе не имѣя военныхъ припасовъ, сдался на капитуляцію, по которой остатки Шведской арміи, въ числѣ 14-ти тысячъ, положили оружіе, 28 орудій и 127 знаменъ были трофеями побѣдителей.

28-го іюня Петръ Первый имѣлъ торжественный въѣздъ въ Полтаву; увидя полковника Келлина, ожидавшаго его у воротъ города, государь сошелъ съ лошади, снялъ шляпу, обнялъ храбраго воина и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ голову, говоря: «Почтенная голова, совершившая преславный подвигъ; надежда моя на тебя не обманула меня.» Какія чувства волновали тогда душу счастливаго Келлина? Наградами его были слѣдующій чинъ и царскій портретъ, украсившій грудь его. Всѣ участники знаменитой Полтавской побѣды награждены были щедро; а главный виновникъ ея, во исполненіе общаго желанія арміи, возведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта.

Слѣдствія Полтавскаго сраженія были весьма важны: въ отношеніи матеріальномъ—на поляхъ Полтавскихъ были сокрушены вооруженныя силы Швеціи; въ отношеніи нравственномъ—исчезло общее убѣжденіе о непобѣдимости Шведовъ, внушенное многократными успѣхами Густава-Адольфа и полководцевъ, образовавшихся подъ его знаменами: Бернгарда Саксенъ-Веймарскаго, Баннера, Торстенсона; въ отношеніи политическомъ—непосредственно послѣ Полтавскаго сраженія возобновленъ былъ союзъ сѣверныхъ государствъ противъ Швеціи.

Душою этого союза былъ великій Петръ; вездѣ, гдѣ только онъ появлялся, вездѣ ему сопутствовала побѣда. Только одинъ разъ ему измѣнило счастіе; но какъ-будто бы только для того, чтобы подать случай вполнѣ показать величіе души своей. Окруженный вчетверо сильнѣйшими силами Турокъ, онъ писалъ въ Сенатъ: «Если я впаду въ плѣнъ, то вы не должны почитать меня своимъ государемъ и ничего не исполнять, что мною будетъ предписано, пока я самъ не явлюсь къ вамъ.» Герой, готовый пожертвовать собою для блага Россіи на Прутѣ, едва ли не столько же достоинъ благоговѣнія потомковъ, сколько и герой, сокрушившій гордыню врага на поляхъ Полтавы.

Петръ дѣятельно помогалъ союзникамъ: и мудрымъ совѣтомъ и участіемъ твердыхъ въ бою полковъ Русскихъ; но онъ не подчинялъ своихъ видовъ политикѣ ненадежныхъ друзей и даже готовъ былъ примириться съ врагомъ своимъ. Карлъ XII, сознавая превосходство противника, согласенъ былъ сдѣлать всѣ требуемыя Петромъ уступки; но смерть, нанесенная рукою измѣнника, пресѣкла дни короля Шведскаго (1718); война возобновилась; Рус-

скіе торжествовали на сушѣ и моряхъ и славный миръ Ништадтскій (1721 г.) исполнилъ надежды Россіи на Отца Отечества.

Петръ Первый, великій во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ своихъ помыслахъ, былъ великъ и въ дѣлѣ ратномъ. Его образъ веденія войны былъ плодъ собственныхъ соображеній геніальнаго полководца, опередившаго свой вѣкъ и умѣвшаго оцѣнить односторонность современныхъ понятій о военномъ искусствѣ. Въ то время, когда знаменитѣйшіе военачальники западной Европы, платя дань предразсудкамъ ихъ вѣка, дѣйствовали медленно, нерѣшительно, одерживали побѣды, не приносившія никакихъ результатовъ, брали крѣпости для славы, а не для достиженія какой-либо цѣли, и, дѣйствуя на основаніи постоянно принятыхъ правилъ, безполезно теряли и время, и людей, и средства бывшія въ ихъ распоряженіи, Петръ Первый велъ войну, руководствуясь однимъ только правиломъ—«дѣйствовать сообразно съ средствами и обстоятельствами». Этимъ правиломъ руководствовались и прежде Петра военные геніи: Александръ-Македонскій, Юлій-Цезарь, Густавъ-Адольфъ. Но Александръ, въ началѣ своего военнаго поприща, повелѣвалъ твердыми фалангами отца своего,—Цезарь начальствовалъ превосходными въ тактическомъ образованіи римскими легіонами; а Петръ самъ образовалъ вооруженныя силы нашей арміи. Онъ образовалъ Шереметева, благоразумнаго, основательнаго военачальника, русскаго Тюреня, какъ называлъ его самъ Петръ; рѣшительнаго, дѣятельнаго Меньшикова; Голицына, соединявшаго отвагу съ осторожностью; хладнокровнаго Репнина; хитраго въ ратномъ дѣлѣ Апраксина; превосходнаго кавалериста Боура и Брюса, искуснаго артиллериста и инженера, потомка фамиліи царствовавшей въ Шотландіи, отличавшагося своими многосторонними знаніями. Онъ создалъ тѣ стройныя дружины, которыя впослѣдствіи распространили славу Русскаго имени отъ Торнео до Нови, отъ Арзерума до Парижа. Во всякой изъ побѣдъ, одержанныхъ нашими регулярными войсками, былъ участникомъ тотъ, чье имя каждый изъ насъ произноситъ съ умиленіемъ. Чтобы воздать должную дань хвалы дѣламъ Петра, достаточно представить ихъ вѣрный образъ..... ихъ вѣрный образъ, запечатлѣнный въ душѣ каждаго Русскаго.

Богдановичъ.

ТОРЖЕСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПОСЛѢ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ пріѣзжающихъ къ себѣ генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своей, уклонялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще и кровію непріятельскою обагренный мечъ свой, и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ Дневникѣ Крекшина [1]) помѣщено привѣтствіе монаршее, съ каковымъ онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я вношу и здѣсь: «Здравствуйте, сыны отечества, чада моя, возлюбленная; потомъ трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству какъ тѣлу безъ души жить не можно; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ, и ко мнѣ, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовалъ монарху полковникъ, оной генералъ-поручикъ, князь Голицынъ, такъ: «Мужественною крѣпостію отъ Господа Бога утвержденный, благочестивѣйшій государь! кто тебя достойно восхвалить можетъ? Кто не имать повелѣній твоихъ усерднѣйше исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростію, и смысломъ ученія, всѣхъ насъ обогащаешь».

Въ самое сіе время представлены были его величеству изъ плѣнныхъ принцъ Виртенбергскій, и генералъ-маіоры Штакельбергъ и Гамильтовъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостію своею, повелѣлъ съ честію и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнялъ

---

[1]) Новогородскій дворянинъ, оставившій послѣ себя записки о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго; умеръ въ 1763 году

прибывшаго къ нему тогда же князя Меньшикова, и, неоднократно цѣлуя его въ голову, превозносилъ предъ всѣми отличные подвиги и труды его. Тронутый симъ чувствительно, князь сей отвѣтствовалъ: «Аще бы Моисей, вождь Израилевъ, не предсталъ предъ Богомъ въ молніи за согрѣшившій народъ свой, погибъ бы оный; аще бы и ты въ самое лютѣйшее время, въ кое непріятель Новогородскаго полку первый баталіонъ сбилъ и отрѣзалъ лѣвое крыло отъ главной арміи, на которомъ и я съ кавалеріею находился, не предсталъ и не сомкнулъ фрунта арміи, не щадя живота своего, то равно бы и мы всѣ погибли. Самъ Господь Богъ тебя, помазанника своего, на сіе подвигнулъ, съ тобою сражался и увѣнчалъ подвигъ сей толикою побѣдою». И посемъ, поздравя его величество съ великою побѣдою, доносилъ, что непріятель толико низложенъ, что никогда уже отъ паденія своего не возстанетъ; и что генералъ-фельдмаршелъ Рейншильдъ взятъ имъ въ плѣнъ, со многими знатными офицерами. Монархъ, возблагодаря его за сіе послѣднее, повелѣлъ мимо себя провести въ тотъ же ретраншементъ, не снимая съ нихъ шпагъ.

Потомъ монархъ спросилъ у князя сего о числѣ убитыхъ въ кавалеріи его, и князь клятвенно увѣрилъ его величество, что ихъ не болѣе убито пяти или шести сотъ.

И тогда же повелѣвъ арміи своей стать въ строй, выѣхалъ предъ оную съ княземъ симъ. Коль скоро великій государь предъ оною показался, то фельмаршалъ Шереметевъ, бывшій при оной, закричалъ: «на-краулъ»! Вс[illegible] генералы, штабъ-и оберъ-офицеры уклонили свои шпаги, во всей арміи загремѣла музыка, барабанный и литаврный бой, и преклонялись до земли всѣ знамена. Монархъ, проѣзжая весь фрунтъ арміи безъ шляпы, благодарилъ все войско за храбрость и усердіе ихъ; а фельдмаршалъ, отъ лица оной изъявя его величеству за защищеніе вѣры и отечества, не щадя собственной жизни своей, благодарность, доносилъ о великомъ числѣ убитыхъ неріятелей и о малой потерѣ своихъ.

Посемъ великій государь, повелѣлъ предъ фрунтомъ арміи поставить походную церковь и многіе другіе шатры для обѣденныхъ столовъ, посѣтилъ раненыхъ, нетолько офицеревъ, но и всѣхъ рядовыхъ, благодарилъ ихъ за ревность ихъ къ службѣ и отечеству, изъявилъ сердечное сожалѣніе свое о ихъ участи, утѣшалъ опаснѣйше раненыхъ, что стараніе лекарей при способствованіи Божіей помощи можетъ исцѣлить ихъ; обѣщалъ наградить подвиги ихъ;

многихъ раны въ присутствіи его были перевязаны, и таковое сострадание и милость его къ нимъ были наилучшимъ для нихъ лекарствомъ; они на тотъ часъ забыли свои болѣзни, изъявляли съ радостными слезами благодарность свою къ его величеству. Наконецъ великій государь, отдавъ приказъ о неусыпномъ стараніи, о ихъ излеченіи и содержаніи, въ первомъ часу по полудни пошелъ въ поставленную церковь. Въ присутствіи его величества, всѣхъ генераловъ и офицеровъ, и, можно сказать, свей арміи, началось благодарное молебствіе побѣдодавцу Господу. Во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» произведены изъ артиллеріи и мелкаго ружья всей арміи три залпа, потрясшіе, казалось, самую землю. Всѣ бывшіе въ церкви опять приносили монарху поздравленіе и взаимно отъ него были всѣ поздравлены; а фельдмаршалъ поднесъ его величеству рапортъ, сколько взято въ плѣнъ генераловъ и высшихъ и нижнихъ чиновниковъ, и рядовыхъ, и также трофеевъ, и всего прочаго, что могли по краткости времени описать.

Во 2 часу по полудни великій государь, въ послѣдованіи генералитета и штабъ-офицеровъ, прибылъ въ царскій шатеръ свой, окруженный поставленными въ строй шестью пѣхотными, тѣми, кои были оставлены въ ретраншементѣ, и шестью же конными полками, не бывшими же въ сраженіи, при входѣ въ который стояла на караулѣ гренадерская рота Преображенскаго полка его; полы шатра сего были подобраны. По вшествіи въ оный, всѣ его министры и двора его господа и знатные служители принесли его величеству поздравленіе съ побѣдою.

Монархъ повелѣлъ князю Меньшикову привести въ шатеръ всѣхъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, и графа Пипера съ королевскими секретарями. Первые изъ ретраншемента, съ ротою Семеновскаго полка, а послѣдніе изъ Полтавы, съ ротою лейбъ-регимента, въ 3 часу по полудни со всякою честію приведены были къ шатру его величества. Монархъ повелѣлъ по порядку вводить ихъ предъ себя и, стоя у столика безъ шляпы, принялъ ихъ съ весьма ласковымъ видомъ. Они, начавъ съ графа Пипера, становяся предъ его величествомъ на колѣни, подносили ему шпаги свои, которыя, по повелѣнію его, отъ знатныхъ принималъ князь Меньшиковъ, а отъ штабъ-и оберъ-офицеровъ генералы Репнинъ и Алартъ.

Великій государь непосредственно за тѣмъ спросилъ и Рейн-

ему: «Что онъ онъ судить можетъ о войскѣ нашемъ и изъ того, что въ нынѣшней баталіи число войска уравнено было противъ ихъ, но и изъ онаго въ сраженіи находились одни только передніе баталіоны, а бывшіе во второй линіи не употребили ни единаго патрона, и видимые тобою вокругъ шатра не были также совсѣмъ въ сраженіи».

По окончаніи стола, великій государь, пожелавъ плѣннымъ доброй и покойной ночи, отпустилъ ихъ въ тотъ же свой ретраншементъ съ такимъ же препровожденіемъ, съ какимъ оные и приведены.

Подобное угощеніе учинено было и всѣмъ плѣннымъ офицерамъ въ другихъ шатрахъ, равно какъ и всѣмъ своимъ: накормлены были также и всѣ ихъ солдаты и служители, равно же какъ и свои, а сверхъ того повелѣно было отъ монарха солдатамъ своимъ обращаться съ ними со всякою лаской.

Столъ сей продолжался до пяти часовъ за полдень, послѣ котораго неутомимый государь отправилъ князя Голицына съ обоими полками гвардіи своей, оставя изъ нихъ при себѣ по одной только гренадерской ротѣ, и съ пѣхотными же полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ верхами; и подъ его же командою генералъ-поручика Боура, съ десятью кавалерійскими баталіонами, за ушедшими съ сраженія подъ Переволочну Шведами, повелѣвъ имъ всевозможно поспѣшать, и догнавъ атаковать и плѣнить ихъ.

Въ сей же самый вечеръ великій государь своеручный послалъ указъ къ находившемуся въ Польшѣ своему генералъ-фельдмаршалу-лейтенанту Гольцу, повелѣвающій всячески наблюдать ему того, дабы ушедшій король Шведскій не соединился съ корпусомъ своимъ, въ Польшѣ находящимся, и чтобъ для того онъ по всѣмъ дорогамъ, въ томъ числѣ и лежащимъ къ Турецкимъ границамъ, разослалъ все легкое войско, дабы пресѣчь всюду ему путь, и проч., и сверхъ сего въ сей же вечеръ благоволилъ увѣдомить о сей преславной побѣдѣ великую супругу свою, царевича сына своего, кесаря Рамодановскаго и другихъ знатныхъ особъ, также губернаторовъ и иностранныхъ министровъ своихъ, своими письмами, изъ которыхъ на одномъ, а именно къ графу Апраксину, писанномъ собственною же его рукою, назначенъ и часъ, въ который оное писано, именно же 9

вечера; но я приложу сіе послѣднее здѣсь подлинникомъ: оно послужитъ намъ образцомъ и всѣмъ другимъ.

«Господинъ Адмиралъ!

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Господь Богъ намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, даровати изволилъ, съ малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу, со всею арміею, конною и пѣшею, атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, но принуждена была уступить, однакожъ съ великимъ убыткомъ непріятелю, потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ ретраншемента вывели и предъ очи его поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, но и наши противъ него пошли, и такъ его встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли; тако-жъ генералъ-фельдмаршала г. Рейншильда, купно съ четырьмя генералами, а именно: Шлипенбахомъ, Гамильтономъ, Штакельбергъ и Розеномъ; также первый министръ графъ Пиперъ съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно писать будемъ вскорѣ (а нынѣ за суетами не возможно), и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ воспріяла (а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами-ль, или съ отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-поручики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новизною вамъ поздравляемъ, и прошу господъ вышнихъ и нижнихъ морскихъ и сухопутныхъ поздравить».

«*Piter*».

«P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею.

«Приведенъ еще въ полонъ князь Виртенбергскій сродникъ короля Шведскаго».

Читатель не оставитъ конечно замѣтить, что великій побѣдитель нашъ о личномъ своемъ, толь великомъ въ побѣдѣ сей участіи ни словомъ не упоминаетъ.

Такъ препровожденъ былъ знаменитый сей день.

Повѣствованіе наше окончили мы 27 днемъ іюня, то-есть

днемъ преславной Полтавской побѣды, и видѣли, что отъ меча Россійскаго спаслась уходомъ къ Днѣпру цѣлая половина арміи Шведской, подъ предводительствомъ генерала Левенгаупта; что великій побѣдитель того же вечера, для достиженія оной, отправилъ князя Михаила Михайловича Голицына съ полками гвардіи и съ пѣхотными же Ингерманландскимъ и Астраханскимъ на лошадяхъ; да подъ командою его же генералъ-поручика Боура съ десятью кавалерійскими баталіонами, съ повелѣніемъ плѣнить всѣхъ, или когда будутъ сопротивляться, порубить; но поутру 28 числа съ точнѣйшими предписаніями и уполномочіемъ въ слѣдъ за ними послалъ князя Меньшикова съ ротою лейбъ-эскадрона. По отправленіи сего князя, великій государь занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ каре, и когда все сіе до отправленія еще князя Меньшикова исполнено, тогда монархъ въ 5 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерываемъ былъ токами слезъ его, извлекавшихъ подобныя же и изъ очей каждаго видѣвшаго оныя. Отеческая чувствительность монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною: «Храбрые воины», возгласилъ онъ, «за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися, и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги!» По сей краткой рѣчи великій государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своимъ руками засыпать землею; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь, и печальные тоны полковой музыки заключили погребательный сей обрядъ.

Его величество однако же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами холмъ, и не водрузилъ на ономъ сво-

ими же руками святаго креста, съ надписаніемъ: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня».

Тогда-же великій государь издалъ указъ о повсягодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ.

Н. Голиковъ.

ЗНАЧЕНІЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была повѣрка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, они самому Петру, въ горькія минуты неудачъ и разочарованія, казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому, на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

Бѣлинскій.

ПАМЯТНИКЪ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Въ царствованіе императора Александра воздвигнутъ существующій нынѣ памятникъ. Онъ сдѣланъ по проекту г-на Томона, построившаго также Большой Петербургскій и Одесскій театры и Петербургскую биржу. Мѣсто для памятника избрано въ самой Полтавѣ, на Александровской площади, украшенной правильными аллеями и обсаженной пирамидальными тополями. Огромныя зданія присутственныхъ мѣстъ, домъ генералъ-губернатора и Петровскій Кадетскій корпусъ (нынѣ военной гимназіи) окружаютъ площадь. Памятникъ представляетъ зеленаго цвѣта

колонну, опоясанную тремя гирляндами; на верху орелъ, бросающій перуны; на пьедесталѣ съ трехъ сторонъ рельефныя арматуры, и съ четвертой означеніе великаго дня Полтавской битвы. Подножіе памятника выкладено изъ гранитныхъ плитъ, и въ нихъ заложено нѣсколько пушекъ, бывшихъ въ Полтавскомъ огнѣ. Желѣзная рѣшетка и тумбы съ цѣпями окружаютъ памятникъ, котораго вышина отъ земли до крыльевъ орла сажень восемь. При закладкѣ памятника положена мѣдная доска съ слѣдующею надписью: «Богу благодѣявшу, въ память побѣды, одержанной на 1709 г. Іюня 27, Государемъ Россійскимъ Петромъ Великимъ надъ Королемъ Шведскимъ Карломъ XII; на семъ мѣстѣ въ городѣ Полтавѣ, въ благополучное царствованіе Всемилостивѣйшаго Государи Императора Александра I, заложенъ сей монументъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Куракинымъ, въ лѣто отъ Р. Х. 1804-е, Іюня 27 дня» [1]).

[1]) Живоп. Обозр.

ПРЕБЫВАНІЕ ПЕТРА ВЪ ПАРИЖѢ.

(1717.)

Апрѣля 26-го, въ десять часовъ утра, Петръ Великій, пробывшій наканунѣ цѣлый день на суконной фабрикѣ въ Аббевилѣ, и изучившій тамошній способъ крашенія суконъ въ алую краску, въ сопровожденіи маршала де Тессе и эскадрона гвардіи, въ придворной каретѣ, прибылъ въ Луврь, назначенный ему жилищемъ.

Придворный этикетъ не согласовался съ цѣлію путешествія монарха, и онъ, подъ предлогомъ, что спутники его могутъ испортить великолѣпное убранство Лувра, перебрался въ Hôtel de Lesdiguières, неподалеку отъ арсенала.

На другой день посѣтилъ царя герцогъ Орлеанскій. Онъ пробылъ съ Петромъ около полутора часа, и оставилъ его съ низкими поклонами, на которые Русскій монархъ отвѣчалъ только легкимъ наклоненіемъ головы.

Юный, семилѣтній король Людовикъ XV, въ сопровожденіи маршала Виллероа, 29-го апрѣля, отдалъ почетный визитъ высокому гостю. Царь принялъ его у кареты, и, неся на рукахъ своихъ въ покои, сказалъ: «у меня теперь Франція въ рукахъ».

За тѣмъ Петръ имѣлъ уже время обозрѣть и узнать достопримѣчательности Парижа.

«Объявляю вамъ», писалъ монархъ 2-го мая къ Меньшикову: «что я прибылъ сюда апрѣля 26-го благополучно, и три дни съ двора не съѣзжалъ для визитовъ; а нынѣ началъ что надобно смотрѣть. Ѣдучи дорогою до Парижа, видѣли въ подломъ народѣ бѣдность не малую. Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно семи лѣтъ, который былъ у меня, а я у его».

Утромъ 30-го апрѣля, государь осматривалъ арсеналы и литейный дворъ; а послѣ обѣда посѣтилъ Тюльери, гдѣ юный ко-

роль, окруженный министрами и маршалами, встрѣтилъ его на нижнемъ крыльцѣ, и привѣтствовалъ краткою, вытверженною наизусть рѣчью, на которую Петръ отвѣчалъ слѣдующими словами: «желаю отъ всего сердца, чтобъ его величество, пришедъ возрастъ, со славою и благополучно царствовалъ; можетъ быть, мы когда нибудь будемъ другъ другу нужны и полезны».

Слишкомъ сорокъ дней провелъ Петръ I въ Парижѣ и его окрестностяхъ; каждодневно онъ видѣлъ и слышалъ что либо новое.

1-го мая, показывали ему знаменитую Гобелинову шпалерную мануфактуру. Регентъ, отъ имени короля, поднесъ Россійскому монарху четыре куска обоевъ, стоившіе 60,000 талеровъ. Обои сіи, вытканные съ Жовенотовыхъ картинъ, изображали: рыбную ловлю апостола Петра, исцѣленіе раслабленнаго, изгнаніе изъ храма торговцевъ и воскресеніе Лазаря.

Въ послѣдствіи, пока щадила ихъ рука времени, они украшали одну изъ комнатъ зимняго дворца.

2-го мая, Петръ Великій осматривалъ зеркальную фабрику.

3-го числа, въ галереяхъ королевскаго дворца, вниманіе государя увлекалось то прелестными картинами, то моделями крѣпостей; въ библіотекѣ поднесли ему двѣнадцать in folio томовъ въ сафьянномъ переплетѣ, съ богатыми гравюрами, изображавшими походы Людовика XIV, равно зданія и сады. Эта драгоцѣнность, до кончины императора, не выходила изъ его кабинета.

4-го — Петръ Великій посѣтилъ ботаническій садъ, гдѣ смотритель онаго, Себастіанъ Меллеръ, умѣлъ удовлетворить любопытству монарха.

5-го — Вмѣстѣ съ маршаломъ Виллероа, былъ онъ въ Инвалидномъ домѣ. Это знаменитое заведеніе, гдѣ 4,000 отслужившихъ воиновъ, кромѣ пріюта и довольства, пользуются еще многими выгодами жизни, чрезвычайно понравилось царю: онъ выпилъ стаканъ вина за здоровье престарѣлыхъ героевъ, и братски потрепалъ одного изъ нихъ по плечу.

6-го — Монархъ ѣздилъ въ королевское сельцо Медонъ; 7-го — обѣдалъ у вице-адмирала д'Этре; 8-го — осматривалъ анатомическіе, воскомъ налитые препараты; а въ послѣдующіе два дни аббатство St. Denis, равно и другіе монастыри и церкви.

9-го мая былъ обѣденный столъ для государя у герцога Беррійскаго; а 12-го числа былъ обѣдъ у Регента. Въ этотъ день

царь дозволилъ извѣстнымъ Парижскимъ живописцамъ Нотуару и Ригоду снять съ себя портреты: первый нарисовалъ его въ панцырѣ, а послѣдній въ гвардейскомъ мундирѣ.

13 и 14-го, угощали государя въ Версали. По несообразности частей сего зданія съ цѣлымъ, Петръ назвалъ его голубемъ съ орлиными крыльями. 15-го — монархъ былъ въ Марли; 16 — въ день Св. Троицы, присутствовалъ при церковной процессіи; 17 — провелъ въ королевскихъ кабинетахъ Тюльерійскаго дворца; слѣдующіе же дни у генералъ-адмирала графа Тулузскаго, въ Фонтенебло; забавлялся въ тамошнемъ лѣсу оленьею охотою, ночевалъ на мызѣ герцога Антенскаго, и 21 числа, въ небольшой гондолѣ, возвратился въ Парижъ, купивъ дорогою, у одного фейерверкера, порядочный запасъ шутихъ и ракетъ.

22-го — Петръ Великій присутствовалъ въ парламентѣ при судебныхъ диспутахъ. Королевскій стряпчій произнесъ потомъ краткую въ честь монарха рѣчь, заключивъ оную словами: «что посѣщеніе столь отдаленнаго, столь славнаго въ Европѣ и Азіи государя, какъ случай чрезвычайный, должно быть внесено въ акты парламента, на память потомству».

23-го — государь снова посѣтилъ древности St. Denis, гробницы, и тамошнихъ братьевъ Бенедиктиновъ. Угощеніе сихъ отшельниковъ весьма понравилось монарху.

Прочіе дни мая Петръ Великій провелъ, попеременно, то въ Тріано, гдѣ особинное вниманіе его обращала на себя карта Франціи, сдѣланная изъ мозаики, то въ Марли, гдѣ праздновалъ онъ день своего рожденія обѣденнымъ столомъ, иллюминаціею и фейерверкомъ.

Еще привлекали къ себѣ любопытство монарха: Ст.-Жермень, и престарѣлая, не встававшая уже съ постели г-жа Ментенонъ, съ ея благодѣтельнымъ заведеніемъ, для воспитанія благородныхъ дѣвицъ. Государь посѣтилъ ее нечаянно, и, отдернувъ потихоньку занавѣсы у постели, привѣтствовалъ больную, сѣлъ у ногъ ея на кровати, и разговаривалъ съ нею ласково. На вопросъ государя: чѣмъ больна она? г-жа Ментенонъ отвѣчала «старостію». — «Да», подхватилъ Петръ: «это общая болѣзнь всѣхъ людей, которыя заживаются на свѣтѣ»!

1-го іюня, царь осматривалъ Версальскія конюшни; былъ въ манежѣ, гдѣ королевскіе пажи обучались верховой ѣздѣ; потомъ въ Кальо, посѣтилъ Англійскую королеву, и, возвратясь въ столи-

цу, на монетномъ дворѣ, былъ пріятно изумленъ выбитою при немъ же медалью; на одной сторонѣ изображенъ былъ Великій Петръ, увѣнченный лаврами; а на другой представлялись: парящая слава и восходящее солнце, съ надписью: crescit eundo. Первый золотой экземпляръ поднесенъ царю; спутники его получили золотые или серебряные оттиски.

На другой день отдалъ монарху визитъ папскій нунцій, въ разговорахъ его съ Петромъ, Шафировъ служилъ имъ переводчикомъ.

3-го числа, государь посѣтилъ Сорбонскую академію; въ библіотекѣ показывали ему нѣсколько богословскихъ книгъ на славянскомъ языкѣ, и этотъ случай послужилъ поводомъ къ тому, что члены Сорбонны объявили монарху желаніе свое видѣть соединенными восточную и западную церкви: Петръ отозвался, что воинскія заботы и дѣла государственныя не оставляютъ ему времени заняться столь важнымъ предметомъ, и предоставилъ разсмотрѣніе онаго высшему Россійскому духовенству.

Въ тотъ же день, въ коллегіи кардинала Мазарина, царь видѣлся съ математикомъ Вариньономъ, и послѣдователемъ Коперниковой системы, Пижо. Астрономическіе инструменты сего послѣдняго куплены Петромъ за 2000 рейхсталеровъ.

По желанію монарха, 5-го числа дано было ученье Французской конной гвардіи и мушкетеровъ.

Въ академіи наукъ, 8-го числа, Петръ I замѣтилъ погрѣшность на картѣ въ отношеніи къ Каспійскому морю; и, проходя потомъ мимо бюста кардинала Ришелье, вскричалъ: «О, великій человѣкъ»!

Нѣкоторые писатели прибавляютъ, будто бы царь, обнявъ бюстъ кардинала сказалъ: «Еслибъ ты былъ живъ, то я отдалъ бы тебѣ половину моего государства для того, чтобъ научиться управлять другою»! Это уже слишкомъ по-французски, и подобная выдумка унижаетъ только нравственное достоинство выдумщика, придавшаго *такую* тираду *такому* государю, каковъ былъ Петръ.

Здѣсь упредимъ мы нѣсколько самое время, и скажемъ, что, въ началѣ слѣдующаго года, царь былъ избранъ въ почетные сей академіи члены. Дипломъ присланъ при краснорѣчивомъ письмѣ непремѣннаго секретаря академіи, Фонтенеля, отъ 13 января 1718.

Во время шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, Петръ I, какъ и въ Голландіи, одѣвался всегда просто, обѣдалъ въ 11 ча-

совъ утра, ужиналъ въ 8 часовъ вечера, пилъ по обыкновенію, и такъ мало обращалъ вниманія на время и мѣстные нравы, что спросилъ однажды, въ оперѣ, стаканъ пива, взялъ его, сидя, отъ регента, и поставилъ поднось у него ва рукахъ. Впрочемъ онъ пробылъ въ оперѣ только до четвертаго акта пьесы. Любопытные толпились вездѣ на встрѣчу монарха, и онъ удалялъ ихъ отъ себя или словами, или давая знакъ рукою. Иногда онъ вскакивалъ мгновенно, спрашивалъ карету, и спѣшилъ видѣть что нибудь достойное вниманія: вотъ почему Французскій этикетъ заставилъ дворъ имѣть въ разныхъ мѣстахъ въ готовности экипажи для царственнаго гостя. Не измѣняя прежней своей страсти, онъ посѣщалъ Парижскія фабрики и мануфактуры, знаменитыхъ живописцевъ, граверовъ, равно прочихъ художниковъ и ремесленниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, вступившіе въ Русскую службу, отправлены въ Петербургъ, съ рекомендательными письмами къ Меньшикову.

Въ то же самое время, Петръ I направлялъ дипломатическія сношенія своихъ министровъ, равно движенія войскъ, и, мѣшая важное съ маловажнымъ, не оставилъ, между прочимъ, безъ вниманія и просьбы писаря Преображенскаго полка Андрея Иванова «о дворѣ его» (какъ сказано въ письмѣ къ Меньшикову), которой на нашей сторонѣ (подлѣ двора вашего садовника, а по другую сторону Кикина дворъ), архитекторы разсуждаютъ, что оной гораздо узокъ, и противъ другихъ дворовъ въ линіи будетъ малъ, а тутъ же есть между дворовъ Кикина и садовника переулокъ, которому впредъ не быть, и отданъ оной переулокъ во дворы Кикину и садовнику, и для того посмотрите съ архитекторами по чертежу, и вмѣсто того переулка, который отдается Кикину съ садовникомъ, прибавить ему, писарю, земли изъ ихъ дворовъ столько, сколько великъ переулокъ».

Въ заключеніе, Петръ I не могъ не присутствовать при глазной операціи, сдѣланной одному 56-лѣтнему инвалиду. Искусство и ловкость Англійскаго окулиста Вольгуза (Wolhouse) изумили царя.

Регентъ и король посѣтили Петра I передъ его отъѣздомъ изъ Парижа. Прощаясь съ ними, монархъ подарилъ Людовику XV модель С. Петербурга; королевскимъ служителямъ, находившимся при немъ, выдалъ 3000 червонныхъ, а знатнѣйшихъ особъ Французскаго двора наградилъ или своими портретами, или золотыми

ему: «Что онъ онъ судить можетъ о войскѣ нашемъ и изъ того, что въ нынѣшней баталіи число войска уравнено было противъ ихъ, но и изъ онаго въ сраженіи находились одни только переднiе баталіоны, а бывшіе во второй линіи не употребили ни единаго патрона, и видимые тобою вокругъ шатра не были также совсѣмъ въ сраженіи».

По окончаніи стола, великій государь, пожелавъ плѣннымъ доброй и покойной ночи, отпустилъ ихъ въ тотъ же свой ретраншементъ съ такимъ же препровожденіемъ, съ какимъ оные и приведены.

Подобное угощеніе учинено было и всѣмъ плѣннымъ офицерамъ въ другихъ шатрахъ, равно какъ и всѣмъ своимъ: накормлены были также и всѣ ихъ солдаты и служители, равно же какъ и свои, а сверхъ того повелѣно было отъ монарха солдатамъ своимъ обращаться съ ними со всякою ласкою.

Столъ сей продолжался до пяти часовъ за полдень, послѣ котораго неутомимый государь отправилъ князя Голицына съ обоими полками гвардіи своей, оставя изъ нихъ при себѣ по одной только гренадерской ротѣ, и съ пѣхотными же полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ верхами; и подъ его же командою генералъ-поручика Боура, съ десятью кавалерійскими баталіонами, за ушедшими съ сраженія подъ Переволочну Шведами, повелѣвъ имъ всевозможно поспѣшать, и догнавъ атаковать и плѣнить ихъ.

Въ сей же самый вечеръ великій государь своеручный послалъ указъ къ находившемуся въ Польшѣ своему генералъ-фельдмаршалу-лейтенанту Гольцу, повелѣвающій всячески наблюдать ему того, дабы ушедшій король Шведскій не соединился съ корпусомъ своимъ, въ Польшѣ находящимся, и чтобъ для того онъ по всѣмъ дорогамъ, въ томъ числѣ и лежащимъ къ Турецкимъ границамъ, разослалъ все легкое войско, дабы пресѣчь всюду ему путь, и проч., и сверхъ сего въ сей же вечеръ благоволилъ увѣдомить о сей преславной побѣдѣ великую супругу свою, царевича сына своего, кесаря Рамодановскаго и другихъ знатныхъ особъ, также губернаторовъ и иностранныхъ министровъ своихъ, своими письмами, изъ которыхъ на одномъ, а именно къ графу Апраксину, писанномъ собственною же его рукою, назначенъ и часъ, въ который оное писано, именно же 9

вечера; но я приложу сіе послѣднее здѣсь подлинникомъ: оно послужитъ намъ образцомъ и всѣмъ другимъ.

«Господинъ Адмиралъ!

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Господь Богъ намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, даровати изволилъ, съ малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу, со всею арміею, конною и пѣшею, атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, но принуждена была уступить, однакожъ съ великимъ убыткомъ непріятелю, потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ ретраншемента вывели и предъ очи его поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, но и наши противъ него пошли, и такъ его встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли; тако-жъ генералъ-фельдмаршала г. Рейншильда, купно съ четырьмя генералами, а именно: Шлипенбахомъ, Гамильтономъ, Штакельбергъ и Розеномъ; также первый министръ графъ Пиперъ съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно писать будемъ вскорѣ (а нынѣ за суетами не возможно), и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ воспріяла (а̀ о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами-ль, или съ отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-поручики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новизною вамъ поздравляемъ, и прошу господъ высшихъ и нижнихъ морскихъ и сухопутныхъ поздравить».

«Piter».

«P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею.

«Приведенъ еще въ полонъ князь Виртенбергскій сродникъ короля Шведскаго».

Читатель не оставитъ конечно замѣтить, что великій побѣдитель нашъ о личномъ своемъ, толь великомъ въ побѣдѣ сей участіи ни словомъ не упоминаетъ.

Такъ препровожденъ былъ знаменитый сей день.

Повѣствованіе наше окончили мы 27 днемъ іюня, то-есть

днемъ преславной Полтавской побѣды, и видѣли, что отъ меча Россійскаго спаслась уходомъ къ Днѣпру цѣлая половина арміи Шведской, подъ предводительствомъ генерала Левенгаупта; что великій побѣдитель того же вечера, для достиженія оной, отправилъ князя Михаила Михайловича Голицына съ полками гвардіи и съ пѣхотными же Ингерманландскимъ и Астраханскимъ на лошадяхъ; да подъ командою его же генералъ-поручика Боура съ десятью кавалерійскими баталіонами, съ повелѣніемъ плѣнить всѣхъ, или когда будутъ сопротивляться, порубить; но поутру 28 числа съ точнѣйшими предписаніями и уполномочіемъ въ слѣдъ за ними послалъ князя Меньшикова съ ротою лейбъ-эскадрона. По отправленіи сего князя, великій государь занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ каре, и когда все сіе до отправленія еще князя Меньшикова исполнено, тогда монархъ въ 5 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерываемъ былъ токами слезъ его, извлекавшихъ подобныя же и изъ очей каждаго видѣвшаго оныя. Отеческая чувствительность монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною: «Храбрые воины», возгласилъ онъ, «за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися, и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги!» По сей краткой рѣчи великій государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своимъ руками засыпать землею; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь, и печальные тоны полковой музыки заключили погребательный сей обрядъ.

Его величество однако же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами холмъ, и не водрузилъ на ономъ сво-

ими же руками святаго креста, съ надписаніемъ: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня».

Тогда-же великій государь издалъ указъ о повсягодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ.

Н. Голиковъ.

ЗНАЧЕНІЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была повѣрка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, они самому Петру, въ горькія минуты неудачъ и разочарованія, казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому, на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

Бѣлинскій.

ПАМЯТНИКЪ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Въ царствованіе императора Александра воздвигнутъ существующій нынѣ памятникъ. Онъ сдѣланъ по проекту г-на Томона, построившаго также Большой Петербургскій и Одесскій театры и Петербургскую биржу. Мѣсто для памятника избрано въ самой Полтавѣ, на Александровской площади, украшенной правильными аллеями и обсаженной пирамидальными тополями. Огромныя зданія присутственныхъ мѣстъ, домъ генералъ-губернатора и Петровскій Кадетскій корпусъ (нынѣ военной гимназіи) окружаютъ площадь. Памятникъ представляетъ зеленаго цвѣта

пушечною и ружейною стрѣльбою отъ гвардіи и 125 галеръ, и 23 напольныхъ полковъ произведены были великіе громы и звуки. По поздравленіи же ономъ и по умолчанію гласовъ и звуковъ, отвѣтствовалъ его величество всему генералитету, сими, тремя краткими рѣчми тако:

1) «Зѣло желаю, чтобъ нашъ народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною, и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ».

2) «Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ учинилось, какъ съ монархіею Греческою».

3) «Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Послѣ сего начатъ былъ благодарный молебенъ, и какъ окончали чтеніемъ евангеліе, тогда въ другій разъ, какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мелкаго ружья такая-жъ стрѣльба учинена, какъ и первая, а потомъ, при окончаніи молебна, чтена благодарственная молитва отъ Рязанскаго митрополита, при всенародномъ колѣнопреклоненіи, и когда молебенъ окончался, тогда его величество при выходѣ изъ церкви паки народъ съ восклицаніемъ трижды вивата поздравилъ, и тогда третій разъ изъ пушекъ и мелкаго ружья произведена пальба.

Въ вечеру, въ честь онаго мирнаго торжества, была по всему городу иллюминація: по окнамъ свѣчи, а по улицамъ жгли смоленыя бочки и дрова, потомъ зажженъ былъ фейерверкъ, гдѣ былъ Янусовъ храмъ сдѣланъ со отверстыми вратами, а посреди онаго стоялъ Янусъ, который въ правой рукѣ держалъ лавровый вѣнецъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. И оный Янусъ украшенъ былъ синимъ огнемъ и, когда онаго Янусова храма врата, отъ дву воинственниковъ затворены, то одинъ другому руки подали, въ знакъ союза или мира, ими учиненнаго, тогда отъ множества трубъ, литавръ и барабановъ, учинился паки звукъ, а потомъ съ крѣпости и съ галеръ изо всѣхъ пушекъ однимъ залпомъ вдругъ около тысячи пушекъ выстрѣлено было, также изъ мелкаго ружья учинено; и отъ такого великаго пушечнаго огня оказалось тогда, яко бы вся крѣпость и Нева рѣка пламенемъ покрылась, и по три вечера потомъ торжествовано было, и три фейерверка сожжено, чѣмъ и окончилось оное торжество.

И такъ отъ того времени уставилъ государь Петръ Великій праздновать сіе торжество въ вѣчное воспоминовеніе, за толикую отъ Бога дарованную неизреченную милость, какъ церковно, такъ и граждански, а по вся годы августа 30 дня, понеже въ тотъ день подписанъ со обѣихъ сторонъ полномочныхъ пословъ оный мирный трактатъ; и въ 1724 году, августа 30 дня, на воспоминаніе того вѣчнаго мира, пренесены мощи святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ Санктпетербургъ, Александроневскій монастырь, для котораго пренесенія установлено соборнѣ праздновать вѣчно, во-первыхъ Господу Богу за богодарованной вѣчной миръ, а потомъ перенесенію мощей святыхъ, августа 30 дня.

И для такого преславнаго сугубаго торжества, какъ его императорское величество Петръ Великій, такъ и по немъ его величества потомки, повсягодно для празднества къ святой Божіей службѣ во оное 30 число во Александроневскій монастырь изволятъ шествовать. Также и сіе его величество Петръ Великій монаршимъ своимъ указомъ уставилъ 1724 году, для онаго же вѣчнаго мира торжества, чтобъ на оный праздникъ и ботикъ, яко возродителя флота Россійскаго, въ Александроневскій монастырь приводимъ былъ. Государыня императрица Елисавета Петровна узаконила, дабы учинено было во Александроневскій монастырь крестное хожденіе повсягодно августа въ 30 день, въ честь Господу Богу за богодарованный вѣчный миръ. О сихъ высокихъ торжествахъ установлено и узаконено по всей Россійской имперіи при святыхъ церквахъ повсягодно въ тѣ дни каждому торжеству особо отправлять молебныя пѣнія благодарственныя ко Господу Богу соборнѣ съ колокольнымъ звономъ.

Богдановъ.

ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ И ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВА.

Въ 20 день октября, 1721 года, по общему совѣту Правительствующихъ Сената и Сvнода, положено, въ изъявленіе достодолжнаго своего благодаренія за отеческія милости Петра Перваго, за неусыпное его попеченіе и стараніе, какое онъ о благополучіи государства во все время славнаго своего царствованія, а особливо во время прошедшей войны явилъ, и Всероссійское государство въ толь сильное и доброе состояніе, и народъ свой въ такую славу у всего свѣта единственно чрезъ свое руководство и труды привелъ, отъ лица всѣхъ чиновъ и всего Россійскаго народа просить, да благоволитъ принять, по примѣру другихъ, титло: *«Отца отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго»*.

Вслѣдствіе сего, отъ общаго сего высокаго собранія отправленъ къ его величеству первенствующій членъ Сената, его свѣтлость князь Меньшиковъ, съ письменнымъ прошеніемъ, дабы благоволилъ показать къ нимъ милость — принятіемъ сего должнаго ему титла, и позволилъ бы имъ при отправленіи торжества приличною съ сему рѣчью оный объявить.

Великій государь, по нѣсколькомъ размышленіи, чрезъ сего депутата повелѣлъ объявить собранію, что онъ съ нѣкоторыми членами онаго о томъ прежде поговорить желаетъ; по сообщеніи сего княземъ симъ, два сенатора и два архіерея: Новгородскій и Псковскій, пришедъ къ его величеству, повторили покорнѣйшее о томъ же прошеніе. Но великій государь отъ принятія знаменитаго сего титла всячески отрекался, представляя многіе тому резоны; и должно было симъ особамъ тѣ представляемые смиренномудрымъ государемъ резоны оспоривать сильнѣйшими; и важность представленій сихъ послѣднихъ, ревность ихъ, прошеніе и слезы, по долгомъ однако-жъ сопротивленіи, поколебали твердость великаго монарха, такъ что наконецъ склонился принять оное.

Сіе знаменитѣйшее въ исторіи Россійскій происшествіе произведено слѣдующимъ образомъ:

Въ наставшій день торжества, которое было 22 числа октября, великій государь благоволилъ прибыть со всѣмъ своимъ дворомъ въ соборный Святой Троицы храмъ, и, по отправленіи литургіи, повелѣлъ читать мирный трактатъ, заключенный съ короною Шведскою въ Нейштадтѣ, и ратификацію на оный его королевскаго величества Шведскаго; а по прочтеніи онаго, архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ приличную радости таковой и торжеству сему говорилъ проповѣдь, въ которой риторъ сей прекрасно изобразилъ славныя его величества дѣйствія и великія благодѣянія, оказанныя во время его царствованія, особливо же въ продолженіе минувшей войны государству и подданнымъ, и что потому имя *«Отца отечества, Императора и Великаго»* достойно и праведно имѣть ему подобаетъ.

По такому заключенію проповѣди сей, весь Сенатъ предсталъ предъ его величество, и великій канцлеръ графъ Головкинъ, отъ лица онаго и отъ лица всѣхъ государственныхъ чиновъ и народа, говорилъ слѣдующую рѣчь:

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій нашъ самодержецъ!

«Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы ваши вѣрные подданные изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и во общество политичныхъ народовъ присовокуплены, яко то не токмо намъ, но и всему свѣту извѣстно; и того ради, како мы возможемъ, по слабости своей, довольно благодарныхъ словъ изобрѣсти за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго государству вашему съ короною Свѣйскою вѣчнаго мира, яко плода трудовъ рукъ вашихъ, по достоинству возблагодарити; но вѣдая вашего величества не имѣюща въ такихъ хвалахъ благоугожденія, не смѣемъ оныхъ здѣ распространять; однако-жъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы учрежденный вашего величества Сенатъ именемъ всего Всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, во знакъ малаго нашего при-

знанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ *Отца отечествія Петра Великаго Императора Всероссійскаго* приняти, изъ которыхъ титулъ императорскій вашего величества достохвальнымъ антецессоромъ отъ славнѣйшаго императора Римскаго Максимиліана отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ уже приложенъ, и нынѣ отъ многихъ потентантовъ дается; а имя великаго по дѣламъ вашимъ великимъ, по достоинству вамъ уже многіе и въ печатныхъ письмахъ прилагаютъ; что же до имени отца отечествія принадлежитъ, то мы хотя и недостойны такого великаго отца, но по милости Божіей, намъ дарованному, дерзаемъ приложить, по прикладу древнихъ Греческихъ и Римскихъ синклитовъ, которые своими славными дѣлами и милостію прославившимся монархамъ оное прилагали. Ваше отцелюбивое снисхожденіе къ намъ подастъ намъ такое дерзновеніе, что вашему величеству при подданнѣйшемъ благодареніи нашемъ твоя отъ твоихъ, и достойное достойному воздаемъ, всенижайше прося, по славному въ свѣтѣ великодушію своему, тоя милости насъ удостоити, и сіе прошеніе отъ насъ милостивѣйше воспріяти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ отечествія, Императоръ Всероссійскій.»

По окончаніи сей рѣчи, весь Сенатъ провозгласилъ трикратно виватъ, а за ними весь народъ, внутрь и внѣ церкви въ великомъ множествѣ находившійся, съ великимъ воплемъ трикратно-же повторилъ оное.

Таковое радостное восклицаніе и послѣдующіе оному колокольные звоны, трубные гласы, литаврные и барабанные звуки, ружейный отъ двадцати девяти полковъ бѣглый огонь, пушечные съ обѣихъ крѣпостей и со ста двадцати пяти галеръ, стоявшихъ на Невѣ предъ церковью громы, повторяемые въ воздухѣ громчайшими эхами, представили зрѣлище наивосхитительнѣйшее и сему толико торжественному происшествію соразмѣрное.

Н. Голиковъ.

СЛУЧАЙ, УСКОРИВШІЙ СМЕРТЬ ПЕТРА.

Въ первыхъ числахъ ноября 1724 года Петръ отправился на Лахту, мѣстечко, находящееся при Финскомъ заливѣ, недалеко отъ Петербурга, въ намѣреніи ѣхать оттуда въ Систербекъ, дабы осмотрѣть тамошнюю кузницу и оружейной заводъ.

Но на Лахтѣ нечаянное приключеніе разстроило толь благополучно возстановленное и укрѣпленное здравіе его величества, и онъ вторично впалъ въ претерпѣнную незадолго предъ тѣмъ болѣзнь.

При весьма бурной погодѣ въ толь позднюю осень, увидѣли за нѣсколько верстъ отъ Лахты шедшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами и матросами, который, слишкомъ будучи обремененъ, подверженъ былъ великой опасности отъ морскихъ волнъ и, наконецъ, недалеко отъ Лахты, сѣлъ на мель. Сіе случилось уже поздно ввечеру, въ то самое время, какъ императоръ присталъ къ берегу. Онъ отправилъ туда на помощь шлюбку со своими людьми, которые сколько ни трудились, однако не могли стащить ботъ съ мѣста. Между тѣмъ самъ онъ, стоя на берегу, смотрѣлъ туда и разгнѣвался на ихъ медленность, видя, что уже нѣсколько человѣкъ съ бота унесены были волнами и полумертвы вытащены изъ воды.

Вдругъ рѣшился онъ самъ ѣхать туда и помогать спасенію людей и бота. Отъѣхавши шаговъ на сто отъ берега, не могъ подъѣхать ближе по причинѣ мелкости воды, и для того, выскочивши изъ шлюбки, пошелъ пѣшкомъ по колѣно въ водѣ; дошедши до бота, помогалъ сдвигать его съ мѣста и спасать людей. Нѣкоторые изъ сихъ людей, которые пострадали болѣе прочихъ и едва могли на ногахъ держаться, отвезены были на берегъ въ ближнія крестьянскія избы. Государъ послѣ самъ долженъ былъ переодѣть-

ся и надѣть сухое платье. Сей герой наслаждался тѣмъ удовольствіемъ, что присутствіемъ своимъ и собственными тяжкими трудами споспѣшествовалъ сдвинуть ботъ съ мели и слишкомъ двадцать человѣкъ избавить отъ смерти, забывая, что самъ онъ до половины тѣла былъ въ водѣ, и не помышляя о томъ, что избавленіе сихъ людей могло привести его въ такое состояніе, въ которомъ невозможно уже было сохранить драгоцѣнную его жизнь.

Государь хотѣлъ, переночевавъ на Лахтѣ, ѣхать на другой день поутру въ Систербекъ. Но онъ не могъ почти заснуть и чувствовалъ сильные лихорадочные припадки и жестокой рѣзъ въ животѣ. И такъ на другой день поутру все было приготовлено къ возвращенію въ Петербургъ. Государь, прибывъ туда весьма болѣнъ, долженъ былъ лечь въ постелю, и день отъ дня болѣе чувствовалъ возобновленіе прежней своей болѣзни.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ опасность состоянія его весьма увеличилась и воспаленіе во внутренныхъ частяхъ и въ пузырѣ стало такъ примѣтно, что со дня на день болѣе должно было опасаться Антонова огня. Государь, претерпѣвая ужасное страданіе, почувствовалъ приближеніе смерти, предался волѣ Божіей съ твердѣйшимъ постоянствомъ, и часто вслухъ молился.

Штелинъ.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Между тѣмъ великій государь почувствовалъ паче прежняго мучительную болѣзнь свою; но 16-го числа января болѣзнь оная оказала всю свою смертоносную силу. Трудность въ испражненіи воды, часто напирающейся, толь жестокій причиняла рѣзъ, что сей великодушнѣйшій и при всѣхъ другихъ случаяхъ терпѣливѣйшій герой, принужденъ испускать жалостный вопль, произнося между тѣмъ къ предстоящимъ и въ слезахъ утопающимъ вельможамъ своимъ сіи слова: *«Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ»!*

Въ семъ лютомъ страданіи своемъ великій государь повелѣлъ близъ спальни своей поставить подвижную церковь и отправить святую литургію, и 22-го января, по уставу святой церкви, исповѣдалъ предъ духовникомъ Богу грѣхи свои и пріобщился Святой Евхаристіи.

Между тѣмъ всѣ врачи, сколько ихъ тогда находилось въ Петербургѣ, были созваны на совѣтъ, и по долгомъ разсужденіи своемъ хотя и не показали они отчаянія знаковъ, однако-жъ всѣ окружающіе монарха видѣли, что отъ нихъ никакой помощи надѣяться не должно. Состояніе больнаго сіе имъ доказывало: ибо вся сила въ немъ такъ ослабѣла, что онъ, при умножающейся ежеминутно болѣзни своей, не вопилъ уже больше, и только во время испущанія урины возобновлялся оный съ жалостнымъ стономъ.

Толь мучительное страданіе оказалось особливо 26-го числа. Съ начала болѣзни были при его величествѣ дежурными по три и по четыре сенатора, которые ни днемъ, ни ночью не отлучались отъ него ни на минуту; но наканунѣ помянутаго числа сошлись во дворецъ остальные, весь генералитетъ, всѣхъ коллегій члены, всѣ гвардіи и морскіе офицеры, а также весь Сѵнодъ и знатное

цу, на монетномъ дворѣ, былъ пріятно изумленъ выбитою при немъ же медалью; на одной сторонѣ изображенъ былъ Великій Петръ, увѣнченный лаврами; а на другой представлялись: парящая слава и восходящее солнце, съ надписью: crescit eundo. Первый золотой экземпляръ поднесенъ царю; спутники его получили золотые или серебряные оттиски.

На другой день отдалъ монарху визитъ папскій нунцій, въ разговорахъ его съ Петромъ, Шафировъ служилъ имъ переводчикомъ.

3-го числа, государь посѣтилъ Сорбонскую академію; въ библіотекѣ показывали ему нѣсколько богословскихъ книгъ на славянскомъ языкѣ, и этотъ случай послужилъ поводомъ къ тому, что члены Сорбонны объявили монарху желаніе свое видѣть соединенными восточную и западную церкви: Петръ отозвался, что воинскія заботы и дѣла государственныя не оставляютъ ему времени заняться столь важнымъ предметомъ, и предоставилъ разсмотрѣніе онаго высшему Россійскому духовенству.

Въ тотъ же день, въ коллегіи кардинала Мазарина, царь видѣлся съ математикомъ Вариньономъ, и послѣдователемъ Коперниковой системы, Пижо. Астрономическіе инструменты сего послѣдняго куплены Петромъ за 2000 рейхсталеровъ.

По желанію монарха, 5-го числа дано было ученье Французской конной гвардіи и мушкетеровъ.

Въ академіи наукъ, 8-го числа, Петръ I замѣтилъ погрѣшность на картѣ въ отношеніи къ Каспійскому морю; и, проходя потомъ мимо бюста кардинала Ришелье, вскричалъ: «О, великій человѣкъ»!

Нѣкоторые писатели прибавляютъ, будто бы царь, обнявъ бюстъ кардинала сказалъ: «Еслибъ ты былъ живъ, то я отдалъ бы тебѣ половину моего государства для того, чтобъ научиться управлять другою»! Это уже слишкомъ по-французски, и подобная выдумка унижаетъ только нравственное достоинство выдумщика, придавшаго *такую* тираду *такому* государю, каковъ былъ Петръ.

Здѣсь упредимъ мы нѣсколько самое время, и скажемъ, что, въ началѣ слѣдующаго года, царь былъ избранъ въ почетные сей академіи члены. Дипломъ присланъ при краснорѣчивомъ письмѣ непремѣннаго секретаря академіи, Фонтенеля, отъ 13 января 1718.

Во время шестинедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, Петръ I, какъ и въ Голландіи, одѣвался всегда просто, обѣдалъ въ 11 ча-

совъ утра, ужиналъ въ 8 часовъ вечера, пилъ по обыкновенію, и такъ мало обращалъ вниманія на время и мѣстные нравы, что спросилъ однажды, въ оперѣ, стаканъ пива, взялъ его, сидя, отъ регента, и поставилъ подносъ у него ва рукахъ. Впрочемъ онъ пробылъ въ оперѣ только до четвертаго акта пьесы. Любопытные толпились вездѣ на встрѣчу монарха, и онъ удалялъ ихъ отъ себя или словами, или давая знакъ рукою. Иногда онъ вскакивалъ мгновенно, спрашивалъ карету, и спѣшилъ видѣть что нибудь достойное вниманія: вотъ почему Французскій этикетъ заставилъ дворъ имѣть въ разныхъ мѣстахъ въ готовности экипажи для царственнаго гостя. Не измѣняя прежней своей страсти, онъ посѣщалъ Парижскія фабрики и мануфактуры, знаменитыхъ живописцевъ, граверовъ, равно прочихъ художниковъ и ремесленниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, вступившіе въ Русскую службу, отправлены въ Петербургъ, съ рекомендательными письмами къ Меньшикову.

Въ то же самое время, Петръ I направлялъ дипломатическія сношенія своихъ министровъ, равно движенія войскъ, и, мѣшая важное съ маловажнымъ, не оставилъ, между прочимъ, безъ вниманія и просьбы писаря Преображенскаго полка Андрея Иванова «о дворѣ его» (какъ сказано въ письмѣ къ Меньшикову), которой на нашей сторонѣ (подлѣ двора вашего садовника, а по другую сторону Кикина дворъ), архитекторы разсуждаютъ, что оной гораздо узокъ, и противъ другихъ дворовъ въ линіи будетъ малъ, а тутъ же есть между дворовъ Кикина и садовника переулокъ, которому впредъ не быть, и отданъ оной переулокъ во дворы Кикину и садовнику, и для того посмотрите съ архитекторами по чертежу, и вмѣсто того переулка, который отдается Кикину съ садовникомъ, прибавить ему, писарю, земли изъ ихъ дворовъ столько, сколько великъ переулокъ».

Въ заключеніе, Петръ I не могъ не присутствовать при глазной операціи, сдѣланной одному 56-лѣтнему инвалиду. Искусство и ловкость Англійскаго окулиста Вольгуза (Wolhouse) изумили царя.

Регентъ и король посѣтили Петра I передъ его отъѣздомъ изъ Парижа. Прощаясь съ ними, монархъ подарилъ Людовику XV модель С. Петербурга; королевскимъ служителямъ, находившимся при немъ, выдалъ 3000 червонныхъ, а знатнѣйшихъ особъ Французскаго двора наградилъ или своими портретами, или золотыми

по полудни, государь, почувствовавъ приближающуюся уже свою кончину, потребовалъ бумаги, и, взявъ перо, сталъ было писать, но рука его начертала только нѣсколько неявственныхъ строкъ, въ коихъ могли разобрать одни только сіи слова: *отдайте все....* И когда перо выпало изъ рукъ его, то повелѣлъ призвать къ себѣ старшую свою дщерь цесаревну Анну Петровну и хотѣлъ сказать ей, что писать; но какъ сія къ нему подошла, онъ не могъ уже ничего говорить. Тотчасъ призваны были два архіерея: Псковскій и Тверскій и Чудова монастыря архимандритъ къ увѣщанію и утвержденію умирающаго; и хотя мнили, что онъ не чувствовалъ ничего изъ сихъ увѣщаній, но, сверхъ чаянія, объявилъ онъ сильное и весьма живое благочестія чувствіе: ибо когда одинъ изъ увѣщателей о смерти Христовой, и что оною намъ пріобрѣтено, воспомянувъ, сказалъ, что пришло уже время, когда подобаетъ ему едино сіе разсуждать къ пользѣ своей, о чемъ онъ самъ прежде прочимъ сказывалъ; ибо (придаетъ къ сему преосвященный Ѳеофанъ) онъ о благодатномъ чрезъ Христа грѣшныхъ оправданіи довольно предъ тѣмъ самъ бесѣдовалъ; тотчасъ онъ началъ силиться встать, и, бывъ мало приподнятъ, очи и немного руки горѣ приподнявъ, хотя засохлымъ языкомъ и помѣшенными рѣчами произнесъ сіи слова: *«Сіе едино жажду мою утоляетъ, сіе едино услаждаетъ меня»*, которыя и неоднократно повторялъ; и когда увѣщатель напомнилъ ему, чтобъ онъ уповалъ безъ всякаго сомнительства на милосердіе Божіе, и вѣрилъ бы, что подается отпущеніе грѣховъ и благодать жизни вѣчной заслугами Христовыми, онъ на сіе: *«вѣрую и уповаю»* нѣсколькократно повторилъ; и когда по семъ увѣщатель возбуждалъ его къ молитвѣ и сказывалъ слова, которыя обыкновенно приступающіе къ Святому Причастію говорятъ: *«Вѣрую Господи и исповѣдую, яко ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ»*, благочестивый государь, внимая сему, произнесъ при послѣднихъ сихъ словахъ: *«вѣрую Господи и исповѣдую; вѣрую Господи, помози моему невѣрію»*; «и сіе все (продолжаетъ вышепомянутый манускриптъ), что весьма дивно со умиленіемъ, лице къ веселію елико могъ устроевая, говорилъ, по семъ замолкъ; и на прочее, что ему въ утвержденіе предлагаемо было, отвѣтствовалъ только то помаваніемъ, то приложеніемъ къ персямъ руки своей; и когда по семъ казалось, что онъ уже кончается, тогда съ

увеселенія поднесенъ былъ его величеству ковшъ простаго вина изъ поставленныхъ про народъ бадей съ виномъ, который онъ про здравіе всенародное изволилъ и выпить. Потомъ начали съ крѣпости изъ Адмиралтейства изъ пушекъ стрѣлять, и трекратно отъ полковъ бѣглымъ огнемъ выстрѣлено было, и весь народъ для такой радости пивомъ и виномъ удоволенъ былъ.

А потомъ для большаго торжества и для объявленія обстоятельной реляціи и всего мирнаго трактата, назначилъ его величество 22 число октября мѣсяца, къ которому дню приуготовленъ былъ пребогатый фейерверкъ и иллюминація. Притомъ для сей же неизреченной радости, его императорское величество учинилъ генеральное прощеніе и отпущеніе винъ во всемъ государствѣ, которые въ тяжкихъ и другихъ преступленіяхъ въ наказанія впали и во оныя осуждены. Также и тѣмъ, которые въ государственныхъ долгахъ, въ тюрьмахъ заарестованы сидѣли. Притомъ недоимки всѣ съ 1700 по 1718 годъ, которыхъ по исчисленію до нѣсколькихъ миліоновъ состояло, оныя оставить. Въ тюрьмахъ и на каторгу сосланныхъ, кромѣ тѣхъ, кои въ убійствахъ и разбояхъ, всѣхъ изъ тюремъ свободилъ. За толикую его императорскаго величества показанную неизреченную къ народу милость, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сунодъ просили его величество, дабы изволилъ принять на себя титулъ «отца отечества: великаго, императора Всероссійскаго», который титулъ принялъ его величество, по великому прошенію всего народа.

Когда же 22 число октября приспѣло, дабы торжествовать оный день, тогда его величество изволилъ прибыть въ соборную церковь святыя Троицы, и по отпѣніи божественной литургіи чтена была ратификація, то есть мирный трактатъ, а по прочтеніи онаго было сказано поученіе отъ преосвященнаго Ѳеофана Прокоповича, епископа Псковскаго, въ которомъ изъявлены были всѣ дѣла и добродѣтели Петра Великаго, а особливо въ сей войнѣ происходящія, также послѣ онаго поученія приступилъ весь Сенатъ къ его императорскому величеству, и господинъ канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, говорилъ, именемъ всего Сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ, его величеству поздравительную рѣчь, по окончаніи коей, отъ всего Сената, а потомъ и отъ всего народа, какъ внутрь церкви, такъ и внѣ великими и радостными гласы воскликнуто трижды: *виватъ*, въ то же самое время на трубахъ и литаврахъ, и барабаннымъ боемъ, многочисленною

пушечною и ружейною стрѣльбою отъ гвардіи и 125 галеръ, и 23 напольныхъ полковъ произведены были великіе громы и звуки. По поздравленіи же ономъ и по умолчанію гласовъ и звуковъ, отвѣтствовалъ его величество всему генералитету, сими, тремя краткими рѣчми тако:

1) «Зѣло желаю, чтобъ нашъ народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною, и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ».

2) «Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ учинилось, какъ съ монархіею Греческою».

3) «Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ».

Послѣ сего начатъ былъ благодарный молебенъ, и какъ окончали чтеніемъ евангеліе, тогда въ другій разъ, какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мелкаго ружья такая-жъ стрѣльба учинена, какъ и первая, а потомъ, при окончаніи молебна, чтена благодарственная молитва отъ Рязанскаго митрополита, при всенародномъ колѣнопреклоненіи, и когда молебенъ окончался, тогда его величество при выходѣ изъ церкви паки народъ съ восклицаніемъ трижды вивата поздравилъ, и тогда третій разъ изъ пушекъ и мелкаго ружья произведена пальба.

Въ вечеру, въ честь онаго мирнаго торжества, была по всему городу иллюминація: по окнамъ свѣчи, а по улицамъ жгли смоленыя бочки и дрова, потомъ зажженъ былъ фейерверкъ, гдѣ былъ Янусовъ храмъ сдѣланъ со отверстыми вратами, а посреди онаго стоялъ Янусъ, который въ правой рукѣ держалъ лавровый вѣнецъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. И оный Янусъ украшенъ былъ синимъ огнемъ и, когда онаго Янусова храма врата, отъ дву воинственниковъ затворены, то одинъ другому руки подали, въ знакъ союза или мира, ими учиненнаго, тогда отъ множества трубъ, литавръ и барабановъ, учинился паки звукъ, а потомъ съ крѣпости и съ галеръ изо всѣхъ пушекъ однимъ залпомъ вдругъ около тысячи пушекъ выстрѣлено было, также изъ мелкаго ружья учинено; и отъ такого великаго пушечнаго огня оказалось тогда, яко бы вся крѣпость и Нева рѣка пламенемъ покрылась, и по три вечера потомъ торжествовано было, и три фейерверка сожжено, чѣмъ и окончилось оное торжество.

И такъ отъ того времени уставилъ государь Петръ Великій праздновать сіе торжество въ вѣчное воспоминовеніе, за толикую отъ Бога дарованную неизреченную милость, какъ церковно, такъ и граждански, а по вся годы августа 30 дня, понеже въ тотъ день подписанъ со обѣихъ сторонъ полномочныхъ пословъ оный мирный трактатъ; и въ 1724 году, августа 30 дня, на воспоминаніе того вѣчнаго мира, пренесены мощи святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго въ Санктпетербургъ, Александроневскій монастырь, для котораго пренесенія установлено соборнѣ праздновать вѣчно, во-первыхъ Господу Богу за богодарованной вѣчной миръ, а потомъ перенесенію мощей святыхъ, августа 30 дня.

И для такого преславнаго сугубаго торжества, какъ его императорское величество Петръ Великій, такъ и по немъ его величества потомки, повсягодно для празднества къ святой Божіей службѣ во оное 30 число во Александроневскій монастырь изволятъ шествовать. Также и сіе его величество Петръ Великій монаршимъ своимъ указомъ уставилъ 1724 году, для онаго же вѣчнаго мира торжества, чтобъ на оный праздникъ и ботикъ, яко возродителя флота Россійскаго, въ Александроневскій монастырь приводимъ былъ. Государыня императрица Елисавета Петровна узаконила, дабы учинено было во Александроневскій монастырь крестное хожденіе повсягодно августа въ 30 день, въ честь Господу Богу за богодарованный вѣчный миръ. О сихъ высокихъ торжествахъ установлено и узаконено по всей Россійской имперіи при святыхъ церквахъ повсягодно въ тѣ дни каждому торжеству особо отправлять молебныя пѣнія благодарственныя ко Господу Богу соборнѣ съ колокольнымъ звономъ.

Богдановъ.

ПЕТРЪ ИМПЕРАТОРЪ И ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВА.

Въ 20 день октября, 1721 года, по общему совѣту Правительствующихъ Сената и Сvнода, положено, въ изъявленіе достодолжнаго своего благодаренія за отеческія милости Петра Перваго, за неусыпное его попеченіе и стараніе, какое онъ о благополучіи государства во все время славнаго своего царствованія, а особливо во время прошедшей войны явилъ, и Всероссійское государство въ толь сильное и доброе состояніе, и народъ свой въ такую славу у всего свѣта единственно чрезъ свое руководство и труды привелъ, отъ лица всѣхъ чиновъ и всего Россійскаго народа просить, да благоволитъ принять, по примѣру другихъ, титло: *«Отца отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго»*.

Вслѣдствіе сего, отъ общаго сего высокаго собранія отправленъ къ его величеству первенствующій членъ Сената, его свѣтлость князь Меньшиковъ, съ письменнымъ прошеніемъ, дабы благоволилъ показать къ нимъ милость — принятіемъ сего должнаго ему титла, и позволилъ бы имъ при отправленіи торжества приличною съ сему рѣчью оный объявить.

Великій государь, по нѣсколькомъ размышленіи, чрезъ сего депутата повелѣлъ объявить собранію, что онъ съ нѣкоторыми членами онаго о томъ прежде поговорить желаетъ; по сообщеніи сего княземъ симъ, два сенатора и два архіерея: Новгородскій и Псковскій, пришедъ къ его величеству, повторили покорнѣйшее о томъ же прошеніе. Но великій государь отъ принятія знаменитаго сего титла всячески отрекался, представляя многіе тому резоны; и должно было симъ особамъ тѣ представляемые смиренномудрымъ государемъ резоны оспоривать сильнѣйшими; и важность представленій сихъ послѣднихъ, ревность ихъ, прошеніе и слезы, по долгомъ однако-жъ сопротивленіи, поколебали твердость великаго монарха, такъ что наконецъ склонился принять оное.

Сіе знаменитѣйшее въ исторіи Россійскій происшествіе произведено слѣдующимъ образомъ:

Въ наставшій день торжества, которое было 22 числа октября, великій государь благоволилъ прибыть со всѣмъ своимъ дворомъ въ соборный Святой Троицы храмъ, и, по отправленіи литургіи, повелѣлъ читать мирный трактатъ, заключенный съ короною Шведскою въ Нейштадтѣ, и ратификацію на оный его королевскаго величества Шведскаго; а по прочтеніи онаго, архіепископъ Псковскій Ѳеофанъ приличную радости таковой и торжеству сему говорилъ проповѣдь, въ которой риторъ сей прекрасно изобразилъ славныя его величества дѣйствія и великія благодѣянія, оказанныя во время его царствованія, особливо же въ продолженіе минувшей войны государству и подданнымъ, и что потому имя «*Отца отечества, Императора и Великаго*» достойно и праведно имѣть ему подобаетъ.

По такому заключенію проповѣди сей, весь Сенатъ предсталъ предъ его величество, и великій канцлеръ графъ Головкинъ, отъ лица онаго и отъ лица всѣхъ государственныхъ чиновъ и народа, говорилъ слѣдующую рѣчь:

«Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій нашъ самодержецъ!

«Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы ваши вѣрные подданные изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены, и во общество политичныхъ народовъ присовокуплены, яко то не токмо намъ, но и всему свѣту извѣстно; и того ради, како мы возможемъ, по слабости своей, довольно благодарныхъ словъ изобрѣсти за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго государству вашему съ короною Свѣйскою вѣчнаго мира, яко плода трудовъ рукъ вашихъ, по достоинству возблагодарити; но вѣдая вашего величества не имѣюща въ такихъ хвалахъ благоугожденія, не смѣемъ оныхъ здѣ распространять; однако-жъ, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту, дерзаемъ мы учрежденный вашего величества Сенатъ именемъ всего Всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, во знакъ малаго нашего при-

ся и надѣть сухое платье. Сей герой наслаждался тѣмъ удовольствіемъ, что присутствіемъ своимъ и собственными тяжкими трудами споспѣшествовалъ сдвинуть ботъ съ мели и слишкомъ двадцать человѣкъ избавить отъ смерти, забывая, что самъ онъ до половины тѣла былъ въ водѣ, и не помышляя о томъ, что избавленіе сихъ людей могло привести его въ такое состояніе, въ которомъ невозможно уже было сохранить драгоцѣнную его жизнь.

Государь хотѣлъ, переночевавъ на Лахтѣ, ѣхать на другой день поутру въ Систербекъ. Но онъ не могъ почти заснуть и чувствовалъ сильные лихорадочные припадки и жестокой рѣзъ въ животѣ. И такъ на другой день поутру все было приготовлено къ возвращенію въ Петербурѣ. Государь, прибывъ туда весьма болѣнъ, долженъ былъ лечь въ постелю, и день отъ дня болѣе чувствовалъ возобновленіе прежней своей болѣзни.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ опасность состоянія его весьма увеличилась и воспаленіе во внутреннихъ частяхъ и въ пузырѣ стало такъ примѣтно, что со дня на день болѣе должно было опасаться Антонова огня. Государь, претерпѣвая ужасное страданіе, почувствовалъ приближеніе смерти, предался волѣ Божіей съ твердѣйшимъ постоянствомъ, и часто вслухъ молился.

Штелинъ.

КОНЧИНА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Между тѣмъ великій государь почувствовалъ паче прежняго мучительную болѣзнь свою; но 16-го числа января болѣзнь оная оказала всю свою смертоносную силу. Трудность въ испражненіи воды, часто напирающейся, толь жестокій причиняла рѣзъ, что сей великодушнѣйшій и при всѣхъ другихъ случаяхъ терпѣливѣйшій герой, принужденъ испускать жалостный вопль, произнося между тѣмъ къ предстоящимъ и въ слезахъ утопающимъ вельможамъ своимъ сіи слова: *«Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человѣкъ»!*

Въ семъ лютомъ страданіи своемъ великій государь повелѣлъ близъ спальни своей поставить подвижную церковь и отправить святую литургію, и 22-го января, по уставу святой церкви, исповѣдалъ предъ духовникомъ Богу грѣхи свои и пріобщился Святой Евхаристіи.

Между тѣмъ всѣ врачи, сколько ихъ тогда находилось въ Петербургѣ, были созваны на совѣтъ, и по долгомъ разсужденіи своемъ хотя и не показали они отчаянія знаковъ, однако-жъ всѣ окружающіе монарха видѣли, что отъ нихъ никакой помощи надѣяться не должно. Состояніе больнаго сіе имъ доказывало: ибо вся сила въ немъ такъ ослабѣла, что онъ, при умножающейся ежеминутно болѣзни своей, не вопилъ уже больше, и только во время испущанія урины возобновлялся оный съ жалостнымъ стономъ.

Толь мучительное страданіе оказалось особливо 26-го числа. Съ начала болѣзни были при его величествѣ дежурными по три и по четыре сенатора, которые ни днемъ, ни ночью не отлучались отъ него ни на минуту; но наканунѣ помянутаго числа сошлись во дворецъ остальные, весь генералитетъ, всѣхъ коллегій члены, всѣ гвардіи и морскіе офицеры, а также весь Сѵнодъ и знатное

по полудни, государь, почувствовавъ приближающуюся уже свою кончину, потребовалъ бумаги, и, взявъ перо, сталъ было писать, но рука его начертала только нѣсколько неявственныхъ строкъ, въ коихъ могли разобрать одни только сіи слова: *отдайте все....* И когда перо выпало изъ рукъ его, то повелѣлъ призвать къ себѣ старшую свою дщерь цесаревну Анну Петровну и хотѣлъ сказать ей, что̀ писать; но какъ сія къ нему подошла, онъ не могъ уже ничего говорить. Тотчасъ призваны были два архіерея: Псковскій и Тверскій и Чудова монастыря архимандритъ къ увѣщанію и утвержденію умирающаго; и хотя мнили, что онъ не чувствовалъ ничего изъ сихъ увѣщаній, но, сверхъ чаянія, объявилъ онъ сильное и весьма живое благочестія чувствіе: ибо когда одинъ изъ увѣщателей о смерти Христовой, и что оною намъ пріобрѣтено, воспомянувъ, сказалъ, что пришло уже время, когда подобаетъ ему едино сіе разсуждать къ пользѣ своей, о чемъ онъ самъ прежде прочимъ сказывалъ; ибо (придаетъ къ сему преосвященный Ѳеофанъ) онъ о благодатномъ чрезъ Христа грѣшныхъ оправданіи довольно предъ тѣмъ самъ бесѣдовалъ; тотчасъ онъ началъ силиться встать, и, бывъ мало приподнятъ, очи и немного руки горѣ приподнявъ, хотя засохлымъ языкомъ и помѣшенными рѣчами произнесъ сіи слова: «*Сіе едино жажду мою утоляетъ, сіе едино услаждаетъ меня*», которыя и неоднократно повторялъ; и когда увѣщатель напомнилъ ему, чтобъ онъ уповалъ безъ всякаго сомнительства на милосердіе Божіе, и вѣрилъ бы, что подается отпущеніе грѣховъ и благодать жизни вѣчной заслугами Христовыми, онъ на сіе: «*вѣрую и уповаю*» нѣсколькократно повторилъ; и когда по семъ увѣщатель возбуждалъ его къ молитвѣ и сказывалъ слова, которыя обыкновенно приступающіе къ Святому Причастію говорятъ: «*Вѣрую Господи и исповѣдую, яко ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ*», благочестивый государь, внимая сему, произнесъ при послѣднихъ сихъ словахъ: «*вѣрую Господи и исповѣдую; вѣрую Господи, помози моему невѣрію*»; «и сіе все (продолжаетъ вышепомянутый манускриптъ), что весьма дивно со умиленіемъ, лице къ веселію елико могъ устроевая, говорилъ, по семъ замолкъ; и на прочее, что ему въ утвержденіе предлагаемо было, отвѣтствовалъ только то помаваніемъ, то приложеніемъ къ персямъ руки своей; и когда по семъ казалось, что онъ уже кончается, тогда съ

неизреченнымъ рыданіемъ всѣ бывшіе во дворцѣ министры, генералы и всякаго чина люди спѣшили проститься съ умирающимъ обожаемымъ ими государемъ. Они, цѣлуя его руку, омокали оную слезами своими, а онъ привѣтствовать ихъ казался взглядомъ своимъ. Потомъ, напрягши остальныя силы свои, произнесъ сіе слово: *«послѣ»*. Не знали, что сіе значило, свободиться ли онъ желалъ отъ безпокойства нашедшихъ къ нему въ комнату во множествѣ людей, или о слѣдующемъ времени по смерти своей; однако-жъ слово сіе, почтя всѣ приказомъ, вышли вонъ».

Слово сіе было послѣднее, и кромѣ пронзающаго сердца стона, ничего уже не слыхали отъ него, въ каковомъ состояніи пребылъ онъ 15 часовъ, подвигая безпрестанно правую свою руку, а лѣвая, бывъ параличемъ отнята, ничего уже не дѣйствовала. Однакожъ чувство и память сохранились до самой послѣдней минуты жизни его: ибо когда увѣщатель, приступя паки къ нему, воспоминалъ ему суету міра, вѣчное градущее блаженство и цѣну, чѣмъ оно пріобрѣтается, то есть кровь Сына Божія, тогда, какъ записано сіе у преосвященнаго *Ѳеофана*, присутствовавшаго при немъ безвыходно, «и возставати и руку и руку въ гору подымати, и крестное знаменіе изображати силился, и къ радости лице устроевалъ, и весьма въ болѣзни торжествовалъ, яко несомнительный вѣчныхъ благъ наслѣдникъ».

За нѣсколько часовъ до кончины его, Троицкій архимандритъ представилъ ему, не соизволитъ ли онъ повторительно пріобщиться Святыхъ Таинъ, и буде соизволитъ, то приподнялъ бы для показанія того руку. Тотчасъ умирающій уже монархъ, собравъ остатки силъ своихъ, нѣсколько приподнялъ руку свою, и въ напутіе къ жизни вѣчной сподобился паки Божественной Евхаристіи; остальное время увѣщаватели по-очереди утѣшать и утверждать его въ вѣрѣ не преставали. Монархъ, все то чувствуя, мановеніями своими оное подтверждалъ, что продолжалось до четвертаго часа по полуночи; и когда уже никакихъ почти не показывалъ знаковъ жизни и охладѣвать началъ, тогда Тверской архіерей, повторяя въ уши ему благочестивыя увѣщанія, на исходъ души умирающаго обычныя прочиталъ молитвы, и государь пересталъ стонать, и дыханіе пресѣклось, чѣмъ привелъ всѣхъ бывшихъ въ сомнѣніе, живъ ли, или уже скончался; а чрезмѣрное сокрушеніе, объявшее всѣхъ умы и сердца, горестныя слезы и болѣзненныя рыданія присутствующихъ были причиною, что не

замѣчена послѣдняя минута жизни его. Съ таковыми-то чувствами живѣйшаго покаянія и надежды переселилась великая душа героя нашего отъ временнаго въ вѣчное царствіе, что было 28 числа января, по полуночи 6 часа въ первой четверти. Коль же скоро увидѣли его бездыханнымъ, то всѣ присутствовавшіе подняли ужасный вопль; но страданіе императрицы, на рукахъ которой онъ скончался, превосходило всѣхъ. Она, возстонавъ горестно, пала безъ чувствъ въ руки поддерживающихъ ее; всѣ комнаты дворцовыя издавали изъ себя страшный ревъ и всѣ домы гражданъ во всей столицѣ сей казались подобно же ревущими; не было ни единаго такого жителя, который бы не испускалъ вопля, который бы не проливалъ слезъ; особливо же сіе замѣчено было въ войскѣ: всѣ они, поражая грудь свою, съ страшнымъ воемъ оплакивали его, яко обожаемаго государя, яко отца и яко товарища своего.

Голиковъ.

ТРАУРНЫЕ ДНИ ПО КОНЧИНѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ПОГРЕБЕНІЕ ЕГО.

Тѣло императора покоилось сперва въ малой дворцовой залѣ, стѣны коей были обиты золотыми обоями. 30 января дано народу позволеніе приходить на поклоненіе усопшему.

Люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій стекались во дворецъ, обратившійся въ жилище скорби. Повсюду раздавались плачъ и рыданія, повсюду слышались возгласы: *«Отецъ нашъ, оставилъ ты насъ»!*

Къ 13 февраля приготовлена траурная зала. Стѣны и потолокъ были обиты чернымъ сукномъ. Наружный свѣтъ не проходилъ въ завѣшанныя окна, и мракъ озарялся только множествомъ зажженныхъ свѣчей.

На потолкѣ красовался огромный, подъ бѣлымъ флеромъ, Андреевскій крестъ, изъ котораго спускались пять богато убранныхъ паникадилъ.

У одной стѣны залы возвышался подъ балдахиномъ тронъ о пяти ступеняхъ, обитый кармазиннымъ бархатомъ. Одръ для гроба былъ покрытъ златотканнымъ персидскимъ ковромъ. Самая стѣна украшалась вензелевымъ, съ золотыми лаврами, именемъ императора. Кругомъ щита обвивалась цѣпь ордена св. апостола Андрея Первозваннаго.

По сторонамъ трона разставлены были девять табуретовъ, съ императорскими регаліями; а на ступеняхъ трона стояли четыре бронзовыя статуи, изображавшія сѣтующихъ Россію, Европу, Марса и Геркулеса.

Въ каждомъ углу залы была воздвигнута изъ бѣлаго мрамора пирамида, въ 16 футовъ вышиною. Пирамиды сіи окружались печальными символическими изображеніями, съ надписями на яшмовыхъ доскахъ.

дечнымъ прискорбіемъ: «будучи въ состояніи исправить народъ мой, не въ состояніи нахожусь исправить самаго себя».

Толико чувствительное признаніе собственныхъ проступковъ не доказываетъ жестокости сердца.

Непроникающіе же въ него приписывали строгости его къ преступникамъ сего ему темпераменту, а суевѣрные его недоброхоты, и пристрастіемъ или завистію зараженные иностранные писатели называли оныя жестокостію.

Проницаніе.

Проницаніе его было столь острое, что при первомъ взглядѣ на кого рѣдко ошибался въ свойствахъ онаго. Онъ, обыкновенно молодымъ людямъ, приподнявъ на лбу волосы, смотрѣлъ въ глаза,— и безошибочно предсказывалъ о ихъ способностяхъ и въ чемъ что успѣетъ, говоря присутствующимъ: «Въ семъ маломъ будетъ путь», или «не будетъ», и опредѣлялъ ихъ въ тѣ званія, къ какимъ по замѣчанію его былъ кто способенъ, и никогда въ томъ, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко, ошибался. Онъ всякіе умыслы и заговоры, какъ бы пророчески, проникалъ и завремено оныя предварялъ и разрушалъ [1]).

Снисхожденіе.

Снисхожденіе его къ подданнымъ было безпримѣрное. Онъ обращался съ ними не инако какъ отецъ съ дѣтьми. «Межъ подданныхъ своихъ, говоритъ Ломоносовъ, обращался просто, не имѣя великаго и монаршее присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства.... Пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь кому потребуется». И какъ всякій могъ къ нему свободно доступать, такъ и нужды свои предлагать, и если то была какая жалоба, то онъ спрашивалъ просителя, смотря на него быстро, увѣренъ ли онъ о истинѣ своего дѣла и о справедливости своей жалобы? и буде проситель въ томъ его увѣрялъ, то повелѣвалъ явиться въ сенатъ, или въ какую коллегію, назнача къ тому день и часъ, и никогда сего часу не забывалъ. Онъ удостоивалъ своихъ посѣщеній не токмо знатныхъ, но и самыхъ низкихъ и бѣдныхъ людей, и не отказывалъ звавшимъ его

---

[1]) Свидѣтельствуетъ о семъ архіепископъ Θеофанъ въ словѣ на годичное его воспоминаніе.

на обѣдъ, хотябъ надлежало для сего входить ему въ хижину простаго мастероваго или матроса. Однажды монархъ, бывъ на работѣ у галерной гавани, сказалъ командиру оной поручику Неплюеву: «Я званъ на родины; поѣдемъ со мною»; и, пріѣхавъ къ роботнику команды сего Неплюева, поцѣловалъ родильницу, и жаловалъ ей нѣсколько денегъ, выкушалъ чарку горячаго вина, и, закуся пирогомъ съ морковью, подалъ кусокъ онаго поручику: «Заѣшь, братъ», сказалъ ему, «эта родимая наша пища, а не итальянская» [1]).

Одинъ иностранецъ изъ самовидцевъ, описывая его пребываніе въ Голландіи, говоритъ о снисхожденіи его такъ:

«Въ свободное время главнѣйшее его увеселеніе состояло обыкновенно въ томъ, чтобъ осматривать всякія вещи, достойныя любопытства, или стоющія его примѣчанія, въ домахъ частныхъ людей, гдѣ онъ пользовался всѣми случаями вступать въ дружескіе съ ними разговоры толь вкрадчивымъ образомъ, что Голланцы, привязанные отлично къ вольному обхожденію, прельстились вольными и откровенными его поступками; сіе возъимѣло въ нихъ такое дѣйствіе, что почти невѣроятно, коль многіе охотно соглашались служить ему».

Трудолюбіе.

Трудолюбіе его было столь же безпримѣрно, какъ и снисхожденіе. Онъ не терпѣлъ праздности какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Вставая въ четвертомъ часу по полуночи, пріѣзжалъ въ сенатъ и дожидался сенаторовъ, а по выходѣ спрашивалъ, нѣтъ ли еще какихъ дѣлъ. Послѣ кушанья обыкновенно ѣзжалъ на адмиралтейскія и другія работы, или въ другихъ какихъ упражнялся трудахъ; ночнаго времени тихостію пользуяся, чертилъ планы кораблямъ, крѣпостямъ и проч. и болѣе пяти часовъ въ сутки не почивалъ [2]). Никогда не было человѣка дѣятельнѣе его; онъ считалъ не дни свои, а минуты, и не было ни одной, о потерѣ бы которой онъ жалѣть былъ долженъ; и если гдѣ его присутствіе казалось надобно, или обѣщало какую пользу, въ какой бы то части государства ни было, тотчасъ летѣлъ туда безъ свиты съ

[1]) Неплюевъ жилъ довольно въ Италіи, обучаясь въ Венеціи морской службѣ.

[2]) Предисловіе на книгу Саваріева Лексикона.

непонятною скоростію. Его дѣятельность какъ бы его нѣкоторымъ образомъ умножала, и дѣлала присутствующимъ во всемъ пространствѣ имперіи.

Можно бы казалось почесть за отдохновеніе отъ трудовъ его посѣщенія, коими онъ удостоивалъ подданныхъ, препровождая время то въ дружескихъ бесѣдахъ по нѣскольку часовъ, и иногда доводилъ оное и до веселости, хотя сіе послѣднее случалося рѣдко. Но и самыя сіи веселости были у него средствомъ къ лучшему узнанію соприсутствующихъ съ нимъ. Онъ тогда въ раствоpенныхъ сердцахъ ихъ читалъ, какъ въ раскрытой книгѣ, всѣ чувствованія ихъ, и обращалъ оныя въ пользу великихъ намѣреній своихъ.

Твердость въ предпріятіяхъ.

Что онъ предпринималъ, то всегда оканчивалъ, не взирая ни на какія препятствія. Твердости его ничто противостать не могло; все оной покорялось, сіе не только намъ, но и всей Европѣ извѣстно. Самые знаменитѣйшіе писатели о таковой твердости его говорятъ съ удивленіемъ. «Въ предпріятіяхъ его никакая трудность и опасность (слова ученыхъ сихъ) не могла его устранить; средства самыя чрезвычайныя, самыя скорыя, и самыя отважнѣйшія были тѣ, которыя онъ предпочиталъ къ успѣшному произведенію своихъ намѣреній. Дѣятельность его какъ бы умножала его нѣкоторымъ образомъ, и дѣлала повсюду присутствующимъ. — Самыя обширныя намѣренія его никогда не устрашали; онъ слѣдовалъ имъ съ жаромъ и съ твердостію, которыя отнимали все, что ни казалось въ нихъ сперва химерическимъ. Смѣлость его ума и страсть къ чрезвычайнымъ дѣламъ заставили его предпринять и совершить въ немногіе годы ужасное и скорое преображеніе народа грубаго и невѣжливаго въ полированный[1]). Онъ во всемъ», придаетъ къ сему Вольтеръ, «преодолѣлъ природу въ подданныхъ своихъ, въ самомъ себѣ, на землѣ и на водахъ, но преодолѣлъ ее къ ея украшенію».

Правосудіе.

Правосудіе его было ко всѣмъ равное безъ наималѣйшаго послабленія и лицезрѣнія; богатые и убогіе, знатные и низкіе, чу-

[1]) Словарь историческихъ портретовъ, анекдотовъ и словъ достойныхъ примѣчанія знаменитыхъ особъ, Т. III.

жестранцы и свои, одинакую ощущали правду. Престолъ его былъ престолъ правды. «Потачка верховной главы (говоритъ писатель исторіи его въ Венеціи изданной) бываетъ вредительнѣе, нежели скорая и строгая правда. Сія страхомъ неминуемаго наказанія приводитъ злодѣяніе въ мерзость, а оная надеждою прощенія побуждаетъ къ преступленію законовъ. По сей причинѣ несравненный сей законодавецъ въ великихъ преступленіяхъ проволоки не дозволялъ; но коль скоро оное уличено, тотчасъ и наказаніе слѣдовало, а отговорки преступника не находили себѣ услышанія». Таковую строгость его правосудія особливо чувствовали судьи, которые ввѣренные имъ вѣсы правосудія наклонять дерзали пристрастіями своими.

«Того ради (говоритъ государь) надлежитъ (судей) въ винахъ званія своего волею и вѣдѣніемъ преступившихъ, такъ наказывать, якобы кто въ самый бой (сраженіе) должность свою преступилъ, или какъ самаго измѣнника, понеже сіе преступленіе вящше измѣны; ибо о измѣнѣ увѣдавъ остерегутся, а отъ сей не всякой остережся, но можетъ зѣло гладко подъ кровлею долго теченіе свое имѣть и злой конецъ получить» [1]).

Напротивъ сего судіи, исполняющіе съ ревностію законы, поставляющіе себя превыше боязни раболѣпствующихъ и низкихъ душъ, превыше личныхъ неудовольствій и убѣдительныхъ просьбъ, были его истинными любимцами. Онъ любилъ говоримую себѣ отъ таковыхъ правду, хотя бы она произносима была и весьма грубо, и всегда ихъ отличалъ возвышеніемъ и уваженіемъ своимъ. Мудрый государь вѣдалъ, что неправосудіе и зараза пристрастія въ судахъ есть одно изъ начальнѣйшихъ золъ, разрушающихъ государства.

Милость и человѣколюбіе.

Удивительно, коль умѣлъ великій сей государь соединять съ толикою правосудія строгостію милосердіе свое. «Милость его, говоритъ Ломоносовъ, хвалилась на судѣ и въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали». Не было толь тяжкаго преступленія, котораго бы онъ не простилъ, если только виноватый добровольно явитъ искреннее раскаяніе. Въ такихъ случаяхъ обыкно-

[1]) Указъ именный мая 20, 1724 года.

той же кунст-камерѣ находящемся, и видимъ на немъ объяринной голубой и серебромъ шитый кафтанъ съ кружевными манжетами и галстухомъ, но оный былъ на немъ только единожды, во время коронованія императрицы, его супруги, и то по ея просьбѣ.

Чулки его, такъ-же хранящіеся, были гарусные, изношенные до дыръ; башмаки съ подметками [1]).

Экипажъ его обыкновенный въ городѣ былъ лѣтомъ одноколка, а зимою санки, по большей части въ одну лошадь, и иногда съ верховымъ.

Церемоніаловъ не терпѣлъ, пышность и блескъ презиралъ, исключая дней, въ которые онъ въѣзжаетъ по побѣдахъ своихъ съ торжествомъ: сіе дѣлалъ монархъ для того только, дабы сильнѣйшее о нихъ сдѣлать въ сердцахъ подданныхъ впечатлѣніе.

Никакой игры и никакой охоты не любилъ, и почти никогда ими не занимался.

По таковой жизни его и не удивительно, что годовые расходы двора его не превосходили шестидесяти тысячъ рублей. Онъ имѣлъ (говоритъ издатель Венціянскія исторіи его) все удовольствіе великаго монарха, и совокупно всю пріятность жизни приватнаго дворянина.

Нельзя было не подражать въ таковой жизни монарху и подданнымъ его, и сіе тѣмъ паче, что онъ того хотѣлъ, и во всякомъ родѣ расточеніе, мотовство и суетность запрещалъ и наказывалъ.

Но если толикая экономія въ домашней его жизни удивительна, то экономія его государственная превосходитъ всякое удивленіе. Съ какою чрезвычайною бережливостію сохранялъ онъ лѣса, колико пекся и ободрялъ хлѣбопашество, размножалъ всякаго рода продукты, разводилъ иностранныхъ породъ овецъ, лошадей и рогатый скотъ, вводилъ всякія художества, мастерства, фабрики и заводы, вспомоществуя всему оному немалыми суммами денегъ; для облегченія и безопасности перевозовъ соединялъ рѣки и моря каналами, дѣлалъ дороги и прочее, а всѣмъ таковымъ хозяйственнымъ попеченіемъ удержалъ въ государствѣ превеликія суммы денегъ, выходившія до того за границу.

Сверхъ сего, установя во всемъ государствѣ строгую полицію,

---

[1]) Съ подметками башмаки. Сіи отъ того, что которые въ нихъ были ему покойны, съ тѣми онъ разстаться не хотѣлъ, и нашивалъ одни по году и больше.

изгонялъ всякую роскошь и игры, завелъ училища, сиротскіе домы и больницы, пресѣкъ скитаніе повсюду нищихъ, устроя для нихъ богадѣльни и рабочіе домы, учредилъ непремѣнныя и одинакія вѣсы и мѣры, положилъ цѣну нужнымъ съѣстнымъ припасамъ, предотвратилъ благоразумными учрежденіями бѣдствіе отъ пожаровъ и прочее; но одѣть великую армію по-европейски, не имѣя сначала своихъ ни судовъ, ни ружей, ни мѣди для артиллеріи; устроить великій флотъ, не имѣя ни желѣза, ни полотна; весть войну почти во все время царствованія своего съ сильными непріятелями; давать союзникамъ своимъ великія помощныя деньги; содержать при всѣхъ иностранныхъ дворахъ министровъ, консуловъ и агентовъ; употреблять знатныя суммы денегъ на политическіе извороты, выписывать и доставать отовсюду въ Россію, не жалѣя на то никакихъ суммъ, ученыхъ людей, художниковъ, машины, инструменты, книги и разныя вещи во множествѣ; довольствовать по статской службѣ всѣхъ жалованіемъ; употреблять великія же деньги на воспитаніе и на обученіе повсюду разосланныхъ Россіянъ; путешествовать не однократно самому ему по Европѣ; заплатить при славномъ окончаніи войны Шведамъ два милліона рублей, и привести почти всѣ намѣренія свои до желаемой цѣли, не истощивъ подданныхъ съ весьма малыми государственными доходами, которыхъ сначала не болѣе пяти милліоновъ было; не войти въ долгъ и оставить послѣ себя наличныхъ денегъ нѣсколько милліоновъ: — есть наивѣрнѣйшее доказательство непостижимыя поистинѣ государственной экономіи его.

Мы слышали уже великаго хозяина сего, вѣщающаго, что онъ въ жалованныхъ по службѣ своей деньгахъ воленъ, но съ народа собираемыхъ не можетъ инако употреблять, какъ въ пользу государственную, и въ которыхъ онъ нѣкогда обязанъ будетъ отдать отчетъ Богу. Толико то сильное имѣлъ монархъ побужденіе къ сбереженію и правильному употребленію государственныхъ доходовъ!

Впрочемъ, въ вышеупомянутомъ исчисленіи расходовъ не упомянулись употребляемые на содержаніе арміи и флота, на доставленіе повсюду провіанта и аммуниціи, на сдѣланіе великихъ каналовъ, на построеніе городовъ, пристаней, дорогъ, и на прочее сему подобное: ибо оное все исправляемо было общимъ подданныхъ иждивеніемъ по нарядамъ правительства, и которые сборы до подушнаго оклада не включались въ число государ-

*

ственныхъ доходовъ, а въ расположеніи поровну со всѣхъ, и въ собраніи помянутыхъ денегъ съ подданныхъ строгій порядокъ дѣлалъ почти нечувствительными поборы оные. Доказательствомъ того, что оные не были тягостны, есть то, что все то замѣнили подушныя деньги, положенныя по 74 копѣйки съ ревизской души мужескаго пола, число которыхъ состояло тогда только въ 5.794,928 душахъ мужескаго пола.

Мужество и неустрашимость.

Искусство воинское, бывшее до того безъ всякихъ правилъ, великій государь въ краткое время довелъ до такой степени совершенства, что новое его войско содѣлалось страхомъ Шведскому, въ побѣдахъ возмужалому и дотолѣ оное презиравшему, что засвидѣтельствовалъ разбитіемъ своимъ самъ Карлъ XII, котораго вся Европа страшилась и за непобѣдимаго почитала. Но что до личнаго мужества героя нашего касается, то гдѣ оное было потребно, никогда не думалъ онъ объ опасностяхъ. Мы изъ многихъ сему примѣровъ предоставимъ себѣ только на рыбачьихъ лодкахъ атакующаго его два морскія судна, двадцатью пушками защищаемыя, взлѣзающаго перваго на оныя и ихъ плѣняющаго; представимъ его одерживающаго собственною-жъ храбростію съ галерами надъ флотомъ Шведскимъ при Аландѣ побѣду; представимъ его въ осеннюю ночь между валовъ ярящагося страшною бурею моря пускающагося въ шлюпкѣ съ корабля на неизвѣстный берегъ; представимъ сражающагося его съ Левенгауптомъ семь часовъ, и на голову побивающаго славное побѣдами войско; представимъ его на поляхъ Полтавскихъ въ устроенномъ къ бою войскѣ своемъ между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго, и въ конецъ силу Шведскую сокрушающаго; представимъ его подъ Фридрихстатомъ предводящаго войско свое по узкой плотинѣ противу пушечныхъ выстрѣловъ отчаяннаго непріятеля, и градомъ онымъ овладѣвающаго. Представимъ его въ наибѣдственнѣйшемъ подъ Прутомъ положеніи презирающаго смерть, и изъ челюстей ея безвредно выходящаго, а все сіе купно представя, и будемъ имѣть довольное понятіе объ героической его неустрашимости и о безпримѣрномъ присутствіи духа его; но представимъ наконецъ въ побѣдахъ и великодушіе его.

Попеченіе о войскѣ.

Но что паче всего возвышаетъ славу его въ семъ пунктѣ, то любовь его къ воинамъ, отеческое попеченіе его о ихъ сохраненіи и о ихъ продовольствіи. Мы сіе видѣли во все теченіе его жизни. Не было почти одного повелѣнія его къ начальникамъ воинскимъ, въ которомъ бы онъ не напомянулъ о храненіи и о безнужномъ ихъ содержаніи. «Опредѣлите», пишетъ онъ Сенату, «по дороговизнѣ въ Выборгѣ предъ другими городами покупаемаго на покупку солдатамъ вина, мяса, рыбы, крупъ и прочаго на потребу больныхъ денегъ, сверхъ жалованья ихъ, по десяти тысячъ рублей». «Бростье лучше все», пишетъ онъ къ фельдмаршалу-лейтенанту Огильвію, «и самую артиллерію, но спасите людей и больныхъ, что паче многихъ викторій ему причтено будетъ». Онъ не только называлъ ихъ товарищами, но и самою вещію былъ онымъ, снося на ряду съ ними всѣ тягости и нужды военныя. Онъ поселилъ въ нихъ не токмо храбрость, но и сыновнюю къ себѣ любовь. Каждый изъ нихъ имѣлъ надежду въ наградѣ за службу, и въ безнужномъ по отставкѣ своей содержаніи; каждый служилъ радуяся, видя товарищей своихъ по отставкѣ покоящихся въ госпиталяхъ, устроенныхъ для нихъ по многимъ монастырямъ и въ столицахъ. «Здѣсь», восклицаетъ государь при устроеніи большаго для нихъ госпиталя, «здѣсь всякой изнеможенный найдетъ себѣ помощь и упокоеніе».

Благочестіе.

Великій государь, не удовольствуясь доставленіемъ подданнымъ своимъ всякаго временнаго блага, съ такою же неусыпностію пекся и о доставленіи имъ вѣчнаго блаженства. Онъ воспитывалъ чадъ ихъ въ страхѣ Божіи, наставлялъ отцовъ ихъ въ несуевѣрномъ богопочитаніи, успокоивалъ въ сомнительствѣ совѣсти, отводилъ отъ суевѣрія и приводилъ къ познанію истины, и сіе дѣлалъ сей отецъ отечества не съ одними знатными токмо, но и съ самыми простыми людьми, паче же съ раскольниками, къ чему обыкновенное оружіе его было Священное Писаніе, а паче Павлово ученіе, которое онъ наизусть помнилъ; сверхъ сего понуждалъ весь народъ къ непремѣнному исправленію должностей христіанскихъ какъ многими указами своими, такъ и собственнымъ своимъ примѣромъ. Его первое веселіе было домъ Господень, въ кото-

ромъ не слушатель токмо предстоялъ Божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ; умножалъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ монаршимъ гласомъ, и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ предъ Богомъ; а чтеніе Апостола посреди церкви обыкновенное было его дѣло при всякой литургіи. Во дни же воспоминанія побѣдъ, которыя онъ относилъ, такъ какъ и всѣ успѣхи въ дѣлахъ своихъ, единственно Божіей помощи, слушалъ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ всенощныя бдѣнія, святую литургію и молебное пѣніе съ великимъ благоговѣніемъ [1])

Но установленіе Святѣйшаго Сѵнода и духовныхъ училищъ, спасительныя наставленія его, предписанныя въ духовномъ регламентѣ пастырямъ Церкви, и проповѣдуемое повсюду чистое слово Божіе, истребляющее плевелы суевѣрія, есть несомнительное доказательство и какъ-бы печать его благочестія. Надежда его и упованіе во всемъ на помощь Божію дѣлала его при всѣхъ опаснѣйшихъ сраженіяхъ съ непріятелями и при усмиреніи внутреннихъ мятежей крайне неустрашимымъ, и онъ изъ словъ св. апостола Павла сдѣлалъ себѣ пословицу, которую слышали его при всѣхъ опасностяхъ вѣщающаго, а именно: «аще Богъ по насъ, то кто на ны?» а таковая твердая надежда его на Бога и была явственно всесильнымъ его покровительствомъ засвидѣтельствована, сохранившая его невредимымъ при всѣхъ атакахъ крѣпостей, при всѣхъ сраженіяхъ морскихъ и сухопутныхъ; и при усмиреніи бунтовщиковъ и изувѣровъ.

Впрочемъ въ теченіе жизни его видѣли мы, что просвѣщеніе его дозволило всякому инозаконному христіанину свободное отправленіе вѣры и обрядовъ своея церкви; самые иновѣрцы никакого

---

[1]) Сіи всенощныя бдѣнія отправлялись въ присутствіи его, и продолжались по пяти и по шести часовъ, а въ воспоминаніе Полтавской побѣды по семи часовъ. Въ сей день во время обѣдни обыкновенно все находившееся въ Петербургѣ войско находилось въ собраніи вокругъ храма. Благодарный молебенъ отправлялся знатнымъ и всѣмъ духовенствомъ среди войска въ поставленномъ шатрѣ при троекратномъ изъ ружей бѣгломъ огнѣ, и при пальбѣ изъ пушекъ съ обѣихъ крѣпостей и галеръ, выводимыхъ предъ соборъ. Монархъ въ сей день всегда самъ командовалъ войскомъ, и угощалъ столомъ всѣхъ отъ генерала до офицера, а для солдатъ и народа выставлялся на площади обѣдъ, вино и пиво, и оканчивалося торжество дня сего обыкновенно фейерверкомъ.

не терпѣли гоненія или принужденія. Ревность къ вѣрѣ не по разуму почиталъ онъ всегда противною благочестію и разуму [1]).

Любовь къ отечеству.

Любовь его къ отечеству превосходила всякіе предѣлы; она была душею всѣхъ содѣланныхъ имъ чудесъ и преображеній; она заставила его, оставя скипетръ и величество, записаться въ Голландіи въ плотники, и на ряду съ мастеровыми обучаться всѣмъ художествамъ. Она была его, такъ сказать, божество, которому онъ жертвовалъ не токмо покоемъ своимъ, но и сыномъ своимъ, но и самою жизнію своею, подвергая оную тысячамъ опасностей. «Вы называете государя жестокимъ», говорилъ монархъ цесарскому министру, «когда онъ для спасенія своего государства, долженствующаго быть для него дороже самой жизни, лишаетъ наслѣдства короны принца своей крови, а я, напротивъ, почитаю самою величайшею жестокостію жертвовать цѣлостію государства установленному порядку наслѣдства, и проч.» «Если я впаду въ турецкой плѣнъ», пишетъ сей отецъ отечества въ Сенатъ изъ-подъ Прута, бывъ окруженъ въ десять кратъ большею Турецкою силою: «то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя-бы то по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники». Сія безпредѣльная любовь его къ отечеству заставляла его денноночно трудиться какъ въ устроеніи блага подданныхъ, такъ и въ утвержденіи онаго законами.

---

[1]) Ревность не по разуму производила страшныя дѣйствія. Таковою ревностію къ закону бѣснующіеся, истребляя родъ чековѣческій, мнили себя приносящими службу Богу. Сія ревность милліоны истребила народовъ; самыя противныя человѣчеству тиранства казались имъ добрыми дѣлами. Въ Испаніи въ одно время обвиненъ бывъ жидъ въ произношеніи хулы на Богоматерь, присужденъ къ содранію съ живаго кожи. Нѣсколько кавалеровъ, сею ревностію возбужденные, въ маскахъ взошедъ на эшафотъ съ ножами, столкнувъ палачей, приняли на себя отмщеніе чести Святыя Дѣвы, и содрали кожу. Монтескьё: «Духъ законовъ».

Сея безчеловѣчныя ревности, или паче адскаго изувѣрства, открылось недавно новое доказательство, а именно въ Испаніи, по случаю бывшаго въ Алкантарѣ пожара, во время сгорѣнія Миноритскаго монастыря. Полиція нашла въ ономъ пять страшныхъ темницъ, наполненныхъ человѣческими трупами.

Сія безпредѣльная любовь его къ отечеству, преодолѣвъ всѣ страшныя трудности, восторжествовала надъ всѣми невозможностями, и толикія произвела чудеса, изъ которыхъ и самое, по мнѣнію моему, наибольшее ея же силѣ приписать должно, то есть, что и самыя суевѣріемъ и ненавистію къ его величеству зараженныя сердца воспламенились напослѣдокъ сыновнею къ нему любовію и оплакивали его равно какъ и всѣ просвѣщенные, какъ и всѣ благомыслящіе подданные. Истинны суть слова апостольскія, что «любы препобѣждаетъ все».

Знанія его въ наукахъ и художествахъ.

Безпримѣрный сей монархъ при великихъ душевныхъ своихъ свойствахъ имѣлъ нарочитыя познанія о всѣхъ наукахъ и художествахъ, особливо же въ механикѣ, физикѣ, географіи и хирургіи; въ нѣкоторыхъ же былъ и совершенъ, какъ-то: въ мореплавательной, въ кораблестроительной и въ геометріи. «Онъ былъ», говоритъ Вольтеръ, «наилучшій плотникъ, искуснѣйшій въ сѣверѣ мореходецъ; нѣтъ такого труднаго прохода отъ начала Балтійскаго моря до океана, который бы онъ самъ не провѣдалъ, присовокупя матросскій трудъ къ знанію философа и къ намѣреніямъ императора».

«Петръ Великій (изъясняется собраніе ученыхъ мужей) сдѣлался самымъ ученнѣйшимъ въ своемъ государствѣ. Онъ говорилъ на многихъ языкахъ, былъ весьма знающъ въ математикѣ, физикѣ и географіи; онъ зналъ даже и хирургію, котораго искусства оказалъ неоднократно опыты».

«Откуда же», заключаетъ архіепископъ Ѳеофанъ, «почерпнулъ онъ толикую премудрость, не бывъ ученъ ни въ какой школѣ, ни въ какой академіи? Но академіи его были грады и страны, учители бывшіе при дворѣ его — послы, пріѣзжавшіе къ нему знатные гости, и угощавшіе его въ различныхъ странахъ государи, принцы, правители, знатнѣйшіе министры: ибо гдѣ онъ ни былъ, съ кѣмъ ни бесѣдовалъ, ничего не оставлялъ безъ замѣчанія, ничего безъ изслѣдованія».

И такимъ образомъ въ Амстердамѣ у славнаго Рюйша дѣлалъ онъ своими руками хирургическія операціи; въ домѣ бургомистра Витцена обучался практической физикѣ; и мало осталося наукъ и художествъ, говоритъ г. Вольтеръ, которыхъ бы онъ не изслѣдовалъ порознь. Капитанъ-инженеръ Перри, коего онъ принялъ въ

Лондонѣ въ свою службу, свидѣтельствуетъ, что государь въ бытность свою въ Англіи не оставилъ никакого художества, котораго бы онъ не примѣчалъ и къ которому бы не приложилъ рукъ своихъ всякій разъ, когда входилъ въ мастерскія избы. Съ Шотландцемъ Фергюссономъ, принявшимъ у его же величества службу, примѣчалъ и исчислялъ затмѣнія; и помянутый Перри, продолжаетъ г. Вольтеръ, хотя и негодовалъ на него за недовольное жалованіе, признается однако же, что великій сей государь былъ искусенъ въ астрономіи, хорошо вѣдалъ всѣ небесныхъ тѣлъ обращенія и законы тяжести, которые оными управляютъ. «Сія до временъ великаго Невтона неизвѣстная сила (заключаетъ Вольтеръ), по которой всѣ планеты одна отъ другой движеніе заимствуютъ, и которая ихъ содержитъ въ ихъ кругахъ, была уже извѣстна Россійскому монарху въ то время, какъ въ прочихъ странахъ довольствовались токмо знаніемъ вымышленныхъ (невѣжествомъ) обращеній, и въ Галилеевомъ отечествѣ невѣжи заказывали невѣжамъ же вѣрить обращенію земли; а чтеніе лучшихъ и отборныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, частые разговоры и переписка его съ самыми ученѣйшими того времени философами, изъ числа которыхъ были Лейбницъ, Вольфъ, Фонтенель и другіе члены Парижской академіи, которыя онъ былъ сочленъ, усовершили познаніями быстрый его отъ природы разумъ; и отъ сего-то происходило, что разговоры его о всякой матеріи были основательны, тонки и краткостію исполнены; отъ сего-то происходило, что на самые темные и сомнительные доклады и вопросы давалъ резолюціи и отвѣты ясные и скорые, и о чемъ бы ни произошло слово, тотчасъ слышали отъ него весьма острое разсужденіе, сильные доводы и приличныя къ матеріи притчи и подобія, неизреченно услаждавшія слышащихъ его».

Путь, по коему онъ шествуя, достигъ до своей цѣли.

Описавъ тѣлесный и душевный образъ великаго монарха, кажется мнѣ, что будетъ оный не совсѣмъ еще совершеннымъ, ежели не опишемъ и пути предъ-изобраннаго имъ, по которому онъ, шествуя, достигъ до цѣли великихъ своихъ намѣреній и до толикаго величія славы.

Обозримъ, возлюбленные соотчичи, путь сей! Мы не почувствуемъ на ономъ скуки, слѣдуя за предтечею нашимъ.

Путь сей тѣмъ большаго достоинъ замѣчанія, что оный ни кѣмъ до него не былъ проложенъ.

Свѣтильникъ природнаго его великаго разума, зажженный безпредѣльною его къ отечеству любовію, былъ единственнымъ указателемъ стезей по непроходимому пути сему.

Безпредѣльное властолюбіе царевны Софіи Алексѣевны, сестры его, захватившей посредствомъ воздвигнутыхъ ею страшныхъ бунтовъ правленіе государства, внушило въ душу ея къ удержанію навсегда въ рукахъ своихъ скиптра—пагубное предпріятіе! Она, опасаясь примѣченныхъ ею въ дѣтствѣ еще его великихъ природныхъ дарованій, предпріяла или лишить его жизни, или учинить его неспособнымъ къ правленію, отдаливъ отъ него всякое воспитаніе. На сей конецъ наполнила комнаты его развратными юношами, самый учитель его русской грамоты г. Зотовъ былъ отъ него отлученъ: одна почти [1]) мать его была и учитель и охранитель его. Но герои, говоритъ г. Фонтенель, происходятъ совсѣмъ готовыми изъ рукъ природы съ свойствами, ничѣмъ непреодолимыми. Младый государь среди забавъ своихъ, лишь только увидѣлъ Лефорта, привязался къ нему, полюбилъ его. «Рѣдко слухъ государей [говоритъ писатель исторіи сего господина [2])] отверзается истинѣ, но Петръ казался изъ сего общаго правила изъятымъ; онъ весьма охотно слушалъ говоренную себѣ Лефортомъ истину безъ всякія прикрасы ласкательства, и, не внимая очаровывающему гласу сиренъ, окружающихъ его, избѣжалъ разставленныхъ ему сѣтей, попралъ разсыпаемые предъ нимъ цвѣты, по первому гласу Лефорта бѣжалъ къ ружью и къ солдатскимъ работамъ. Во время стрѣлецкихъ бунтовъ, придаетъ къ сему г. Ломоносовъ, кои всѣ по наущенію сестры его на здравіе его устремлялись, обучался онъ военному дѣлу, двѣнадцати лѣтъ сталъ онъ рядовымъ солдатомъ, и съ товарищами своими не токмо въ одномъ былъ внесенъ спискѣ, но и спалъ съ ними въ одной палаткѣ, ту-же принималъ пищу, стоялъ поочереди на караулѣ, исправлялъ всѣ солдатскія работы, возя землю къ своему потѣшному крѣпостному строенію на тележкѣ, построенной своими ру-

[1]) Слово почти означаетъ тѣхъ немногихъ изъ вѣрныхъ, которые были при немъ, изъ каковыхъ были родственники царицы господа Нарышкины, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и Головинъ, но и оные принуждены были не казаться по наружности таковыми.

[2]) Бассевиль.

морю ходить; временемъ сѣвши за станъ и принявшись за челнокъ, ткалъ тонкія сукна, шерстяные и шелковые штофы; въ иное время, бывая въ искусными купцами, искалъ довѣдаться секретовъ Голландскаго банка и вексельныхъ обрядовъ, съ Амстердамскими и Англійскими банкирами завременно договорился о корреспонденціи, и ничто отъ любопытства его не ушло, никакое ремесло отъ очей его не скрылось.... Ходилъ къ мастерамъ всякихъ художествъ: съ кузнецами молотомъ трудился, съ плотниками бревна, брусья и доски тесалъ, съ кожевниками кожи строгалъ, и проч:».

Въ одно время оставлялъ топоръ свой и ѣздилъ въ Утрехтъ для свиданія съ Вильгельмомъ, королемъ Англійскимъ; потомъ переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ такимъ же образомъ новыя пріобрѣлъ познанія, и отправя оттуда въ Россію множество художниковъ, мастеровъ, математиковъ, инженеровъ и другихъ ученыхъ, пріѣхалъ въ Вѣну съ намѣреніемъ осмотрѣвъ тамъ все, объѣздить Италію и другія земли, дабы отвсюду собрать все полезное и всему научиться нужному. Но получаетъ изъ Москвы курьера о страшномъ возмущеніи стрѣльцовъ, оставляетъ всѣ великія предпріятія свои, скачетъ на почтѣ въ отечество, истребляетъ пагубное возмущеніями стрѣлецкое войско, содѣлывается учителемъ во всемъ подданнымъ своимъ, и Россія вскорѣ претворяется какъ бы въ одинъ превеликій заводъ. Тамъ стали разрываться нѣдра земныя и изъ оныхъ извлекаться всякіе металлы и минералы, индѣ литься пушки, бомбы и ядра, въ другихъ мѣстахъ дѣлаться ружья, коваться мечи, шлемы, копья, якори; ткаться сукна, полотна и всякія матеріи; строиться корабли, военные и торговые; разводиться лучшихъ породъ овцы и лошади; умножаться нужные продукты и прозябенія, и вдругъ какъ бы творческою рукою изъ небытія произошли страшные арміи и флоты, съ коими сразился съ народомъ Шведскимъ, предводимымъ такимъ героемъ, котораго трепетала вся Европа, каковъ былъ Карлъ XII; побѣдилъ его, отнялъ завладѣнныя Шведами беззаконно провинціи свои, и къ онымъ присовокупилъ новыя и великія, и въ то же время строилъ новые грады и пристани, пекся о распространеніи торговли, соединялъ каналами рѣки и моря, издавалъ законы, утверждалъ новыя судебныя мѣста, разныя училища и академіи, искоренялъ суевѣрія и предразсудки, и хотя все сіе сопряжено было съ непреодолимыми трудностями, но его раченію и любви къ отечеству ничто противостать не могло. Вся Европа взирала на него съ изумленіемъ, и признала, что въ про-

изведенiи удивленiя достойныхъ дѣлъ имѣлъ онъ паче вдохновенiе чрезвычайной премудрости, нежели отмѣнное желанiе прославить имя свое; и наконецъ, возведъ Россiю на верхъ славы, единогласно признанъ всѣмъ свѣтомъ Императоромъ и Великимъ.

По такому-то неудобопроходимому пути дошелъ онъ до таковыя славы, до коликiя никто до него не достигалъ! Проповѣдуютъ великiя дѣла его съ удивленiемъ въ публичномъ и чрезвычайномъ собранiи Парижскiя академiи наукъ [1]). Самые славнѣйшiе мужи именуютъ его, одинъ сотворителемъ народа своего и преобразителемъ сѣвера, и, предпочитая его всѣмъ великимъ людямъ, избираетъ его своимъ героемъ для воспѣтiя его эпическою трубою [2]). Другiе, превыше всѣхъ прославившихся великими дѣлами монарховъ именуя его, то удивленiемъ свѣта, то величайшимъ изъ законодателей, то вмѣщающимъ въ себѣ совокупно достоинства Лудовика XIV, Августа и Карла Великаго, то величайшимъ изъ человѣковъ, то достойнымъ владѣть не Россiею токмо, но и всѣмъ свѣтомъ, и что великихъ его дарованiй никакой велерѣчивый языкъ изъяснить и ни одно искуснѣйшее перо описать не можетъ, одна только всемiрная слава (говорилъ архiепископъ Θеофанъ), есть достойная его проповѣдница, весь свѣтъ его стихотворецъ, а Россiя его статуя, прекраснымъ мастерствомъ имъ самимъ передѣланная.

Чегожъ не достаетъ теперь относительно къ герою нашему? Онъ препрославленъ, возвеличенъ, обожаемъ подданными. Не достаетъ достойной его исторiи.

Голиковъ.

---

1) Г. Фонтенель былъ къ сему избранъ.

2) Г. Томасъ въ похвальномъ словѣ Морицу, и онъ-же, какъ извѣстно, трудился многiе годы въ сочиненiи ему героической поэмы.

изведеніи удивленія достойныхъ дѣлъ имѣлъ онъ паче вдохновеніе чрезвычайной премудрости, нежели отмѣнное желаніе прославить имя свое; и наконецъ, возведъ Россію на верхъ славы, единогласно признанъ всѣмъ свѣтомъ Императоромъ и Великимъ.

По такому-то неудобопроходимому пути дошелъ онъ до таковыя славы, до коликія никто до него не достигалъ! Проповѣдуютъ великія дѣла его съ удивленіемъ въ публичномъ и чрезвычайномъ собраніи Парижскія академіи наукъ [1]). Самые славнѣйшіе мужи именуютъ его, одинъ сотворителемъ народа своего и преобразителемъ сѣвера, и, предпочитая его всѣмъ великимъ людямъ, избираетъ его своимъ героемъ для воспѣтія его эпическою трубою [2]). Другіе, превыше всѣхъ прославившихся великими дѣлами монарховъ именуя его, то удивленіемъ свѣта, то величайшимъ изъ законодателей, то вмѣщающимъ въ себѣ совокупно достоинства Лудовика XIV, Августа и Карла Великаго, то величайшимъ изъ человѣковъ, то достойнымъ владѣть не Россіею токмо, но и всѣмъ свѣтомъ, и что великихъ его дарованій никакой велерѣчивый языкъ изъяснить и ни одно искуснѣйшее перо описать не можетъ, одна только всемірная слава (говорилъ архіепископъ Ѳеофанъ), есть достойная его проповѣдница, весь свѣтъ его стихотворецъ, а Россія его статуя, прекраснымъ мастерствомъ имъ самимъ передѣланная.

Чегожъ не достаетъ теперь относительно къ герою нашему? Онъ препрославленъ, возвеличенъ, обожаемъ подданными. Не достаетъ достойной его исторіи.

Голиковъ.

---

[1]) Г. Фонтенель былъ къ сему избранъ.

[2]) Г. Томасъ въ похвальномъ словѣ Морицу, и онъ-же, какъ извѣстно, трудился многіе годы въ сочиненіи ему героической поэмы.

билъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: «Смотри, Катенька», сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блестки, «слуга смететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата».

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи?

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками—однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ ѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ, 25 мая 1723 года, удивилъ онъ Петербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Г. Ѳ. Долгорукову и графу А. Г. Головкину, которые, пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, остановившись въ 4-хъ верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фаэтонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и тутъ передъ всѣми изъявилъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Та же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. Указомъ отъ 30-го декабря 1701 года, обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался не-

редъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: «чего ты?» и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ: «эхъ, братъ», продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: «у тебя свои дѣла, у меня мои, ступай своей дорогой».

Въ Петербургѣ царь былъ тоже, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, при чемъ родильницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ: приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много и любилъ изъясняться аллегоріями. Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ и часто въ отвѣтъ на длинныя разсужденія прочитывалъ одну изъ его басенъ. Отправляясь въ походъ противъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у Римскаго императора Карла VI, который подавалъ въ томъ надежду царю, но не обѣщалъ ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прутомъ былъ конченъ, императорскій посолъ встрѣтилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности. Петръ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ по-латини, и послѣ утвердительнаго отвѣта, взявъ со стола Эзопа, пріискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подалъ ее посланнику и, сказавъ ему: «Теперь желаю вамъ доброй ночи», вышелъ изъ комнаты. Часто видали его на улицахъ, идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ, — иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. «За признаніе

прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія», повторялъ онъ часто: «лучше грѣхъ явный, нежели тайный».

Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. «Князь Яковъ въ сенатѣ», отзывался онъ о Долгорукомъ, «прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице».

Случалось иногда, что въ пылу гнѣва, увлеченный пламеннымъ характеромъ, Петръ обнаруживалъ негодованіе противъ тѣхъ, которые безъ покрова открывали ему истину; но зато какое раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ такомъ случаѣ отъ его горячности.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія Вѣдомсти, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по латини, по нѣмецки и по голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не могъ на немъ изъясняться.

Остерманъ и пасторъ Глюкъ переводили съ нѣмецкаго; Кононъ Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій съ французскаго; Шафировъ и Копіевичъ съ голландскаго, а съ латинскаго также Копіевичъ и новгородскіе монахи подъ руководствомъ Ѳеофана Прокоповича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофе, выпивъ рюмку анисовой водки, отправлялся съ тростію въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ Бранденбургскому посланнику фонъ-Принцу пріемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворцѣ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военнаго корабля. Фонъ-Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ Рус-

скими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отпроситься въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 16 марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій — и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобы кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда

скими министрами, не видавъ царя, принужденъ былъ отпроситься въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ», сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на гротъ-мачту, и государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрющую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или которую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 16 марта 1711 года, отправляясь въ Прутскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галереѣ Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или въ хорошую погоду въ главной аллеѣ. Туда могъ приходить всякій — и богатый и неимущій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 12 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобы кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухнею; поваръ передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, черезъ окошечко, всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой редисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жаренаи утка въ кисломъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда

гѣ государь весьма часто проводилъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готторпскомъ глобусѣ, разсматривая обращеніе небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на внутреннихъ онаго стѣнахъ. Въ 1715 году, по случаю солнечнаго затмѣнія, онъ для предупрежденія всякихъ толковъ, за мѣсяцъ до затмѣнія, издалъ объ этомъ указъ; построилъ надъ домикомъ, гдѣ былъ глобусъ, обсерваторію, и въ день затмѣнія, приказавъ собраться на Царицынъ лугъ сенату, членамъ коллегіи, канцелярскимъ служителямъ и особенно духовенству, провелъ тутъ цѣлый день, подводя каждаго къ трубѣ для наблюденій и объясняя причины видѣннаго явленія.

Искусный въ корабельной и въ военной архитектурѣ, Петръ имѣлъ также понятіе о гражданской. Почитаю излишнимъ говорить, сколь много способствовалъ онъ приращенію Петербурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ составлялъ и чертилъ планы строимыхъ тутъ домовъ; любилъ, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съ чистымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушалъ заздравные кубки въ честь хозяина и архитектора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ-деръ-Гейдена; трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ, безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры.

Анатомія, медицина, а особенно хирургія и натуральная исторія, также занимали досуги Петра. Онъ слушалъ курсъ въ первой изъ сихъ наукъ въ Амстердамѣ въ 1697 году у извѣстнаго своею ученостію профессора Рюйша; для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чтобъ видѣть его, нанялъ для себя комнату въ гостинницѣ Св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между сими двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анатомическій кабинетъ, который вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственный его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей императорской академіи наукъ): раза два или три въ недѣлю Петръ посѣщалъ оный, пополнялъ тѣлами уродовъ, разными животными

и растеніями, изъ коихъ нѣкоторые находилъ самъ, и всегда присутствовалъ при анатомическихъ операціяхъ, дѣланныхъ въ его время въ Петербургѣ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, Петръ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣдѣнія въ въ медицинѣ и ботаникѣ: гербарій Петра существуетъ до сихъ поръ при каждомъ растеніи государь отмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два футляра, одинъ съ математическими, а другой съ хирургическими инструментами. Кромѣ того, что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже въ 1723 году произвелъ операцію надъ женою Голландскаго купца Борста, которая страдала водяною болѣзнію. Когда случалось въ госпиталяхъ отрѣзывать кому нибудь руку или ногу, онъ всегда при этомъ присутствовалъ и самъ перевязывалъ раны страждущимъ.

Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни, а именно, о токарномъ искусствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искусство любилъ онъ столько, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату государь называлъ мѣстомъ отдыха, и, чтобъ избавиться отъ безпокойныхъ посѣтителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: «кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ сіе мѣсто имѣлъ покойное». Здѣсь производились всѣ государственныя тайны; здѣсь, вручая инструкціи отправляемымъ за-границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ проступиться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исполнять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: потерпѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ весе-

лымъ лицомъ, и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екатерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи!

Корниловичъ.

О ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства. Онъ сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли, достигъ, и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному государю, и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую. Исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержцевъ: дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать — надобно угадать, угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ.

Карамзинъ.

лымъ лицомъ, и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ съ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екатерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи!

Корниловичъ.

лымъ лицомъ, и государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не дать постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ съ себѣ, или самъ отправлялся къ нему посидѣть, и обходился съ нимъ, какъ будто бы ничего не бывало. Петръ работалъ за токарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ потомству драгоцѣнные плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключается въ паникадилахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екатерины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятные случаи своего царствованія. Вообще Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно разсказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ, въ 1716 году, командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко; тутъ румянецъ выступалъ на блѣдное лицо, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи!

Корниловичъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

...Нынѣшняя Россія, то есть Россія Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная, — есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже застилаетъ намъ древнюю исторію, которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ.

Обозрѣвая царствованіе императора Петра Великаго, съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ Русской и Европейской исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ, и не знаешь, съ чего начать, что сказать, и что умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и, удивленная, изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается...

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуж-

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

...Нынѣшняя Россія, то есть Россія Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная, — есть произведеніе Петра Великаго. Какое бы явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непремѣнно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, вездѣ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже застилаетъ намъ древнюю исторію, которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и которой, кажется, никогда не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ.

Обозрѣвая царствованіе императора Петра Великаго, съ намѣреніемъ представить оное въ одной общей картинѣ, опредѣлить его значеніе въ системѣ Русской и Европейской исторіи, невольно чувствуешь трепетъ, падаешь духомъ, и не знаешь, съ чего начать, что сказать, и что умолчать. Сколько созданій! Сколько разрушеній, преобразованій! Сколько дѣйствій и происшествій всякаго рода! Мысль устаетъ летать отъ одного предмета къ другому, и, удивленная, изнеможенная, приходитъ въ замѣшательство, останавливается...

Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, съ своимъ твердымъ характеромъ, съ своей желѣзной волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и исполинскимъ ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуж-

игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ творилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится предъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль.

Вдругъ нагрянули враги — новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незванныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь и вода, и воздухъ и земля.

Всѣ дѣлаютъ розное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ — оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ; — какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій?

Нѣтъ, не чародѣй, а геній, Петръ. Смотрите — вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, Русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите — онъ выше ихъ всѣхъ на пол-аршина... Что такое сверкаетъ въ рукѣ его, не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите — какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у Русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается, и силы прибываютъ, и время увеличивается: часть выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное возможнымъ.

Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Или — вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, разлучается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ.

Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ онъ къ сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все — вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи некомплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ

спился наемый Нѣмецъ! Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хватается за топоръ, долото, за кормило, выкидываетъ артикулъ, строитъ, чинитъ, ломаетъ; сыплются награды и наказанія, снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ—тутъ и малость.

Чего здѣсь нѣтъ: и трагедія, и комедія, и романъ, и исторія, и волшебная сказка...

Спрашиваю —не удивительное ли это зрѣлище?

Что долженъ былъ сказать всякій благоразумный человѣкъ, смотря на всѣ сіи дѣйствія, предпріятія, замыслы? Не долженъ ли онъ былъ осудить оныя, по всѣмъ законамъ ума, по всѣмъ соображеніямъ разсудка, осудить со всею строгостію, какъ несбыточныя, безполезныя, пагубныя? Позволительно ли приниматься вдругъ за все, сказалъ бы онъ, позволительно ли... а между тѣмъ сіи несбыточныя намѣренія осуществлялись, и не мало по малу, а много по многу, и обширнѣйшее въ Европѣ государство преобразовывалось по желанію одного человѣка! Такова была сила воли у Петра Великаго, такова была его дѣятельность, — и вмѣстѣ такова была покорность Русскаго народа, терпѣніе, готовность.

Да, Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону, безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ — все онъ, все онъ, всякой день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 января, 1841 года.— Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ января.

Пора одѣваться — наше платье сшито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

Попадается на глаза книга — Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее — этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній церковный.

Приносятъ газеты — Петръ Великій ихъ началъ.

Вамъ нужно искупить разныя вещи — всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ

о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на егоораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

За обѣдомъ отъ соленыхъ сельдей и картофелю, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости — это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ — допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

Пойдемъ въ университетъ — первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

Вы получаете чинъ — по табели о рангахъ Петра Великаго.

Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство — такъ учредилъ Петръ Великій.

Мнѣ надо подать жалобу — Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее — предъ зерцаломъ Петра Великаго. Разсудятъ — по Генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо — Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе, и проч. и проч. и проч.

Мѣсто въ системѣ Европейскихъ государствъ, управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословій, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣліе, лѣсоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, винодѣліе, торговля внутренняя и внѣшняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографіи, военныя училища, академія — суть памятники его неутомимой дѣятельности и его генія.

Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ, и приложилъ руку ко всему, всему далъ движеніе, или направленіе, или самую жизнь. Что теперь ни думается нами, ни говорится, ни дѣлается, все, труднѣе или легче, далѣе или ближе, повторяю, можетъ быть доведено до Петра Великаго. У него ключъ — или замокъ.

Это очевидно, и до сихъ поръ нѣтъ никакого сомнѣнія, никакого спора. Но съ сихъ поръ и начинается сомнѣніе, начинается споръ:

Въ какомъ отношеніи Россія Петрова находится къ Россіи прежней, и не было-либъ лучше, еслибъ прежняя Россія была предоставлена естественному своему теченію, или—еслибъ преобразованіе было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ, или—еслибъ произведено было преобразованіе иное?

Слава имѣетъ свои фазы, какъ луна: она наростаетъ и умаляется. Петръ Великій не пользовался и не могъ пользоваться во время своей жизни счастіемъ любви общей; только небольшое количество окружавшихъ людей было предано ему искренно или своекорыстно. Но съ перваго поколѣнія по его кончинѣ начинается уже въ Россіи неограниченное безусловное благоговѣніе къ нему; слишкомъ сто лѣтъ продолжалось оно. Нынѣжъ, напротивъ, слышатся голоса противные, и слышатся довольно часто. Положимъ—они безотчетны, какъ первые, но наука не можетъ и не должна оставлять ихъ безъ вниманія....

Говорятъ: Петръ Великій, введя Европейскую цивилизацію, поразилъ Русскую національность,—это самое главное и благовидное обвиненіе.

Допустимъ сначяла такъ, но—спрошу я обвинителей, возможно ли было Россіи уклониться отъ Европейской цивилизаціи, хотябъ она имѣла для насъ много неприличныхъ, даже вредныхъ свойствъ?

Россія есть часть Европы, составляетъ съ нею одно географическое цѣлое, и слѣдовательно по физической необходимости должна раздѣлять судьбу ея, и участвовать въ ея движенія, какъ планета повинуется законамъ своей солнечной системы. Можетъ ли планета перескочить изъ одной сферы въ другую? Можетъ ли Россія оторваться отъ Европы? Волею и неволею она должна была подвергнуться вліянію Европы, когда концентрическіе круги западнаго образованія, распространяясь безпрестанно далѣе и далѣе, приблизились къ ней, и начали ее захватывать. Назовите это образованіе, пожалуй, чумою—но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой, не существуетъ никакихъ заставъ, никакихъ карантиновъ, никакихъ таможенъ, никакихъ преградъ. Эѳиръ всепроницающій, зло необходимое, неизбѣжное!

Можемъ ли мы теперь отказаться отъ употребленія машинъ, отъ употребленія паровъ, желѣзныхъ дорогъ? Не можемъ, даже потому только, что живемъ въ Европѣ. Не можемъ — пары принесутся сами, и повезутъ насъ по Волгѣ, по Днѣпру, по Черному морю, будутъ ткать намъ сукно, тянуть бумагу; желѣзныя дороги придутъ

сами, и лягутъ по нашимъ гатямъ, какъ прежде пришли и установились типографическіе станки, какъ прежде пришли и грянули пушки. Если Австрійцы будутъ поспѣвать изъ Вѣны до Варшавы въ день, то какъ же намъ ѣхать туда недѣлю!

Точно также, прежде Петра Великаго, мы не могли отказаться отъ пороха, отъ огнестрѣльнаго оружія, иначе былибъ побиты на первомъ сраженіи, и насъ бы не стало.

Да! Преобразованія Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ государствахъ, въ Европѣ.

Съ другой стороны западная, Европейская цивилизація, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, достигла тамъ до такой степени силы, что физически начала притягивать къ себѣ Россію.

И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло-ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою, произойдти иначе? Нелучше ли-бъ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать? Признаюсь: вообразить на его мѣстѣ Θеодора или Іоанна, я не могу, не почувствовавъ трепета по всемъ составѣ своемъ о самобытности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распоряжаться лучше Петра Великаго? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечъ обоюду-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю; по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проектъ Ништадтскаго мира.

Даже вопросъ о бритьѣ бороды и вопросъ о нѣмецкомъ платьѣ, я не осмѣливаюсь, за Петрово время, рѣшить безусловно. Также какъ и о скорыхъ мѣрахъ, жестокостяхъ, казняхъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ были виною болѣе всего его темпераментъ и обстоятельства. Петръ ненавидѣлъ стрѣльцовъ — но вспомнимъ, какъ онъ, семилѣтній отрокъ, трепеталъ отъ нихъ въ соборѣ во время перваго бунта; вспомнимъ, какъ онъ, въ одной рубашкѣ, долженъ былъ убѣжать отъ нихъ въ лѣсъ изъ Преображенскаго и потомъ къ Троицѣ; и наконецъ вспомнимъ, какъ онъ принужденъ былъ прервать вожделѣнное свое путешествіе, и отъ Италіи прискакать стремглавъ въ Россію, гдѣ всѣмъ его предначинаніямъ грозила гибель неминуемая. Мудрено ли, что послѣ такихъ случаевъ Петръ приходилъ въ трепетъ услышавъ одно имя стрѣльца?

Впрочемъ всѣ сіи вопросы гораздо мельче, незначительнѣе, и относятся не столько къ государю, какъ къ человѣку, не столько къ Русской исторіи, какъ къ біографіи Петра Великаго, который и въ этомъ отношеніи представляетъ значительную задачу психологическую.

Въ заключеніе этого разсужденія о преобразованіяхъ, я обращу вниманіе новыхъ судей на прежніе два періода преобразованій, даже болѣе внутреннихъ, болѣе глубокихъ, дѣйствительныхъ, и обнимавшихъ всѣ сословія, а не одно какое либо въ особенности, которыя какъ будто совсѣмъ позабываются ими: я говорю о Норманнахъ, коими изъ Славянскаго мирнаго патріархальнаго семейства образовано бранное государство, и о Монголахъ, коими потрясенъ былъ весь характеръ народный, и измѣнились всѣ гражданскія отношенія. Тотъ и другой переворотъ были необходимы: нельзя было уклониться отъ Норманновъ, и оставаться въ патріархальномъ состояніи; нельзя было укрыться отъ Монголовъ и сохранить формы временъ среднихъ; точно также нельзя было не подпасть Европейскому вліянію въ XVIII вѣкѣ, и счастіе Россіи, что на это время посылалъ ей Богъ Петра Великаго.

Петра Великаго осуждаютъ еще за то, что онъ возбудилъ будто пристрастіе къ иностранному. Согласенъ — это пристрастіе все еще господствуетъ въ Россіи и причиняетъ много вреда; поражая Русскіе таланты обидной недовѣрчивостію на пути совершенствованія, препятствуя ихъ свободному развитію, касаясь самыхъ чувствительныхъ струнъ національнаго сердца. Согласенъ, что одно слово — Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, кто бы то ни было, лишь бы не Русскій, даетъ еще въ нашемъ обществѣ часто право на учтивость, довѣренность, уваженіе, и наоборотъ, одно слово — Русскій, возбуждаетъ недовѣрчивость, подозрительность; но Петра Великаго не посмѣю я обвинять въ этомъ пристрастіи, въ этомъ оскорбленіи отечества, хотя оно и ведетъ свое начало отъ его царствованія; также не посмѣю, какъ Гуттенберга, за дурныя и вредныя книги.

Петръ любилъ иностранцевъ, это правда, но отнюдь не въ обиду своихъ подданныхъ. Онъ привлекалъ ихъ къ себѣ, находя между ними, и очень естественно, болѣе людей способныхъ и готовыхъ для исполненія его плановъ; но онъ имѣлъ полную довѣренность къ Русскимъ. Да! безъ этой довѣренности, которая, отрасль вѣры, есть мать всѣхъ великихъ дѣйствій общественныхъ;

безъ этой довѣренности, говорю, могъ ли-бъ онъ, послѣ Нарвы, подумать одну минуту о борьбѣ съ Карломъ XII, могъ ли-бъ онъ исполнить сотую долю своихъ предпріятій? Онъ имѣлъ довѣренность къ Русскимъ, и Русскіе не обманули его: Нарвскіе бѣглецы разбили непобѣдимыхъ Шведовъ со всею ихъ Европейскою тактикою. Петру Великому служили Крюйсы, де Кроа, Вейды; но Лифляндію покорилъ ему Шереметевъ, поразить Шведовъ подъ Полтавою помогъ Меньшиковъ, разбивать вражескія флотиліи Голицынъ.

Самъ онъ былъ Русскимъ человѣкомъ по преимуществу, со всѣми Русскими добродѣтелями, страстями и недостатками.

Слѣдовательно наше пристрастіе къ иностранцамъ есть только злоупотребленіе случайнаго отношенія его къ нимъ. Впрочемъ, скажу здѣсь нѣсколько и въ оправданіе: пристрастіе къ иностранцамъ есть наслѣдственный порокъ всѣхъ Славянскихъ племенъ отъ самой глубокой древности, порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Что наше, того намъ и не надо, — вотъ, къ прискорбію, девизъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Славянскихъ исторій, которой изгладится въ той мѣрѣ какъ распространится истинное просвѣщеніе.

Петръ Великій, введя образованіе западное, прервалъ, говорятъ, отечественное, воспрепятствовалъ естественному его развитію. Это образованіе было, точно, но оно и есть. Любя съ самыхъ юныхъ лѣтъ толкаться въ народѣ, начинать разговоры на постоялыхъ дворахъ, базарахъ и гуляньяхъ, заводя знакомства въ деревняхъ и рядахъ, я встрѣчалъ и встрѣчаю часто, между воспитанниками Псалтыри и Часослова, людей высокаго просвѣщенія и образа мыслей, здравомыслящихъ, благородныхъ, талантливыхъ. Съ длинными своими бородами, въ долгополыхъ кафтанахъ, съ грубыми пріемами и нестройною рѣчью, они стоятъ на высокой нравственной степени, и служатъ для меня представителями того предъ-Петровскаго религіознаго, духовнаго образованія, которое я считаю вообще предназначеннымъ собственно Россіи. Но Петръ Великій не мѣшалъ этому образованію, прививая западное только къ высшимъ сословіямъ. Кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ, временныхъ, обстоятельствъ, по соприкосновенію съ прочими государственными дѣлами, онъ работалъ на другомъ полѣ. Петръ Великій не вырывалъ книгъ и рукописей изъ рукъ ихъ. И онѣ остались, приносятъ свои плоды. Смотря на этихъ людей, я вижу только,

что съ формами Петра Великаго они сдѣлалибъ гораздо болѣе добра, принеслибъ болѣе пользы отечеству и человѣчеству.

Петръ Великій есть сокровище Русской исторіи, описанное подробно, но еще не изслѣдованное, неоцѣненное во всѣхъ частяхъ своихъ съ точностію. Много работы надъ нимъ критикѣ, наукѣ: разсмотрѣть его какъ государя, какъ Русскаго, какъ гражданина, какъ отца, какъ супруга, какъ человѣка! Что дѣлалъ онъ для своего времени, что дѣлалъ для потомства, на вѣкъ? Какія мѣры были общими, какія частными? Въ какой степени? На кого простирались его дѣйствія? Что были въ нихъ внутренняго? Въ какомъ отношеніи были его учрежденія къ прежденія къ прежнимъ? Многія его, по нашему и даже собственному его мнѣнію, нововведенія, суть ничто иное, какъ древнія постановленія, имѣющія глубокій корень въ Русской почвѣ только въ новыхъ формахъ, съ новыми именами. Вотъ задача молодымъ нашимъ ученымъ юристамъ. Пусть они объяснятъ эту важную и занимательную часть Русской исторіи. Тогда мы увидимъ, что Петръ Первый былъ во многихъ случаяхъ только великимъ исполнителемъ, который въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, нашелъ запросы, содержавшіеся въ его народѣ, и естественныхъ отношеніяхъ его государства къ прочимъ, нашелъ, взалкалъ, и рѣшился удовлетворить ихъ, разумѣется по личному своему усмотрѣнію. Тогда только можетъ быть, получимъ, мы основательное право почтить одни учрежденія и осудить другія, по примѣру Карамзина, учрежденія, къ коимъ увлекся онъ, овладѣнный духомъ пребразованія, ибо этотъ духъ, какъ и всякой другой, можетъ ослѣпить человѣка, породить пристрастіе, и возбудить желаніе разрушать все и передѣлывать, какъ духъ войны гонитъ Суворова и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказываетъ имъ ея необходимость, какъ духъ системы въ философіи или исторіи или политикѣ соединяетъ насильственно быти, и ставитъ ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія.

Тогда вмѣстѣ возвратится подобающая честь и нашей древней исторіи, коею пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, невидя ее близорукими своими глазами изъ за Петра Перваго, полагая, въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ быть безъ слагаемыхъ.

*

Заключаю: Петръ Великій былъ геній, которому мало подобныхъ представляетъ исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно Русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно объ Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена (такую силу имѣютъ на насъ великіе люди).—Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжденные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ, благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: нигдѣ не было такого великаго государя, сказалъ еще юный Карамзинъ,—и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія.—Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ, и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ,—такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно нуженъ былъ онъ, а не кто либо иной! Смиримся и благоговѣемъ.

Погодинъ.

Заключаю: Петръ Великій былъ геній, которому мало подобныхъ представляетъ исторія, еслибъ даже иные и уравнялись съ нимъ въ томъ или другомъ достоинствѣ или свойствѣ. Правда, трудно Русскому судить о немъ равнодушно и безпристрастно sine ira et studio, если Нѣмцы до сихъ поръ еще не могутъ говорить хладнокровно объ Александрѣ Македонскомъ, по замѣчанію Герена (такую силу имѣютъ на насъ великіе люди).—Правда, мы родимся и воспитываемся подъ его вліяніемъ, начинаемъ мыслить объ немъ уже предубѣжденные, а въ зрѣломъ возрастѣ тотчасъ уже восхищаемся имъ, благоговѣемъ предъ нимъ; національная наша гордость въ лучшіе пылкіе годы жизни питается размышленіями объ немъ: нигдѣ не было такого великаго государя, сказалъ еще юный Карамзинъ,—и мы поднимаемъ выше свою голову, смотримъ веселѣе на Европейскую исторію. Безпристрастіе можетъ быть плодомъ только долговременнаго, глубокаго изученія, зрѣлаго человѣческаго образованія.—Все это правда; но геніальности Петра Великаго отдаютъ равную честь Русскіе и иностранцы, порицатели и почитатели. Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ, и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ,—такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы міродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно нуженъ былъ онъ, а не кто либо иной! Смиримся и благоговѣемъ.

Погодинъ.

славою и величіемъ, превратить его въ дѣятельное, успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія. Петру предстояла трудная задача: для образованія Русскихъ людей необходимо было вызвать иностранныхъ наставниковъ, руководителей, которые естественно стремились подчинить учениковъ своему вліянію, стать выше ихъ; но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорѣе мастерами; Петръ не поддался искушенію, не принялъ предложенія вести дѣло успѣшно съ людьми выученными, вполнѣ приготовленными, но иностранцами; хотѣлъ, чтобъ свои Русскіе проходили дѣятельную школу, хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопровождалось большими неудобствами. Мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ иностраннаго фельдмаршала Огильви, видѣли, какъ на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставилъ Русскихъ людей, а иностранцамъ далъ только второстепенныя, и мы видѣли, какъ Петръ былъ награжденъ за вѣру въ свой народъ, за преданность ему. Также съ необыкновенною осторожностію, умѣньемъ не перейти должныя границы, разрѣшена была Петромъ трудная задача церковнаго преобразованія. Онъ уничтожилъ одноличное управленіе и замѣнилъ его коллегіальнымъ или соборнымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало духу восточной церкви; мы видѣли, что одною изъ главныхъ заботъ Петра было поднятіе Русскаго духовенства посредствомъ образованія; не смотря на сильное и понятное нерасположеніе къ монашеству, онъ не уничтожилъ этого учрежденія, подобно Генриху VIII Англійскому, только старался дать ему болѣе соотвѣтствующую его характеру дѣятельность.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали эпоху преобразованія, мы должны придти въ изумленіе предъ нравственными и физическими силами преобразователя. Силы развиваются упражненіемъ, и мы не знаемъ ни одного историческаго дѣятеля, сфера дѣятельности котораго была бы такъ обширна. Родившись съ умомъ необыкновенно возбужденнымъ, чуткимъ ко всему, Петръ изощрилъ эту чуткость до высшей степени, съ малолѣтства прислушиваясь и приглядываясь самъ ко всему, не направляемый, не ограничиваемый никѣмъ, а возбуждаемый обществомъ, уже стоявшимъ на поворотѣ, колебавшимся между двумя направленіями, волнуемымъ уже вопросами о старомъ и новомъ, когда подлѣ старой Москвы уже виднѣлся авангардъ запада—Нѣмецкая сло-

игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменщикъ кидается за топоръ, плотникъ спѣшитъ къ творилу, купецъ хватаетъ ружье, солдатъ садится предъ зерцало, крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль.

Вдругъ нагрянули враги — новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ на встрѣчу, кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незванныхъ гостей, и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова, заходилъ топоръ, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь и вода, и воздухъ и земля.

Всѣ дѣлаютъ розное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголъ, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ — оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ; — какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностію этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій?

Нѣтъ, не чародѣй, а геній, Петръ. Смотрите — вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, Русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите — онъ выше ихъ всѣхъ на пол-аршина... Что такое сверкаетъ въ рукѣ его, не волшебный ли жезлъ какой? Какъ горятъ его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите — какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво, какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у Русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается, и силы прибываетъ, и время увеличивается: часть выростаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяцъ старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное возможнымъ.

Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ, то на югѣ пустится по морю флотъ, то на западѣ встанетъ линія крѣпостей, то на востокѣ скорымъ маршемъ выступитъ въ походъ армія! Или — вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, разлучается по сословіямъ, по городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ.

Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ онъ къ сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствіе и досада перемѣняются ежеминутно на лицѣ его. Онъ видитъ все — вотъ въ городѣ недостроена башня, вотъ въ арміи некомплектенъ полкъ, вотъ на кораблѣ покривилась мачта, вотъ на фабрикѣ

ринами». Тутъ сталъ говорить членъ адмиралтейской коллегіи Григорій Петровичъ Чернышевъ: «Государь? люди, по волѣ твоей отлученные отъ родныхъ въ чужихъ краяхъ, по бѣдности сносили тамъ голодъ и холодъ, учились по возможности, желая угодить тебѣ, и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а теперь, возвратясь въ надеждѣ за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ, и будутъ наровнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли». Государь назначилъ имъ экзаменъ въ коллегіи, въ своемъ присутствіи, и, оставшись доволенъ отвѣтами Неплюева, произвелъ его въ поручики морскаго галернаго флота, причемъ, давая Неплюеву цѣловать свою руку, сказалъ: «Видишь, братецъ: я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость видѣть достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Скоро послѣ этого Петръ опредѣлилъ Неплюева смотрителемъ и командиромъ на строющимися морскими судами, должность, въ которой онъ почти ежедневно видѣлъ Петра. Государь началъ говорить, что въ маломъ будетъ путь, а Чернышевъ и адміралъ Змаевичъ стали преподавать малому искусство, какъ сохранить расположеніе государя: «Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; онъ больше разсердится, если солжешь.» Скоро Неплюевъ подвергся экзамену и въ этомъ искусствѣ. Однажды онъ пришелъ на работу, а Петръ уже тутъ; Неплюевъ сильно перепугался и первою мыслію было бѣжать домой и сказаться больнымъ: но потомъ вспомнились совѣты Чернышева, и онъ пошелъ къ томъ мѣсту, гдѣ находился государь. «А я уже, мой другъ, здѣсь!» сказалъ ему Петръ.—«Виноватъ, государь, отвѣчалъ Неплюевъ: вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ.» Петръ взялъ его за плечо и пожалъ; тотъ вздрогнулъ, думая, что пришла бѣда! но государь началъ говоритъ: «Спасибо, малый, что говоришь правду, Богъ проститъ! кто бабѣ не внукъ!»

Въ Константинополь Неплюевъ попалъ такимъ образомъ. Въ первыхъ числахъ января 1721 года былъ трактаментъ для всей знати и для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ тутъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами прежде, онъ всталъ изъ-за стола и отправился въ ту комнату, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ. Петръ былъ очень веселъ и скоро началъ такой

разговоръ: «Надобенъ мнѣ человѣкъ, который бы зналъ Италіянскій языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ.» Головкинъ отвѣчалъ, что такого не знаетъ. «А я знаю, сказалъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ: очень достойный человѣкъ, да та бѣда, что очень бѣденъ».—«Бѣдность не бѣда, отвѣчалъ Петръ: этому помочь можно скоро; но кто такой?»—«Да вотъ онъ за тобой стоитъ», сказалъ Апраксинъ.—«За мною стоитъ много», возразилъ Петръ.—«Да твой хваленый, что у галернаго строенію», отвѣчалъ Апраксинъ. Петръ оборотился, взглянулъ на Неплюева и сказалъ: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ хорошъ», да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть.» Но потомъ, подумавши, государь приказалъ назначить Неплюева резидентовъ въ Константинополь. Когда тотъ подошелъ къ нему благодарить, упалъ въ ноги, цѣловалъ ихъ и плакалъ, то Петръ поднялъ его и сказалъ: «Не кланяйся, братецъ: я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь—не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ,—такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! въ началѣ Богъ, а по немъ и я долженъ буду не оставить тебя.»

Сознаніе обозанностей своихъ къ Богу, глубокое религіозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало духъ его въ бѣдахъ и не давало заноситься въ счастіи. Въ послѣдній годъ своей жизни, 16 августа 1724 года, составляя программу для торжества Ништадтскаго мира, Петръ писалъ: «Надлежитъ въ первомъ стихѣ помянутъ о побѣдахъ, а потомъ силу писать во всемъ праздникѣ слѣдующую: 1) Неискусство ваше во всѣмъ дѣлахъ. 2) А наипаче въ начатіи войны, которую, не вѣдая противныхъ силы и своего состоянія, начали какъ слѣпые. 3) Бывшіе непріятели всегда не только въ словахъ, но и въ исторіяхъ писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тѣмъ насъ. 4) Какія имѣли внутреннія замѣшанія, также и дѣла сына моего, также и Турковъ подвигли на насъ. 5) Всѣ прочіе народы политику имѣютъ, дабы балансъ въ силахъ держать межъ сосѣдовъ, а особливо, чтобы насъ не допустить до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскихъ; но то въ дѣло не произвели, но яко бы закрыто было сіе предъ ихъ очесами. Сіе поистиннѣ чудо Божіе: тутъ возможно видѣть, что всѣ умы человѣ-

ческіе ничто есть противъ воли Божіей. Сіе пространно развести надлежитъ, а сенсу довольно.»

Необыкновенное величіе, соединенное съ сознаніемъ ничтожества всѣхъ умовъ человѣческихъ, строгое требованіе исполненія обязанностей, строгое требованіе правды, умѣнье выслушивать возраженія самыя рѣзкія; чрезвычайная простота, общительность, благодушіе, все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сближаться съ нимъ, и потому легко понять впечатлѣніе, произведенное на нихъ вѣстію о кончинѣ великаго императора. Неплюевъ пишетъ: «1725 года въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ 1-й, отъиде отъ сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и, ей-ей не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что бы впредъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившуюся о пользѣ общей, съ праведными!»

Другой приближенный къ Петру человѣкъ, Нартовъ, говоритъ: «Еслибъ когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его (Петра), вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха. Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердія его, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ и какими онъ уязвляемъ былъ горестями, то ужаснулись бы колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, незаслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣющіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него.»

Соловьевъ.

СУЩНОСТЬ ПОДВИГОВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Нѣсколькихъ томовъ не достанетъ, если захотимъ исчислить всѣ подробности подвиговъ Петра; нѣсколько словъ достаточно, если захотимъ означить сущность ихъ.

Петръ увидѣлъ, что не Европу звать въ Россію, но Россіи надобно было вступить въ Европу; что должно не частныя прививки присовокуплять, но вырвать дерево Россіи изъ почвы Азіи и пересадить его въ Европу; что необходимо разломать Китайскую стѣну со стороны Запада и пересоздать природу.

Говорятъ, что такіе перевороты неестественны, что они даже противны природному ходу вещей. Но что же такое означаютъ къ природѣ бури, наводненія, волканы, землетрясенія? Мѣстность потомъ возьметъ свое, не заботьтесь объ ней—Западъ будетъ Западомъ, Востокъ будетъ Востокомъ, Французъ останется Французомъ, Англичанинъ Англичаниномъ; но Ришелье и Людовикъ XIV-й были необходимы, чтобы изъ Франка и феодала сдѣлать Француза, а реформація и переворотъ 1645 года необходимы, чтобы изъ Нормана-Саксона сотворить Англичанина. Такъ Цезарь создалъ изъ Рима имперію, варвары совершили переходъ изъ древней исторіи въ новую, Фридрихъ заставилъ слабую Пруссію бороться съ Европою, Наполеонъ задавилъ горячку революціи. И вы, горюя о томъ, что жестокая казнь постигла стрѣльцовъ, что раскольникамъ нашивали козырьки на спину, что Русскихъ со слезами заставляли брить бороду и плясать контрадансы, что свадьбу князя Папы торжествовали шутовски въ Москвѣ, вы не постигаете необходимости Петрова переворота и занимаетесь исторіею этихъ мелочей? Вы боитесь, что Русь утратила свой характеръ, потому что теперь литература наша не имѣетъ самобытности, что образованность у насъ представляетъ яркія противоположности, что мы вы-

Да — много было сдѣлано великаго, полезнаго и славнаго! Петръ былъ совершенно правъ; ему некогда было ждать. Онъ зналъ, что ему не два вѣка жить, и потому спѣшилъ жить, а жить для него значило творить.

Многіе, почитая преобразованія, совершенныя Петромъ, столько же необходимыми, сколько и великими, благоговѣя передъ памятью преобразователя, въ то же время отрицаютъ европеизмъ и усиливаясь не только отстоять или оправдать такъ называемое нѣкоторыми историческое развитіе и народность, уничтоженныя Петромъ, но и противопоставить, даже возвеличить ихъ предъ европеизмомъ. Какъ ни странно это противорѣчіе, но оно есть уже шагъ впередъ и выше прежняго утвердительнаго сомнѣнія, хотя и вышло прямо изъ него: лучше явно противорѣчить себѣ и тѣмъ какъ бы невольно признавать власть истины, нежели, ради любимаго и односторонняго убѣжденія, отвергать и прямо закрывать глаза на фактическую достовѣрность противорѣчащихъ доказательствъ.

Противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно важно: въ его примиреніи заключается истинное понятіе о Петрѣ Великомъ. Одно уже это указываетъ на разумность этого противорѣчія. Рѣшеніе задачи состоитъ въ томъ, чтобъ показать и доказать: 1) что хотя народность и тѣсно соединена съ историческимъ развитіемъ и общественными формами народа, но что и то и другое совсѣмъ не одно и то же; 2) что и преобразованіе Петра Великаго и введенный имъ европеизмъ нисколько не измѣнили и не могли измѣнить нашей народности, но только оживили ее духомъ новой и богатѣйшей жизни, и дали ей необъятную сферу для проявленія и дѣятельности.

Изъ ничего не бываетъ ничего, и великій человѣкъ не творитъ своего, но только даетъ дѣйствительное существованіе тому, что прежде его существовало въ возможности. Что всѣ усилія Петра были направлены противъ Русской старины — это ясно какъ день Божій; но чтобъ онъ стремился уничтожить нашъ субстанціяльный духъ, нашу національность — подобная мысль болѣе чѣмъ неосновательна: она просто нелѣпа! Правда, если бываютъ народы съ великими субстанціями, то бываютъ народы и съ ничтожными субстанціями, и если первыя неизмѣнимы, то вторыя

могутъ уничтожаться даже отъ случайностей, даже сами собою, не только волею генія. Но за то, изъ этихъ вторыхъ никакой геній ничего и сдѣлать не можетъ; лучшее, что можно сдѣлать изъ свекловицы,—голову сахару, но только изъ гранита, мрамора и бронзы можно создать вѣковѣчный памятникъ. Если бы Русскій народъ не заключалъ въ духѣ своемъ зерна богатой жизни,—реформа Петра только убила бы его на смерть и обезсилила, а не оживила и не укрѣпила бы новою жизнію и новыми силами. Мы уже не говоримъ о томъ, что изъ ничтожнаго духомъ народа и не могъ бы выйдти такой исполинъ, какъ Петръ: только въ такомъ народѣ могъ явиться такой царь, и только такой царь могъ преобразовать такой народъ. Если бы у насъ и не было ни одного великаго человѣка, кромѣ Петра, и тогда бы мы имѣли право смотрѣть на себя съ уваженіемъ и гордостію, не стыдиться нашего прошедшаго и смѣло, съ надеждою смотрѣть на наше будущее...

Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріяльнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастію Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально-нравственный и религіоз-

ный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паѳосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Еслибъ Петръ былъ только необыкновенно умный человѣкъ, только политическій, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинскою геніяльностью,—вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность.

Бѣлинскій.

О ЗАКОНАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

ЕГО УЧРЕЖДЕНІЯХЪ И ВЕЩЕСТВЕННЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ, СОВРЕМЕННЫХЪ ЕМУ.

О ЗАКОНАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Когда будущее имѣетъ очевидную связь съ прошедшимъ, когда одна только опытность руководствуетъ въ измѣненіи государственныхъ постановленій: тогда законы основываются на обычаяхъ народныхъ, и вмѣстѣ съ ними возникаютъ и уничтожаются; въ отмѣненіи древнихъ постановленій, несогласныхъ съ духомъ времени, и въ установленіи новыхъ выражаются требованія всего народа. Верховная власть испытуетъ потребности своихъ подданныхъ; покровительствуетъ новымъ и полезнымъ обыкновеніямъ, которыми заняты умы народа; а когда всѣ согласятся и убѣдятся въ ихъ благодѣтельномъ вліяніи, издаетъ постановленіе о непремѣнномъ оныхъ исполненіи. Такъ добрая мать со всѣмъ вниманіемъ старается предугадывать едва понятное лепетаніе младенца, и наконецъ послѣ продолжительныхъ попеченій, сама нѣжною рукою своею вводитъ его въ бурное поприще жизни. Но все представляется совершенно въ иномъ видѣ тамъ, гдѣ законы не допускаютъ народу оставаться въ невѣжествѣ, но даже непосредственнымъ образомъ распространяютъ образованіе по всему государству, во всѣхъ сословіяхъ. Въ семъ случаѣ, не будучи основаны на обыкновеніяхъ, укоренившихся во всѣхъ классахъ народа, они почти вовсе оставались бы безъ исполненія; и потому правительство сперва знакомитъ гражданъ съ новыми своими видами, вводитъ въ обычаи, хотя чуждые, но полезные, для того чтобы они, ихъ принявъ и увѣрившись въ пользѣ ихъ, наконецъ

совершенно усвоили ихъ себѣ. Симъ правиламъ противорѣчитъ принужденіе; народы обыкновенно бываютъ привязаны къ древнимъ своимъ обыкновеніямъ; они медленно и неохотно принимаютъ новыя; посему законы, посредствомъ которыхъ верховная власть вводитъ новые обычаи, должны заключать въ себѣ увѣщаніе, убѣжденіе, а не угрозу. Однако преобразователь не долженъ имѣть въ виду, какъ то обыкновенно бываетъ, побудительною причиною своей дѣятельности—надежду самому насладиться плодами собственныхъ своихъ соображеній: ибо насильственное образованіе не можетъ никогда укорениться. Теперь остается намъ рѣшить одинъ вопросъ: могутъ ли быть одобрены даже самые быстрые успѣхи народнаго образованія, если они оставятъ непостоянные и часто даже неблагодѣтельные слѣды, и тому ли должно отдать преимущество, кто умѣетъ мнѣнія, уже развившіяся въ его вѣкѣ, приноравливать ко благу своихъ подданныхъ, или тому, кто, будучи выше своего вѣка, старается проявлять и проявляетъ истины такъ сказать пріобрѣтенныя имъ самимъ, его великимъ геніемъ? Что труднѣе предпріять, и что требуетъ большихъ усилій,—это довольно ясно и безъ доказательствъ.

Петръ Великій занимаетъ средину: онъ, постигши духъ своего времени, рѣшился слѣдовать въ образованіи своего народа государствамъ иностраннымъ. Онъ, подобно Прометею, похитилъ свѣтъ наукъ на западѣ, озарилъ востокъ Европы, и при всемъ томъ онъ принужденъ былъ употребить всѣ усилія своего генія для того, чтобы сей небесный огнь не потухъ въ странѣ, въ которой еще не понимали его благодѣтельнаго свѣта, гдѣ столько было гасителей просвѣщенія. Петръ I въ семъ важномъ дѣлѣ дѣйствовалъ не безразсудно, какъ многіе другіе преобразователи народовъ; онъ достигъ той цѣли, къ которой стремились въ продолженіе двухъ столѣтій великіе его предки. Во всеобъемлющемъ умѣ сего государя сосредоточились, такъ сказать, умственныя силы всѣхъ его предшественниковъ, тщетно стремившихся къ сей цѣли. Онъ предвидѣлъ, зналъ, что потомство будетъ благословлять его; скажу болѣе: всѣ труды, совершенные имъ для пользы отечества, были для него наслажденіемъ; они ободряли его на новые, и онъ совершилъ подвиги, которые мы теперь еще не можемъ постигнуть. Таковъ Петръ Великій! Россія, оставивъ устарѣлыя свои постановленія, явилась въ новомъ видѣ въ послѣднемъ десятилѣтіи его царствованія. Законы Петра I остались

ковые плоды просвѣщенія, и захотѣлъ въ одну минуту присвоить ихъ своему народу.

Подумано — сказано, сказано — сдѣлано: Русскій не любитъ ждать. Ну — Русскій человѣкъ снаряжайся «по царскому наказу, боярскому приказу, по Нѣмецкому маниру»... Прочь достопочтенныя окладистыя бороды! прости и ты, простая и благородная стрижка волосъ въ кружало, ты, которая такъ хорошо шла къ этимъ почтеннымъ бородамъ! Тебя замѣнили огромные парики, осыпанные мукою! Простите долгополые охабни нашихъ бояръ, выложенные, обшитые серебромъ и золотомъ! Васъ замѣнили кафтаны и камзолы со штанами и ботфортами! Прости и ты, прекрасный поэтическій сарафанъ нашихъ боярынь и боярышенъ, и ты, кисейная рубашка съ пышными рукавами, и ты высокій, унизанный жемчугомъ повойникъ — простой, чародѣйскій нарядъ, который такъ хорошо шелъ къ высокимъ грудямъ и яркому румянцу нашихъ бѣлоликихъ и голубоокихъ красавицъ! Тебя замѣнили робы съ фижмами, робронами, и длинными, предлинными хвостами! Бѣлила и румяна, потѣснитесь немножко, дайте мѣсто чернымъ мушкамъ! Простите и вы, заунывныя русскія пѣсни и ты, благородная и граціозная пляска: не ворковать ужъ нашимъ красавицамъ голубкамъ, не заливаться соловьемъ, не плавать по полу павами! Нѣтъ! Пошли аріи и романсы съ выводомъ верхнихъ нотокъ:

...Богъ Мой!
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!

пошла живописная ломка въ минуэтахъ, сладострастное круженье въ вальсахъ...

И все завертѣлось, все закружилось, все помчалось стремглавъ. Казалось, что Русь въ тридцать лѣтъ хотѣла вознаградить себя за цѣлыя столѣтія неподвижности. Будто по манію волшебнаго жезла, маленькій ботикъ царя Алексѣя превратился въ грозный флотъ императора Петра, непокорныя дружины стрѣльцовъ въ стройные полки. На стѣнахъ Азова была брошена перчатка Портѣ: горе тебѣ, луна двурогая! На поляхъ Лѣснаго и берегахъ Ворсклы былъ жестоко отомщенъ позоръ Нарвской битвы: спасибо Меньшикову, спасибо Данилычу! Каналы и дороги начали прорѣзывать дѣвственную почву земли Русской; зашевелилась торговля: застучали молоты, захлопали станы; зашевелилась промышленность!

Да — много было сдѣлано великаго, полезнаго и славнаго! Петръ былъ совершенно правъ; ему некогда было ждать. Онъ зналъ, что ему не два вѣка жить, и потому спѣшилъ жить, а жить для него значило творить.

Многіе, почитая преобразованія, совершенныя Петромъ, столько же необходимыми, сколько и великими, благоговѣя передъ памятью преобразователя, въ то же время отрицаютъ европеизмъ и усиливаясь не только отстоять или оправдать такъ называемое нѣкоторыми историческое развитіе и народность, уничтоженныя Петромъ, но и противопоставить, даже возвеличить ихъ предъ европеизмомъ. Какъ ни странно это противорѣчіе, но оно есть уже шагъ впередъ и выше прежняго утвердительнаго сомнѣнія, хотя и вышло прямо изъ него: лучше явно противорѣчить себѣ и тѣмъ какъ бы невольно признавать власть истины, нежели, ради любимаго и односторонняго убѣжденія, отвергать и прямо закрывать глаза на фактическую достовѣрность противорѣчащихъ доказательствъ.

Противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно важно: въ его примиреніи заключается истинное понятіе о Петрѣ Великомъ. Одно уже это указываетъ на разумность этого противорѣчія. Рѣшеніе задачи состоитъ въ томъ, чтобъ показать и доказать: 1) что хотя народность и тѣсно соединена съ историческимъ развитіемъ и общественными формами народа, но что и то и другое совсѣмъ не одно и то же; 2) что и преобразованіе Петра Великаго и введенный имъ европеизмъ нисколько не измѣнили и не могли измѣнить нашей народности, но только оживили ее духомъ новой и богатѣйшей жизни, и дали ей необъятную сферу для проявленія и дѣятельности.

Изъ ничего не бываетъ ничего, и великій человѣкъ не творитъ своего, но только даетъ дѣйствительное существованіе тому, что прежде его существовало въ возможности. Что всѣ усилія Петра были направлены противъ Русской старины — это ясно какъ день Божій; но чтобъ онъ стремился уничтожить нашъ субстанціяльный духъ, нашу національность—подобная мысль болѣе чѣмъ неосновательна: она просто нелѣпа! Правда, если бываютъ народы съ великими субстанціями, то бываютъ народы и съ ничтожными субстанціями, и если первыя неизмѣнимы, то вторыя

могутъ уничтожаться даже отъ случайностей, даже сами собою, не только волею генія. Но за то, изъ этихъ вторыхъ никакой геній ничего и сдѣлать не можетъ; лучшее, что можно сдѣлать изъ свекловицы,—голову сахару, но только изъ гранита, мрамора и бронзы можно создать вѣковѣчный памятникъ. Если бы Русскій народъ не заключалъ въ духѣ своемъ зерна богатой жизни,—реформа Петра только убила бы его на смерть и обезсилила, а не оживила и не укрѣпила бы новою жизнію и новыми силами. Мы уже не говоримъ о томъ, что изъ ничтожнаго духомъ народа и не могъ бы выйдти такой исполинъ, какъ Петръ: только въ такомъ народѣ могъ явиться такой царь, и только такой царь могъ преобразовать такой народъ. Если бы у насъ и не было ни одного великаго человѣка, кромѣ Петра, и тогда бы мы имѣли право смотрѣть на себя съ уваженіемъ и гордостію, не стыдиться нашего прошедшаго и смѣло, съ надеждою смотрѣть на наше будущее...

Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріяльнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгою, и съ такою страстію подчинялся повиновенію, съ какою въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастію Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достойнѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора, и забываютъ колоссально-нравственный и религіоз-

ла даже распространена на всѣхъ преступниковъ (исключая только оскорбившихъ величество государя), дабы всемогущій Богъ осѣнилъ своею благодатію умирающаго царя.

Подданные давали присягу въ вѣрности императору, императрицѣ и назначенному въ наслѣдники престола. Дни коронованія и рожденія императора были празднуемы.

По предложенію Сената, государь принялъ 1721 г. октября 22 прозваніе: Императора Всероссійскаго, Отца отечества и Великаго. Титулъ его былъ слѣдующій: 1) Въ бумагахъ по внѣшнимъ отношеніямъ: «Божіею споспѣшествующею милостію, мы Петръ I, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; царь Казанскій, Астраханскій, Сибирскій; государь Псковскій и великій князь Смоленскій; князь Эстляндскій, Лифляндскій, Корельскій и Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новаграда Низовскія Земли, Черниговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сѣверныя страны повелитель; и государь Иверскія Земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія Земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ наслѣдный государь и обладатель»; 2)—въ бумагахъ по внутреннимъ отношеніямъ: «Божіею милостію мы Петръ I, императоръ и самодержецъ Всероссійскій»; 3)—въ прошеніяхъ на имя государя: «Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ и самодержецъ Всероссійскій, Петръ Великій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій»; 4)—въ концѣ всякой просьбы: «Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ» (указъ 1721 г. ноября 11). Государыня называлась императрицею, и участвовала въ титулѣ величества; дочери ея именовались царевнами и великими княжнами, а сыновья царевичами и великими князьями; оба съ титуломъ императорскаго высочества (1716 г. іюня 19, 1715 октября 31).

ОБЪ ОРДЕНАХЪ.

Петръ I, въ награду оказанныхъ отечеству услугъ, подражая установленіямъ Европейскихъ государствъ, учредилъ орденъ св. равноапостольнаго князя Андрея (1698 г. августа 30) съ девизомъ: «за Вѣру и вѣрность»; кавалеры онаго состояли въ чинѣ генералъ-лейтенантовъ. Равнымъ образомъ супруга его Екате-

рина прославила собственную свою доблесть, установивъ, въ память опаснаго своего положенія на рѣкѣ Прутѣ, женскій орденъ св. Екатерины (1714 г. ноября 24), съ надписью: «любовь и отечество». Въ послѣднихъ лѣтахъ своего царствованія Петръ I имѣлъ намѣреніе учредить орденъ св. Александра Невскаго, который въ особенности назначался въ награду отличившимся въ Персидской войнѣ. Намѣреніе сіе было исполнено по смерти его Екатериною I.

О ЧИНАХЪ.

Для совершеннаго искорененія мѣстничества, столь вреднаго для благоустройства общаго, государь учредилъ новый классъ дворянства, какъ потомственнаго, такъ и личнаго, открывая путь къ оному ознаменовавшимся своею доблестью и заслугами. При семъ сдѣлалъ онъ и новый распорядокъ государственнымъ чинамъ (Табель о рангахъ 1722 г. января 24, указ. 1723 г. февраля 22, 1724 г. мая 7).

Чтобъ придать болѣе силы сему новому учрежденію, велѣно было предпочитать чиновниковъ лицамъ нечиновнымъ, хотя бы они были самаго знатнаго происхожденія, давая имъ преимущество только по придворной службѣ. Унижавшій публично чинъ свой наказывался наравнѣ съ присвоившимъ себѣ высшій чинъ. Мужья сообщали чинъ свой своимъ супругамъ, и дѣвицы, коихъ отецъ былъ перваго класса, предпочитались женамъ чиновниковъ пятаго класса; а дочери второклассныхъ чиновниковъ—женамъ людей шестаго класса, и т. д. Не выслужившіе опредѣленнаго срока въ низшемъ чинѣ не могли быть производимы въ высшій. Но кто отправлялъ должность, съ коею былъ сопряженъ высшій чинъ, тотъ пользовался всѣми преимуществами онаго.

Дворяне, выдержавъ предписанное испытаніе, поступали въ гражданскую службу—въ коллегіи юнкерами, въ военную—рядовыми гвардіи. Люди самаго низкаго состоянія могли достигать до высшихъ чиновъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ, при производствѣ въ оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ, представили они свидѣтельство о своей способности отъ всѣхъ штабъ-офицеровъ того же полка; дальнѣйшее производство въ чины, какъ въ морской, такъ и въ военной службѣ, дѣлалось по балотированію, или удостоенію сослуживцевъ. Иностранцы, вступившіе въ Россійскую службу, признавались въ прежнихъ своихъ чинахъ, когда

учиняли присягу вѣчнаго подданства; въ противномъ же случаѣ принимались они однимъ чиномъ ниже. Штабъ-офицерскіе и генеральскіе патенты подписывалъ самъ императоръ; патенты на нижніе офицерскіе чины военная коллегія, а на статскіе Сенатъ. Изъ гражданской службы можно было переходить въ военную съ тѣмъ же чиномъ; а за каждое повышеніе въ чинѣ вычитывалось мѣсячное жалованье въ пользу госпиталей, и возобновлялась присяга; присужденные къ безчестному наказанію лишались своего чина.

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВА.

О ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Безъ поощренія, безъ совмѣстничества не процвѣтаетъ промышленость, и Русскіе, не имѣвъ сообщенія съ иностранными государствами, не сѣяли хлѣба болѣе, чѣмъ при обыкновенномъ урожаѣ требовалось для собственнаго ихъ пропитанія, и посему часто терпѣли отъ всеобщаго голода. Хлѣбъ былъ столь дешевъ, что на ежедневное содержаніе колодниковъ назначалось по копѣйкѣ, а въ Петербургѣ, самомъ дорогомъ мѣстѣ въ Россіи, 2 копѣйки. Но доказательствомъ возраставшей промышлености или униженія пробы монетъ служитъ то, что въ концѣ царствованія Петра I надобно было назначить сію сумму для всѣхъ колодниковъ по всему государству. Попеченіе о хлѣбопашествѣ ввѣрилъ Петръ I каммеръ-коллегіи, при которой учрежденная особая контора наблюдала за земледѣліемъ, и въ особенности за разведеніемъ пеньки и льна, вызывая изъ Лифляндіи браковщиковъ. Въ мѣстахъ неудобныхъ къ вызову хлѣба дозволилъ онъ курить вино, но не болѣе того, сколько нужно было для собственнаго употребленія и для продажи въ казну, имѣвшую исключительное право на торговлю хлѣбнымъ виномъ.

Для пользы суконныхъ заводовъ государь особенно старался о размноженіи овчарней въ Украйнѣ, отправлялъ молодыхъ Россіянъ въ иностранныя земли, дабы они тамъ учились скотоводству, и велѣлъ Русскимъ заводамъ преимущественно покупать Россійскую шерсть. Россіяне должны были упражняться даже въ винодѣліи; но кораблестроеніе обратило особенное вниманіе государя на необходимость сохранять лѣса, и сему желанію часто даже жертвовалъ онъ правами помѣщиковъ. Всѣ лѣса, близъ рѣкъ

находившіеся, раздѣлялись по онымъ на округи, коими завѣдывали выбираемые изъ дворянъ валдмейстеры. Имъ подчинены были надзиратели изъ поселянъ, которые ежемѣсячно объѣзжали свою часть, между тѣмъ какъ валдмейстеры сами только по одному разу въ годъ ѣздили по своему округу. Лѣсною частью подъ вѣдомствомъ адмиралтейства управлялъ оберъ-валдмейстеръ. Лѣсные чиновники обязаны были доставлять частнымъ лицамъ лѣсъ, требуемый ими на постройку кораблей и судовъ, и помѣщики долженствовали испрашивать ихъ согласія на рубку въ собственныхъ своихъ дачахъ большаго лѣса,

Всѣ сіи постановленія однакожъ не распространялись на лѣса, состоявшіе по рѣкамъ, изливающимся въ Ледовитое море, и на всѣ лѣса, отдаленные отъ водянаго пути; однакожъ вездѣ заводчики должны были раздѣлять свой лѣсъ на стольќо частей, сколько требовалось годовъ, дабы отрубленный лѣсъ могъ возобновляться. При лѣсномъ пожарѣ, всѣ окрестные жители изъ-за 10 верстъ обязаны были приспѣшать на помощь. Нарушители сихъ узаконеній ссылались на галеры или казнились даже смертью, и полковникамъ велѣно было наблюдать за исполненіемъ сихъ постановленій.

Государь приглашалъ многихъ иностранцевъ въ Россію для открытія рудниковъ. Они имѣли тѣ же права, какъ и Россіяне въ пріисканіи рудъ и учрежденіи заводовъ. Всякій владѣлецъ на собственной землѣ имѣлъ преимущество въ заведеніи горнаго промысла; за уступку же сего права другому слѣдовала ему ежегодно $^1/_{32}$ чистаго дохода рудника. Бергъ-коллегія всячески помогала доводчикамъ. Мастеровые освобождались отъ всѣхъ податей и личныхъ повинностей, и неимѣвшимъ права владѣть крѣпостными приписывались, по недостатку вольныхъ людей, крестьяне государственные. Золото, серебро, мѣдь и селитра отдаваемы были по справочнымъ цѣнамъ въ казну, а сверхъ того предоставила она себѣ десятую долю изъ чистыхъ доходовъ, отзываясь въ исключительномъ правѣ на все подземельное. Съ желѣза взималась опредѣленная пошлина по вѣсу. Для сбора сихъ податей заводчики по третямъ увѣдомляли бергъ-коллегію о получаемыхъ ими доходахъ.

Вездѣ, кромѣ частныхъ владѣній, ловля звѣрей и рыбъ была свободна, и только въ окружностяхъ Петербурга не позволялось травить нѣкоторыхъ звѣрей, какъ-то лосей.

Яковиты и гугеноты сильно споспѣшествовали размноженію промышлености въ Россіи, а больше всего явилось Нѣмцевъ, привлеченныхъ манифестомъ 1702 года апрѣля 16, которымъ обѣщалось всѣмъ свободное отправленіе церковно-служенія и покровительство царя. Множество иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ распространилось по всѣмъ значительнымъ городамъ Россіи, въ которыхъ они нашли столько учениковъ, что правительство почло нужнымъ установить цехи, снабжая ихъ особенными правами и преимуществами. Всѣ иностранцы могли быть принимаемы въ оные. Незаконнорожденныхъ по большей части опредѣляли въ ремесленники, и всѣ крестьяне, знавшіе какое-либо ремесло, и работавшіе не только на себя и на своихъ помѣщиковъ, но и на другихъ, были принуждены записаться въ оные. Желавшій быть мастеромъ долженствовалъ представить свидѣтельство о своей способности отъ воеводы или губернатора и отъ мануфактуръ-коллегіи, содержавшей къ сему особенныхъ чиновниковъ во всѣхъ городахъ. Въ каждомъ цехѣ находился старшина, который клеймилъ всѣ издѣлія, выставленныя на продажу, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ годность; недовольный заказанною работою могъ жаловаться старшинѣ. Кяждый хозяинъ могъ содержать у себя сколько ему заблагоразсудилось учениковъ, обязываясь однакожъ не увольнять ихъ прежде семилѣтняго срока. Обучавшій своего слугу какому либо ремеслу имѣлъ право требовать, чтобъ онъ выслужилъ у него опредѣленное время. Помѣщичьи крестьяне, знавшіе какое-либо ремесло, могли за 50 рублей выкупаться. Не было предмета, который бы казался маловажнымъ дѣятельному монарху. Русскіе, по его повелѣнію, должны были упражняться въ изготовленіи масла, въ стриженіи овецъ; Голландки обучали женщинъ пряденію; а какъ никому не хотѣлось идти въ дальнія части государства, то были тамъ поселяемы Шведскіе плѣнники, которымъ Тобольскъ одолженъ цвѣтущимъ своимъ состояніемъ.

Но дабы народъ, познакомившись съ потребностями утонченнаго вкуса, не сдѣлался слишкомъ зависимымъ отъ иностранныхъ государствъ, Петръ I обратилъ также свое вниманіе на размноженіе фабрикъ и заводовъ. Всякому вообще позволялось заводить оные, и мануфактуръ-коллегія вызывала иностранныхъ мануфактуристовъ, обѣщая имъ денегъ на дорогу какъ для пріѣзда въ Россію, такъ и на возвратный путь, и не лишая ихъ нажитаго въ Россіи имѣнія. Она позволяла имъ заключать предварительныя

условія, и давала имъ задатки. Всѣхъ основателей фабрикъ и мануфактуръ освобождали сначала отъ таможенныхъ пошлинъ при покупкѣ матеріаловъ, инструментовъ, и даже при продажѣ своихъ издѣлій. Они сами, всѣ служившіе у нихъ работниками въ продолженіе первыхъ $1\frac{1}{2}$ года, ихъ домашніе и управители увольнялись отъ службы и отъ платежа податей. Коренные Русскіе въ такомъ случаѣ освобождались только отъ чрезвычайныхъ сборовъ и отъ платежа десятой части своихъ доходовъ. Всѣ заводчики вѣдались въ мануфактуръ-коллегіи, кромѣ дѣлъ уголовныхъ и казенныхъ; иностранцы же и въ сихъ случаяхъ подлежали суду мануфактуръ-коллегіи. Заводчики могли покупать деревни для содержанія своихъ фабрикъ, не отдѣляя ихъ однакожъ никогда отъ оныхъ, и обязываясь, что, владѣя деревнями, никогда не оставятъ заведенія. Хозяинъ завода былъ обязанъ не отпускать своихъ учениковъ прежде семилѣтняго срока, и ежегодно нѣкоторые молодые Россіяне отправлялись правительствомъ въ иностранныя земли для посѣщенія лучшихъ мануфактуръ и фабрикъ.—Государь, признавъ ненарушимымъ правиломъ, что монополіи препятствуютъ совмѣстничеству, лучшему средству къ поощренію промышлености, даже передавалъ частнымъ лицамъ многія фабрики, заведенныя казною.

Русскіе лучше всего успѣли въ тканіи холста, который даже стали отпускать за границу, и дабы примѣнять оный ко вкусу иностранцевъ, не позволялось дѣлать его уже $1\frac{1}{4}$ аршина. Близъ Петербурга была разведена бумажная фабрика, въ которую изъ окрестностей велѣно было посылать всѣ ветоши. Общество купцовъ, обязавшихся продовольствовать всю армію Русскимъ сукномъ, освобождалось отъ всѣхъ податей, и получило въ задатокъ 30,000 рублей на два года, безъ платежа съ оныхъ процентовъ. Запрещеніемъ вывоза Русской шерсти Петръ I надѣялся поощрять всѣ таковыя предпріятія. Другимъ, желавшимъ учредить сахарный заводъ, дано было на три года исключительное право на продажу онаго, и заводчики купороснаго завода освобождаемы были на 20 лѣтъ отъ всѣхъ податей. Но все это вѣрно не вознаградило убытка, нанесеннаго Русской торговлѣ запрещеніемъ готовить юфть съ березовымъ дегтемъ, и всѣ средства, коими старались замѣнять оный, не могли препятствовать уменьшенному расходу. Дабы поддержать шелковый заводъ, учрежденный 1719 года, не только всѣ онаго издѣлія освобождались на 50 лѣтъ отъ всѣхъ

пошлинъ, но даже запрещался ввозъ парчей, кромѣ Китайскихъ и Персидскихъ. Подъ вѣдомствомъ адмиралтейской коллегіи находился парусный заводъ. Селитра на пороховыя мельницы преимущественно варилась Украинцами, и самый древній въ Россіи заводъ, кузница Тульская, сдѣлался обширнѣйшимъ въ государствѣ: ибо Петръ I поручилъ оному изготовленіе оружія на всю Русскую армію.

О ТОРГОВЛѢ.

Изо всѣхъ Русскихъ издѣлій отпускались за границу только холстъ, парусина и разныя кожи, но напротивъ того грубыхъ произведеній столько, что они превосходили количество ввозимыхъ товаровъ и что иностранцы должны были платить Русскимъ наличными деньгами. Когда счастіе войны благопріятствовало Россіи, когда государство приходило въ цвѣтущее состояніе, тогда Петръ I могъ отказаться отъ большей части прежднихъ монополій и пустить въ вольный оборотъ множество предметовъ, отдаваемыхъ прежде на откупъ. Для облегченія сообщенія съ иностранными государствами опредѣлены были консулы въ важнѣйшихъ приморскихъ городахъ. Договоры, заключенные для взаимныхъ выгодъ народовъ, доставляли Россіянамъ безцѣнную пользу; государь же преимущественно покровительствовалъ морской торговлѣ.

Русскимъ кораблемъ почитался тотъ, на которомъ не болѣе четвертой части матросовъ были изъ иностранцевъ. Съ него брали только третью часть пошлинъ, обыкновенно платимыхъ иностранцами, и съ таможенныхъ пошлинъ, за вывозимые наономъ товары, убавлялось сверхъ того 25 процентовъ. Русскому, употреблявшему иностранный корабль, убавлялось только пять процентовъ. Какъ скоро корабль являлся на рейдѣ, поставляемъ былъ на немъ караулъ съ брантвахты, провожавшій его въ гавань. Таможенный чиновникъ, при осмотрѣ корабля, принималъ всѣ корабельныя бумаги, съ объявленіемъ вѣса корабля и груза. Прежде сего ничего нельзя было снять съ онаго; въ противномъ же случаѣ описывался корабль съ грузомъ. Судна, пріѣхавшія изъ странъ, зараженныхъ моровою язвою, останавливались на карантинѣ; но когда между матросами находились дѣйствительно зараженные, то иностранныхъ кораблей вовсе не пускали на рейдъ, а Русскіе сожигались; матросовъ задерживали шесть недѣль на уединен-

номъ островѣ. Судна, зашедшія на рейдъ изъ нужды, освобождались отъ привальныхъ и отвальныхъ денегъ. Пошлины взимались талерами, принимаемыми все еще по 50 копѣекъ, хотя они въ то время стоили вдвое больше. Съ Русскихъ подданныхъ однакожъ принимали также Русскую монету, по 125 копѣекъ за талеръ; когда же купцы употребляли Русскій корабль, талеръ считался въ 90 коп. По таможенному уставу, изданному 1724 года января 31, для Петербургской, Нарвской, Архангельской, Выборгской и Кольской гаваней, собиралась пошлина около 5 процентовъ, по средней цѣнѣ товаровъ, съ тѣмъ однакожъ различіемъ, что съ товаровъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, взималась большая противъ сего пошлина; такъ напр., съ парчей и съ шерстяныхъ тканей взыскивалось отъ 25 до 37 процентовъ, между тѣмъ какъ съ самаго шелка собиралось только по 3 процента, а съ шерсти ничего. За простое вино платили $37^1/_2$ процентовъ, за ящикъ французскихъ винъ 5 руб.; при вывозѣ сбиралось съ изготовленной козьей кожи 3 процента, съ необдѣланной $37^1/_2$. Все опредѣлялось по Русскимъ мѣрамъ и вѣсамъ. Русскіе товары, привезенные Русскимъ купцомъ въ одинъ Русскій приморскій городъ изъ другаго, платили только за привозъ, а не за вывозъ; съ иностранцевъ же въ такомъ случаѣ взималась двойная пошлина. Когда иностранецъ привозилъ товары въ Русскую гавань и, заплативъ за оные пошлину, продавалъ ихъ другому купцу, отправлявшему оныя въ другую Русскую гавань, то въ семъ случаѣ взимались деньги за привозъ, а не за вывозъ изъ первой гавани. При ввозѣ иностранныхъ товаровъ, Русскіе купцы могли вносить пошлину не прежде, какъ при распродажѣ оныхъ; но сіи деньги взимались только за ту часть, которая превосходила цѣною отпущенныя тѣмъ же купцомъ Русскія произведенія; однакожъ съ товаровъ, испорченныхъ водою, не менѣе сбиралось, какъ и съ цѣлыхъ. Запрещенные товары, по конфискованіи, раздѣлялись между казною и доносчикомъ; а съ корабельщика, не могшаго доказать свою невинность, взыскивался штрафъ 500 талеровъ; однакожъ матросамъ позволено было возить съ собой опредѣленное количество съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, плодовъ, глиняной и деревянной посуды.

Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ предписано было преимущественно спѣшить рѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ корабельныхъ служителей, дабы не было препятствія ихъ отъѣзду; съ оказавшихъ ме-

длєнность въ исполненіи сего взыскивалась цѣна корабля съ грузомъ, а корабельщикъ во всякомъ случаѣ могъ жаловаться генералъ-прокурору въ столицѣ, или главному мѣстному въ прочихъ городахъ начальству. Для общаго кредита весьма было важно, что прежде конфискованія какого-либо имѣнія за преступленія, удовлетворялись всѣ заимодавцы.

Хотя монархъ столь явно покровительствовалъ торговлѣ, но все еще существовали повсюду внутри государства таможенныя заставы, а по сей причинѣ такъ умножился потаенный торгъ, что на многихъ мѣстахъ правительство велѣло уничтожить всѣ тропинки и повсюду разставлялась стража.

Государь преимущественно покровительствовалъ торговлѣ Петербургской. Указомъ 1713 окт. 31 велѣлъ всѣмъ купцамъ изъ окрестностей столицы отправлять туда товары, назначаемые ими на отпускъ за границу, а конопель и юфть, важнѣйшіе предметы Русской торговли, могли только быть вывозимы изъ Петербурга; однакожъ мѣстамъ, лежащимъ на берегахъ Двины, позволялось отправлять оные и въ Архангельскъ, изъ котораго богатѣйшіе купцы переселяемы были въ Петербургъ. Петръ I, не довольствуясь симъ, установилъ, чтобъ двѣ трети всѣхъ Русскихъ товаровъ, назначаемыхъ на продажу иностранцамъ, отправлялись въ Петербургъ. Но когда ихъ набралось слишкомъ много, онъ доволенъ былъ третьею часть. Отправлявшій свой товаръ въ Петербургъ платилъ, вмѣсто обыкновенныхъ 5 процентовъ, 3; съ назначенныхъ же къ вывозу товаровъ никакой не взималось пошлины на внутреннихъ заставахъ, и обозы, по освидѣтельствованіи и запечатаніи на первой таможенной заставѣ, получивъ на оной записку, съ росписью всѣхъ товаровъ, безостановочно проходили до самаго Петербурга.

Армяне занимали весьма важное мѣсто въ Русской торговлѣ, ибо весь оборотъ съ Персіею находился въ ихъ рукахъ. Общество, учрежденное государемъ для производства торговли съ Персіею, никакого не имѣло успѣха по причинѣ безпрерывно господствовавшихъ въ тѣхъ странахъ безпорядковъ. Случившійся въ 1722 году съ Китаемъ разрывъ помѣшалъ учрежденію новаго Востоко-Китайскаго купеческаго Общества, о чемъ государь весьма сожалѣлъ: ибо чрезъ Китай входило много благородныхъ металловъ въ Россію.

Всѣмъ магистратамъ велѣно было стараться объ учрежденіи

биржъ во всѣхъ значительныхъ торговыхъ городахъ, а въ малыхъ — ярмарокъ.

Правомъ на производство торговли пользовались, кромѣ дворянъ, только городскіе обыватели; но они въ портовыхъ городахъ должны были объявлять капиталъ не менѣе 500 рублей, въ Петербургѣ же только 300 рублей. Крестьяне помѣщичьи, объявившіе таковый капиталъ, должны были, сверхъ городскихъ и торговыхъ повинностей, отправлять и помѣщичьи. Желавшій торговать на имя другаго долженъ былъ доказать, что вѣритель ручается за всѣ его долги. Фабриканты, какъ и пріѣзжіе и иностранные купцы, могли торговать только гуртомъ; но послѣдніе не иначе какъ въ купеческихъ рядахъ, первые также въ отдѣльныхъ лавкахъ. Русскимъ не позволялось заключать контракты съ иностранцами на поставку товаровъ въ Русскія гавани, кромѣ Петербурга. Чиновникамъ запрещалось производить торговлю въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они служили.

Полиція долженствовала наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ вѣсы и мѣры были клеймены. Чѣмъ болѣе размножалась внутренняя торговля, тѣмъ болѣе нужно было облегчать внутреннее сообщеніе въ государствѣ, и Петръ I посему устроилъ множество новыхъ путей. Обязанность поддерживать большія дороги, по распредѣленію земскаго начальства, возлагалась на жителей всей провинціи; разстоянія были означаемы верстовыми столбами. Въ разстояніи 10 илы 20 верстъ выстраивались правительствомъ постоялые дворы, отдаваемые на откупъ, съ правомъ продавать въ оныхъ всякіе питья и харчи. Но всѣ прочія дороги остались въ прежнемъ жалкомъ положеніи, хотя Петръ I велѣлъ губернаторамъ, воеводамъ и земскимъ коммисарамъ имѣть попеченіе объ ихъ исправленіи. Шесть водяныхъ путей, предпріятыхъ для соединенія Каспійскаго моря съ Чернымъ и Ледовитаго съ Балтійскимъ, не могли состояться; но каналы Ладожскій и Вышне-Волоцкій доказываютъ разборчивость и попеченіе монарха о благѣ Россіи.

Почты по всему государству состояли въ вѣдомствѣ ямскаго приказа, находившагося въ столицѣ. Во всѣхъ городахъ были почтовые чиновники. Путешественниковъ возили ямщики, поселенные для сего на казенной землѣ, освобожденные отъ всѣхъ податей, отъ военной службы, и получавшіе сверхъ того прогон-

довъ городовъ Нарвы, Дерпта, Аренсбурга и Пернова, и для обогащенія кабинетовъ повелѣвалось всенародно, чтобы всякъ, въ ожиданіи богатой награды, отправлялъ черезъ мѣстное начальство всѣ открываемыя имъ рѣдкости, какъ-то: древнія монеты, необыкновенныхъ животныхъ, камни и проч. Монастырямъ велѣно было изъ своихъ архивовъ присылать Синоду, для напечатанія, всѣ старыя рукописи. Членамъ Синода поручаема была цензура церковныхъ сочиненій, дабы не вкрадывалось опечатокъ и вредныхъ мыслей.

Въ Россіи исчезли всѣ слѣды нетерпимости, препятствовавшей въ то время образованію народа во многихъ другихъ государствахъ. Всѣ иностранныя исповѣданія свободно отправляли богослуженіе по своимъ обрядамъ; только іезуиты 1719 апрѣля 18 принуждены были оставить Россію, и раскольники, коихъ тогда уже было 15 разныхъ сектъ, платили двойныя подати, не могли быть свидѣтелями, не производились въ чины и не смѣли отлучаться отъ своего жилища безъ позволенія мѣстнаго начальства. Они вообще подчинены были строжайшему надзору духовенства и Синода. Браки ихъ сочетавались внѣ церквей, со взиманіемъ нѣкоторыхъ пошлинъ. Раскольники старались распространять свои ученія посредствомъ рукописныхъ сочиненій, кои однакожъ столь мало, какъ и печатныя ихъ опроверженія, содѣйствовали успѣхамъ науки богословія. Иновѣрцы, принявшіе Греческую вѣру, освобождались на три года отъ всѣхъ податей; но никогда не смѣли выѣзжать изъ Россіи, а крѣпостные Сибирскіе иновѣрцы пріобратали чрезъ то свободу. О Русскихъ, принявшихъ иную вѣру, доносили самому императору.

Не только Русскія, но и иностранныя типографіи содѣйствовали распространенію въ Россіи свѣта наукъ; нѣкоторые молодые люди особенно готовились въ переводчики, и отъ нихъ не только требовалось знаніе языка, но и предмета. Другіе отправляемы были въ разныя части государства на съемку, для изготовленія плановъ и картъ. Самъ государь преобразовалъ буквы славянскія и примѣнялъ ихъ къ латинскимъ.

Петръ I во всѣхъ отношеніяхъ подражалъ прочимъ Европейцамъ, и, начиная съ 1 янв. 1700 года, всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ велѣно было употреблять Юліанское лѣточисленіе съ 1700 года; даже народная одежда перемѣнилась, и, кромѣ духовныхъ, крестьянъ, казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, всѣ принужде-

ны были одѣваться въ Нѣмецкія или Французскія платья. Образцовое платье висѣло на всѣхъ воротахъ. Длинныя бороды, не соотвѣтствуя новымъ одеждамъ, также исчезли; если же кто, кромѣ духовныхъ и крестьянъ, не желалъ брить бороды, то за позволеніе носить оную взималось съ него 100 рублей. Впрочемъ женскій полъ тѣмъ болѣе благопріятствовалъ преобразованію, предпринятому государемъ, что всѣ одѣтыя въ иностранныя платья имѣли входъ въ общества мужчинъ; а это великое имѣло вліяніе на образованіе народа, разрушая преграду, доселѣ существовавшую между обоими полами. Всѣ дворяне, знатные купцы и канцелярскіе служители имѣли входъ въ новыя собранія, извѣстныя подъ именемъ ассамблеевъ, въ коихъ проводили время разговорами, пляскою или музыкою. Такія собранія зимою, по назначенной полиціймейстеромъ очереди, бывали у придворныхъ и другихъ знатныхъ особъ, и всякъ, имѣвшій право являться на оныя, приходилъ и удалялся безъ всякаго приглашенія и по собственному произволу.

И такъ вспомнимъ пророческія слова, произнесенныя однажды, 1724 года въ маѣ мѣсяцѣ, Петромъ I въ кругу многихъ вельможъ на Петербургской верфи, когда спускали съ оной новый корабль: «Друзья мои! кто бы изъ васъ, за 30 лѣтъ предъ симъ, вообразилъ себѣ, что вы здѣсь на берегахъ Балтійскаго моря, въ Нѣмецкомъ платьѣ, со мною будете плотничать; что мы поселимся въ странѣ, нами завоеванной; что мы пріобрѣтемъ уваженіе иностранныхъ государствъ, славясь столь храбрыми, побѣдоносными воинами и имѣя такое число Русскихъ и иноплеменныхъ художниковъ, ремесленниковъ, образованныхъ въ иностранныхъ земляхъ. Историки нолагаютъ, что науки и художества родились въ Греціи, и потомъ, оставивъ оную, распространились по Италіи и по всѣмъ прочимъ Европейскимъ государствамъ. Германія и Польша, покрытая долгое время мракомъ невѣжества, при неутомимыхъ попеченіяхъ своихъ государей, наконецъ сдѣлались образованными. Онѣ пользуются науками, художествами и обычаями, возникшими въ Греціи, и которые, по безразсудности нашихъ предковъ, не могли проникнуть къ намъ. Теперь дошла и до насъ очередь, если вы намѣрены содѣйстовать нашимъ намѣреніямъ. Я сравниваю распространеніе наукъ и художествъ съ обращеніемъ крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и предчувствую, что онѣ, разставшись съ южными странами, остановятся на нѣсколько

столѣтій у насъ, и наконецъ возвратятся въ настоящее свое отечество, въ Грецію. Между тѣмъ я васъ прошу, чтобъ вы не забыли Латинской пословицы «ora et labora»,—и тогда будьте увѣрены, что вы, можетъ быть, еще при своей жизни, сравняетесь въ образованіи съ просвѣщеннѣйшими народами и возведете Россію на высочайшую степенъ славы и величія».

Гагемейстеръ.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ, ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ.

Секретарь Петра Великаго, Алексѣй Макаровъ, состоявшій при немъ много лѣтъ, сохранилъ для потомства одну «присловицу», которую часто говаривалъ государь: «легче-де всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать». Эту присловицу Петръ Великій осуществилъ при основаніи въ Петербургѣ Академіи наукъ: онъ не обратился къ исправленію, улучшенію или распространенію существовавшихъ до того времени Русскихъ училищъ, но рѣшился создать такое новое заведеніе, которое и по назначенію своему—преслѣдованіе въ одно и то же время цѣлей ученаго общества и учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ—и по составу—въ нихъ должны были быть приглашены иноземцы, незнакомые ни съ языкомъ, ни съ нравами такого особеннаго отъ прочихъ Европейскихъ странъ государства, какъ Россія — представляло безспорно единственный примѣръ въ исторіи Европейскаго просвѣщенія.

Намѣреніе Петра Великаго учредить на такомъ основаніи Академію наукъ въ Петербургѣ должно отнести никакъ не позже 1720 года, такъ-какъ Германскій мыслитель Вольфъ, 11 января 1721 года, уже писалъ къ царскому лейбъ-медику Блюментросту: «Его императорское величество имѣетъ намѣреніе учредить Академію наукъ и при ней другое заведеніе, гдѣ бы могли знатныя лица изучать необходимыя науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ водворить художества и ремесла, о чемъ и писалъ ко мнѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ»...

Въ февралѣ того же 1721 года, государь уже отправилъ Шумахера хлопотать между прочимъ «для сочиненія соцѣтета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ»...

Въ 1722 и 1723 годахъ Петръ, отвлеченный вѣроятно государственными дѣлами, не приступалъ ни къ какимъ распоряженіямъ для осуществленія намѣренія, о которомъ такъ положительно заявилъ въ 1720 году Вольфу. По современнымъ разсказамъ оказывается, что императоръ вспомнилъ о томъ при докладѣ лейбъ-медика Блюментроста о приглашеніи нѣсколькихъ ученыхъ для императорской библіотеки и кунсткамеры, и приказалъ вызвать въ Петербургъ спеціалистовъ по важнѣйшимъ наукамъ, чтобы составить Академію, къ чему государь считалъ себя какъ бы обязаннымъ въ качествѣ члена Парижской Академіи наукъ.

Мысль Петра Великаго, высказанная имъ въ письмѣ къ Вольфу, была потомъ развита и обработана въ докладѣ объ Академіи наукъ лейбъ-медикомъ Блюментростомъ, и этотъ докладъ разсматривался государемъ 22 января 1724 г. Въ началѣ представленія ясно обозначено различіе Академіи,—высшаго ученаго общества, отъ университета—высшаго учебнаго заведенія, а потомъ говорится, что оба эти учрежденія, если будутъ основаны въ Россіи по примѣру другихъ государствъ, отдѣльно, то не принесутъ пользы, такъ-какъ хотя отъ Академіи «художества и науки въ своемъ состояніи производятся, однакоже оныя не скоро въ народѣ расплодятся. А при заведеніи университета и меньше того: ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ... то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ». Поэтому академики обязывались, кромѣ прямой своей должности объ усовершенствованіи тѣхъ наукъ, которымъ себя посвятили, читать публичныя лекціи и приготовлять молодыхъ людей къ наставнической обязанности. По мнѣнію составителя доклада, такое умноженіе и усложненіе обязанностей академиковъ давало будто бы преимущество Петербургской Академіи предъ Парижскою. Она должна была состоять изъ трехъ классовъ: «въ первомъ классѣ содержались бы всѣ науки математическія и которыя отъ оныхъ зависятъ; во второмъ всѣ части физики (сюда входили, кромѣ физики, анатомія, химія и ботаника); въ третьемъ, гуманіора, гисторія и права». Члены этихъ трехъ классовъ Академіи въ то же время дѣлались профессорами установленнаго при ней университета, который дѣлился на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій. Далѣе предполагалось, чтобы каждый академикъ написалъ на Латинскомъ

языкѣ систему науки, для которой онъ призванъ, и чтобы эти ученые приготовляли одного или двухъ молодыхъ людей, которые могли бы современемъ заступать ихъ мѣста. Противъ этого пункта Петръ Великій написалъ: «надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ Славянскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить». Это повелѣніе императора не было оставлено безъ вниманія, и тогда же писано въ Вѣну къ нашему дипломатическому агенту Ланчинскому о пріисканіи тамъ двѣнадцати студентовъ, способныхъ, хорошаго поведенія и знающихъ по славянски или по чешски. На это нашъ дипломатъ отвѣчалъ (въ іюнѣ 1724 г.), что въ Вѣнскомъ университетѣ не процвѣтаютъ математическія науки и только по части humaniora и медицины можно найти такихъ людей, въ какихъ нуждается Академія. Впрочемъ, по словамъ Ланчинскаго, Славянскій языкъ весьма мало въ употребленіи у студентовъ, такъ-какъ имъ пренебрегаютъ даже тѣ, которые происходятъ изъ Славянъ.

Въ концѣ проекта говорится, что Академія не можетъ быть учреждена, не имѣя двадцати тысячъ на свое содержаніе, а государь противъ этого мѣста написалъ: «Доходъ на сіе опредѣляется 24,912 р., которые сбираются съ городовъ Дерпта, Нарвы, Пернова и Аренсбурга таможенныхъ».

Послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ проекта академическаго устава, началась обширная переписка о вызовѣ академиковъ изъ чужихъ краевъ. Большая часть тогдашнихъ ученыхъ, къ которымъ относились по этому предмету, отвѣчали похвалами монарху за стараніе водворить науки въ своемъ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда выражали и сомнѣніе въ успѣхѣ задуманнаго предпріятія. Такъ напр. Петръ фонъ-деръ-Аа изъ Лейдена писалъ къ Блюментросту 25 апрѣля 1724 г.: «Учрежденіе Академіи его императорскимъ величествомъ есть дѣло образцовое и достойное осуществленія и исполненія такимъ великимъ государемъ и героемъ — это увѣковѣчится въ памяти людей. Современемъ его императорское величество, при помощи очень значительнаго жалованія, найдетъ людей знаменитыхъ въ литературной республикѣ, но въ настоящее время, не угодно-ли вамъ, милостивый государь, обратить вниманіе на то, что тѣ, которые уже пріобрѣли себѣ извѣстность, имѣютъ хорошія мѣста и не покинутъ ихъ для того, чтобы ѣхать такъ далеко. Непріобрѣвшіе же себѣ извѣстности должны поступать весьма осмотрительно, чтобы не быть отослан-

ратрица, которой докладывалось о прибытіи каждаго, приказала лейбъ-медику Блюментросту представить ей ученыхъ. Это происходило 15 августа 1725 года въ Лѣтнемъ дворцѣ... При входѣ въ садъ г. Блюментростъ встрѣтилъ академиковъ увѣреніями, что ихъ присутствіе будетъ пріятно ея величеству. Онъ повелъ ихъ по саду и показывалъ прекрасныя мраморныя статуи и фонтаны, придававшіе великолѣпіе саду, и въ особенности прелестный гротъ, украшенный Венерою, ни въ чемъ не уступавшею медиційской. Академикъ Байеръ считалъ и описалъ ее какъ произведеніе древняго греческаго искусства. Здѣсь находился гофмаршалъ Олсуфьевъ, любезно привѣтствовавшій ученое общество отъ имени императрицы. Затѣмъ пришелъ князь Меньшиковъ и, поздравивъ ученыхъ съ счастливымъ прибытіемъ, представилъ имъ бывшаго при немъ юнаго сына своего, какъ будущаго слушателя ихъ... Нѣкоторое время спустя, взошелъ камеръ-президентъ баронъ фонъ-Левенвольдъ съ объявленіемъ, что общество можетъ явиться на аудіенцію къ ея величеству, и повелъ ихъ въ императорскіе покои. Императрица стояла около стола, окруженная обѣими цесаревнами, герцогомъ Голштинскимъ и знатнѣйшими изъ придворныхъ. Послѣ почтительнаго поклона, академикъ Германъ произнесъ краткую рѣчь на Французскомъ языкѣ, которую переводилъ г. Блюментростъ. За тѣмъ говорилъ по Нѣмецки академикъ Бильфингеръ: этотъ языкъ императрица понимала очень хорошо, и потому г. Блюментростъ не имѣлъ надобности передавать рѣчь въ переводѣ. Императрица отвѣчала сама очень милостиво, выразивъ притомъ, что ей чрезвычайно пріятно прибытіе изо всѣхъ странъ ученыхъ, и что она будетъ заботиться всѣми способами выказывать къ нимъ свое благоволеніе. За тѣмъ академики при отпускѣ были допущены къ рукѣ императрицы и всѣхъ особъ императорской фамиліи, а потомъ ихъ угощали императорскимъ столомъ въ одномъ изъ смежныхъ покоевъ. Таковъ былъ почетъ, оказанный Академіи при ея началѣ, на аудіенціи, которой великолѣпнѣе и благосклоннѣе не могли желать и важнѣйшіе изъ посланниковъ!»...

Послѣ этого представленія тотчасъ же начались въ вышеупомянутомъ Шафировскомъ домѣ засѣданія, называвшіяся конференціями, въ которыхъ академики, какъ и нынѣ, предлагали на судъ сочленовъ свои сочиненія, мысли и открытія. Впрочемъ первое записанное въ протоколѣ извѣстіе о томъ, что происходило въ кон-

ференціи, относится къ 12 ноября 1725 года: въ это засѣданіе происходило чтеніе статьи, касавшейся высшей математики — науки, занятіями которой наша Академія въ короткое время пріобрѣла особенный блескъ и значеніе въ ученомъ мірѣ.

Выше было уже говорено, что собственно основаніе Академіи было признано дѣломъ рѣшеннымъ послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ доклада о томъ Блюментроста. Между тѣмъ ученое общество не имѣло еще устава, въ которомъ бы точно и опредѣлительно изложены были всѣ относящіяся до Академіи постановленія. Блюментростъ, какъ только прибыли въ Петербургъ ученые, поспѣшилъ составить такой уставъ, въ который, въ распространенномъ видѣ, вошли всѣ статьи первоначальнаго доклада.

Представляя этотъ уставъ, въ сентябрѣ 1725 г., императрицѣ Екатеринѣ I, Блюментростъ писалъ: «всепокорно прошу ваше императорское величество, да повелитъ изслѣдовать сей регламентъ, что въ немъ есть исправить и что согласно въ народъ объявить». Впрочемъ, представленіе осталось неутвержденнымъ, отчего Академія наукъ была съ перваго года своего существованія предана безочетному произволу лицъ, которымъ поручено было ея управленіе, что и было потомъ главнѣйшею причиною разстройства хозяйственной части ея управленія, а также внутреннихъ нескончаемыхъ раздоровъ между учеными и лицами, считавшими себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами этого учрежденія.

Одною изъ первыхъ заботъ Блюментроста было также назначеніе торжественнаго засѣданія въ Академіи. Сначала его предполагали устроить на другой день тезоименитства императрицы Екатерины I, но такъ какъ по Невѣ шелъ ледъ и сообщеніе Васильевскаго острова съ остальнымъ городомъ прекратилось, то это засѣданіе могло состояться только 27 декабря 1725 года. Тогда къ Петербургскому обществу было обращено особое печатное приглашеніе съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ засѣданіе. Приглашеніе было напечатано на Латинскомъ и Русскихъ языкахъ, и оно должно считаться первымъ заявленіемъ о себѣ Академіи предъ Русскимъ обществомъ. Замѣчательно, что въ этотъ только разъ Академіи приданъ былъ титулъ Россійской, такъ какъ впослѣдствіи она уже называлась Петербургскою, а первое названіе усвоило себѣ другое учрежденіе, основанное въ позднѣйшія времена, именно при Екатеринѣ II.

Празднованіе Екатеринина дня подало императрицѣ Екатеринѣ I новый случай выказать свое благоволеніе къ академикамъ: 24 ноября передъ обѣднею они поздравляли государыню съ праздникомъ, при чемъ академикъ Гольдбахъ произнесъ краткую рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ. По приказанію императрицы, президентъ угощалъ потомъ въ своемъ домѣ обѣдомъ отъ императорскаго двора всѣхъ академиковъ и адъюнктовъ; при чемъ было объявлено о возведеніи императрицею двухъ молодыхъ ученыхъ Гросса и Мейера въ академики.

Первое торжественное засѣданіе Академіи происходило 27 декабря 1725 года. Потомъ оно неизмѣнно повторялось въ этотъ день до 1776 года, когда, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать въ засѣданіи и назначила день собранія 29 декабря, послѣ чего донынѣ, въ воспоминаніе посѣщенія Екатерины II, наши торжественныя годовыя собранія происходятъ въ этотъ день.

Пекарскій.

ференціи, относится къ 12 ноября 1725 года: въ это засѣданіе происходило чтеніе статьи, касавшейся высшей математики — науки, занятіями которой наша Академія въ короткое время пріобрѣла особенный блескъ и значеніе въ ученомъ мірѣ.

Выше было уже говорено, что собственно основаніе Академіи было признано дѣломъ рѣшеннымъ послѣ разсмотрѣнія Петромъ Великимъ доклада о томъ Блюментроста. Между тѣмъ ученое общество не имѣло еще устава, въ которомъ бы точно и опредѣлительно изложены были всѣ относящіяся до Академіи постановленія. Блюментростъ, какъ только прибыли въ Петербургъ ученые, поспѣшилъ составить такой уставъ, въ который, въ распространенномъ видѣ, вошли всѣ статьи первоначальнаго доклада.

Представляя этотъ уставъ, въ сентябрѣ 1725 г., императрицѣ Екатеринѣ I, Блюментростъ писалъ: «всепокорно прошу ваше императорское величество, да повелитъ изслѣдовать сей регламентъ, что въ немъ есть исправить и что согласно въ народъ объявить». Впрочемъ, представленіе осталось неутвержденнымъ, отчего Академія наукъ была съ перваго года своего существованія предана безочетному произволу лицъ, которымъ поручено было ея управленіе, что и было потомъ главнѣйшею причиною разстройства хозяйственной части ея управленія, а также внутреннихъ нескончаемыхъ раздоровъ между учеными и лицами, считавшими себя въ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами этого учрежденія.

Одною изъ первыхъ заботъ Блюментроста было также назначеніе торжественнаго засѣданія въ Академіи. Сначала его предполагали устроить на другой день тезоименитства императрицы Екатерины I, но такъ какъ по Невѣ шелъ ледъ и сообщеніе Васильевскаго острова съ остальнымъ городомъ прекратилось, то это засѣданіе могло состояться только 27 декабря 1725 года. Тогда къ Петербургскому обществу было обращено особое печатное приглашеніе съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ засѣданіе. Приглашеніе было напечатано на Латинскомъ и Русскихъ языкахъ, и оно должно считаться первымъ заявленіемъ о себѣ Академіи предъ Русскимъ обществомъ. Замѣчательно, что въ этотъ только разъ Академіи приданъ былъ титулъ Россійской, такъ какъ впослѣдствіи она уже называлась Петербургскою, а первое названіе усвоило себѣ другое учрежденіе, основанное въ позднѣйшія времена, именно при Екатеринѣ II.

такъ что иное оставлено въ нихъ неизмѣннымъ, а иное приноровлено къ новымъ потребностямъ. Внѣ учебной литературы тоже явленіе: рядомъ съ переводами и сочиненіями, вызванными реформой, продолжалась перепечатка старыхъ и изданіе новыхъ книгъ, которыя отвѣчали характеру прежняго образованія и нуждамъ прежняго чтенія. Поэтому, говоря объ успѣхахъ образованія при Петрѣ, было бы противно истинѣ видѣть въ нихъ нѣчто такое, что лишено всякихъ связей съ прежнею, до-петровскою Россіею, или что порвало ихъ окончательно и насильственно. Вопросъ состоитъ въ томъ, что, въ сферѣ образованія, введено Петромъ новаго, дотолѣ небывалаго, и какимъ перемѣнамъ подверглось образованіе, ему предшествовавшее.

Важнѣйшею мѣрою образованія служило заведеніе училищъ. Такъ какъ, въ слѣдствіе новаго государственнаго порядка, возникли новые роды службы, отправленіе которыхъ требовало людей, спеціально знающихъ свое дѣло, то первоначальныя училища были спеціальныя. Между ними первое мѣсто занимаютъ школы для образованія сословія военнаго, на которое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Россіи, Петръ обращалъ особое вниманіе. Заботясь о заведеніи флота, онъ основалъ въ Москвѣ навигаціонную школу, а въ Петербургѣ морскую академію (преобразованную потомъ въ морской корпусъ). Въ Петербургѣ же основаны были школы инженерная и артиллерійская. Невѣжество подьячихъ, будучи источникомъ безпорядковъ и злоупотребленій, заставило подумать о приготовленіи чиновниковъ для службы гражданской; съ этою цѣлію повелѣно было учредить особыя школы, въ которыхъ обучали бы знаніямъ, нужнымъ хорошему подьячему. Нѣсколько молодыхъ людей, знакомыхъ съ Латинскимъ языкомъ, занимались анатоміей и хирургіей въ хирургической школѣ, основанной при военномъ госпиталѣ. Образованіе общее, нужное каждому гражданину безъ различія служебныхъ мѣстъ и званій, доставлялось «цыфирными» школами, устроенными при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ: здѣсь разночинцевъ обучали Русской грамотѣ, цыфири (ариѳметикѣ) и геометріи.

Начавъ устройство народной образованности заведеніемъ спеціальныхъ школъ, Петръ I кончилъ его учрежденіемъ академіи наукъ (1724), которая была открыта при Екатеринѣ I (1726). По особеннымъ требованіямъ Россіи, на академію возложена была троякая обязаноость: заниматься самостоятельными учеными из-

слѣдованіями; обучать молодыхъ людей наукамъ въ ихъ современномъ состояніи; готовить учащихся къ преподаванію юношеству начальныхъ основаній наукъ. Такимъ образомъ академія совмѣщала въ себѣ три учрежденія, которыя въ другихъ государствахъ существовали отдѣльно: будучи высшей ученой корпораціей, она въ то же время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ. Согласно троякому назначенію своему, она заключала въ себѣ: «собственно академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», въ которомъ положено было академикамъ читать публичныя лекціи; и «гимназію», гдѣ адъюнкты академиковъ, преподавая начальныя основанія наукъ, готовили своихъ учениковъ къ университету или къ учительскому званію.

Для изученія спеціальныхъ предметовъ знанія, издаваемы были, по повелѣнію Петра, особыя книги. Это — первоначальныя, большею частію переводныя, руководства къ морскому искусству, артиллеріи, фортификаціи, корабельной и гражданской акхитектурѣ. Они не могутъ, конечно, занимать мѣста въ исторіи словесности, но исторія просвѣщенія упоминаетъ о нихъ съ благодарностью, какъ о такихъ учебникахъ, которые, распространяя полезныя свѣдѣнія, въ то же время давали новый матеріалъ научной терминологіи.

Другимъ пріобрѣтеніемъ образовательной литературы Петрова времени были переводы Европейскихъ сочиненій XVII вѣка, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи — предметахъ, особенно занимавшихъ Петра, который постоянно имѣлъ въ виду государственныя цѣли. Къ такимъ переводамъ, частію изданнымъ, частію оставшимся въ рукописяхъ, относятся: Пуффендорфа — «Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина», «О законахъ естества и народовъ»; Гуго Гроція — «О законахъ брани и мира»; «Деньги и купечество», разсужденіе Ло; «О правахъ (законахъ) Французскихъ»; «Увѣщанія и приклады политическіе», Юста Липсія; «Историческій и географическій словарь»,

Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой имперіи», и многіе другіе.

Прежнее образованіе не могло остаться безъ перемѣны: оно должно было приноравливаться къ идеямъ реформы. Подчиняясь новому направленію, учебная литература XVII в., отъ азбуки до катихизиса, терпѣла перестройки и въ составѣ и во внѣшнемъ изложеніи. Она распространила кругъ своихъ дѣйствій, потому что начала служить не духовному сословію только, но и мірянамъ; характеръ ея отъ чисто-церковнаго болѣе и болѣе переходилъ въ свѣтскій. Въ одной книгѣ для обученія грамотѣ (Юности честное зерцало, 1717), кромѣ буквъ, складовъ и словъ, содержатся правила, какъ вести себя въ обществѣ и соблюдать свѣтскіе обычаи: содержаніе, ясно показывающее для кого и съ какою цѣлію она составлена. Другая элементарная книга: «Первое ученіе отрокомъ» (1720), въ слѣдъ за азбукой, предлагаетъ не псалмы и молитвы, какъ это большею частію водилось, а толкованіе заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ евангельскихъ. Подобныя перемѣны имѣли для большинства значеніе новизны, почему и возбуждали недовольство, какъ дальше увидимъ. Даже церковное слово должно было поступиться, по духу реформы, своимъ схоластическимъ покроемъ и витіеватымъ изложеніемъ, съ которыми оно такъ свыклось въ юго-западныхъ школахъ.

Усвоеніе Европейской образованности при Петрѣ имѣло задачею доставить государству матеріальныя выгоды. Выражаясь словами стихотворцевъ и правительственныхъ лицъ Екатеринина вѣка, Петръ «далъ Россамъ тѣла». Этою задачею объясняются и введеніе новыхъ знаній, и передѣлка прежнихъ на новый ладъ. Изъ нея вытекаютъ всѣ мѣры для народнаго просвѣщенія и всѣ понятія о немъ преобразователя. Отсюда, во-первыхъ: утилитарный взглядъ Петра на науку, по которому онъ домогался отъ нея непосредственнаго примѣненія къ жизни. Какъ государь просвѣщенный, онъ, безъ сомнѣнія, ясно представлялъ себѣ самостоятельную важность науки, но, занятый дѣломъ преобразованія, дороже цѣнилъ ея служебное отношеніе къ государственнымъ цѣлямъ. Отсюда, во-вторыхъ, ясно проводимое имъ различеніе какъ сущности знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, т. е. отъ случайнаго его элемента, такъ и прямаго содержанія книги —

слѣдованіями; обучать молодыхъ людей наукамъ въ ихъ современномъ состояніи; готовить учащихся къ преподаванію юношеству начальныхъ основаній наукъ. Такимъ образомъ академія совмѣщала въ себѣ три учрежденія, которыя въ другихъ государствахъ существовали отдѣльно: будучи высшей ученой корпораціей, она въ то же время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ. Согласно троякому назначенію своему, она заключала въ себѣ: «собственно академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», въ которомъ положено было академикамъ читать публичныя лекціи; и «гимназію», гдѣ адъюнкты академиковъ, преподавая начальныя основанія наукъ, готовили своихъ учениковъ къ университету или къ учительскому званію.

Для изученія спеціальныхъ предметовъ знанія, издаваемы были, по повелѣнію Петра, особыя книги. Это — первоначальныя, большею частію переводныя, руководства къ морскому искусству, артиллеріи, фортификаціи, корабельной и гражданской акхитектурѣ. Они не могутъ, конечно, занимать мѣста въ исторіи словесности, но исторія просвѣщенія упоминаетъ о нихъ съ благодарностью, какъ о такихъ учебникахъ, которые, распространяя полезныя свѣдѣнія, въ то же время давали новый матеріалъ научной терминологіи.

Другимъ пріобрѣтеніемъ образовательной литературы Петрова времени были переводы Европейскихъ сочиненій XVII вѣка, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи — предметахъ, особенно занимавшихъ Петра, который постоянно имѣлъ въ виду государственныя цѣли. Къ такимъ переводамъ, частію изданнымъ, частію оставшимся въ рукописяхъ, относятся: Пуффендорфа — «Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ», «О должностяхъ человѣка и гражданина», «О законахъ естества и народовъ»; Гуго Гроція — «О законахъ брани и мира»; «Деньги и купечество», разсужденіе Ло; «О правахъ (законахъ) Французскихъ»; «Увѣщанія и приклады политическіе», Юста Липсія; «Историческій и географическій словарь»,

Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой имперіи», и многіе другіе.

Прежнее образованіе не могло остаться безъ перемѣны: оно должно было приноравливаться къ идеямъ реформы. Подчиняясь новому направленію, учебная литература XVII в., отъ азбуки до катихизиса, терпѣла перестройки и въ составѣ и во внѣшнемъ изложеніи. Она распространила кругъ своихъ дѣйствій, потому что начала служить не духовному сословію только, но и мірянамъ; характеръ ея отъ чисто-церковнаго болѣе и болѣе переходилъ въ свѣтскій. Въ одной книгѣ для обученія грамотѣ (Юности честное зерцало, 1717), кромѣ буквъ, складовъ и словъ, содержатся правила, какъ вести себя въ обществѣ и соблюдать свѣтскіе обычаи: содержаніе, ясно показывающее для кого и съ какою цѣлію она составлена. Другая элементарная книга: «Первое ученіе отрокомъ» (1720), въ слѣдъ за азбукой, предлагаетъ не псалмы и молитвы, какъ это большею частію водилось, а толкованіе заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ евангельскихъ. Подобныя перемѣны имѣли для большинства значеніе новизны, почему и возбуждали недовольство, какъ дальше увидимъ. Даже церковное слово должно было поступиться, по духу реформы, своимъ схоластическимъ покроемъ и витіеватымъ изложеніемъ, съ которыми оно такъ свыклось въ юго-западныхъ школахъ.

Усвоеніе Европейской образованности при Петрѣ имѣло задачею доставить государству матеріальныя выгоды. Выражаясь словами стихотворцевъ и правительственныхъ лицъ Екатеринина вѣка, Петръ «далъ Россамъ тѣла». Этою задачею объясняются и введеніе новыхъ знаній, и передѣлка прежнихъ на новый ладъ. Изъ нея вытекаютъ всѣ мѣры для народнаго просвѣщенія и всѣ понятія о немъ преобразователя. Отсюда, во-первыхъ: утилитарный взглядъ Петра на науку, по которому онъ домогался отъ нея непосредственнаго примѣненія къ жизни. Какъ государь просвѣщенный, онъ, безъ сомнѣнія, ясно представлялъ себѣ самостоятельную важность науки, но, занятый дѣломъ преобразованія, дороже цѣнилъ ея служебное отношеніе къ государственнымъ цѣлямъ. Отсюда, во-вторыхъ, ясно проводимое имъ различеніе какъ сущности знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, т. е. отъ случайнаго его элемента, такъ и прямаго содержанія книги —

того, что служитъ къ наставленію и вразумленію — отъ лишнихъ ея разглагольствій. Въ одной запискѣ Петра Синоду о церковныхъ поученіяхъ требуется единственно изъяснять «прямой путь», чтобы люди знали, въ какой силѣ принимать тѣ или другіе пункты христіанскаго ученія. Съ понятіемъ о существенно-нужномъ въ знаніи Петръ тѣсно связывалъ понятіе о простотѣ и краткости изложенія. Торопясь работой и дорожа временемъ, онъ не терпѣлъ безплодныхъ разсужденій. Хотя Нѣмцы научили его многому, но ему столько же были противны ихъ плодовитыя рѣчи, приводимыя единственно для расширенія книги, сколько и искусственные пріемы схоластики. Дѣльности содержанія и простотѣ изложенія долженъ былъ соотвѣтствовать самый языкъ — сжатый, ясный, чуждый «праздной красоты». «Сладость рѣчи» была допускаема только въ томъ случаѣ, если она облегчала достиженіе предположенной цѣли. Простая рѣчь предпочиталась высокому славянскому діалекту. Языкъ самого Петра отличался краткостью и точностью, которымъ дивился Ломоносовъ, въ похвальномъ ему словѣ. Иностранныя извѣстія свидѣтельствуютъ о томъ, на какіе предметы образованія обращена была главная заботливость Петра. Сообразно своимъ цѣлямъ, онъ преимущественно имѣлъ въ виду: улучшеніе военнаго искусства, изученіе политическихъ наукъ и улучшеніе теологическихъ знаній. Духовный регламентъ (1721) частію подтверждаетъ слова иностранцевъ, говоря, что скудное и немощное воинство Россійское сдѣлалось сильнымъ и страшнымъ, когда монархъ обучилъ его «изрядными регулами»; тоже надобно разумѣть объ архитектурѣ, врачевствѣ и «о политическомъ правительствѣ»; и наипаче тожъ разумѣть «объ управленіи церкви». Намъ извѣстно, что въ пользу первыхъ двухъ предметовъ изданы учебники и другія сочиненія по разнымъ отраслямъ военнаго искусства, переводы книгъ по теоріи права и по части политическихъ наукъ. Что касается до третьяго предмета, то въ мысляхъ Петра было разсѣевать суевѣріе, отличать духъ Христова закона отъ буквы, сущность вѣры отъ простой обрядности. Упомянутыя выше наставленія Синоду выражаютъ волю государя, чтобы краткія поученія народу, и въ городахъ и въ селахъ объясняли: что̀ непремѣнный законъ Божій и что̀ по временамъ и случаямъ измѣнялось, въ чемъ заключается прямой путь. «Надобно», пишетъ Петръ, «всего болѣе истолковать Вѣру, Надежду и Любовь:

о первой и послѣдней или мало, или не прямо что знаютъ, а о Надеждѣ и не слыхали, потому что всю надежду кладутъ на обряды; страданія Спасителя понимаютъ только въ ихъ отношеніи къ первородному грѣху, а душевнаго спасенія ищутъ единственно въ предметахъ внѣшняго богослуженія».

Галаховъ.

ПЕРВЫЯ РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Къ новымъ литературнымъ явленіямъ Петрова времени относятся также «Русскія Вѣдомости», которыми смѣнились куранты [1]) и отъ которыхъ ведетъ свое начало исторія нашей журналистики. Въ бытность свою за границей, Петръ видѣлъ, какимъ важнымъ значеніемъ, нравственнымъ и политическимъ, пользовались тамъ газеты: и потому изъ государственной тайны, какою были у насъ куранты, задумалъ обратить ихъ въ правительственный органъ для распространенія полезныхъ свѣдѣній, для сообщенія извѣстій о Европѣ и своемъ государствѣ. Въ 1701 г. кончилось составленіе рукописныхъ курантовъ: указомъ 16 декабря 1702 г. повелѣно было ихъ предавать тисненію. Первый листъ печатныхъ Русскихъ Вѣдомостей вышелъ 2 января 1703. Печатались онѣ въ числѣ 1000 экз., что даетъ понятіе о потребности, которую любознательные современники ощущали въ изданіи подобнаго рода; а степень его занимательности подтверждается рукописными сборниками той эпохи, въ которые составители ихъ часто переписывали отдѣльные нумера газетъ. Свѣдѣнія, касательно Россіи, шли впереди извѣстій иностранныхъ. Послѣднія были заимствуемы изъ газетъ, получавшихся въ посольской канцеляріи. Кромѣ того, гр. Матвѣевъ, бывшій въ то время нашимъ посланникомъ въ Голландіи, присылалъ царю не только отдѣльные нумера Голландскихъ газетъ, но и любопытныя выписки изъ другихъ иностранныхъ періодическихъ изданій. Все это вполнѣ или въ извлеченіи помѣщалось въ Вѣдомостяхъ 1703 г. Неизвѣстно, кто именно занимался ихъ редакціею: нѣкоторые думаютъ, что то былъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ. Петръ Великій самъ иногда отмѣчалъ статьи въ иностранныхъ газетахъ для перевода. Есть извѣстіе, что онъ правилъ корректуру перваго листа, которая хранилась въ Московской синодальной типографіи.

Галаховъ.

---

[1]) Выписки изъ иностранныхъ вѣдомостей въ переводѣ, составлявшіяся для царей, въ концѣ XVII вѣка. *Ак. Слов.*

НАЧАЛО ТИПОГРАФІЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Начало типографій послѣдовало здѣсь въ 1711 году, въ которомъ только одинъ станъ съ людьми учрежденъ былъ въ партикулярномъ домѣ; но въ 1712 году, по указу государя Петра Великаго построены на С.-Петербургской сторонѣ, близъ Петровскаго мосту, небольшія мазанки образцовыя, въ которыя переведена была оная типографія.

Въ 1714 году взято изъ Москвы въ прибавокъ еще три стана и церковныя литеры.

Потомъ 1719 году, для размноженія оной же типографіи, въ прибавокъ сдѣлано еще три стана, и къ нимъ вновь нѣсколько мастеровыхъ людей прибавлено.

2. Типографія фигурная, въ которой печатались градировальной и тушевальной работы всякія куншты, которая съ вышеписанною типографіею взята въ 1714 году изъ Москвы, а въ 1727 году опять отправлена въ Москву.

Помянутыя обѣ типографіи, сперва были въ вѣдомствѣ оружейной канцеляріи, потомъ въ 1721 году въ вѣдѣніе Святѣйшему Синоду препоручены, а въ 1727 году сіи типографіи, по указу государя Петра II, раздѣлены на двое; одна гражданская типографія, съ мастеровыми людьми, взята въ императорскую академію наукъ, а остальная часть, то есть церковная, отправлена была въ Москву.

3. Типографія при Правительствующемъ Сенатѣ, которую опредѣлилъ государь Петръ Великій въ 1719 году, для печатанія указовъ, взята изъ вышеписанной типографіи, что подъ №1.

4. Типографія въ Александроневскомъ монастырѣ, которая учреждена была для печатанія нѣкоторыхъ духовныхъ и нравоучительныхъ книгъ, при архимандритѣ Ѳеодосіи въ 1720 году; но въ 1727 году при архимандритѣ Петрѣ отмѣнена.

5. Типографія при адмиралтейской академіи, которая начало свое возъимѣла съ 1724 году для печатанія книгъ, подлежащихъ до навигаціи и морскаго флота.

Богдановъ.

ШКОЛА МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ И НАВИГАЦКИХЪ НАУКЪ.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ АРИѲМЕТИКА. СУХАРЕВА БАШНЯ.

(1701—1715.)

1701 года, января 14, послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи школы «Математическихъ и навигацкихъ, то есть мореходныхъ хитростно искусствъ ученія».

Школѣ повелѣно состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳедора Алексѣевича Головина, «съ товарищи», и въ ученье приказано набирать «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

Первоначально для помѣщенія школы, велѣно очистить мастерскія палаты, или такъ называемый «полотняной дворъ» (находящійся въ Кадашевѣ, въ Замоскворѣчьѣ), и что нужно пристроить. Но потому ли, что Англичане нашли назначенное строеніе тѣснымъ и, по низменности, неудобнымъ для астрономическихъ наблюденій, или по другимъ причинамъ, только черезъ пять мѣсяцовъ послѣ перваго указа (іюня 23), государь отдалъ подъ школу Срѣтенскую или Сухареву башню, со всѣми бывшими при ней строеніями и землею.

Сухарева башня находилась въ сѣверовосточной части Москвы, на земляномъ валу, окружавшемъ въ то время столицу. Отъ нея шла дорога въ Троицко-Сергіевскую лавру. Прежде, на этомъ мѣстѣ были деревянныя Срѣтенскія проѣзжія ворота, и при нихъ стояла караульня, съѣзжая и мытныя избы, для сбора пошлинъ съ возовъ; а по валу тянулись стрѣлецкія слободы. Во время стрѣлецкихъ бунтовъ, здѣсь расположенъ былъ полкъ Лаврентія Панкратьевича Сухарева, который не только не участвовалъ въ возмущеніи, но даже охранялъ юнаго Петра, съ матерью, на пути въ село Преображенское и въ Троицкую лавру. По имени полка,

урочище получило названіе «Сухарево»; а впослѣдствіи и самую башню, безъ различія, стали называть иногда «Стрѣтенскою», по имени воротъ, а чаще «Сухаревою»; — послѣднее названіе осталось и до сихъ поръ.

При развитіи страсти царя къ морю, у него родилась оригинальная мысль, осуществить свой идеалъ — корабль, не на морѣ, которое было далеко, а на землѣ, въ самой столицѣ.

Если вѣрить преданію, то каменныя Стрѣтенскія ворота «съ шатромъ», начатыя строиться въ 1692 году, должны были походить на корабль съ мачтою. Галереи втораго яруса представляли шханцы (верхнюю палубу корабля), восточная сторона — корабельный носъ, а западная — корму. По свидѣтельству надписи, сохранившейся на башнѣ, строеніе ея кончено въ 1695 году; но какъ изъ дѣлъ видно, что она еще достроивалась съ 1698 по 1701 годъ, то можетъ быть въ это время и получили нынѣшній свой видъ.

На башнѣ (въ 1695), поставлены были боевые часы, уничтоженные впослѣдствіи. Въ третьемъ ярусѣ ея находились классныя комнаты навигацкой школы, и такъ называемый «рапирный» залъ, гдѣ ученики занимались фехтованьемъ.

При Петрѣ, съ западной стороны башни, пристроенъ былъ деревянный амфитеатръ, въ которомъ хранился маскарадный кораблика, называемый «памятникомъ миротворцемъ». Въ торжественные случаи, какъ напримѣръ при заключеніи мира со Шведами, въ 1721, и даже въ 1744 годахъ, корабликъ этотъ возили по Москвѣ, съ распущенными парусами, украшенный днемъ флагами, а вечеромъ фонарями.

Планъ учрежденія школы составлялъ самъ государь съ Фарварсономъ [1]), и хотя главнымъ и высшимъ предметомъ ученія были морскія науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ предположено изъ этого, покуда единственнаго свѣтскаго училища, выпускать молодыхъ людей во всѣ роды службъ, военныя и гражданскія, которыя требовали нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній, или даже одного знанія Русской грамоты. Такимъ образомъ изъ навигацкой школы выходили, кромѣ моряковъ, инженеры, артиллеристы, учители въ другія новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря,

---

[1]) Профессоръ Абердинскаго университета, приглашенный Петромъ I въ Русскую службу въ 1698 году.

мастеровые и пр. Однимъ словомъ, изъ навигацкой школы требовали способныхъ служивыхъ, почти для всѣхъ службъ.

Кромѣ Англичанъ, въ числѣ учителей навигацкой школы былъ Леонтій Филипповичъ Магнитскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ Русскихъ. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, былъ человѣкъ умный, свѣдущій въ наукахъ, и по отзыву Третьяковскаго «сущій христіанинъ, добросовѣстный человѣкъ, въ немъ же лести не было». Въ это время онъ имѣлъ 32 года отъ роду, слѣдовательно находился въ полной порѣ дѣятельности.

Не даромъ государь былъ къ нему особенно милостивъ, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ, и даже благословилъ образомъ; а за его глубокія познанія и, вѣроятно, привлекательную для любознательнаго монарха бесѣду, называлъ «магнитомъ», и приказалъ писаться «Магнитскимъ».

При тогдашней кипучей дѣятельности и неустановившейся администраціи, всякое новое дѣло не обходилось безъ задержекъ и недоразумѣній. Такъ было и въ школѣ: бѣдные Англичане, по пріѣздѣ ихъ въ Москву, вѣроятно долго не могли добиться толку, къ кому обратиться съ своими требованіями, и потому терпѣли большую нужду. Они помѣстились у своего соотечественника Андрея Кревета, переводчика посольскаго приказа, всѣ трое въ одной тѣсной комнатѣ, или какъ они писали «палатченкѣ», хозяинъ которой «сподоблялъ ихъ всякими нуждами, питьемъ и людьми и лошадьми и прочимъ, только кромѣ харча и платья».

Въ навигацкую школу велѣно было принимать дѣтей дворянскихъ, дьячихъ, подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и другихъ чиновъ, отъ 12 до 17 лѣтъ; но какъ въ эти лѣта, изъ домовъ боярскихъ, являлось малое число, то стали принимать и 20-ти-лѣтнихъ. Впрочемъ, изъ многихъ званныхъ, было мало избранныхъ. Не говоря уже о грубости прочихъ сословій, Русскій баричъ Петровскаго времени, 17 или 18 лѣтъ, считался неразумнымъ младенцемъ, и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ самомъ безсознательномъ невѣжествѣ. Капризамъ балованнаго дитяти нерѣдко повиновалось окружающее, и ему, съ самыхъ пеленокъ, подобострастныя нянюшки и дядьки вбивали въ голову барскую спѣсь и презрѣніе къ труду и работѣ, какъ дѣлу холопскому.

Воспитаніе, по большей части, ограничивалось чтеніемъ букваря и псалтири, подъ указку сельскаго дьячка, котораго мальчикъ почиталъ болѣе своей забавой, нежели наставникомъ. И вдругъ, про-

тивъ такихъ-то баричей, загремѣли грозные царскіе указы, которыми повелѣвалось «всѣмъ недорослямъ, дворянскимъ дѣтямъ, явиться на службу»; изъ иныхъ мѣстъ, какъ напр., изъ Новгородской губерніи, требовали на смотръ дворянъ, отъ 10 до 30 лѣтъ.

Но вмѣсто стремленія къ общей пользѣ, Великій труженикъ часто встрѣчалъ неохоту и уклончивость въ тѣхъ, для блага которыхъ онъ трудился. Подданные еще не понимали и не могли оцѣнить благодѣтельныхъ его начинаній, и на службу смотрѣли съ предубѣжденіемъ и даже страхомъ. Для объясненія ихъ боязни надо впрочемъ замѣтить, что и дѣло было новое, и совершенно противорѣчило вѣковымъ привычкамъ и обычаямъ. Служили дѣти боярскіе и до Петра, только другимъ образомъ. Въ случаѣ нужды, по предварительному царскому указу, обыкновенно весною, выѣзжали они на назначенное сборное мѣсто, каждый на своемъ конѣ, въ доспѣхѣ, съ оружіемъ, и брали съ собою, сколько слѣдовало по величинѣ помѣстья, людей и запасъ на все время похода. Всякой служилъ съ земляками, и почти всегда къ осени возвращался домой, до новаго требованія. Теперь было другое дѣло; взрослаго дворянина требовали на вѣчную службу, отъ которой его могло избавить только увѣчье, тяжкая болѣзнь и глубокая старость; или малолѣтняго брали въ ученье, въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, въ товарищество къ холопамъ, гдѣ, въ случаѣ нерадѣнія или шалости, ему угрожали плети, батоги и кошки.

Не трудно понять, что основаніе новой школы было принято непріязненно. Не смотря на хорошее жалованье, на обѣщаніе «Царской милости», которымъ всякой ученикъ обнадеженъ былъ «въ пріятіи чести, противъ мѣры дѣла своего»; не смотря на угрозы ослушникамъ «въ потеряніи чести и живота»,—не многіе дворяне поступали въ ученье добровольно.

Наконецъ, такое сопротивленіе превзошло мѣру терпѣнія царя; кротость замѣнилась строгостью, угрозы — дѣйствительными мѣрами. На городскихъ воротахъ и во всѣхъ большихъ селахъ выставляли царскіе указы, строго подтверждавшіе явиться на смотръ всѣмъ дворянскимъ дѣтямъ указныхъ лѣтъ; при этомъ приложены были списки неявившихся, для того, чтобы знали, кто укрывается.

Публиковано было, что всякому, кто откроетъ укрывавшагося отъ службы дворянина, будетъ отдано имѣніе виновнаго. Сверхъ того, для избѣжанія потворства и личныхъ отношеній, царь дозволилъ доносителямъ являться прямо къ нему, что прежде допуска-

лось только въ доносахъ о государственныхъ дѣлахъ и о неправомъ рѣшеніи суда. Мѣры сильныя, но все еще не достигавшія цѣли; не смотря на нихъ, въ школѣ не было избытка учениковъ, и добровольно являлись болѣе разночинцы, а не дворяне.

Комплектъ воспитанниковъ положенъ былъ 500 человѣкъ. Кто имѣлъ крестьянъ болѣе пяти дворовъ, тотъ долженъ былъ жить на свой счетъ, не получая ничего отъ казны; прочіе получали, по степени познаній, порядочное жалованье, или, какъ тогда называли, «кормовыя деньги». Сначала (1701 г.) большій окладъ положенъ 5 алтынъ, слѣдующій за нимъ гривна и менѣе; а послѣ (1709 г.) отъ 6 денегъ до гривны и даже до 4-хъ алтынъ (12 коп.) въ сутки.

Содержаніе школы и учебныя пособія были отъ казны; только въ 1713 году приказано изъ жалованья каждаго школьника дѣлать небольшой, пропорціональный жалованью, вычетъ на покупку инструментовъ и «школьныя всякія починки».

На жалованье учителямъ, кормовыя деньги ученикамъ, всѣ школьные расходы, и даже на содержаніе за границею учениковъ кончившихъ курсъ (навигаторовъ), было назначено 22,459 рубл. 6 алт. и 5 денегъ.

Въ школѣ учили: ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи и, главное, къ мореплаванію, для котораго проходили навигацію и часть астрономіи.

Изъ гимнастическихъ упражненій было фехтованье, «рапирная наука», за которую ученикамъ прибавлялось излишнее противъ другихъ жалованье.

Незнающихъ Русской грамоты, разумѣется, первоначально обучали читать и писать, и поэтому классъ Русской грамоты получилъ названіе *Русская школа*; такъ какъ классъ ариѳметики назывался *Цифирною школомъ*. Юноши низшихъ сословій «разночинцы», научившіеся въ Русской и Цифирной школахъ читать, писать и считать, этимъ оканчивали свое ученье, и назначались въ писаря, къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейства, въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Дѣти дворянскіе «шляхетскіе,» изъ Русской и Цифирной школъ поступали въ высшіе классы, для дальнѣйшаго обученія.

Названія поименованныхъ наукъ требуютъ нѣкоторыхъ поясненій, потому что ихъ не должно понимать по нынѣшнему. Про-

ходимый въ школѣ курсъ, весьма не трудный и не объемистый, при нынѣшнихъ способахъ ученія, въ то время былъ тяжелымъ бременемъ для головы ученика, и требовалъ большихъ усилій, терпѣнія и прилежанія.

Тяжелая, схоластическая система преподаванія и новость Русскаго научнаго языка до послѣдней крайности затемняли самыя простыя вещи. Надъ тѣми предметами, которые теперь играючи можно передать 13-лѣтнему мальчику, не очень быстрыхъ способностей, взрослый ученикъ навигацкой школы убивалъ нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго, усерднаго труда, и нерѣдко въ результатѣ оказывалось, что большая часть его знаній состояла въ изученіи безполезныхъ фразъ, пустыхъ опредѣленій и множества научныхъ фокусовъ, только для профановъ кажущихся наукою. Къ этому надо прибавить, что въ первые годы существованія школы, Англичане худо знали Русскій языкъ, и слѣдовательно уроки ихъ были мало понятны.

Чтеніе шло общепринятымъ, освященнымъ древностію, порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ, псалтиремъ и оканчивалось гражданскою печатью; степень успѣховъ соразмѣрялась числомъ заученныхъ страницъ или, въ псалтири, кафизмъ. Остальное все проходилось въ школѣ довольно мудрено. Ариѳметика была затемнена и растянута такимъ образомъ, что напр. дѣйствія надъ каждымъ родомъ именованныхъ чиселъ излагались, какъ отдѣльные, независимые между собою предметы. Въ геометріи и тригонометріи, сколько можно догадываться, проходились одни результаты безъ доказательствъ, но и здѣсь также пугали опредѣленія. Навигація, наука въ сущности самая простая и легкая, подраздѣлялась на нѣсколько частей довольно трудныхъ. Изъ астрономіи проходили необходимыя части морской астрономіи и подъ именемъ «географіи» разумѣли немногія свѣдѣнія изъ географіи математической.

Для примѣра трудности изученія приведемъ нѣсколько выписокъ изъ книгъ, какъ употреблявшихся въ преподаваніи, такъ и вообще изданныхъ для моряковъ около этого времени.

Что есть ариѳметика, спрашивалъ учитель? Ученикъ отвѣчалъ: «Ариѳметика, или числительница, есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее, и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенное и изложенное».

Вопросъ: Коликогуба есть ариѳметика практика? Отвѣтъ «Есть сугуба. 1. Ариѳметика политика, или гражданская. 2. Ариѳметика логистика, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащаго» и т. д.

На вопросъ учителя, что есть навигація плоская, и въ какихъ мѣстахъ обрѣтающихся на землѣ употребляется оныя? Ученикъ отвѣчалъ: «Ничто же ино именуется навигація плоская, но токмо кораблеплаваніе на плоской суперѳиціи моря, и употребляется оное отъ всѣхъ нынѣшнихъ навклеровъ въ бытность ихъ близъ экватора, зѣло преизрядно и правдиво; а въ нашихъ Европскихъ государствахъ, въ дальнихъ путешествіяхъ по морю, заподлинно на оное надѣяться невозможно, потому что сіе кораблеплаваніе въ употребленіи своемъ разумѣетъ полусуперѳицію земную быти плоскимъ квадратомъ, а не шаровиднымъ корпусомъ и т. д.»

«Навигація круглая есть мореплаваніе всѣхъ короче, однако зѣло трудно, на силу можно кораблемъ плавать и пр. Географія есть математическое смѣщенное, изъясняетъ фигура или корпусъ и ѳикція свойство земноводнаго корпуса, купно съ феноминами, со явленіями небесныхъ свѣтилъ, солнца, луны и звѣздъ и т. д.»

Хотя языкъ современныхъ книгъ и руководствъ нельзя считать языкомъ преподаванія, но, судя по этимъ образцамъ, мы вправѣ думать, что и преподаваніе было для учениковъ не совсѣмъ удобопонятно.

Пособіемъ въ классахъ могли служить нѣкоторыя книги, изданныя на Русскомъ языкѣ,—сначала въ Амстердамѣ, и потомъ въ Москвѣ.

Въ 1703 году, уже въ Москвѣ, вышло первое изданіе ариѳметики Магнитскаго; полное заглавіе ея было: «Ариѳметика, сирѣчь наука числительная, съ разныхъ діалектовъ на Славянской языкъ переведенная, учителемъ математики Леонтіемъ Магнитскимъ.» Эта компилляція, составленная по греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, и прежде переведеннымъ славянскимъ источникамъ, заключаетъ въ себѣ родъ современной математической энциклопедіи. Самая виньетка, на первомъ листѣ, ясно выражаетъ эту мысль автора. Въ срединѣ храма, надъ которымъ написано по Еврейски имя Божіе, сидитъ женщина въ коронѣ, съ ключемъ въ рукѣ—это *Ариѳметика*. Къ ея трону ведутъ пять ступеней: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Портикъ храма съ надписями, на одной сторонѣ, «тщаніемъ», на другой «ученіемъ»,

поддерживается восьмью столбами: геометріей, стереометріей, астрономіей, оптикой, меркаторской (навигаціей), географіей и архитектурой. Внизу написано: «Ариѳметика что дѣетъ, на столпахъ то все имѣетъ,» Книга раздѣлена на двѣ части: въ первой, *Ариѳметикѣ-Политикѣ*, изложены свѣдѣнія нужныя для гражданина, купца и воина; во второй, *Ариѳметикѣ-Логистикѣ*, собраны знанія необходимыя для землемѣра и мореплавателя.

«Узрѣвъ яко въ томъ есть плодъ многъ, внесохъ изъ морскихъ книгъ, что возмогъ», говоритъ авторъ.

Въ книгѣ находится: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, навигація и астрономія, съ таблицами склоненія солнца, рефракціи, паралакса; также таблицы локсодромическія, и широты и долготы 26 примѣчательнѣйшихъ городовъ и мѣстъ.

Въ ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи помѣщено множество практическихъ примѣровъ; въ навигаціи разобраны главнѣйшія задачи; въ астрономіи опредѣляется широта мѣста, по высотамъ свѣтилъ, и долгота по разности временъ; говорится также о различныхъ сферахъ, о приливахъ и отливахъ и пр.— За труды по изданію этой книги, Магнитскому, по высочайшему указу, были выданы кормовыя деньги, съ 2 февраля 1701 года по 1-е января 1702, по 5 алтынъ на день, что составляло всего 49 рублей, 31 атынъ и 4 деньги.

Ариѳметика Магнитскаго получила у насъ странную извѣстность; не многіе видѣли ее, рѣдкіе читали внимательно, и почти всѣ считаютъ какимъ-то безсмысленнымъ сборникомъ плохихъ стиховъ. На самомъ же дѣлѣ, она, по своему времени, была книга очень дѣльная, и должна заслуживать наше уваженіе, вопервыхъ, какъ прародительница нашихъ учебныхъ математическихъ руководствъ; потомъ, какъ первая книга возбудившая любознательность Ломоносова, и заставившая его бѣжать изъ родительнаго дома, въ Москву, отыскивать тѣхъ людей, которые бы могли ему объяснить все въ ней написанное, и наконецъ, потому, что въ ней, по словамъ самаго Магнитскаго,

. . . . разумъ весь собралъ и чинъ
Природно Русской, а не Нѣмчинъ!

Стиховъ въ ней, сравнительно съ объемомъ книги, весьма мало, они помѣщены въ концѣ каждаго правила, съ цѣлію—поблагодарить Бога за уразумѣніе прочитаннаго, иногда погрозить

лось только въ доносахъ о государственныхъ дѣлахъ и о неправомъ рѣшеніи суда. Мѣры сильныя, но все еще не достигавшія цѣли; не смотря на нихъ, въ школѣ не было избытка учениковъ, и добровольно являлись болѣе разночинцы, а не дворяне.

Комплектъ воспитанниковъ положенъ былъ 500 человѣкъ. Кто имѣлъ крестьянъ болѣе пяти дворовъ, тотъ долженъ былъ жить на свой счетъ, не получая ничего отъ казны; прочіе получали, по степени познаній, порядочное жалованье, или, какъ тогда называли, «кормовыя деньги». Сначала (1701 г.) большій окладъ положенъ 5 алтынъ, слѣдующій за нимъ гривна и менѣе; а послѣ (1709 г.) отъ 6 денегъ до гривны и даже до 4-хъ алтынъ (12 коп.) въ сутки.

Содержаніе школы и учебныя пособія были отъ казны; только въ 1713 году приказано изъ жалованья каждаго школьника дѣлать небольшой, пропорціональный жалованью, вычетъ на покупку инструментовъ и «школьныя всякія починки».

На жалованье учителямъ, кормовыя деньги ученикамъ, всѣ школьные расходы, и даже на содержаніе за границею учениковъ кончившихъ курсъ (навигаторовъ), было назначено 22,459 рубл. 6 алт. и 5 денегъ.

Въ школѣ учили: ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи и, главное, къ мореплаванію, для котораго проходили навигацію и часть астрономіи.

Изъ гимнастическихъ упражненій было фехтованье, «рапирная наука», за которую ученикамъ прибавлялось излишнее противъ другихъ жалованье.

Незнающихъ Русской грамоты, разумѣется, первоначально обучали читать и писать, и поэтому классъ Русской грамоты получилъ названіе *Русская школа*; такъ какъ классъ ариѳметики назывался *Цифирною школомъ*. Юноши низшихъ сословій «разночинцы», научившіеся въ Русской и Цифирной школахъ читать, писать и считать, этимъ оканчивали свое ученье, и назначались въ писаря, къ разнымъ должностямъ въ адмиралтейства, въ помощники архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Дѣти дворянскіе «шляхетскіе,» изъ Русской и Цифирной школъ поступали въ высшіе классы, для дальнѣйшаго обученія.

Названія поименованныхъ наукъ требуютъ нѣкоторыхъ поясненій, потому что ихъ не должно понимать по нынѣшнему. Про-

Солнцевы-Засѣкины, Лопухины, Шаховскіе, Хилковы, Урусовы, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Шереметевы, Борятинскіе, Собакины, Щербатовы, Головины, Дмитріевы-Мамоновы и пр., многіе изъ нихъ встрѣчаются и въ штрафномъ спискѣ.

Учители школы, кромѣ преподаванія и сочиненій, имѣли еще другія обязанности. Они разсматривали и одобряли книги къ печатанію, и къ нимъ относились со всѣми учеными вопросами. Самъ царь слѣдилъ за ними, раздѣлялъ ихъ труды, бесѣдовалъ какъ равный съ равнымъ; иному самъ учился, а иногда давалъ имъ разныя работы, требовавшія высшихъ свѣдѣній. Такъ напр., въ 1706 году, онъ писалъ изъ Воронежа, чтобы профессоры прислали ему трубы для наблюденія затмѣнія солнца, вычислили бы время затмѣнія, и сдѣлали рисунокъ, какъ оно будетъ видимо въ Воронежѣ. Это нужно было царю для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ народа. Въ 1712 году Фарварсонъ назначилъ дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы, которая тогда же была начата и доведена до Новгорода и т. п.

Строгій, часто даже грозный, царь въ своей любимой школѣ былъ какъ добрый отецъ въ кругу своего семейства. Здѣсь онъ уже видѣлъ первые плоды своей великой мысли—преобразованія Россіи; здѣсь начинали понимать его, и сюда, въ свою завѣтную башню, часто приходилъ онъ отдыхать отъ трудовъ безпрестанныхъ, горькихъ столкновеній съ упрямствомъ и предразсудками.

Навигацкой школѣ и особенному вниманію царя къ наукамъ, Сухарева башня обязана всѣми сказками, до сихъ поръ существующими въ народѣ. Ее называли *Невѣстою* Ивана Великаго, *сестрою* Меньшиковой башни, и почитали очарованнымъ жилищемъ нечистой силы.

Недалеко еще было то время, когда боярина Матвѣева, за найденный у него лечебникъ съ аптекарскими знаками, обвиняли въ чернокнижіи; когда на одного иностранца легло то же подозрѣніе за таблицы логариѳмовъ; а теперь всѣ знали, что вывезенные изъ-за моря Нѣмецкіе колдуны читаютъ таинственныя книги; видѣли, какъ днемъ и ночью смотрятъ они на небо, въ какія-то диковинныя трубы; видѣли, можетъ быть, какъ необыкновенный дымъ клубился изъ химической лабораторіи графа Брюса,—и на этомъ основаніи сочиняли сказки, одну нелѣпѣе другой.

Такимъ образомъ увѣряли, что Брюсъ занимался составленіемъ живой и мертвой воды; въ послѣдствіи прибавили, что онъ, уми-

рая, велѣлъ изрѣзать себя на мелкіе куски, и вспрыснуть сначала мертвою водою и потомъ живою, чтобы ожить, и начать новую жизнь, и что исполненіе этого остановилъ только самъ царь. До сихъ поръ въ простомъ народѣ есть преданіе, что на Сухаревой башнѣ хранилась черная книга, которую стерегли двѣнадцать духовъ, и что послѣ она была закладена въ стѣну, и заколочена алтынными гвоздями, какъ самымъ надежнымъ средствомъ противъ колдовства.

Существуетъ еще преданіе, будто на Сухаревой башнѣ были засѣданія какого-то общества «Нептунова», гдѣ предсѣдательствовалъ Лефортъ, самъ царь былъ первымъ надзирателемъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ витіею; членами Меньшиковъ, Апраксинъ, Брюсъ, Фарварсонъ, князь Черкаскій, Голицынъ и нѣкоторые другіе вельможи, близкіе къ царю.

Недовольные нововведеніями, видя близкія сношенія царя со школою, частію по невѣжеству, частію умышленно, обвиняли и его въ пристрастіи къ чернокнижію. Но государь не обращалъ вниманія на эти толки и дѣлалъ свое.

Заботясь объ умственномъ образованіи учениковъ, государь желалъ въ нихъ возбудить охоту и къ удовольствіямъ просвѣщеннаго общества. Съ этою цѣлію, при самомъ основаніи школы, въ 1701 году, изъ Данцига была выписана труппа актеровъ, которая съ учениками школы, въ залахъ Сухаревой башни, представляла свѣтскія комедіи, посѣщаемыя нерѣдко и самимъ государемъ.

Петръ былъ здѣсь не монархомъ, а простымъ зрителемъ, и актеры при немъ позволяли себѣ довольно смѣлыя шутки. Одинъ разъ, обѣщая представить невиданное и неслыханное зрѣлище, они собрали множество зрителей, и вмѣсто представленія выставили на занавѣсѣ надпись: «*Первое Апрѣля*». Это была Нѣмецкая апрѣльская шутка; государь, бывшій въ числѣ зрителей, нисколько не разсердился, и, вѣроятно для утѣшенія другихъ, замѣтилъ только, что это *театральная вольность*. Въ царствованіе Петра, на галереѣ Сухаревой башни, въ адмиральскій часъ, и вечеромъ передъ зарею, играла музыка.

Государь, при всякомъ удобномъ случаѣ, давалъ понимать своимъ сподвижникамъ важность основанной имъ школы. Заботясь о замѣщеніи открывавшихся вакансій новыми учениками, писалъ онъ къ Апраксину: «хотя бы и слишкомъ набрали и размножили,

понеже сами можете видѣть, какая въ томъ есть польза, что не токмо къ морскому ходу нужна сія школа, но и артиллеріи и инженерству».

Строгими указами повелѣвалось присылать недорослей на смотръ, а не опредѣляться имъ въ школы по своему выбору. Ослушниковъ строго наказывали: заставляли пять лѣтъ учиться безъ жалованья, или, какъ, напр., записавшихся самовольно въ Славяно-Латинскую академію послали на три года «въ галерную», то есть въ каторжную работу. Объ одномъ подобномъ случаѣ сохранился слѣдующій анекдотъ. За самовольное опредѣленіе недорослей, вмѣсто навигацкой школы въ Заиконоспасское училище, государь послалъ провинившихся въ Петербургъ въ работу, и имъ досталось собственноручно бить сваи подъ пеньковые амбары, строившіеся на Мойкѣ. Когда никакія представленія не могли умилостивить царя, Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ придумалъ испросить прощеніе виноватымъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Къ тому времени, когда царь долженъ былъ пріѣхать къ строенію амбаровъ, Апраксинъ снялъ съ себя Андреевскую ленту и мундиръ и повѣсилъ ихъ на шестѣ, а самъ началъ бить сваи вмѣстѣ съ недорослями. Удивленный царь сказалъ ему: «Өедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же вбиваешь сваи»? Государь, отвѣчалъ Апраксинъ, здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что за человѣкъ? какое имѣю въ родѣ преимущество? кавалеріи и мундиру безчестья я не принесъ, они висятъ на деревѣ». Говорятъ, что эта выходка удалась, и царь простилъ виновныхъ.

Дворянскихъ дѣтей, представляемыхъ на смотръ, обыкновенно смотрѣлъ самъ царь. Способнѣйшихъ, и преимущественно богатѣйшихъ отправлялъ въ ученье за границу; двадцатилѣтнихъ и моложе назначалъ въ школу; а кто былъ старѣе и годенъ для фронту, въ гвардейскіе полки солдатами. Въ отсутствіе государя, смотръ дѣлалъ кто нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, но, не смотря на это, онъ часто подтверждалъ, строгими письмами, быть осмотрительными и безпристрастными при смотрахъ, которые, разумѣется, не обходились безъ обмановъ, подкуповъ и просьбъ. Иногда самые любимые изъ его сановниковъ за смотры получали сильные выговоры, и подвергались подозрѣнію въ умышленномъ потворствѣ. Такъ, напримѣръ, когда Ө. М. Апраксинъ, пропустивъ почему-то цѣлую зиму для осмотра школьниковъ, выбралъ

на флотъ только пятерыхъ, изъ «простыхъ» фамилій, и требовалъ царскаго подтвержденія, тогда государь отвѣчалъ: «О школьникахъ мнѣ никакой отповѣди писать нечево, понеже о томъ уже давно говорено и положено, еслибъ я былъ на Москвѣ, тобъ самъ пересмотрѣлъ, а ежели не буду, то вамъ велѣно чинить по разсмотрѣнію, и о томъ вы уже давно о небытіи къ Москвѣ извѣстны; а за чѣмъ сія зима пропущена и сего не исполнено, незнаю... а росписи мнѣ отвѣчать не возможно, понеже я, кромѣ Голицыныхъ и Шереметевыхъ и племянника вашего, никого не знаю; да и Шереметевыхъ, пріѣхавъ не видалъ, изъ Англіи. Да и сверхъ того, довольно проклятаго здѣшняго житья; изводьте вы о томъ опредѣленіе учинить. Буде же ради собственнаго чего сіе доброе дѣло изволяете портить, въ томъ какъ хочете; да и потому можно знать, что всего открещено пять человѣкъ и то изъ низкихъ (на тебѣ Боже, что намъ не гоже); хотябъ и всѣ де Рюйтерами выросли, такъ бы пятью исправить не можно».

Надо замѣтить, что это писано къ лицу, послѣ Меньшикова, самому довѣренному, любимому, и даже родственнику государя, съ которымъ онъ въ свое отсутствіе велъ безпрестанную переписку, не какъ царь, а какъ пріятель.

Воспитанники, кончившіе съ успѣхомъ курсъ въ навигацкой школѣ, разсылались всюду, куда требовала ихъ кипучая дѣятельность царя. Большую часть дворянъ назначали на флотъ, другихъ въ инженеры и артиллеристы; въ Преображенскій полкъ въ бомбандиры, кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ и пр., а иныхъ поспособнѣе и побогаче, для практическаго усовершенствованія, посылали за границу, подъ именемъ *Навигаторовъ*.

Веселаго.

——oo✿oo——

Солнцевы-Засѣкины, Лопухины, Шаховскіе, Хилковы, Урусовы, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Шереметевы, Борятинскіе, Собакины, Щербатовы, Головины, Дмитріевы-Мамоновы и пр., многіе изъ нихъ встрѣчаются и въ штрафномъ спискѣ.

Учители школы, кромѣ преподаванія и сочиненій, имѣли еще другія обязанности. Они разсматривали и одобряли книги къ печатанію, и къ нимъ относились со всѣми учеными вопросами. Самъ царь слѣдилъ за ними, раздѣлялъ ихъ труды, бесѣдовалъ какъ равный съ равнымъ; иному самъ учился, а иногда давалъ имъ разныя работы, требовавшія высшихъ свѣдѣній. Такъ напр., въ 1706 году, онъ писалъ изъ Воронежа, чтобы профессоры прислали ему трубы для наблюденія затмѣнія солнца, вычислили бы время затмѣнія, и сдѣлали рисунокъ, какъ оно будетъ видимо въ Воронежѣ. Это нужно было царю для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ народа. Въ 1712 году Фарварсонъ назначилъ дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы, которая тогда же была начата и доведена до Новгорода и т. п.

Строгій, часто даже грозный, царь въ своей любимой школѣ былъ какъ добрый отецъ въ кругу своего семейства. Здѣсь онъ уже видѣлъ первые плоды своей великой мысли—преобразованія Россіи; здѣсь начинали понимать его, и сюда, въ свою завѣтную башню, часто приходилъ онъ отдыхать отъ трудовъ безпрестанныхъ, горькихъ столкновеній съ упрямствомъ и предразсудками.

Навигацкой школѣ и особенному вниманію царя къ наукамъ, Сухарева башня обязана всѣми сказками, до сихъ поръ существующими въ народѣ. Ее называли *Невѣстою* Ивана Великаго, *сестрою* Меньшиковой башни, и почитали очарованнымъ жилищемъ нечистой силы.

Недалеко еще было то время, когда боярина Матвѣева, за найденный у него лечебникъ съ аптекарскими знаками, обвиняли въ чернокнижіи; когда на одного иностранца легло то же подозрѣніе за таблицы логариѳмовъ; а теперь всѣ знали, что вывезенные изъ-за моря Нѣмецкіе колдуны читаютъ таинственныя книги; видѣли, какъ днемъ и ночью смотрятъ они на небо, въ какія-то диковинныя трубы; видѣли, можетъ быть, какъ необыкновенный дымъ клубился изъ химической лабораторіи графа Брюса,—и на этомъ основаніи сочиняли сказки, одну нелѣпѣе другой.

Такимъ образомъ увѣряли, что Брюсъ занимался составленіемъ живой и мертвой воды; въ послѣдствіи прибавили, что онъ, уми-

рая, велѣлъ изрѣзать себя на мелкіе куски, и вспрыснуть сначала мертвою водою и потомъ живою, чтобы ожить, и начать новую жизнь, и что исполненіе этого остановилъ только самъ царь. До сихъ поръ въ простомъ народѣ есть преданіе, что на Сухаревой башнѣ хранилась черная книга, которую стерегли двѣнадцать духовъ, и что послѣ она была закладена въ стѣну, и заколочена алтынными гвоздями, какъ самымъ надежнымъ средствомъ противъ колдовства.

Существуетъ еще преданіе, будто на Сухаревой башнѣ были засѣданія какого-то общества «Нептунова», гдѣ предсѣдательствовалъ Лефортъ, самъ царь былъ первымъ надзирателемъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ витіею; членами Меньшиковъ, Апраксинъ, Брюсъ, Фарварсонъ, князь Черкаскій, Голицынъ и нѣкоторые другіе вельможи, близкіе къ царю.

Недовольные нововведеніями, видя близкія сношенія царя со школою, частію по невѣжеству, частію умышленно, обвиняли и его въ пристрастіи къ чернокнижію. Но государь не обращалъ вниманія на эти толки и дѣлалъ свое.

Заботясь объ умственномъ образованіи учениковъ, государь желалъ въ нихъ возбудить охоту и къ удовольствіямъ просвѣщеннаго общества. Съ этою цѣлію, при самомъ основаніи школы, въ 1701 году, изъ Данцига была выписана труппа актеровъ, которая съ учениками школы, въ залахъ Сухаревой башни, представляла свѣтскія комедіи, посѣщаемыя нерѣдко и самимъ государемъ.

Петръ былъ здѣсь не монархомъ, а простымъ зрителемъ, и актеры при немъ позволяли себѣ довольно смѣлыя шутки. Одинъ разъ, обѣщая представить невиданное и неслыханное зрѣлище, они собрали множество зрителей, и вмѣсто представленія выставили на занавѣсѣ надпись: *«Первое Апрѣля»*. Это была Нѣмецкая апрѣльская шутка; государь, бывшій въ числѣ зрителей, нисколько не разсердился, и, вѣроятно для утѣшенія другихъ, замѣтилъ только, что это *театральная вольность*. Въ царствованіе Петра, на галереѣ Сухаревой башни, въ адмиральскій часъ, и вечеромъ передъ зарею, играла музыка.

Государь, при всякомъ удобномъ случаѣ, давалъ понимать своимъ сподвижникамъ важность основанной имъ школы. Заботясь о замѣщеніи открывавшихся вакансій новыми учениками, писалъ онъ къ Апраксину: «хотя бы и слишкомъ набрали и размножили,

понеже сами можете видѣть, какая въ томъ есть польза, что не токмо къ морскому ходу нужна сія школа, но и артиллеріи и инженерству».

Строгими указами повелѣвалось присылать недорослей на смотръ, а не опредѣляться имъ въ школы по своему выбору. Ослушниковъ строго наказывали: заставляли пять лѣтъ учиться безъ жалованья, или, какъ, напр., записавшихся самовольно въ Славяно-Латинскую академію послали на три года «въ галерную», то есть въ каторжную работу. Объ одномъ подобномъ случаѣ сохранился слѣдующій анекдотъ. За самовольное опредѣленіе недорослей, вмѣсто навигацкой школы въ Заиконоспасское училище, государь послалъ провинившихся въ Петербургъ въ работу, и имъ досталось собственноручно бить сваи подъ пеньковые амбары, строившіеся на Мойкѣ. Когда никакія представленія не могли умилостивить царя, Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ придумалъ испросить прощеніе виноватымъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Къ тому времени, когда царь долженъ былъ пріѣхать къ строенію амбаровъ, Апраксинъ снялъ съ себя Андреевскую ленту и мундиръ и повѣсилъ ихъ на шестѣ, а самъ началъ бить сваи вмѣстѣ съ недорослями. Удивленный царь сказалъ ему: «Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же вбиваешь сваи»? Государь, отвѣчалъ Апраксинъ, здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что за человѣкъ? какое имѣю въ родѣ преимущество? кавалеріи и мундиру безчестья я не принесъ, они висятъ на деревѣ». Говорятъ, что эта выходка удалась, и царь простилъ виновныхъ.

Дворянскихъ дѣтей, представляемыхъ на смотръ, обыкновенно смотрѣлъ самъ царь. Способнѣйшихъ, и преимущественно богатѣйшихъ отправлялъ въ ученье за границу; двадцатилѣтнихъ и моложе назначалъ въ школу; а кто былъ старѣе и годенъ для фронту, въ гвардейскіе полки солдатами. Въ отсутствіе государя, смотръ дѣлалъ кто нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ, но, не смотря на это, онъ часто подтверждалъ, строгими письмами, быть осмотрительными и безпристрастными при смотрахъ, которые, разумѣется, не обходились безъ обмановъ, подкуповъ и просьбъ. Иногда самые любимые изъ его сановниковъ за смотры получали сильные выговоры, и подвергались подозрѣнію въ умышленномъ потворствѣ. Такъ, напримѣръ, когда Ѳ. М. Апраксинъ, пропустивъ почему-то цѣлую зиму для осмотра школьниковъ, выбралъ

на флотъ только пятерыхъ, изъ «простыхъ» фамилій, и требовалъ царскаго подтвержденія, тогда государь отвѣчалъ: «О школьникахъ мнѣ никакой отповѣди писать нечево, понеже о томъ уже давно говорено и положено, еслибъ я былъ на Москвѣ, тобъ самъ пересмотрѣлъ, а ежели не буду, то вамъ велѣно чинить по разсмотрѣнію, и о томъ вы уже давно о небытіи къ Москвѣ извѣстны; а за чѣмъ сія зима пропущена и сего не исполнено, незнаю... а росписи мнѣ отвѣчать не возможно, понеже я, кромѣ Голицыныхъ и Шереметевыхъ и племянника вашего, никого не знаю; да и Шереметевыхъ, пріѣхавъ не видалъ, изъ Англіи. Да и сверхъ того, довольно проклятаго здѣшняго житья; извольте вы о томъ опредѣленіе учинить. Буде же ради собственнаго чего сіе доброе дѣло изволяете портить, въ томъ какъ хочете; да и потому можно знать, что всего открещено пять человѣкъ и то изъ низкихъ (на тебѣ Боже, что намъ не гоже); хотябъ и всѣ де Рюйтерами выросли, такъ бы пятью исправить не можно».

Надо замѣтить, что это писано къ лицу, послѣ Меньшикова, самому довѣренному, любимому, и даже родственнику государя, съ которымъ онъ въ свое отсутствіе велъ безпрестанную переписку, не какъ царь, а какъ пріятель.

Воспитанники, кончившіе съ успѣхомъ курсъ въ навигацкой школѣ, разсылались всюду, куда требовала ихъ кипучая дѣятельность царя. Большую часть дворянъ назначали на флотъ, другихъ въ инженеры и артиллеристы; въ Преображенскій полкъ въ бомбандиры, кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ и пр., а иныхъ поспособнѣе и побогаче, для практическаго усовершенствованія, посылали за границу, подъ именемъ *Навигаторовъ*.

Веселаго.

МОРСКАЯ АКАДЕМІЯ.

(1715.)

Въ пятнадцать лѣтъ, прошедшихъ со времени основанія навигацкой школы, положеніе Россіи въ морскомъ отношеніи совершенно измѣнилось. Потеря отдаленнаго Азовскаго моря, лишившая насъ близкихъ торговыхъ сношеній съ одною Турціей, съ избыткомъ вознаградилась открытіемъ для плаванія Финскаго залива и Балтійскаго моря, сблизившихъ Россію со многими государствами образованной Европы. Съ пріобрѣтеніемъ новаго моря и морская дѣятельность перешла съ юга на сѣверъ; кораблестроеніе и адмиралтейства, изъ Воронежа и Таврова (городъ на Дону), перенесены въ Петербургъ и Кронштадтъ, и морское управленіе переведено изъ Москвы въ С. Петербургъ. Увеличивающійся, съ каждымъ годомъ, флотъ требовалъ множества офицеровъ, для приготовленія которыхъ прежней навигацкой школы было недостаточно; необходимо было или увеличить комплектъ ея, или основать еще другую морскую школу.

Государь избралъ послѣднее, и предположилъ новое училище помѣстить въ Петербургѣ, гдѣ адмиралтейства, Нева, близость моря представляли всѣ удобства для практическаго изученія морскаго дѣла, и ученье было на глазахъ самого государя и высшаго морскаго начальства.

При образованіи новаго училища, Московская навигацкая школа осталась только собственно морскимъ пріуготовительнымъ училищемъ, потому что другія службы въ то время уже имѣли свои спеціальныя школы.

Въ Москвѣ велѣно было учить ариѳметикѣ, геометріи и тригонометріи; а въ Петербургѣ проходить всѣ остальныя науки, необходимыя для морскаго офицера. Это раздѣленіе однакожъ не

сохранялось строго; съ самаго начала въ новое училище велѣно принимать достаточныхъ дворянъ, хотя бы они не имѣли никакихъ пріуготовительныхъ свѣдѣній, и при обоихъ училищахъ, во все время ихъ существованія, были школы Цифирныя и Русскія, въ которыхъ обучались читать и ариѳметикѣ.

Размѣщеніе по двумъ городамъ частей того же учебнаго заведенія хотя представляло нѣкоторыя неудобства, но было сдѣлано сообразно съ обстоятельствами. Изъ большей части Россіи небогатымъ дворянамъ легче было представлять дѣтей въ Москву, нежели въ Петербургъ, и, кромѣ того, въ Москвѣ строеніе и все заведеніе школы остались прежнія, а новое устройство училища въ Петербургѣ, для большаго числа учениковъ, требовало значительныхъ денегъ, на которыя великій монархъ былъ крайне бережливъ.

Государь, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, въ нововведеніяхъ своихъ, большею частію руководствовался уже готовыми опытами иностранцевъ, и для каждаго новаго дѣла выписывалъ знающаго человѣка. Такъ и для образованія морскаго училища принятъ былъ въ нашу службу французъ, баронъ Сентъ-Илеръ (Saint-Hilaire), который обѣщалъ устроить у насъ училище по образцу Французскихъ. Морскія училища во Франціи, основанныя при Лудовикѣ XIV въ Марселѣ, Тулонѣ и Брестѣ, были въ хорошемъ состояніи, и государю угодно было принять ихъ за образецъ.

Морская академія, или Академія Морской Гвардіи, сколько можно судить по инструкціи, была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней было правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ наблюденіемъ строгой дисциплины. Комплектъ воспитанниковъ положенъ 300 человѣкъ, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или «бригадъ», въ каждой по 50 человѣкъ. Въ строевомъ отношеніи, надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый изъ гвардейскихъ полковъ, и называвшійся «Командиромъ Морской Гвардіи». Должность его соотвѣтствовала должности батальоннаго командира нынѣшнихъ кадетскихъ корпусовъ. Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исправлявшихъ должность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить

въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ, и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу».

Въ классахъ приказано было «никакого крику, ни шуму не чинить», и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ, государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть «хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамилии ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ», то есть кто будетъ потворствовать.

Воспитанники, или какъ ихъ называли въ бумагахъ, «Морская Гвардія», имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной казнѣ, у часоваго колокола и т. п.

Для преподаванія, переведены были изъ Москвы Фарварсонъ и Гвынъ, и въ помощь имъ необходимое число учителей и навигаторовъ.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во время, и обучать морскую гвардію «всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣйшимъ образомъ». Строго предписано было: «ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафтомъ вчетверо оное возвратить»; и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался «тѣлесному наказанію».

Морскую академію помѣстили въ домѣ бывшемъ Кикина, который вначалѣ отдѣлали на скорую руку, и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно же достроивали его лѣтомъ 1718 года.

Положеніе академіи вполнѣ соотвѣтствовало ея назначенію: она была «на набережной линіи» Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, именно на углу обращенномъ къ адмиралтейству и главному штабу. Въ то время вся часть Петербурга, между Невою и Фонтанкою, по справедливости называлась «Адмиралтей-

скимъ островомъ», и дѣйствительно почти вся была занята строеніями, принадлежащими морскому вѣдомству.

Настоящій городъ былъ еще около крѣпости, на Петербургской сторонѣ, а эта часть, въ особенности по улицамъ Галерной и обѣимъ Морскимъ, походила на грязную слободу приморскаго города. Деревянные домики, мастерскія, раздѣленныя лугами, рощами и пустырями, занимали теперешнія красивѣйшія части города. Адмиралтейство, стоявшее на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь, обнесено было землянымъ валомъ съ палисадомъ, за которымъ тянулись мазанковые магазины, и шелъ внутренній каналъ, выложенный камнемъ. У главныхъ воротъ, надъ каменнымъ строеніемъ, возвышалась мазанковая башня съ часами.

Взойдя на эту башню, лѣтомъ 1716 года, вы увидѣли бы внутри адмиралтейства 9 элинговъ и мокрый докъ. Передъ адмиралтействомъ большой лугъ, искрещенный проѣзжими дорогами и тропинками, протоптанными пѣшеходами. На лугу стоялъ большой чертежный амбаръ; по Малой и Большой Морскимъ тянулись бѣдные домики флотскихъ чиновниковъ; близъ Синяго моста стоялъ большой полковой адмиралтейскій дворъ, и подлѣ скромной деревянной церкви Казанской Божіей Матери были казармы адмиралтейскихъ плотниковъ.

По правую сторону адмиралтейства, гдѣ теперь дворецъ, находилась морская академія; подлѣ нея, ближе къ Невѣ, красивый барскій домъ графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, и передъ нимъ Морской рынокъ. По лѣвую сторону, на мѣстѣ нынѣшняго сената, были деревянныя палаты, въ которыхъ впослѣдствіи нѣкоторое время засѣдала адмиралтействъ-коллегія. Въ мазанкахъ, разбросанныхъ вблизи, жили корабельные мастера и адмиралтейскіе чиновники. Отсюда, все пространство по Галерной улицѣ, до новаго адмиралтейства и къ обѣимъ Коломнамъ, было занято магазинами — смольнымъ, угольнымъ, и т. п., огромнымъ прядильнымъ или канатнымъ заводомъ, различными мастерскими, банями, сараями, амбарами для храненія пеньки, лѣса и пр.

Всѣ эти строенія, для предохраненія отъ пожара и для удобнѣйшей подвозки тяжестей, были окружены каналами. Нынѣшнее Новое Адмиралтейство находилось на томъ же мѣстѣ, и называлось «Галернымъ дворомъ», потому что въ немъ строились галеры. Въ Голландіи сберегались лѣса; вблизи нея были провіантскіе магазины, сухарный заводъ, мясосольныя, арестантскій дворъ, и пр.

въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ, и садились по своимъ мѣстамъ «со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу».

Въ классахъ приказано было «никакого крику, ни шуму не чинить», и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ, государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть «хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ», то есть кто будетъ потворствовать.

Воспитанники, или какъ ихъ называли въ бумагахъ, «Морская Гвардія», имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Опи стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной казнѣ, у часоваго колокола и т. п.

Для преподаванія, переведены были изъ Москвы Фарварсонъ и Гвынъ, и въ помощь имъ необходимое число учителей и навигаторовъ.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во время, и обучать морскую гвардію «всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумительнѣйшимъ образомъ». Строго предписано было: «ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафтомъ вчетверо оное возвратить»; и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался «тѣлесному наказанію».

Морскую академію помѣстили въ домѣ бывшемъ Кикина, который вначалѣ отдѣлали на скорую руку, и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно же достроивали его лѣтомъ 1718 года.

Положеніе академіи вполнѣ соотвѣтствовало ея назначенію: она была «на набережной линіи» Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, именно на углу обращенномъ къ адмиралтейству и главному штабу. Въ то время вся часть Петербурга, между Невою и Фонтанкою, по справедливости называлась «Адмиралтей-

скимъ островомъ», и дѣйствительно почти вся была занята строеніями, принадлежащими морскому вѣдомству.

Настоящій городъ былъ еще около крѣпости, на Петербургской сторонѣ, а эта часть, въ особенности по улицамъ Галерной и обѣимъ Морскимъ, походила на грязную слободу приморскаго города. Деревянные домики, мастерскія, раздѣленныя лугами, рощами и пустырями, занимали теперешнія красивѣйшія части города. Адмиралтейство, стоявшее на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь, обнесено было земляныиъ валомъ съ палисадомъ, за которымъ тянулись мазанковые магазины, и шелъ внутренній каналъ, выложенный камнемъ. У главныхъ воротъ, надъ каменнымъ строеніемъ, возвышалась мазанковая башня съ часами.

Взойдя на эту башню, лѣтомъ 1716 года, вы увидѣли бы внутри адмиралтейства 9 эллинговъ и мокрый докъ. Передъ адмиралтействомъ большой лугъ, искрещенный проѣзжими дорогами и тропинками, протоптанными пѣшеходами. На лугу стоялъ большой чертежный амбаръ; по Малой и Большой Морскимъ тянулись бѣдные домики флотскихъ чиновниковъ; близъ Синяго моста стоялъ большой полковой адмиралтейскій дворъ, и подлѣ скромной деревянной церкви Казанской Божіей Матери были казармы адмиралтейскихъ плотниковъ.

По правую сторону адмиралтейства, гдѣ теперь дворецъ, находилась морская академія; подлѣ нея, ближе къ Невѣ, красивый барскій домъ графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина, и передъ нимъ Морской рынокъ. По лѣвую сторону, на мѣстѣ нынѣшняго сената, были деревянныя палаты, въ которыхъ впослѣдствіи нѣкоторое время засѣдала адмиралтействъ-коллегія. Въ мазанкахъ, разбросанныхъ вблизи, жили корабельные мастера и адмиралтейскіе чиновники. Отсюда, все пространство по Галерной улицѣ, до новаго адмиралтейства и къ обѣимъ Коломнамъ, было занято магазинами — смольнымъ, угольнымъ, и т. п., огромнымъ прядильнымъ или канатнымъ заводомъ, различными мастерскими, банями, сараями, амбарами для храненія пеньки, лѣса и пр.

Всѣ эти строенія, для предохраненія отъ пожара и для удобнѣйшей подвозки тяжестей, были окружены каналами. Нынѣшнее Новое Адмиралтейство находилось на томъ же мѣстѣ, и называлось «Галернымъ дворомъ», потому что въ немъ строились галеры. Въ Голландіи сберегались лѣса; вблизи нея были провіантскіе магазины, сухарный заводъ, мясосольныя, арестантскій дворъ, и пр.

Все это, по самому назначенію своему, было очень нечисто и не красиво; и въ этомъ грязномъ младенцѣ, кромѣ самого царя, конечно никто не могъ предвидѣть нынѣшняго красавца Петербурга.

Нашей морской гвардіи, можетъ быть, здѣсь было и скучнѣе чѣмъ въ Москвѣ, но за то новая столица, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовала будущей службѣ воспитанниковъ.

Веселаго.

ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА [1]).

Старинный Петровскій ботикъ, носящій почетное названіе «Дѣдушка Русскаго флота», представляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ Русскихъ историческихъ памятниковъ. Его уважаютъ какъ святыню и оказываютъ почести какъ живому существу. Начало такого благоговѣйнаго почитанія ботика положено самимъ великимъ царемъ, который чтилъ въ немъ предметъ, бывшій ближайшимъ поводомъ къ созданію Русскаго флота.

Потѣшныя плаванія Петра, начавшіяся на Яузѣ, на ботикѣ «Дѣдушкѣ», постепенно принимая болѣе и болѣе серьезное направленіе, быстро отъ Яузы перешагнули къ океану; а потомство ботика, разросшееся въ сильные флоты, пріобрѣло для России на сѣверѣ и на югѣ значительныя пространства морскихъ береговъ и своими боевыми подвигами успѣло заслужить уваженіе лучшихъ тогдашнихъ флотовъ.

Петръ чествовалъ свой ботикъ, какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ; въ немъ онъ какъ бы олицетворялъ великую идею созданія флота и, съ другой стороны, почестями, отдаваемыми ботику «дѣду», выражалъ свою признательность заслугамъ славныхъ внуковъ.

Преемники великаго царя относились къ ботику съ такимъ же уваженіемъ, и если по какому нибудь важному случаю ему приходилось показываться предъ народомъ, то явленіе это всегда было торжественно и сопровождалось почти царственными почестями.

Императоръ Николай Павловичъ, которому нашъ флотъ обязанъ своимъ возрожденіемъ, въ послѣдній разъ выводилъ «дѣ-

---

1) «Русская Старина» 1871 г.

душку» на Кронштадтскій рейдъ, гдѣ для встрѣчи его собранъ былъ почти весь Балтійскій флотъ. Чтобы дать понятіе, съ какимъ уваженіемъ отнесся въ этомъ случаѣ къ Петровскому ботику покойный государь, довольно сказать, что онъ самъ трудился надъ составленіемъ церемоніала и общій планъ торжества былъ написанъ собственною его рукою.

Въ будущемъ 1872 году [1]), въ двухсотлѣтнюю годовщину рожденія Петра Великаго, «дѣдушкѣ русскаго флота» предстоитъ посѣтить Москву, которая не видала его полтора столѣтія. По ходатайству его императорскаго высочества генералъ-адмирала флота, 12-го прошедшаго апрѣля, высочайше повелѣно перевезти Петровскій ботикъ въ Москву, для помѣщенія въ морскомъ отдѣлѣ политехнической выставки.

Такимъ образомъ, старый ботикъ — «дѣдушка», послѣ долгаго отсутствія, вновь явится въ первопрестольную Москву, которая, не смотря на свое удаленіе отъ морей, была истинною колыбелью Русскаго флота: на Яузѣ происходили первыя плаванія Петра; на Сухаревой башнѣ помѣщалось первое морское училище или школа математическихъ и навигацкихъ наукъ; первыя галеры, бывшія подъ Азовомъ, строились подъ Москвою въ селѣ Преображенскомъ, и въ 1688 году, также близъ Москвы, совершенно нечаянно попался на глаза юному царю знаменитый впослѣдствіи «дѣдушка» Русскаго флота.

О находкѣ ботика и важныхъ ея слѣдствіяхъ, самъ Петръ пишетъ слѣдующее [2]):

«Случилось намъ быть въ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ и, гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила Ѳеодоровича), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца (Тимермана) что то за судно? онъ сказалъ, что то ботъ Англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? онъ сказилъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостію лучше нашихъ)? Онъ мнѣ и сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело

---

[1]) Писано въ 1871 году.

[2]) Собственноручная записка Петра Великаго: «О началѣ судостроенія въ Россіи», хранящаяся въ государственномъ архивѣ.

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1703 г.)

Священное чувство благоговѣнія и признательности къ памяти Петра Великаго мгновенно овладѣетъ душою вашею, когда вы переступите чрезъ порогъ этой хижины, въ которой безсмертный вѣнценосецъ, для славы и благоденствія отечества, трудился какъ простой работникъ, отдаливъ отъ себя нѣгу, роскошь и пренебрегая даже отдохновеніемъ; почему изъ множества памятниковъ, сооруженныхъ мудрыми монархами, этотъ домикъ пребудетъ навсегда драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ позднѣйшаго потомства. Въ 1703 году, послѣ заложенія крѣпости и основанія первыхъ зданій на Петербургскомъ островѣ, Петръ Великій велѣлъ выстроить для себя на берегу Невы деревянный домикъ длиною около 9, шириною въ 3 сажени, съ двумя небольшими комнатами, раздѣленными узкими сѣнями и кухнею. Снаружи домикъ выкрашенъ былъ подъ кирпичъ, въ Голландскомъ вкусѣ, на крышѣ укрѣплены — по срединѣ мортира, а по обоимъ угламъ двѣ пылающія бомбы, всѣ деревянныя. Внутреннія стѣны комнатъ были обиты выбѣленною холстиною; двери, косяки всѣхъ семнадцати оконъ и ставни расписаны букетами разныхъ цвѣтовъ. Въ одной комнатѣ, при входѣ съ правой стороны, Петръ Великій обыкновенно занимался дѣлами и принималъ своихъ сановниковъ, а другая служила столовою и спальнею. Въ такомъ расположеніи домикъ сей сохраняется и теперь, ни въ архитектурѣ, ни въ убранствѣ его не сдѣлано измѣненій, исключая только, что Екатерина II велѣла все зданіе съ внѣшней стороны покрыть каменнымъ футляромъ, для сбереженія этой драгоцѣнности на будущія времена, Но отъ наводненія, бывшаго 7 ноября 1824 года, домикъ потерпѣлъ поврежденія, впрочемъ незначительныя, которыя тогда же совершенно исправлены.

стороны кормы, въ черномъ полѣ на бѣломъ щитѣ нарисованъ Русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій. Въ маѣ 1723 г., ботикъ былъ торжественно встрѣченъ въ Петербургѣ [1]).

Въ будущемъ 1872 году, Москвѣ предстоитъ вновь увидѣть его въ такой обстановкѣ, которая наглядно покажетъ, что духъ Петра жилъ и живетъ до сихъ поръ въ Русскомъ флотѣ, и что моряки наши и послѣ Петра продолжали во время мира и войны трудиться по его примѣру.

Разнообразные предметы будущей политехнической выставки представятъ образцы того, что выработано наукою и искусствомъ по всѣмъ отраслямъ морского дѣла, а о военныхъ заслугахъ нашихъ моряковъ, совершенныхъ по кончинѣ царственнаго адмирала, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ славныя имена Чесьмы, Наварина, Синопа и, особенно, незабвеннаго Севастополя, обезсмертившаго своихъ героевъ-защитниковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимали моряки.

Морской отдѣлъ выставки представляетъ всестороннее развитіе геніальной мысли царя, возбужденной старымъ ботикомъ, а потому, какъ бы ни были любопытны и полезны выставленные въ «отдѣлѣ» предметы, самымъ драгоцѣннымъ изъ нихъ, конечно, будетъ старый ботикъ Петра Великаго, маститый «Дѣдушка» Русскаго флота.

Веселаго.

---

[1]) Съ этого года ботикъ постоянно находился въ Петропавловской крѣпости, въ особо построенномъ для него павильонѣ.

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(1703 г.)

Священное чувство благоговѣнія и признательности къ памяти Петра Великаго мгновенно овладѣетъ душою вашею, когда вы переступите чрезъ порогъ этой хижины, въ которой безсмертный вѣнценосецъ, для славы и благоденствія отечества, трудился какъ простой работникъ, отдаливъ отъ себя нѣгу, роскошь и пренебрегая даже отдохновеніемъ; почему изъ множества памятниковъ, сооруженныхъ мудрыми монархами, этотъ домикъ пребудетъ навсегда драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ позднѣйшаго потомства. Въ 1703 году, послѣ заложенія крѣпости и основанія первыхъ зданій на Петербургскомъ островѣ, Петръ Великій велѣлъ выстроить для себя на берегу Невы деревянный домикъ длиною около 9, шириною въ 3 сажени, съ двумя небольшими комнатами, раздѣленными узкими сѣнями и кухнею. Снаружи домикъ выкрашенъ былъ подъ кирпичъ, въ Голландскомъ вкусѣ, на крышѣ укрѣплены—по срединѣ мортира, а по обоимъ угламъ двѣ пылающія бомбы, всѣ деревянныя. Внутреннія стѣны комнатъ были обиты выбѣленною холстиною; двери, косяки всѣхъ семнадцати оконъ и ставни расписаны букетами разныхъ цвѣтовъ. Въ одной комнатѣ, при входѣ съ правой стороны, Петръ Великій обыкновенно занимался дѣлами и принималъ своихъ сановниковъ, а другая служила столовою и спальнею. Въ такомъ расположеніи домикъ сей сохраняется и теперь, ни въ архитектурѣ, ни въ убранствѣ его не сдѣлано измѣненій, исключая только, что Екатерина II велѣла все зданіе съ внѣшней стороны покрыть каменнымъ футляромъ, для сбереженія этой драгоцѣнности на будущія времена, Но отъ наводненія, бывшаго 7 ноября 1824 года, домикъ потерпѣлъ поврежденія, впрочемъ незначительныя, которыя тогда же совершенно исправлены.

но кто въ которомъ хочетъ, лишь бы не ранѣе и не позже положеннаго времени; также тутъ быть столько кто похочетъ, и отъѣзжать воленъ когда хочетъ. 5) Во время бытія въ ассамблеи вольно сидѣть, ходить, играть, и въ томъ никто другому прешкодитъ или унимать; также церемоніи дѣлать вставаньемъ, провожаньемъ и прочимъ отнюдь да не дерзаетъ подъ штрафомъ Великаго Орла, но только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно. 6) Опредѣляется, какимъ чинамъ на оныя ассамблеи ходить, а именно: съ высшихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатнымъ купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, тоже знатнымъ приказнымъ; то-жъ разумѣется и о женскомъ полѣ, ихъ женъ и дочерей. 7) Лакеямъ или служителямъ въ тѣ апартаменты не входить; но быть въ сѣняхъ, или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ, также въ австеріи, когда и въ прочихъ мѣстахъ будутъ балы или банкеты, не вольно вышеписаннымъ служителямъ въ тѣ апартаменты входить, кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ». Къ симъ правиламъ государь прибавилъ еще распоряженіе, чтобы въ одной комнатѣ танцовали, въ другой играли въ карты, шашки и шахматы; въ третьей занимались разговарали, и курили табакъ вкругъ столовъ, на коихъ поставлены бутылки съ винами, разсыпанъ табакъ, спички и пр. — Вотъ, что еще заимствовали мы изъ своевременныхъ свѣдѣній. Объ ассамблеяхъ возвѣщалось жителямъ Петербурга барабаннымъ боемъ и прибитыми къ фонарнымъ столбамъ объявленіями. Въ день ассамблеи генералъ-полиціймейстеръ обязанъ былъ, черезъ два или три часа по полудни, являться къ хозяину дома, и записывать всѣхъ пріѣзжающихъ. Въ 6 часовъ пріѣзжалъ государь, нѣсколько позже государыня и вдовствовавшая царица Праскевія Ѳеодоровна съ царевнами. Передъ начатіемъ бала, хозяинъ подносилъ одной изъ дамъ, по своему выбору, бронзовый вызолоченный жезлъ, наподобіе кадуцея, и перчатку, въ знакъ владычества, давая тѣмъ знать, что въ свѣтской жизни принадлежитъ господство прекрасному полу. Послѣ сего дама принимала названіе «царицы бала», подзывала кавалера по собственному своему выбору, приказывала ему стать на колѣни, посвящала въ «маршалы бала», приложивъ, по примѣру древнихъ рыцарей, два свои пальца къ его щекѣ, послѣ чего передавала ему кадуцей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть свою. Маршалъ обязанъ былъ исполнять безъ отговорки всѣ повелѣнія своей дамы. Танцы открывались польскими, слѣдовала «миновея»

(менуетъ), и другіе модные по тогдашнему времени, родъ контръ-дансовъ, напр. «пистолетъ-миноветъ», и пр. Но государь изобрѣлъ еще и свой собственный танецъ. Это было что-то въ родѣ «гроссфатера» отъ 60 до 100 человѣкъ, подъ звукъ похороннаго марша, двигались погребальнымъ шествіемъ; вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между нетанцовавшими; кавалеры ловили дамъ, или искали другихъ; поднималась ужасная кутерьма, толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ, какъ будто играли въ жмурки; самъ Петръ и Екатерина, и вся царская фамилія не освобождали себя отъ этого: за ними бѣгали, гонялись, какъ и за всѣми другими; сами они ловили другихъ; наконецъ, по новому сигналу маршала, все опять приходило въ прежній порядокъ, и тѣ, кои оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осушить большаго или малаго орла. Этотъ орелъ былъ кубокъ, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осушенія онаго виновный не освобождался никакими причинами или оправданіями. Въ тогдашнихъ танцахъ отличались предъ всѣми плѣнными Шведскіе офицеры; нѣкоторое время были они учителями Русскихъ дамъ и кавалеровъ. Между танцами, дамамъ разносили чай, кофе, медъ, варенья и пр., а послѣ, со времени пребыванія въ Петербургѣ Голштинскаго герцога, по примѣру данной имъ ассамблеи, вошли въ моду шоколатъ и лимонадъ. Сей же герцогъ первый ознакомилъ Петербургскую публику съ пріятною, стройною музыкою, выписанною имъ изъ Вѣны, а до того на балахъ гремѣли трубы, фаготы, гобои и литавры. — Первая ассамблея была 7 декабря 1718 у генералъ-адмирала Апраксина; вторая 9 числа у тайнаго совѣтника Толстаго; третія 11, у канцлера Головкина, потомъ 16, у вице-канцлера Шафирова, 20 у вице-адмирала Крюйса и т. д. Послѣ собранія эти, въ зимнее время, обыкновенно начинались и оканчивалась княземъ Меньшиковымъ. Государь давалъ очередныя свои ассамблеи, въ почтовомъ домѣ, на Адмиралтейской сторонѣ, тамъ гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ; въ этомъ домѣ одна комната была убрана, для ассамблеи, самымъ лучшимъ образомъ. — Лѣтомъ ассамблеи давались самимъ царемъ въ Лѣтнемъ саду.

Языковъ.

МАСКАРАДЪ [1]

(1723 г.).

Маскарадъ начался въ день празднества св. Александра Невскаго, то есть 30-го августа, а окончился 6-го числа сентября. Всѣ, находившіеся въ маскарадѣ, раздѣлены были на нѣсколько нумеровъ, или кадрилей.

Избраны были начальники, или путеводцы онаго, подъ именами маршала и трехъ унтеръ-маршаловъ маскарада; первымъ былъ князь Меньшиковъ, одѣтый въ платье аббата, и занималъ № 3, а послѣдними для кавалеровъ президентъ мануфактуръ-коллегіи Василій Новосильцовъ; для дамъ полковникъ Сукинъ и полковникъ же и оберъ-кригсъ-коммисаръ Юшковъ. Изъ сихъ трехъ первый предшествовалъ предъ маскированными мужчинами, подъ № 1, въ уборѣ древнихъ кавалеровъ св. Георгія, второй предшествовалъ дамамъ, а третій заключалъ весь маскарадъ.

Во 2 № находилось 30 человѣкъ пѣвчихъ въ однорядкахъ и въ халдейскомъ платьѣ, и, безъ сомнѣнія, пѣли.

Въ 4 № графы Апраксины, именно же: генералъ-адмиралъ и братья его бояринъ и президентъ юстицъ-коллегіи Петръ и оберъшенкъ Андрей Матвѣевичи, въ платьяхъ Гамбургскихъ бургомистровъ.

Въ 5 № канцлеръ графъ Головкинъ, оберъ-прокуроръ Сената Бибиковъ, тайный совѣтникъ канцеляріи Степановъ; совѣтники вотчинной коллегіи Мануковъ и Пановъ, статсъ-конторы статсъ-коммисаръ Мякининъ, президентъ магистрата Исаевъ, индтендантъ

---

[1]) Этотъ маскарадъ назначенъ былъ по случаю празднованія годовщины Ништадтскаго мира, 30-го августа, и, кромѣ того, въ этотъ день праздновали встрѣчу *ботика*, привезеннаго въ этотъ годъ (1723) изъ Москвы въ Петербургъ.

Потемкинъ, юстицъ-коллегіи совѣтникъ Исленьевъ и прокуроръ Ржевскій, всѣ въ Польскомъ платьѣ.

Въ № 6 генералъ-поручики Лессій и Минихъ, въ платьѣ старинныхъ крыжаковъ.

Въ № 7 генералъ-прокуроръ Ягужинскій и баронъ Остерманъ, въ старо-нѣмецкомъ.

Въ № 8 генералъ-маіоръ кн. Юсуповъ, военной коллегіи ассесоръ полковникъ Карауловъ и прокуроръ Пашковъ, гвардіи капитанъ Шушеринъ и капитанъ-поручикъ Тарѣевъ, въ платьѣ старинныхъ воиновъ.

Въ № 9—одинъ капитанъ гвардіи Нейбушъ въ Македонскомъ.

Въ № 10 адмиралъ Крейцъ, графъ Матвѣевъ, Ушаковъ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, флота капитанъ графъ Александръ Апраксинъ, архіатеръ и докторъ Блюментросты, кабинетъ-секретарь Макаровъ, оберъ-секретарь военной коллегіи Волковъ, флота поручикъ Алексѣевъ, въ платьѣ апатскомъ (кажется аббатскомъ).

Въ № 11, въ платьѣ іезуитовъ, генералъ-герольдмейстеръ Плещеевъ, два Зотовыхъ, бригадиръ и флота капитанъ, президентъ камеръ-коллегіи Алексѣй Плещеевъ же, гвардіи капитанъ Бахметевъ, прокуроры: адмиралтейскій, вотчинный и статсъ-конторы, три члена камеръ-коллегіи, экзекуторъ сената Елагинъ, флота поручикъ князь Щербатовъ, баронъ Строгановъ и кн. Юрій Гагаринъ.

Въ № 12—16 человѣкъ иностранныхъ купцовъ, всѣ по именамъ, въ платьѣ Французскихъ крестьянъ.

Въ № 13, въ платьѣ Боровскаго княжества, вице-адмиралъ Сиверсъ и шаутбенахтъ Сенявинъ.

Въ № 14, въ нобеляхъ Венеціянскихъ, сенаторы князья Василій и Михайла Долгоруковы, губернаторъ Сибирскій Алексѣй Черкасскій, тайный совѣтникъ графъ Александръ Головкинъ, полковникъ Илья Орловъ, генералъ-рекетмейстеръ Павловъ, совѣтники Рагузинскій и Тихомировъ.

Въ № 15, въ Стральзундскомъ: бригадиры Бахметевъ и Норовъ и полковникъ Лутковскій.

Въ № 16, въ Китайскомъ: прокуроры мануфактуръ- и камеръ-коллегій Бибиковъ и Воейковъ.

Въ № 17, въ Еврейскомъ Венеціянскомъ пять офицеровъ Нѣмцевъ.

Въ № 18, въ рудокопномъ, 9 человѣкъ, первый изъ нихъ оберъ-директоръ строенія Ульянъ Синявинъ.

№ 19, въ лоцманскомъ, флота капитанъ-командоры Синявинъ и Гослеръ и разныхъ чиновниковъ семь человѣкъ.

Въ № 20, въ капуцинскомъ, Сунода оберъ-прокуроръ полковникъ Иванъ Болтинъ и оберъ-коммисаръ Арсеньевъ.

Въ № 21, Цыстерскомъ, военной коллегіи секретарь Вистъ и генералъ-аудиторъ Цейтеродій.

Въ № 22, въ Швейцарскомъ: генералъ-маіоръ артиллеріи Гинтеръ и архитекторъ Трезинъ.

Въ № 23, въ Индійскомъ—10 иностранцевъ.

Подъ нумерами 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42 и 43 находилось разнаго званія чиновниковъ, сенаторовъ, вице- и контръ-адмираловъ, президентовъ, совѣтниковъ, прокуроровъ, секретарей, и проч. 59 человѣкъ, одѣтыхъ въ платье канонниковъ, японское, пастиліонское, татарское; порцынельское, въ старинные чюги, въ шармуцкое, въ пасторское, въ армянское, въ турецкое, въ венгерское, въ римско-гражданское, въ греческое матросское, въ цимерм...нское, въ рыбачье, въ лоцманское-рѣчное, въ финское, въ польско-еврейское.

Подъ № 44, иностранные министры и резиденты: Французкій Кампредонъ, Цесарскій Гохгольцеръ, Голландскій Девильде, Прусскій Мардефельдъ, Польскій Лефортъ, Мекленбургскій Остерманъ, Шведскій Цедекрейцъ, Датскій Вестфаль и Французскій капитанъ корабельный, всѣ въ платьѣ труфальдійскомъ Итальянскомъ.

Подъ 45 №, герцогъ Голштинскій, съ шестью солдатами съ топорами, наподобіе древнихъ Римскихъ ликторовъ, съ шестью музыкантами; при нихъ двое имѣли значки полевые; 2 знамени герба его; два его сенатора, 8 воиновъ и 4 арапа.

Подъ № 46, Семенъ Тургеневъ, представлявшій Нептуна съ его приборомъ.

Подъ № 47, въ шкиперскомъ, генералъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Басъ-Головинъ съ корабельными мастерами: Козенцомъ, Наемъ, Броуномъ и Рамзомъ.

Подъ № 48,—*Барабанщики*: адмиралъ краснаго флага *Петръ Алексѣевичь Михайловъ* [1]), генералъ Иванъ Ивановичъ Бутур-

---

[1]) И безъ моего напоминовенія узнаетъ читатель, что сей адмиралъ есть самъ государь. *Гол.*

линъ, генералъ-маіоръ Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, князь Никита Трубецкой.

Подъ № 49, князь-кесарь Иванъ Өедоровичъ Ромадановскій, въ старинномъ цесарскомъ одѣяніи.

За нимъ № 50, пѣвчій Кононъ Карповъ, представлявшій *Бахуса* съ его приборомъ.

Подъ № 51—дамы въ Фрисландскомъ уборѣ, а именно: ея величество кесарева Рамодановская, княгиня Голицына, госпожа адмиральша краснаго флага *Михайлова* [1]), госпожа Толстая, полковница Копенгаузинова, капитанша Вильбоа и госпожа Олсуфьева.

№ 52, въ Гишпанскомъ:

Ея высочество царевна Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургская, свѣтлѣйшая княгиня Меньшикова, Варвара Михайловна Арсеньева, генералъ-маіорша Ушакова, дѣвица Юшкова, госпожа Блюментростъ и Рагузинская.

№ 53, въ шкармуцкомъ:

Ея высочество царевна Праскевія Іоанновна, дѣвица графиня Головина, госпожа Остерманъ, дѣвица Стрешнева, госпожа Строгонова, полковницы Болтина и Блеклая, прокурорша Ржевская, госпожа Дашкова, дѣвицы: Милославская, Татищева и Мамонова и супруга совѣтника Степанова.

Подъ № 54, въ Польскомъ:

Графиня Головкина, генеральша Бутурлина, генералъ-маіорша Гинтерева, графиня Матвѣева, госпожа Плещеева и бригадирши Норова и Бахметева.

Заключалъ весь маскарадъ унтеръ-маршалъ маскарада Юшковъ.

Мы уже сказали выше, что маскарадъ сей начался 30-го августа. Все помянутое маскированное собраніе явилось того числа у четырехъ Шведскихъ полоненныхъ фрегатовъ, выведенныхъ къ Троицкой площади, и потомъ, по порядку нумеровъ, прошедъ тою Троицкою площадью, обошли пирамиду, воздвигнутую въ честь взятія тѣхъ фрегатовъ. Государыни цесаревны смотрѣли на оное изъ сенатскихъ апартаментовъ, а посолъ Персидскій со всѣми людьми своими съ галереи того-же сената. Потомъ весь маскарадъ сѣли на гребныя суда, и въ предшествіи славнаго ботика (который для сего праздника въ сей же день изъ Шлиссельбург-

[1]) Императрица.

ской крѣпости привезенъ къ сей же площади), слѣдовали къ крѣпости. Во время постановленія ботика того на берегу пристани, всѣ суда маскированныя стояли на Невѣ; когда же ботикъ тотъ поставили на мѣсто, произведена съ крѣпости пушечная, въ честь его, пальба; потомъ весь маскарадъ на греблѣ протянулся въ рѣчку Фонтанку, и приставъ у дома генералъ-маіора и оберъ-сарваера Головина, вошли въ оный и веселились до 9 часовъ вечера; потомъ всѣ въ баржахъ поѣхали вверхъ по Невѣ до дома князя-кесаря, и оттуда обратились внизъ до Галернаго двора. Во все сіе гулянье на баржахъ гремѣла музыка; въ 12 часу по полудни всѣ разъѣхались по домамъ.

На другой день такимъ же порядкомъ, собрался маскарадъ въ 1 часу по полудни въ садъ его величества, и гуляли до 12 часа, при играніи во многихъ мѣстахъ сада музыки.

1 числа сентября прибылъ, въ 4 часа по полудни, весь же маскарадъ въ садъ генералъ-адмирала, и гуляли до 8 часа. Ихъ величествъ въ сей день при маскарадѣ не было.

2 сентября, въ 3 часу по полудни, собрался тѣмъ же порядкомъ маскарадъ къ помянутымъ же фрегатамъ, и потомъ все собраніе поѣхало на гребныхъ судахъ на островъ канцлера графа Головкина (Каменный), въ саду котораго разставлены были многіе наметы, и гуляли до 9 часовъ вечера; при чемъ находился и Персидскій посолъ съ своею свитою; оттуда гуляли въ баржахъ по Большой Невѣ, и, доѣхавъ до дома князя Меньшикова, въ 12 часу разъѣхались по домамъ

3 числа, въ два часа по полудни собрались опять у тѣхъ же фрегатовъ, и оттолѣ на парусахъ и на греблѣ въ судахъ прибыли въ садъ Васильевскій князя Меньшикова, гдѣ и помянутый посолъ былъ, и веселились, при великомъ отъ хозяина угощеніи. Въ сіе веселье получена вѣдомость отъ г. Матюшкина съ курьеромъ о взятіи въ Персіи города Баки.

4 числа было отдохновеніе.

5 сентября, по данной повѣсткѣ поутру, весь маскарадъ собрался на Троицкой пристани, и, прикрывъ маскарадное платье епанчами и плащами, слушали въ Троицкомъ соборѣ св. литургію, проповѣдь и благодарственное молебствіе за успѣхи оружія въ Персіи; во время молебствія производилась съ обѣихъ крѣпостей пушечная стрѣльба, и потомъ разъѣхались по домамъ; а въ два часа по полудни въ гребныхъ судахъ, весьма скарадъ съѣ-

шее присутствіе Фалконета въ Петербургѣ для него непріятнымъ, и, по двѣнадцатилѣтнемъ здѣсь пребываніи, отправился онъ отсюда въ сентябрѣ 1778 года, не бывъ свидѣтелемъ торжественнаго открытія памятника. Всѣ издержки, какъ для изваянія, такъ и для везенія камня, простирались до 424,610 рублей. Въ 1782 году, 7 августа, послѣдовало открытіе паматника, т. е. ровно чрезъ сто лѣтъ по вступленіи на престолъ великаго преобразователя. За нѣсколько дней, вмѣсто деревянныхъ стѣнъ, коими памятникъ окруженъ былъ, поставлена была около него полотняная ограда, на коей изображены были камни и гористыя страны. Стеченіе народа было чрезвычайно при семъ торжествѣ; даже крыши вокругъ лежащихъ домовъ были покрыты зрителями. Число войскъ, находившихся въ сей день въ парадѣ, простиралось до 15,000, и находилось подъ начальствомъ фельдмаршала князя Голицына. На 4-мъ часу полудни императрица прибыла на шлюбкѣ, и, при выходѣ изъ оной, была встрѣчена Сенатомъ, подъ начальствомъ генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, и собравшимся придворнымъ штатомъ, коими сопровождаема была подъ прикрытіемъ кавалергардскаго корпуса въ Сенатъ, гдѣ вскорѣ она и явилась на балконѣ. По сдѣланному сигналу ограда упала, и изваянный образъ великаго монарха открылся. Императрица, проливая слезы, преклонила предъ нимъ главу свою. Раздались народныя восклицанія. Войско, при барабанномъ боѣ, преклонило знамена; съ крѣпости, адмиралтейства и императорскихъ яхтъ, украшенныхъ флагами, раздались пушечные выстрѣлы. Въ сіе время Иванъ Ивановичъ Бецкій поднесъ государынѣ нѣсколько медалей, выбитыхъ на сей случай. На медаляхъ сихъ съ одной стороны было изображеніе императрицы, а съ другой — воздвигнутаго памятника. Екатерина, приказавъ оберъ-церемоніймейстеру подать себѣ большую золотую медаль, соизволила вручить ее Бецкому изъ собственныхъ своихъ рукъ. Между зрителями находился почти столѣтній старецъ, капитанъ-командоръ Рейзеръ, вступившій въ Русскую морскую службу еще въ 1715 году. Императрица удостоила сего старца подаркомъ большой золотой медали, вылитой по случаю сооруженія памятника. Площадь, на которой памятникъ воздвигнутъ, получила названіе Петровской площади.

Въ память сего достопамятнаго дня, государыня оказала разныя милости: освобождены осужденные около сего времени къ смерт-

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Августа 7-го, 1782 г., послѣдовало, по повелѣнію императрицы Екатерины II, торжественное открытіе памятника Петра Великаго на Сенатской площади. Памятникъ сей заслуживаетъ особенное вниманіе не только по красотѣ изображенія царя-преобразователя, но и по великой мысли поставить оный на скалѣ, которую съ большимъ трудомъ перевезли на назначенное мѣсто, и потому мы передадимъ нѣсколько подробностей о работахъ, произведенныхъ по сему случаю.

Изъ Парижа чрезъ посланника нашего былъ выписанъ Фалконетъ [1]), художникъ, уже пріобрѣтшій знаменитость своими произведеніями. Онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1766 году, обязался окончить свою работу въ 8 лѣтъ, и изготовилъ, послѣ десятимѣсячнаго занятія, модель въ маломъ видѣ. Главное начальство надъ работами для сооруженія памятника было поручено Ивану Ивановичу Бецкому. Екатерина назначила подножіемъ для памятника дикую и неудобовосходимую скалу; на ней долженъ быть поставленъ царь скачущій на конѣ, съ простертою правою рукою. У деревни Лахты, верстахъ въ 6 отъ Петербурга, находился замѣчательной величины камень, называемый *каменной горой*, памятный тѣмъ, что еще Петръ Великій неоднократно обращалъ но него свое вниманіе, и что за нѣсколько лѣтъ ударилъ въ него громъ, отчего онъ былъ прозванъ *камень-громъ*. Казенный изъ Лахты крестьянинъ Семенъ Вишняковъ, въ сентябрѣ 1768 подалъ первый извѣстіе о семъ камнѣ, который и былъ тотчасъ осмотрѣнъ. Длина его была 44 ф., ширина 22 ф., а вышина 27 футовъ; онъ лежалъ въ землѣ на 15 футовъ, и заросъ со всѣхъ

---

[1]) Фалконетъ (Степанъ), Швейцарскій уроженецъ; умеръ въ Парижѣ 1791 г.

сторонъ мхомъ на два дюйма толщины. Тяжесть его состояла слишкомъ изъ 100 тысячъ пудовъ. Но для перевезенія его представлялись затрудненія, почти непреоборимыя. Никто изъ находившихся въ Петербургѣ механиковъ не брался выполнить сіе трудное дѣло. Честь изобрѣтенія средства для совершенія сей грузной перевозки принадлежитъ простому Русскому кузнецу, и имѣла полный успѣхъ; онъ придумалъ перевезть камень на мѣдныхъ съ примѣсью галмея и олова шарахъ, вложенныхъ въ желоба, выдолбленные въ бревнахъ. Въ февралѣ 1769 приступили къ поднятію камня. Весь путь на сушѣ до того мѣста, гдѣ надлежало положить камень на судно, содержалъ 4173 сажени т. е. немного болѣе 8 верстъ. Чтобы укрѣпить дорогу, по которой надобно было везти камень, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ били сваи. Сухимъ путемъ везли его съ 15 ноября по 27 марта; пять разъ камень углублялся въ землю, и съ большимъ затрудненіемъ снова былъ приводимъ въ движеніе [1]); перевозка водою, на пространствѣ 12 верстъ, представляла чрезвычайныя затрудненія, но совершена была успѣшно. Выгруженіе произведено въ присутствіи Прусскаго принца Генриха (въ октябрѣ 1770), прибывшаго не задолго предъ тѣмъ въ Петербургъ. Въ память сего происшествія была выбита медаль, на которой съ одной стороны была выбита медаль, на которой съ одной стороны было изображеніе императрицы, а на оборотѣ представленъ камень, въ то время какъ его везли и обтесывали, окруженный великимъ множествомъ зрителей, съ надписью на медали: *«Дерзновенію подобно»*.

Фалконетъ, трудившійся съ неутомимымъ прилежаніемъ надъ моделью, окончилъ ее въ іюлѣ 1769. «Совершилъ я свою работу», писалъ онъ, вскорѣ послѣ того; «о, еслибы приведенный мною къ окончанію памятникъ былъ достоинъ и монархини, воздвигнувшей оный, и великаго мужа, имъ изображаемаго; если бы онъ былъ благоугоденъ народу, одаренному доблестнымъ духомъ

---

[1]) Во время перевозки его на сухомъ пути, два барабанщика стояли на немъ, и по дѣлаемымъ имъ сигналамъ били въ барабанъ для начатія и прекращенія работы. Рабочихъ людей употреблено было до 400 человѣкъ, 48 каменосѣчцевъ находились возлѣ или на верху камня, и обсѣкали его, дабы дать ему желаемый видъ, на верху одного края была устроена кузница, гдѣ находились нужныя орудія въ готовности, прочіе приборы были везены въ привязанныхъ къ камню саняхъ, за коими слѣдовала еще прицѣпленная къ нимъ караульня.

МАНИФЕСТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ОБНАРОДОВАННЫЙ 7-ГО АВГУСТА, 1772 ГОДА, ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТІЯ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Промыслъ Всевышняго, судьбу царствъ устроевающій, колико благопоспѣшествовалъ любезному отечеству нашему, всякъ познаетъ, преходя въ памяти своей дѣянія, въ теченіи двадесятилѣтняго царствованія нашего совершившіяся. Не довольно, что всякое намѣреніе наше, на пользу, умноженіе изобилія и утвержденіе спокойствія предпріятое, увѣнчано было вожделѣннымъ успѣхомъ; война и разные опасные случаи не токмо не поколебали благоденствіе нашихъ подданныхъ; но прямо въ приращеніе величія и могущества имперіи нашей обратилися. Съ достодолжнымъ благодареніемъ пріемля отъ руки Всемогущаго на насъ и государство наше ниспосланныя благодѣянія, не можемъ мы лучше воздать онаго, ниже принести ему жертвы пріятнѣйшія, какъ кротостію и человѣколюбіемъ, угождая божественному его милосердію къ виновнымъ, и облегчая жребій ихъ, да паче исправлены, нежели наказаны будутъ. Сего ради въ день, посвященный обновленію памяти въ Бозѣ почивающаго государя императора Петра Перваго именемъ, дѣлами же Великаго, монументомъ посреди престольнаго града, имъ созданнаго, воздвигнутымъ въ знакъ благодарности и признанія къ трудамъ, подъятымъ имъ на пользу и славу Россіи, восхотѣли мы изъявить слѣдующія милости наши надъ погрѣшившими:

1. Которые колодники теперь и сего числа содержатся гдѣ въ имперіи нашей, и осуждены къ смертной казни, тѣхъ повелѣваемъ отъ оной освободить и сослать въ работу; кои же осуждены къ тѣлесному наказанію, тѣхъ отъ онаго освободить и послать на поселеніе.

2. Повелѣваемъ всякаго рода взысканія по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ долѣе десяти лѣтъ продолжающіяся, и въ теченіи

таковаго времени неоконченныя, оставить; и если по подобнымъ дѣламъ гдѣ содержится кто въ тюрьмѣ, то не мѣшкавъ освободить.

3. Умершихъ, коихъ наслѣдники по какимъ ни есть казеннымъ недоимкамъ подъ взысканіемъ находятся, всѣхъ сихъ всемилостивѣйше прощаемъ.

4. Повелѣваемъ какъ по казеннымъ, такъ и по партикулярнымъ долгамъ болѣе 5 лѣтъ въ тюрьмѣ содержащихся людей, кои дѣйствительно найдутся не въ состояніи платить, освободить.

5. Всякаго рода и званія военнымъ людямъ, крестьянамъ и прочимъ обывателямъ, до состоянія сего указа нашего отлучившимся изъ отечества, жилищъ и командъ ихъ самовольно, даруемъ всемилостивѣйшее прощеніе, буде они явятся отъ сего числа чрезъ годъ, а изъ иностранныхъ земель чрезъ два года. Въ принятіи же ихъ поступать по манифестамъ нашимъ отъ 5 мая 1779 и отъ 27 апрѣля 1780 годовъ изданнымъ.

6. Начетъ казенный и другія такія же упущенія, ежели они неумышленны, до 500 рублей прощаемъ, и повелѣваемъ оныхъ не взыскивать.

7. По корчемнымъ и солянымъ дѣламъ содержащихся до сего времени подъ стражею всѣхъ освободить, по учиненнымъ объ нихъ сентенціямъ ничего не дѣлать, и всѣ по симъ дѣламъ начатыя слѣдствія отставить.

8. Каторжныхъ, кромѣ смертоубійцовъ и такихъ, на коихъ поставлены знаки, всѣхъ освободить, и возвратить на прежнія ихъ жилища.

9. Всѣхъ до сего числа оказавшихся въ неисправленіи или упущеніи должности, кромѣ взятковъ и другихъ умышленныхъ преступленій, всемилостивѣйше прощаемъ, въ чаяніи, что они трудомъ и ревностію потщатся наградить свои неисправности.

Мы желаемъ, чтобъ всемилостивѣйшія прощеніе и облегченіе, отъ насъ дарованныя, послужили на обращеніе каждаго изъ погрѣшившихъ къ чистосердечному раскаянію въ содѣянномъ ими; и къ побужденію добрымъ поведеніемъ и совершеннымъ послушаніемъ законамъ Божіимъ и гражданскимъ загладить вину его; и чтобъ всѣ они соединили къ Богу усердныя свои молитвы о упокоеніи души преславнаго монарха, въ память коего возсіяло на нихъ наше императорское милосердіе. [1])

[1]) Полн. Собр. Зак. XXI. 15,488.

МАСКАРАДЪ [1])

(1723 г.).

Маскарадъ начался въ день празднества св. Александра Невскаго, то есть 30-го августа, а окончился 6-го числа сентября. Всѣ, находившіеся въ маскарадѣ, раздѣлены были на нѣсколько нумеровъ, или кадрилей.

Избраны были начальники, или путеводцы онаго, подъ именами маршала и трехъ унтеръ-маршаловъ маскарада; первымъ былъ князь Меньшиковъ, одѣтый въ платье аббата, и занималъ № 3, а послѣдними для кавалеровъ президентъ мануфактуръ-коллегіи Василій Новосильцовъ; для дамъ полковникъ Сукинъ и полковникъ же и оберъ-кригсъ-коммисаръ Юшковъ. Изъ сихъ трехъ первый предшествовалъ предъ маскированными мужчинами, подъ № 1, въ уборѣ древнихъ кавалеровъ св. Георгія, второй предшествовалъ дамамъ, а третій заключалъ весь маскарадъ.

Во 2 № находилось 30 человѣкъ пѣвчихъ въ однорядкахъ и въ халдейскомъ платьѣ, и, безъ сомнѣнія, пѣли.

Въ 4 № графы Апраксины, именно же: генералъ-адмиралъ и братья его бояринъ и президентъ юстицъ-коллегіи Петръ и оберъшенкъ Андрей Матвѣевичи, въ платьяхъ Гамбургскихъ бургомистровъ.

Въ 5 № канцлеръ графъ Головкинъ, оберъ-прокуроръ Сената Бибиковъ, тайный совѣтникъ канцеляріи Степановъ; совѣтники вотчинной коллегіи Мануковъ и Пановъ, статсъ-конторы статсъ-коммисаръ Мякининъ, президентъ магистрата Исаевъ, индтендантъ

---

[1]) Этотъ маскарадъ назначенъ былъ по случаю празднованія годовщины Ништадтскаго мира, 30-го августа, и, кромѣ того, въ этотъ день праздновали встрѣчу *ботика*, привезеннаго въ этотъ годъ (1723) изъ Москвы въ Петербургъ.

Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ; и сохраните вѣру нашу истинную православную христіанскую греческаго закона, чисту, непоколебиму; и соблюдите царство свое чисто и непорочно, якоже нынѣ приняли есте отъ Бога; и любите правду и милость, и судъ правый, къ послушнымъ милостивый, ко святѣй же соборной церкви и ко всѣмъ святымъ церквамъ имѣйте вѣру и страхъ Божій, и воздавайте честь, понеже въ ней цари второе порождены есте отъ святыя купели духовнымъ святымъ порожденіемъ, и помазаны святымъ елеомъ, и вѣнчалися царскими вѣнцы по древнему чину; и ко святымъ честнымъ монастыремъ велію вѣру держите, по даннѣй вамъ отъ Бога царстѣй власти; къ нашей же мѣрности и ко всѣмъ своимъ богомольцемь о Святѣмъ Дусѣ, царское свое духовное повиновеніе, по Христову евангельскому словеси ко святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ глаголющу: слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается, отметаяйжеся мене, отметается пославшаго мя. И сего ради видящіи се, елико кто честь воздаетъ святителю, и та честь самому Христу восходитъ, и пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ, и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пріиметъ, отъ негожъ и мзду пріимутъ сторицею. Благовѣрныхъ царицъ, и тетокъ, и сестеръ своихъ, благородныхъ царевенъ, о благочестивые и боголюбивые цари! любите и почитайте, по царскому своему свойству, по божественному апостолу: любяй бо, рече, брата своего, въ Бозѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ; бояръ же и вельможъ жалуйте и берегите, по ихъ отечеству и службѣ и правдѣ. Ко всѣмъ же княземъ, и княжатомъ, и дѣтемъ боярскимъ, и ко всему христолюбивому воинству будите приступны, и милостивы, и привѣтны, по царскому своему чину и сану. Всѣхъ же православныхъ христіанъ блюдите, и жалуйте, и попеченіе имѣйте о нихъ отъ всего сердца; за обидимыхъ же стойте царски и мужески, и не попускайте, и не давайте обидѣти, и дѣлайте все по суду праву. Се бо, о цари, приняли есте отъ Бога скиптры правити хоругви великаго царства Россійскаго, и разсудити, и управити люди ваша въ правду. Блюдите и храните бодренно, отъ дивіихъ волковъ губящихъ е, да не растлятъ стада Христовыхъ овецъ словесныхъ, отъ Бога данныя вамъ и врученные содержати скиптры по воли Его святой, и по вашему исконному царскому жребію, и отечеству, того великаго Россійскаго царствія. И паки

глаголю вамъ, боголюбивые цари, блюдите съ Богомъ и храните, елико ваша царская власть содержитъ, покрываемы Вышняго десницею, и хранимы благодатію Святаго Духа, отъ всѣхъ вашихъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя царя правдѣ, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя: сего ради слышите царіе и князіе и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, и сила отъ Вышняго, васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ; вамъ же подобаетъ при семъ же отъ вышняго повелѣнія правленіе человѣческаго рода, православнымъ царемъ, не токмо о своихъ пещися и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и соблюдати стадо его отъ волковъ невредимо; но боятись серпа небеснаго, и не давати воли зло творящимъ человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющимъ. Якоже бо солнцу на земли несущу, темно есть все и неразсудно, сице и наказанію души не сущу, размѣшено все; едина бо точію добродѣтель отъ стяжанія безсмертная суть. И паки вамъ глаголю, о Богомъ вѣнчанные цари! цѣло имѣйте мудрованіе православныхъ догматовъ, почитайте излишше матерь вашу церковь, якоже о Святѣмъ Дусѣ та воздои, да и сами почтены будете отъ нея, и священническій чинъ имѣйте честно, и стыдитеся яко отца духовныя ходатая къ Богу, честь бо священническая на Бога восходитъ, такожъ и на нихъ безчестіе множае паче Бога прогнѣваетъ; языка-жъ льстиваго и слуха суетна не пріемлите цари, ниже оболгателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры емлите, но разсуждайте все по Бозѣ въ правду, о Богомъ вѣнчанные цари! яко всѣмъ человѣкомъ мудрость честнѣйши есть, вси бо ту яко благо похваляютъ, и любомудрости быти подобаетъ и мудрымъ послѣдовати, на нихъ же во истину, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ; не тако красная міра вся, якоже добродѣтель краситъ царей; но зрите доброту духовную, и раздавайте саны туне, а не на дарѣхъ продавайте власти, еже бо цѣною купивый власть, множае паче обладаеми купуютъ, яко мздовоздаянію надѣяся ко мздопріятію безъ боязни зритъ. Аще бо и неприступны есте цари, нижняго ради царства, не неудобъ приступны будите горняя ради власти, но имате и сами Царя, иже есть на небесѣхъ. Аще бо онъ всѣми печется, яко Богъ: сице потребно есть и вамъ царемъ ничтожъ презирати. Тщитеся, о Богомъ вѣнчанные цари! не точію сія царства исправити нравы

благими, но небесная наслѣдовати добродѣтельными благодѣяньми; и аще хощете милостива къ себѣ имѣти Небеснаго Царя и Бога, милостивы будите и вы, цари, ко всѣмъ, да и здѣ добрѣ и благо поживете во вѣки вѣковъ; добрымъ царскимъ слухомъ здѣ, а тамо славою со Ангелы Божіими, прежъ втораго воскресенія и страшнаго суда. Силою Творца, и премудростію Искупителя Сына, и Духа Святаго благодатію возмогайте, о благочестивые цари, о Христѣ, и паки возмогайте, да наслѣдники будете небеснаго царствія со всѣми святыми православными цари, да возможете со дерзновеніемъ рещи и во второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: се и мы Господи и людіе твои, ихъ же намъ еси далъ, великаго вашего царства Россійскаго; и тогда, о благочестивые и Богомъ вѣнчанные цари! и сами услышите сладкій онъ гласъ небеснаго Царя и Бога: благіи мои рабы, добрые, вѣрные Россійскіе цари, о малѣ ми были вѣрны, надъ многими васъ поставлю, внидите въ радость Господа своего. И тогда цари внидите во царство небесное, со всѣми святыми, и пріимите неувядаемыя славы вѣнцы, по божественному апостолу: ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящимъ его. И тогда, Богомъ вѣнчанные цари! противъ своихъ царскихъ подвигъ и трудовъ пріимете отъ Бога мзду сторицею, и начнете царствовати со Христомъ въ небесномъ царствіи, со ангелы и со всѣми святыми славити Бога, въ Троицѣ пѣваемаго, и веселитеся съ ними въ безконечные вѣки. Буди же съ вами, Богомъ вѣнчанными и православными цари, и намъ получити царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же Отцу купно и Святому Духу честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» [1]).

[1]) Полн. Собр. Зак. II, № 931.

СЛОВО

НА

ПОГРЕБЕНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО, СКАЗАННОЕ АРХІЕПИСКОПОМЪ НОВГОРОДСКИМЪ ѲЕОФАНОМЪ ПРОКОПОВИЧЕМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКОМЪ СОБОРѢ, МАРТА 1 ДНЯ 1725 ГОДА, ВЪ ПРИСУТСТВІИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I [1]).

Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? ахъ какъ истинная печаль! ахъ какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію, и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи Россійстіи сынове безсмертну быти желали; по лѣтамъ же и составу крѣпости, многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялися: противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безпокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жити нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть, видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменѣнъ есть. Но

[1]) Слово это, не смотря на свой малый объемъ, произносилось около часу, потому что прерываемо было частыми рыданіями какъ самого оратора, такъ и слушателей.

что намъ умножати жалости, и сердоболія, которыя утоляти, елико возможно, подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже, естьли великія его таланты, дѣйствія и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей воистинну толь печальной траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыти намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишилися?

Се оный твой Россіе Сампсонъ, каковый да бы въ тебѣ могль явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явлшемся весь міръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и сдѣлалъ по имени своему каменную, адамантову [1]: засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающыя на насъ разрушалъ, купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи, и заградивъ уста зависти, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе! Іафетъ: неслыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе карабельное: новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ неуступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея селенныя, и отверзе тебѣ путь во вся концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ Океана, до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды, и яко нерѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій сигклитъ, и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ поисканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ, и ко обличенію свирѣпыхъ? Воистинну оставилъ намъ сомнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвалный или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и лобызаемъ, или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

---

[1]) Крѣпкую, какъ драгоцѣнный камень алмазъ; Петръ слово греческое, значитъ камень.

II. ОРАТОРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ПОУЧЕНІЕ ПАТРІАРХА ІОАКИМА, СКАЗАННОЕ ЦАРЯМЪ ІОАННУ И ПЕТРУ ПРИ КОРОНОВАНІИ ИХЪ.

«О Святомъ Дусѣ возлюбленные сынове святыя Церкве и нашей мѣрности, Богомъ вѣнчанные, и Богомъ превознесенные, и Богомъ почтенные, благовѣрные и благочестивые, христолюбивые великіе государи, цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, и многихъ великихъ и преславныхъ государствъ, и земель, восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичи, и дѣдичи, и наслѣдники, и государи, и обладатели! Се нынѣ отъ Бога поставлены есте, Богомъ вѣнчанные цари и великіе князи, правити хоругви и содержати скиптры великаго царствія Россійскаго, вѣнчаны есте царскими вѣнцы по благодати Пресвятаго и Животворящаго Духа, и по милости Пресвятыя Богородицы, и по благословенію великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, Іоны и Филиппа Московскихъ, и всѣхъ святыхъ молитвами, и по данныя намъ благодати отъ Святаго и Животворящаго Духа, рукоположеніемъ нашея мѣрности, съ митрополиты, и со архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, во святѣй соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы, у чудотворныхъ гробовъ великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя, Іоны и Филиппа митрополитовъ Русскія митрополіи и прочихъ, въ царствующемъ въ велицѣмъ градѣ Москвѣ, и по всей велицѣй Россіи. И вы господіе сынове Богомъ вѣнчанные и православные цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ

Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ; и сохраните вѣру нашу истинную православную христіанскую греческаго закона, чисту, непоколебиму; и соблюдите царство свое чисто и непорочно, якоже нынѣ приняли есте отъ Бога; и любите правду и милость, и судъ правый, къ послушнымъ милостивый, ко святѣй же соборной церкви и ко всѣмъ святымъ церквамъ имѣйте вѣру и страхъ Божій, и воздавайте честь, понеже въ ней цари второе порождены есте отъ святыя купели духовнымъ святымъ порожденіемъ, и помазаны святымъ елеомъ, и вѣнчалися царскими вѣнцы по древнему чину; и ко святымъ честнымъ монастыремъ велію вѣру держите, по даннѣй вамъ отъ Бога царстѣй власти; къ нашей же мѣрности и ко всѣмъ своимъ богомольцемъ о Святѣмъ Дусѣ, царское свое духовное повиновеніе, по Христову евангельскому словеси ко святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ глаголющу: слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается, отметаяйжеся мене, отметается пославшаго мя. И сего ради видящіи се, елико кто честь воздаетъ святителю, и та честь самому Христу восходитъ, и пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ, и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведничу пріиметъ, отъ негожъ и мзду пріимутъ сторицею. Благовѣрныхъ царицъ, и тетокъ, и сестеръ своихъ, благородныхъ царевенъ, о благочестивые и боголюбивые цари! любите и почитайте, по царскому своему свойству, по божественному апостолу: любяй бо, рече, брата своего, въ Бозѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ; боляръ же и вельможъ жалуйте и берегите, по ихъ отечеству и службѣ и правдѣ. Ко всѣмъ же княземъ, и княжатомъ, и дѣтемъ боярскимъ, и ко всему христолюбивому воинству будите приступны, и милостивы, и привѣтны, по царскому своему чину и сану. Всѣхъ же православныхъ христіанъ блюдите, и жалуйте, и попеченіе имѣйте о нихъ отъ всего сердца; за обидимыхъ же стойте царски и мужески, и не попускайте, и не давайте обидѣти, и дѣлайте все по суду праву. Се бо, о цари, приняли есте отъ Бога скиптры правити хоругви великаго царства Россійскаго, и разсудити, и управити люди ваша въ правду. Блюдите и храните бодренно, отъ дивіихъ волковъ губящихъ е, да не растлятъ стада Христовыхъ овецъ словесныхъ, отъ Бога данныя вамъ и врученные содержати скиптры по воли Его святой, и по вашему исконному царскому жребію, и отечеству, того великаго Россійскаго царствія. И паки

глаголю вамъ, боголюбивые цари, блюдите съ Богомъ и храните, елико ваша царская власть содержитъ, покрываемы Вышняго десницею, и хранимы благодатію Святаго Духа, отъ всѣхъ вашихъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ. Глаголетъ бо Господь Богъ пророкомъ: Азъ воздвигохъ тя царя правдѣ, и пріяхъ тя за руку, и укрѣпихъ тя: сего ради слышите царіе и князіе и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, и сила отъ Вышняго, васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ; вамъ же подобаетъ при семъ же отъ вышняго повелѣнія правленіе человѣческаго рода, православнымъ царемъ, не токмо о своихъ пещися и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати, и соблюдати стадо его отъ волковъ невредимо; но боятись серпа небеснаго, и не давати воли зло творящимъ человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющимъ. Якоже бо солнцу на земли несущу, темно есть все и неразсудно, сице и наказанію души не сущу, размѣшено все; едина бо точію добродѣтель отъ стяжанія безсмертная суть. И паки вамъ глаголю, о Богомъ вѣнчанные цари! цѣло имѣйте мудрованіе православныхъ догматовъ, почитайте излишше матерь вашу церковь, якоже о Святѣмъ Дусѣ та воздои, да и сами почтены будете отъ нея, и священническій чинъ имѣйте честно, и стыдитеся яко отца духовныя ходатая къ Богу, честь бо священническая на Бога восходитъ, такожъ и на нихъ безчестіе множае паче Бога прогнѣваетъ; языка-жъ льстиваго и слуха суетна не пріемлите цари, ниже оболгателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры емлите, но разсуждайте все по Бозѣ въ правду, о Богомъ вѣнчанные цари! яко всѣмъ человѣкомъ мудрость честнѣйши есть, вси бо ту яко благо похваляютъ, и любомудрости быти подобаетъ и мудрымъ послѣдовати, на нихъ же во истину, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ; не тако красная міра вся, якоже добродѣтель краситъ царей; но зрите доброту духовную, и раздавайте саны туне, а не на дарѣхъ продавайте власти, еже бо цѣною купивый власть, множае паче обладаеми купуютъ, яко мздовоздаянію надѣяся ко мздопріятію безъ боязни зритъ. Аще бо и неприступны есте цари, нижняго ради царства, не неудобъ приступны будите горняя ради власти, но имате и сами Царя, иже есть на небесѣхъ. Аще бо онъ всѣми печется, яко Богъ: сице потребно есть и вамъ царемъ ничтожъ презирати. Тщитеся, о Богомъ вѣнчанные цари! не точію сія царства исправити нравы

благими, но небесная наслѣдовати добродѣтельными благодѣяньми; и аще хощете милостива къ себѣ имѣти Небеснаго Царя и Бога, милостивы будите и вы, цари, ко всѣмъ, да и здѣ добрѣ и благо поживете во вѣки вѣковъ; добрымъ царскимъ слухомъ здѣ, а тамо славою со Ангелы Божіими, прежъ втораго воскресенія и страшнаго суда. Силою Творца, и премудростію Искупителя Сына, и Духа Святаго благодатію возмогайте, о благочестивые цари, о Христѣ, и паки возмогайте, да наслѣдники будете небеснаго царствія со всѣми святыми православными цари, да возможете со дерзновеніемъ рещи и во второе пришествіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: се и мы Господи и людіе твои, ихъ же намъ еси далъ, великаго вашего царства Россійскаго; и тогда, о благочестивые и Богомъ вѣнчанные цари! и сами услышите сладкій онъ гласъ небеснаго Царя и Бога: благіи мои рабы, добрые, вѣрные Россійскіе цари, о малѣ ми были вѣрны, надъ многими васъ поставлю, внидите въ радость Господа своего. И тогда цари внидите во царство небесное, со всѣми святыми, и пріимите неувядаемыя славы вѣнцы, по божественному апостолу: ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, яже уготова Богъ любящимъ его. И тогда, Богомъ вѣнчанные цари! противъ своихъ царскихъ подвигъ и трудовъ пріимете отъ Бога мзду сторицею, и начнете царствовати со Христомъ въ небесномъ царствіи, со ангелы и со всѣми святыми славити Бога, въ Троицѣ пѣваемаго, и веселитеся съ ними въ безконечные вѣки. Буди же съ вами, Богомъ вѣнчанными и православными цари, и намъ получити царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же Отцу купно и Святому Духу честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь» [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. II, № 931.

Се твой Россіе Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И недовольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философскія искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и неслыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскія, и честныя образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой о и церкве Россійская! и Давидъ и Константинъ: его дѣло, правительство Синодальное, его попеченіе пишемая и глаголемая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго! коликія ревности на суевѣрія, и лестническія притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія, изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объимемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно, и по достоинству его возглаголати не можемъ: а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ слышателіе, видимъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ оставилъ, и кого мы лишилися.

Не весьма же, Россіане! изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ: оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ: сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ: сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская, и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобноправнаго владѣтеля по смерти его, тебе милостивѣйшая, и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и матерь Всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе, и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ, и совершилося, не просто сожитіемъ толикаго монарха, но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣти тебе ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣятися, что здѣланная отъ него утвердиши, недодѣланная совершиши, и все въ добромъ состояніи удержиши. Токмо о душе мужественная! потщися одолѣти нестерпимую сію болѣзнь твою: аще и усугубилася она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери, и аки жестокая рана новымъ уязвеніемъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудися таковаже быти и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же, благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана сынове Россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте государыню и матерь вашу, утѣшайте и самихъ себе, несумнѣннымъ познаніемъ Петрова духа въ монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отшелъ отъ насъ. Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ, и отецъ всякія утѣхи, ея величеству самодержавнѣйшей государыни нашей и ея дражайшей крови: дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостыннымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но о Россіе! видя кто и каковый тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе.

Аминь.

впрочемъ утаиваемую; спрашивали: чему и какъ можно здѣсь улыбаться, когда почти у всѣхъ на глазахъ видны были слезы и когда всѣхъ сердца приведены въ сотрясеніе. Извѣстный своею добродушною остротой графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, услышавъ воззваніе Платона къ Петру тихонько сказалъ окружавшимъ себя: «Чего винъ его кличе? якъ встане, то всѣмъ намъ достанется», т. е. зачѣмъ онъ его вызываетъ: если онъ встанетъ, то всѣмъ намъ достанется.—Въ одно и то же время воззваніе духовнаго витіи удивило однихъ, а чистосердечное замѣчаніе вельможи разсмѣшило другихъ, представивъ противоположность двухъ вѣковъ и двухъ царствованій, которую, такъ искусно соглашая, Екатерина II умѣла свой вѣкъ сдѣлать золотымъ для Россіи и жить въ памяти народа, такъ какъ сладкія воспоминанія юности живутъ въ сердцѣ старца. Государыня восхищена была словомъ и ораторскимъ движеніемъ Платона. Притомъ она сказала окружавшимъ ее: «Я положила мою славу къ стопамъ Петра Великаго, которому я одолжена ею; потому что, ежелибъ онъ не построилъ флота,—я не могла бы истребить флотомъ враговъ имперіи».

Снегиревъ.

(*Жизнь митрополита Платона.*)

—oo§oo—

ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ; безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилежное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ; въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Черезъ сіи Петровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятельми корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше влiянной ему премудрости, споспѣшествовало Его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрашіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія, младый государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами своея родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро текущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокуплялись, его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между гра-

домъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости, не предлагаются, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ его присутствіе и его предводительствомъ бывшихъ: но представляю его великодушіе великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ; споможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали великому государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ его положенно, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи

сна его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери, въ безмятежное и благословенное ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было совершенства, однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ, и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію,—уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пеплѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечно правосудія наблюденіе принудило его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла ве-

селія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присудствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его воспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная [1]), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба [2]), Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ [3]), и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ

---

[1]) Западная Двина и Сѣверная.
[2]) Одеръ, Эльба.
[3]) Темза, Рейнъ.

море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь:—вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ Разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно,—кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

Ломоносовъ.

домъ пуль непріятельскихъ, около главы его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И ты знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы.

Больше примѣровъ о геройскомъ его духѣ, для краткости, не предлагаются, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ его присутствіе и его предводительствомъ бывшихъ: но представляю его великодушіе великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ; споможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе постановленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали великому государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы; однако сколько на то трудовъ его положенно, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи

сна его лишили. Докончать и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому родителю дщери, въ безмятежное и благословенное ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было совершенства, однако въ сердцѣ его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ, и помыслите, что ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію,—уже вижу напередъ площади наполнены труповъ, расхищаемы домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пеплѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечно правосудія наблюденіе принудило его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, начать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: его снисхожденіе превознесло выше самихъ государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла ве-

селія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ въ томъ больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присудствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его воспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Чтожъ его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и Полночная [1]), Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба [2]), Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ [3]), и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ

---

[1]) Западная Двина и Сѣверная.
[2]) Одеръ, Эльба.
[3]) Темза, Рейнъ.

море приливомъ и отливомъ; такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналомъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго океана духомъ обращаюсь:—вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ Разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Комужъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно,—кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

Ломоносовъ.

элево Преображеніе. Между тѣмъ Россія, проникнутая ужасомъ претерпѣнныхъ ею золъ, стояла въ хладномъ и уединенномъ величіи, какъ бы боясь подать содѣйствующую и дружелюбную руку чуждымъ людямъ, отъ коихъ понесла она на сердцѣ своемъ столько скорбей. Но такое отчужденіе не могло быть ея удѣломъ. Петръ принялъ ее въ свои мощныя объятія и, оживотворивъ своимъ дыханіемъ, возвратилъ ее человѣческому роду. Свѣжія, энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы — и міръ получилъ новаго двигателя образованности, еще не утомленнаго и не пресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, — все человѣческое, кромѣ обольщеній ложной истины. Изъ глубины забвенія и мрака, двинутые рукою величайшаго генія земли, мы пришли въ Европу не съ мечемъ, чтобы сокрушить твореніе умственныхъ силъ ея, — мы пришли съ благороднымъ желаніемъ принять отъ ней науку и искусство. Мы пришли, чтобы у стараго и опытнаго рыцаря человѣчества заслужить посвященіе въ высокій санъ сподвижниковъ всеміраго дѣла. Стыдиться ли намъ, мм. гг., что мы должны были сперва сдѣлаться учениками людей, опередившихъ насъ на пути усовершенствованія? Петръ не стыдился учиться корабельному искусству у Голландскихъ матросовъ и тайнѣ побѣждать у своихъ враговъ; но онъ построилъ флоты и торжествовалъ побѣды надъ своими военными учителями. Не стыдно такъ учиться. Мы не хотимъ однакожъ быть никому обязанными; Россія такъ богата, что не принимаетъ даровъ. Мы заплатили и платимъ Европѣ съ избыткомъ за ея услуги. Мы вырвали ее изъ кровавыхъ рукъ мужа судьбы, когда онъ осмѣлился свою желѣзную волю противопоставить строгимъ и праведно чтимымъ законамъ общаго порядка. Наслѣдникъ Петра, путемъ побѣдъ, ввелъ насъ въ самыя нѣдра народа враждебнаго, угрожавшаго стереть имя наше со страницъ исторіи: во имя человѣчества, мы, въ отмщеніе, поднесли ему оливу мира и спасли для образованности вѣковыя пріобрѣтенія ума, искусства и науки. Кромѣ дѣлъ, мы дали два великіе урока народамъ: какъ сражаться за свою независимость и какъ благотворить побѣдою. И такъ воздвиглось могущество новое, едва-ли не первое въ лѣтописяхъ міра, — могущество, предписавшее себѣ законъ — не разрушать, но спасать и хранить. Ринулись на Европу другіе, опаснѣйшіе враги — политическія страсти, грозившія подавить образованность развалинами порядка и закона.

Крѣпкая издревле въ соблюденіи обѣтовъ, на коихъ основаны бытіе и прочность гражданскихъ обществъ, монархическая по своей природѣ, потребностямъ и любви, Россія пріосѣнила мощною охранительною рукою троны и союзы общественные, и люди избавлены отъ стыда видѣть себя жертвою своихъ собственныхъ успѣховъ. Вотъ плоды, принесенные Россіею человѣчеству отъ сѣмянъ, засѣянныхъ рукою Петра. Намъ вполнѣ теперь объясняется мысль, постоянно наполнявшая великую душу его,—мысль ввести Россію въ систему Европейскихъ государствъ. То было не одно патріотическое желаніе доставить ей почетное мѣсто въ кругу народовъ образованныхъ, хотя и это одно могло бы упрочить славу монарха великаго. Нѣтъ! это было предчувствіе генія, котораго Промыслъ избираетъ орудіемъ для выполненія цѣлей общихъ, міродержавныхъ. Это было непреодолимое, тайное влеченіе къ тому необъятному расширенію нравственныхъ силъ, коего начало лежитъ глубоко въ сердцѣ и судьбахъ Русскаго народа. Итакъ, мм. гг., Россія торжественно слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги—она принесла ему въ даръ Петра.

Таково, мм. гг., значеніе Петра въ отношеніи къ Россіи и въ отношеніи къ человѣку. Кто-жъ онъ самъ въ себѣ, этотъ мужъ — зиждитель, этотъ податель свѣта и геній Россіи, слившій ее съ собою, чтобы сдѣлать ее геніемъ народовъ иныхъ? — Виновникъ событій столь необычайныхъ долженъ быть одаренъ и качествами необычайными. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ Петра не имѣетъ ничего общаго съ великими характерами, какіе представляются намъ въ древнемъ и новѣйшемъ мірѣ. Величіе его можетъ быть сравниваемо только съ величіемъ державы, которую онъ призванъ былъ пересоздать. Идеи его были выше понятій его народа; но подобно небу, котораго предѣлы кажутся отвсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ нравахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народной нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, — и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блестятъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполинскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же

народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы. Что дѣлаетъ онъ, чтобы усвоить ему разныя выгоды усовершеннаго общественнаго быта, — выгоды, какими прежде онъ не наслаждался? вмѣсто того, чтобы только повелѣвать самодержавно и бодро блюсти за исполненіемъ своей воли, онъ принимаетъ мѣры проще и дѣйствительнѣе, — но мѣры такія, какихъ еще въ исторіи людей не доставало ни для полнаго психологическаго изъясненія человѣка, ни для урока ему. Онъ становится самъ плотникомъ, рѣщикомъ, кузнецомъ, солдатомъ, лекаремъ. «Смотри», говоритъ онъ своему народу, «вотъ мозоли отъ топора на моихъ скиптродержавныхъ рукахъ: это для тебя и за тебя — теперь дѣлай самъ: это и легко и благородно». И народъ, изумленный этимъ неслыханнымъ способомъ самодержавнаго законодательства, устремляется быстро на новый путь и, какъ бы пробудясь отъ долгаго сна, видитъ, что нѣтъ успѣха гражданственности, нѣтъ такого усовершенствованія, какіе не были бы ему суждены. Онъ принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки. — «Пишутъ ученики твои (такъ изъясняется съ государемъ въ письмѣ Русскій корабельный плотникъ), — пишутъ ученики твои корабельнаго дѣла, мостильщики, щегольнаго дѣла мастера Якимко Воронинъ съ товарищи 16, челомъ бьютъ за твое мастерское ученье» — и «корабль взнималъ я съ учениками своими по твоему учительному приказу и по твоему ученью». — О, если бы можно было изъ исторіи человѣческаго рода вырвать многія, такъ называемыя блистательныя страницы, гдѣ кровію народовъ вписано, за цѣну всеобщаго мира и блага, нѣсколько превознесенныхъ именъ, и если бы, вмѣсто этихъ страницъ, можно было болѣе написать подобныхъ строкъ, — мм. гг., мы не были бы въ опасности, читая исторію, терять иногда уваженіе къ человѣческому достоинству. Можете ли вы представить себѣ зрѣлище умилительнѣе и торжественнѣе того, когда угнетенный невѣжественный сынъ природы, припадая къ стопамъ генія, надѣленнаго всѣми умственными дарами, исповѣдуетъ предъ нимъ въ простотѣ сердца свою духовную нищету, и какъ этотъ геній, подъемля его изъ праха, благословляетъ его братскимъ благословеніемъ и говоритъ ему: «Будь человѣкомъ — я научу тебя быть имъ». — Между тѣмъ этотъ геній, которому люди давали титло своего учителя, въ то же время сражался за нихъ, побѣждалъ враговъ, законодательствовалъ, царствовалъ. Хотите ли вы, мм. гг., войти съ другой стороны во

святилище этого необъятнаго ума — войдите, чтобъ снова благоговѣть. У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ понятій своего вѣка, какой нибудь школы, и даже подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра, напротивъ, нѣтъ никакой наклонности къ утвердившимся понятіямъ или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какимъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суемысліемъ и страстями нашими, — умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста, для него существуетъ одна форма — истина и ясность. Казалось, отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія лѣстницы, по коимъ мы медленно и ощупью подвигаемся къ истинѣ; однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей, — и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и то же время необъятный, какъ Россія, и удобовмѣстимый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего расширенія и въ силѣ сжатости своей. Это дѣйствительно, мм. гг., умъ по превосходству, повторяю, чистый умъ, который называютъ здравымъ, не подозрѣвая, можетъ быть, что тѣмъ самымъ возвращаютъ ему его божественное достоинство, — умъ, который, по выраженію одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей, есть — геній человѣчества. Удивительно ли, что Петръ Великій былъ врагомъ всѣхъ хитросплетенныхъ, безполезныхъ умствованій, что онъ могъ быть удовлетворенъ только истиною, а не прикрасами ея? Зиждитель повсюду, куда влекли его или собственное стремленіе или нужды, онъ презиралъ всѣ окольные, ни къ чему не ведущіе пути, на коихъ мелкіе умы любятъ забавлять чернь діалектическими уловками; — онъ уважалъ въ мысли силу производительную и требовалъ отъ нея — дѣлъ. Иноземцы, приходившіе въ Россію съ надеждами, иногда слишкомъ нескромными, изумлялись, видя, съ какою проницательностію государь умѣлъ

отличать въ нихъ людей истинно достойныхъ и полезныхъ отъ ничтожныхъ искателей приключеній. Одинъ изъ такихъ людей [1]) представилъ ему планъ учрежденія морскаго корпуса: въ немъ много было говорено, какъ обыкновенно, объ общественной пользѣ; но дѣло шло о собственныхъ выгодахъ сочинителя. Петръ Великій написалъ противъ одного пункта, который казался благовиднѣе прочихъ: «этого не должно: ибо болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ», а въ заключеніе велѣлъ объявить велерѣчивому предлагателю услугъ, чтобъ подлинно объявилъ, хочетъ ли онъ свое дѣло дѣлать безъ прихотливыхъ запросовъ, и если хочетъ, то-бъ дѣлалъ; буде нѣтъ, то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли.

Мы никогда не кончили бы, мм. гг., если бы мы хотѣли исчерпать все великое, которое оратору и историку представляетъ характеръ Петра. Но вотъ новая необычайность и задача для наблюдателя человѣческой природы: откуда возникъ этотъ характеръ и какъ онъ образовался? Мы привыкли думать, что человѣкъ, коему Провидѣніе ввѣрило власть надъ умами и судьбою вѣка, приготовляется предшествующими событіями, что онъ, большею частію, призванъ только сосредоточить и выразить въ себѣ общія нужды и идеи эпохи. Такъ ли было съ Петромъ? Было ли до него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей? Ожидали ли его сердца, чтобы принять съ восторгомъ и облегчить ему бремя его подвига? Гдѣ его предтеча? Онъ пришелъ къ своимъ — и свои его не познали. Не было ни одного стремленія въ его пользу, ни одного начатка, чтобы дѣло творчества замѣнить для его ума и воли, хотя великимъ, но въ половину легчайшимъ дѣломъ довершенія? Все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей — самого себя. Мы знаете, мм. гг., получилъ ли Петръ воспитаніе, не скажу сообразное съ его нравственными потребностями, но съ его политическимъ жребіемъ? Общество ничего ему не дало, ни для его намѣреній, ни для генія; оно не лелѣяло первыхъ его начинаній; своимъ одобреніемъ оно не укрѣпляло его великихъ надеждъ и довѣрія къ своимъ силамъ. Или равнодушно, или съ тайнымъ отвращеніемъ, оно смотрѣло на эти юношескіе порывы, предвозвѣщавшіе истребителя закоснѣлыхъ предразсудковъ. Нашлись даже люди,

---

[1]) Баронъ Сентъ-Илеръ.

— и ихъ было не мало, — которые дерзнули простерть свою святотатственную руку на сію вдвойнѣ освященную главу, — освященную помазаніемъ на царство и помазаніемъ на великое назначеніе въ исторіи. Петръ все получилъ или отъ неба, или отъ себя самого; земля дала ему только поприще для труда — и безсмертіе за трудъ. Его умъ и воля — дары Провидѣнія; знаніе онъ исторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы. Не легко, мм. гг., при всевозможныхъ пособіяхъ, изучить и одну науку, особенно если она есть наука царствовать. Петръ изучалъ все, что должно было сдѣлать подданныхъ его людьми, — изучалъ не подъ руководствомъ избранныхъ наставниковъ, при помощи приготовленныхъ средствъ; нѣтъ! онъ изучалъ это подъ руководствомъ собственнаго ума, въ убогой школѣ нужны и терпѣнія, правосудно свое достославное назначеніе: онъ сдѣлался самъ просвѣщеннѣйшимъ мужемъ своего вѣка. Это уже не монархъ повелитель: это Божій посланникъ, принесшій милліонамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія. Въ этомъ-то дивномъ самообразованіи лежатъ первое начало и опора той несокрушимой силы воли, которою замыслы, казавшіеся несбыточными мечтами, онъ превращалъ въ дѣла и вещи. Петръ не могъ и не долженъ былъ получить образованія другаго. Поставленный заранѣе въ необходимости черпать все изъ собственныхъ силъ, онъ сталъ столько же самодержавнымъ по своему духу, сколько былъ самодержавнымъ по сану. Не получивъ никакого направленія, онъ сохранилъ ту независимость, чистоту и ясность ума, которыя необходимы были ему для нравственнаго законодательства въ своемъ народѣ еще болѣе, чѣмъ для политическаго. Неподвластный никакому чуждому внушенію, онъ наконецъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ надлежало ему быть — сдѣлался Петромъ Великимъ.

Но во всемъ этомъ, мм. гг., мы видимъ силу, могущество, власть ума и воли; этого слишкомъ много, чтобы человѣка сдѣлать предметомъ удивленія и благоговѣнія; однако же не довольно для того, чтобы сдѣлать его предметомъ обожанія. Мы даже можемъ сознавать, чѣмъ мы обязаны великому человѣку и сердцемъ отъ него отстраняться. Бываетъ не полное, какое-то величіе, которое овладѣваетъ не всею нашею душею и оставляетъ въ ней мѣсто для тайныхъ укоризнъ и сожалѣнія. Геній здѣсь можетъ столько же утратить въ своей славѣ, сколько и пріобрѣсти. Отъ чего же Петръ, не смотря на строгія черты своего лика, порабощаетъ себѣ наше

сердце такъ, что для него нѣтъ убѣжища между удивленіемъ и любовью? Отъ того, мм. гг., что всѣми его намѣреніями, всѣмъ могуществомъ его души управляло одно святое, чистѣйшее чувство — любовь къ отечеству. «Я за свое отечество живота не жалѣлъ и не жалѣю», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Протекши мыслію всю цѣпь исполинскихъ дѣлъ и качествъ Петра, здѣсь встрѣчаете вы послѣднее звено его величія — здѣсь, гдѣ «великій для исторіи», сталъ «отцомъ для отечества». Далѣе человѣку простираться не куда. На пути къ этой нравственной грани еще можно трепетать за славу Петра, за полноту жертвы, какую обязано принести ему потомство. Можно еще спрашивать у самаго себя: не честолюбіе ли увлекло эту могучую душу на поприще такихъ необычайныхъ дѣлъ? Ибо, мм. гг., не разъ люди испытывали скорбь разочарованія, слишкомъ довѣряя величіямъ человѣческимъ. Но здѣсь нѣтъ уже мѣста никакому разбирательству, никакому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, — и съ гордостію падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра. Его дала человѣчеству земля Русская — первый среди великихъ мужей своимъ геніемъ и доблестію, онъ нашъ своею любовію, также какъ своимъ именемъ. Если великіе мужи суть представители своихъ народовъ предъ судомъ потомства и ходатаи за ихъ славу — что должно сказать оно о геніи народа, котораго нравственныя силы вылились въ такую форму какъ образъ Петра?.. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ говоримъ мы въ сердцѣ нашемъ, глядя на этотъ дивный образъ: эта всеобъемлющая мысль на величественномъ челѣ — она вся была принесена въ жертву намъ; изъ нея излились на насъ просвѣщеніе, могущество, слава. Изъ этихъ устъ исторія услышала святыя слова и приняла какъ объяснительный догматъ на всѣ подвиги необыкновеннаго мужа: «я не жалѣю жизни для Россіи».

Никитенко.

ИЗЪ РѢЧИ ОБЪ УЛОЖЕНІИ.

Петръ Первый какъ преобразователь.

Явился царь съ горящей мыслію въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоноснымъ словомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго — и двинулъ царство отъ него. — Чтожъ не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ? Что возмутило духъ Петра въ твореніи его отцовъ?—Но это тайна души великой, глубокая тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозовое облако, прошелъ надъ Русскою землею. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришелье, какъ не терпѣлъ Византійскаго двора, его роскошества и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Такое грозное соединеніе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравстенной его жизни присоединилось глубочайшее сознаніе собственныхъ силъ. Посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ какомъ бы онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ бы народѣ ни воспитался, онъ всегда и вездѣ былъ бы преобразователемъ. Это его природа! Если-бъ онъ былъ современникомъ древнему Язону: его постигла-бъ участь божественнаго Иракла. Онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для легкой греческой армады. Но Провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только Русскій корабль могъ сдержать такого страшнаго пасажира! Только Русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ этого духа, который напрягалъ ее, чтобъ уровнять ея силы съ своею исполинскою мощію! Дивное явленіе! Отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорятъ,

что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія: но, Боже мой! какая наука могла огранить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзныя мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то что-жъ могла сдѣлать изъ него наука? Какой Нѣмецъ могъ быть ему дѣтоводцемъ, какой Французъ учителемъ? И природа и наука отступились, когда этотъ великій духъ помчалъ Русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи! Петръ Великій не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы; только на смертномъ одрѣ почувствовалъ, что и онъ смертный: *«изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ»*, произнесъ онъ въ смертныхъ страданіяхъ! Таковъ былъ Петръ Великій! Ему нужно было совершить преобразованіе. И какое преобразованіе! Отъ конечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли! Онъ бритвой брѣетъ бороды, и топоромъ рубитъ невѣжество. Тысячи стрѣлецкихъ головъ падаютъ на Преображенскомъ полѣ! Ни даже крестный ходъ царствующаго града не могъ смягчить его правосудія!

Преобразователь въ теченіе всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознаніе, что не одно рожденіе возвело его на престолъ, но Сила Высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ долженъ ему преемствовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ достойнѣйшаго. Но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ; а мы родились и малы и худы—намъ нужны были общіе уставы человѣчества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская Дума должна была уступить мѣсто Сенату; областные приказы ландратамъ и ландрихтерамъ. Ему не нравились и наши цѣловальники, наши дьяки и подъячіе. Онъ желалъ бы посадить на ихъ мѣсто плѣнныхъ Шведовъ, секретарей и шрейберовъ Цесарской службы. Ему не нравилосе прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто въ сравненіи съ преобразованіемъ государственной службы. Самъ, начавъ ее съ солдата гвардіи, онъ прошелъ медленно по лѣстницѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что кормленіе древнее, что царскій хлѣбъ и соль? Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ противъ дармоѣдовъ, мірскихъ съѣдухъ и казнокра-

довъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копѣйку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную коммисіонеромъ торгашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго.

Петръ Великій ничего не хотѣлъ *немножко*; онъ требовалъ отъ науки всѣхъ ея стяжаній, всѣхъ ея таинствъ и всѣхъ ея заслугъ. Всенародное, твердое просвѣщеніе—вотъ что завѣщалъ намъ духъ Петра Великаго. «Любезные товарищи, говоритъ онъ своимъ подданнымъ,—теперь пришла и наша череда, если только вы захотите искренно и безпрекословно вспомоществовать намѣреніямъ моимъ.... я предчувствую, что Россіяне кагда-нибудь, а можетъ быть и при жизни моей, пристыдятъ самые провсѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостію въ трудахъ и величествомъ твердой и громкой славы».

Великая душа! ты предчувствовала твердую и громкую славу Россіи. Вотъ она... ожидаетъ насъ при вратахъ безсмертія! Она готова вѣнчать созданную тобою имперію. Всѣ славы древнія меркнутъ предъ ней...

Морошкинъ.

III. СТИХОТВОРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Двѣ пѣсни на рожденіе Петра Великаго.

1.

А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ?
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то Русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу;
А и нянюшки-мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, одѣялице вышивали.
По бѣлу рыту бархату онѣ краснымъ золотомъ.
Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распущали;
А и погребы царскіе они всѣ растворяли.—
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися;
А все народъ Божій на пиру пьютъ. ѣдятъ, прохлаждаются.—
Во весельи, въ радости не видали какъ дни прошли
Для младаго царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора [1]).

2.

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь веселъ былъ,
Онъ и веселъ, и радошенъ:

---

[1]) Сказ. Русск. нар. Сахарова.

Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё ночку просидѣли,—
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,
По мелкому сѣребру;
Тутъ-то плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,—
Колыбелушку строили. [1])

Плачъ воина у гробницы Петра Перваго.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячешься за облаки,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра Перваго;
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Что на всѣ ли на четыре стороны!
«Ты раскройся гробова доска,
«Развернися золота парча!
«Ты встань, пробудись, государь,
«Пробудись батюшка, православный царь!
«Погляди ты на свое войско милое,
«Что на милое и на храброе;
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«Осиротѣвъ, обезсилѣли» [2]).

---

[1]) Пѣсни собр. Кирѣевскимъ. Вып. 8. 1870 г.
[2]) Сказ. Русск. нар. Сахарова.

Современная пословица:

«Пропалъ какъ Шведъ подъ Полтавой».

ИЗЪ ИСКУССТВЕННОЙ ПОЭЗІИ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Петръ Великій.

Ужасный [1]) чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ [2]) попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
«Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?»
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды».
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Ужè Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

(VIII ода) *Ломоносовъ.*

---

[1]) Въ прежнемъ значеніи *удивительный.*
[2]) Грубостью.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЭМА

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

Начало поэмы.

Пою премудраго Россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.
  Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ во мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ
Петра Великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка:
Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны владыки,
Познаютъ, что монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой,
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Коль, небо! ты ему явилось милосердо.

Буря, застигшая Петра на Бѣломъ морѣ.

  Уже бѣлѣя Понтъ [1] передъ Петромъ кипитъ,
И влага уступить, шумя, ему спѣшитъ.
Тамъ вмѣсто чаянныхъ берег флаговъ Шведскихъ,
Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
Закрылись крайніе пучиною лѣса:
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
Тутъ вѣтры сильные имѣя флотъ во власти,
Со всѣхъ сторонъ сложась къ погибельной напасти,
На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ

---

[1]) Море.

Стремятся, и вертятъ мглу, влагу и песокъ:
Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ;
Въ сердцахъ великой страхъ сугубятъ скрыпомъ снасти.
Герой нашъ посредѣ великія напасти,
И взоромъ и рѣчьми смутившихся крѣпитъ,
Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ:
«Мужайтесь; Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
Къ трудамъ и къ крѣпости на предки ободряетъ;
Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край».
Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая влілась,
И буря въ ярости кротчае показалась.

Прибытіе Петра въ Соловецкій монастырь и разсказъ царя настоятелю Фирсу о стрѣлецкихъ бунтахъ и мятежѣ раскольниковъ.

Уже на западѣ восточными лучами
Открылся освѣщенъ въ высокими верхами
Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ;
Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ.
Отъ міра отдѣлясь и моремъ и святыней,
Примѣръ отеческихъ отъ древнихъ лѣтъ пустыней,
Лишь только лишены пріятнѣйшихъ плодовъ
Отъ древъ, что подаютъ и пищу и покровъ:
Не можетъ произвесть короткое ихъ лѣто;
Снѣгами въ протчи дни лице земли одѣто.
Сквозь мракъ и сквозь туманъ, сквозь буйныхъ вѣтровъ шумъ.
Восходитъ къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ строгимъ берегамъ Великій Петръ приходитъ,
Внимательный свой взоръ на зданія возводитъ.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
Водами ото всѣхъ сторонъ окружена,
Его и воиновъ съ веселіемъ пріемлетъ;
Стрѣльбѣ и пѣнію пустыня купно внемлетъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсъ усердствуя спѣшитъ,
И гостя осѣнивъ, въ восторгѣ говоритъ:
«Благословенъ твой путь Всевышняго рукою:
Могущество его предходитъ предъ тобою.
Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
О имени своемъ возвеселитъ царя.
Живящія его въ семъ мѣстѣ благодати

Причастны новыя твои да будутъ рати».
Монархъ отъ Промысла избранный человѣкъ
Вмѣнилъ, что передъ нимъ стоитъ Мельхиседекъ,
Побѣды прежнія его благословляетъ,
И къ новымъ торжествамъ духовно ободряетъ.
Монархъ, почтивъ труды и знаки чудныхъ дѣлъ,
Строеніе вокругъ и мѣсто осмотрѣлъ:
Спросилъ наставника: «Кто сими васъ горами
Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками?
Великій Іоаннъ, твой сродникъ и примѣръ,
Что Россовъ превознесъ и злыхъ Агарянъ стеръ.
Онъ, жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
Межъ прочими и здѣсь далъ милостыню многу:
Пятьсотъ измѣнниковъ поиманныхъ Татаръ,
Имъ въ казнь, обители прислалъ до смерти въ даръ.
Работою ихъ рукъ сіи воздвиглись стѣны,
И праотцевъ твоихъ усердіемъ снабдѣны
Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ,
Безмолвно бдѣніе и безнавѣтенъ трудъ».
Сіе въ отвѣтъ далъ Фирсъ; и указавъ на слѣды,
Гдѣ церковь надъ врагомъ семь лѣтъ ждала побѣды,
Сказалъ: «Здѣсь каменны передъ стѣной валы
Насыпаны противъ раскола и хулы.
Желая ереси изсторгнуть, твой родитель
Исправить церкви чинъ послалъ въ сію обитель,
Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ
Не приклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
Не двигнулись своихъ кровавыми струями;
Пока упрямство ихъ унизилъ Божій судъ,
Уже въ церковной всѣ послушности живутъ».
Монархъ воспомянулъ, коль много отъ раскола
Простерлось наглостей и къ высотѣ престола,
Вздохнувъ повѣствовалъ ужасную напасть,
И властолюбную Софіи хитрой страсть.
«Пять кратъ противъ меня, онъ сказывалъ, возстала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу святости притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣты,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣты.
Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ,
Что средній въ силахъ слабъ и внутренне не здравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сестра подъ образомъ, чтобъ братъ былъ защищенъ,

И купно на престолъ со мною посажденъ,
Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣтски презирала,
И руку хищную къ державѣ простирала.
Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
Къ которому бояръ и всѣ чины зоветъ,
И церкви твердаго столпа Іоакима [1]);
Душа его была отъ ней непобѣдима.
Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
Свои принудила и прочихъ слезы течь.
«Когда любезнаго Ѳеодора лишились,
Въ какой печали мы, о небо, погрузились!
Но сверхъ той вопіетъ естественный законъ,
Что меньшій старшему отъемлетъ брату тронъ.
Стрѣльцы и весь народъ себя вооружаютъ,
И общей пагубой Россіи угрожаютъ.
Всѣ ропщутъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
Возложатъ на него убійствомъ царской санъ!»
Познавъ такую злость, отвѣтствовалъ святитель:
«Отъ жизни отходя и братъ твой и родитель,
Избраніе Петра препоручили намъ:
Мы слѣдовали ихъ монаршескимъ словамъ».
Несклоннаго сего отвѣта ради гнѣвна,
«Съ народомъ выбирать, сказала имъ царевна;
Съ народомъ выбирать, не заперщись въ чертогъ
Повелѣваетъ вамъ и общество и Богъ».
Толстой къ Софіину и Милославской слову,
По особливому сошедшіеся зову,
Согласно, дерзостно поборствовали ей;
Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
Іоакимъ со всѣмъ представилъ купно ликомъ:
«Мы избрали Петра и сердцемъ и языкомъ.
Ему здѣсь вручена державы вышній часть:
Съ престола низвести уже не наша власть».
Софія, видя ихъ противъ себя упорство,
Склонила замысловъ къ иной стезѣ проворство.
Въ надеждѣ досягнуть своихъ желаній злыхъ,
Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.
Однако патріархъ отнюдь не колебался:
И сими отъ того словами отказался:
«Опасно въ обществѣ многоначальству быть,
И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословить».
И такъ возставъ отъ ней съ святительми отходитъ.
Софію страсть владѣть въ безчувственность приводитъ.
Дѣлятъ на скопищахъ Москву бунтовщики,

---

[1]) Патріарха Московскаго.

Готовясь токъ пролить кровавыя рѣки,
Предходитъ бѣшенство и наглость и буянство,
И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство:
Обсѣли улицы, торги и ворота;
На расхищеніе расписаны мѣста.
Безъ сна былъ злобной сконъ, не затворяя ока,
Лишь спитъ незлобіе, не зная близко рока.
«Открылся тайный ковъ, когда исчезла тѣнь;
Багровая заря кровавый вводитъ день.
Наружъ выходитъ, что умыслила Софія,
И что совѣтники ея велѣли злыя.
Уже измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй;
И Милославскаго орудіе Толстой,
Толстой въ бунтующихъ шеренгахъ разъѣзжаетъ,
И дерзкихъ ложными словами поощряетъ.
Кричитъ: что Іоаннъ младый царь удушенъ,
Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпствуя жестокіе тираны,
Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣтило вешнихъ дней, оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно въ ужасѣ Москва зритъ изумленна
Оружіе на кремль спѣшаще и знамена.
Колеса тяжкія подъ пушками скрыпятъ,
Глаза отчаянныхъ кровавые горятъ.
Лишь дому царскаго, что должны чтить, достигли,
Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли:
«На месть спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдать,
Или мы станемъ всѣхъ бить, грабить и терзать».
Бояре старшіе Матвѣевъ, Долгорукой,
Представъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,
Что всѣ волнуются напрасно обуявъ;
Что Іоаннъ съ Петромъ безъ поврежденья здравъ,
И только лишь о семъ смущеніи печаленъ.
Симъ словомъ дерзкій бунтъ былъ нѣсколько умаленъ:
Всѣ ждали, чтобы имъ младыхъ царей узрѣть,
И въ домы возвратясь, спокойствіе имѣть.
Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ то Софія,
Что пресѣкаются ея коварства злыя,
Подгнѣту [1]) буйности велѣла дать вина,
Чтобъ снова, воспылавъ, горѣла внутрь война.
Тутъ, вскорѣ разъярясь, стрѣльцы, какъ звѣри дики,
Возобновили шумъ убійственной музыки:
Подобно какъ бы всю Москву съѣдалъ пожаръ.

---

[1]) Подтопка, поджигательство; здѣсь разумѣются стрѣльцы.

Царица, мать моя, прошеніемъ бояръ
Для утоленія всеобщія напасти
Презрѣвъ толь близкой рокъ, презрѣвъ горящи страсти,
Выводитъ насъ съ собой на Красное крыльцо.
Опасность, слезы, гнѣвъ покрылъ ея лицо;
И брата и меня злодѣямъ показала,
И чтобъ спокоились, со властью увѣщала.
Толпами наглые на верхъ взбѣгали къ намъ,
«И мы-ль-то?» кликали обѣхъ по именамъ.
Обличены въ конецъ и правдой и присутствомъ,
Хотятъ оставить злость неправедну съ безстудствомъ,
И часть бунтующихъ въ обратной бьютъ походъ.
Царевна, усмотрѣвъ, что тихнетъ злобный родъ,
Коварство новое въ погибель составляетъ,
И искры яркія въ сердца стрѣльцамъ всыпаетъ,
Сказавъ имъ собственну опасность и боязнь;
Что завтрѣ лютая самихъ постигнетъ казнь,
И тѣ имъ отомстятъ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
Пропущенны часы не возвратятся болѣ.
Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ утушенъ,
Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ
Сухой тростникъ траву въ дни лѣтни поядаетъ,
И пламень слабыя препятства превышаетъ;
Подобно такъ стрѣльцы, страхъ съ лютостью смѣшавъ,
И поощреніемъ злодѣйскимъ воспылавъ,
Въ чертоги царскіе насильно устремились,
Убійствомъ, наглостью неистово вломились.
Царица мать моя среди такого зла,
Среди отчаянья едва спастись могла,
Гдѣ праотцевъ престолъ въ палату Грановиту,
Ко святости его и къ Вышнему въ защиту.
Въ чертогахъ жалкой стонъ, терзанье и грабежъ
И раздается крикъ: «коли, руби и рѣжь!»
Одни Софіины покои лишь свободны
И двери варварамъ бунтующимъ невходны:
Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ,
Внезапно большій шумъ сердца въ насъ утѣсняетъ:
Въ злодѣйственныхъ рукахъ Нарышкинъ возрыдаетъ,
Не могъ его закрыть и жертвенникъ святый.
Летитъ на копія поверженъ съ высоты.
Текущу видя кровь, рыкаютъ: «любо, любо!»
Пронзеннаго поднявъ сіе гласятъ сугубо.
Сего невинный духъ предтеча къ небесамъ
Оставилъ тлѣнну часть неистовымъ врагамъ.
Немедленно мечи сверкаютъ обнаженны,

И раздробляются трепещущіе члены!
Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевать,
Чтобъ кровь сію проливъ престали бунтовать,
Подобной лютостью злодѣи похищаютъ,
На копія съ крыльца низвергнувъ прободаютъ.
Старѣйшихъ стольниковъ и знатнѣйшихъ бояръ
Подобный умертвилъ судьбины злой ударъ.
Тамъ Рамодановской, о горькая кончина!
Въ послѣдній разъ взглянулъ на страждущаго сына.
Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
Межъ членами другихъ окровавленъ лежитъ.
И краснорѣчіемъ несчастливой Матвѣевъ,
Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
Убитъ; но въ смерти живъ: что блѣдная глава
Движеньемъ кажетъ устъ некончанны слова.
Коль много послѣ нихъ невинно пострадали:
Съ царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,
На беззаконную влекли безчестно казнь!
Скончался лютый день, осталася боязнь.
«О скорбный лютый день и варварствомъ ужасный.
День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,
Сей смертоносный змѣй Димитрія угрызъ,
Когда убивецъ злой вертѣлъ въ гортани жало,
И сердце матерне отчаясь обмирало.
Мнѣ чувства изострилъ мой собственной примѣръ,
Лишь вспомню, вижу я, какъ злится изувѣръ.
Въ младенческомъ умѣ взоръ лютый вкоренился.
И нынѣ, спомянувъ, я духомъ возмутился:
Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,
Какъ Рождшая, меня держа въ своихъ рукахъ
Мой верхъ и грудь свою слезами обмывала,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда безчувственной въ продерзости злодѣй
Гортани копіемъ касаяся моей,
Ревѣлъ: «скажи, гдѣ братъ? или тебя и сына
Постигнетъ въ мигъ одинъ послѣдняя година!»
О Промыслъ! въ оной часъ ты чудо сотворилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
Изъ жаждущихъ моей погибели сыскался,
Ктобъ о Моемъ тогдажъ спасеніи старался.
«Въ то время съ Ѳедоромъ и Мартемьяномъ Левъ [1])
По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
Вообразивъ своихъ невинну страсть рыдали,

---

[1]) Нарышкины, братья царицы Натальи Кирилловны, матери Петра.

И собственную смерть всечасно представляли.
Тогда почтенный мужъ при старости Кириллъ,
Послѣдній дѣдъ мой [1]) дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ;
Другихъ, не своего терзанія боялся,
Чтобъ крови токъ сыновъ предъ нимъ не проливался.
«Въ отчаяньи, въ тоскѣ, въ стенаніи, безъ сна,
Подобна смерти ночь тогда провождена.
Стрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣдность
Изображали вдругъ насиліе и бѣдность.
Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
Казалась въ пропасти погребена жива.
Какъ неусыпной червь тоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди.
Вездѣ тревогу бьютъ. Мятежнической крикъ,
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
Рыканья звѣрскія неистово возносятъ,
Нарышкина на смерть ярясь Ивана просятъ.
Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгій рокъ,
Прольется по Москвѣ и слезъ и крови токъ.
Но не дошла еще нещастнаго година,
Еще на день тоску оставила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мятежъ:
Въ рядахъ, въ домахъ, въ церквахъ насильство и грабежъ.
Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
И къ расхищенію богатства устремилась.
Презрѣніе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ,
Укоры знатныхъ женъ, ругательства дѣвицъ,
Лишеніе всего богатства превышали:
Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превосходитъ всѣ печали.
«Коль вечера сего благословенъ былъ мракъ,
Что чуйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!
Уже отяготясь весь день питьемъ излишнимъ
И изъ нещастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ
Шатаются, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.
Градски врата блюдетъ ихъ стража и запоръ.
«Царевна усмотрѣвъ, что время протекаетъ,
А умыселъ ея конца не достигаетъ,
Стрѣльцамъ назавтрѣе велѣла приступать,
И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,
Къ царицѣ шлетъ большихъ бояръ для уговору,
Чтобъ брата и отца стрѣльцамъ дала безъ спору:
«Уже чинятъ приступъ ко Красному крыльцу:
Безъ выдачи не быть смятенія концу.
Для уваженія въ совѣтѣ словъ боярскихъ

---

[1]) Отецъ царицы, сосланный стрѣльцами въ монастырь.

Представила особѣ опасность государскихъ.
Нарочно яко бы для утоленья зла
Сама въ родившія [1]) меня чертогъ пришла.
«Для собственной твоей и для дѣтей избавы
Свирѣпы укроти стрѣльцовъ, сказала, нравы,
Спаси себя и ихъ опасность отложи,
И брата и отца для миру покажи.
Здѣсь домъ Спасителевъ, защита есть велика.
Кто смѣетъ ихъ отнять отъ Божескаго лика?»
Послѣдуя судьбѣ и льстивыхъ толь словамъ,
Изъ потаенныхъ мѣстъ Нарышкинъ [2]) входитъ въ храмъ,
Въ слезахъ святый олтарь цѣлуетъ и объемлетъ,
И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлетъ,
Готовится принять страдальческій конецъ.
«Невинность, говоритъ, разсудитъ самъ Творецъ»,
Тутъ руки мать моя царевнины лобзая,
Для братней пагубы всечасно обмирая,
Рыданіемъ свою прерывала рѣчь:
Всякнувъ, не могли ужъ слезы больше течь.
«Для отеческой въ тебѣ, супружней мнѣ любви
Не проливай еще моей невинной крови.
Представь, что сей по мнѣ и Алексѣю [3]) братъ,
И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ».
Софія слѣдовать велѣла за собою
Нарышкину къ стрѣльцамъ, подпивъ его рукою,
Съ притворной жалостью. Царица отъ тоски
Держалася другой Ивановой руки.
Какъ волки хищные на агнца наскочили,
Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили;
Презрѣвъ царицыныхъ и власть и святость рукъ,
Безчестно за власы влекутъ на горесть мукъ.
Межъ тѣмъ сестра себя предъ чернью извиняла,
Что братьевъ кровью сей отъ смерти избавляла.
Царица внѣ себя не зная, что отецъ
Въ отсутствіе ея неволей сталъ чернецъ.
Полуумершимъ въ слѣдъ за брата смотнитъ взоромъ,
Терпящаго толь зло мученіе съ позоромъ.
Несчастнаго на торгъ злодѣи привлекли:
И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвлели,
Что будто по своей онъ безразсудной страсти
Монаршеской искалъ продерзостію власти.
Безъ доказателей потомъ его терзавъ,

---

1) Къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ.
2) Иванъ Кирилловичъ, братъ царицы, 22 лѣтъ.
3) Царю Алексѣю Михайловичу.

На копья подняли, и кинули стремглавъ;
Отсѣкли варварски и руки и главу.
По злости слышатъ всѣ въ народѣ ужъ молву,
Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили:
«Вы горьку казнь себѣ измѣной застужили.
Васъ мстительный пожретъ неукосненно мечъ,
И крови какъ водѣ достойно вашей течь.
Начала только ждемъ: велика вся Россія,
Исторгнетъ корень вашъ за возмущенья злыя».
Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дать свободу,
И крѣпости подравъ, сказали то народу,
Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,
Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали:
На царство брата [1]) вдругъ со мною увѣнчали.
Софія воздала преступнымъ мзду и честь,
И грамоты Москвы на злыхъ главахъ пронесть
Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрыть свои затѣи;
Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи.
Побитыхъ имена читались на столпахъ
И вѣрнымъ отчеству въ сердца вливали страхъ.
«Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укротился
И я въ спокойствіи къ наукамъ обратился,
Искалъ, гдѣ знанія сіяетъ ясно лучъ,
Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ тучъ
Отъ суевѣрія и грубости восходитъ,
И видомъ святости сугубой страхъ наводитъ.
Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
И Пустосвятъ [2]) злодѣй, его сообщникъ думъ.
Невѣжество почетъ за святость старой вѣры,
Пристали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры:
Хованской съ сыновми и мой и церкви врагъ,
Не устыдился быть въ совѣтѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ стѣдамъ на капитоновъ [3]),
Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
О церковь! о святынь исполненный алтарь!
О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь!
Не можно ихъ почесть въ сообществѣ словесныхъ,
Что смыслъ и совѣсть ихъ и честь въ предѣлахъ тѣсныхъ.
«Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ,

---

[1]) Іоанна Алексѣевича.

[2]) Никита.

[3]) Особая секта раскольниковъ, получившая начало отъ безграмотнаго монаха изъ крестьянъ Капитона; многіе изъ его послѣдователей были сосланы при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Соловецкій монастырь.

Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу Спасителя для вреднаго раздора,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
Когда отъ дерзости ихъ кротко отвращалъ
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщалъ:
«Ты волкъ, ты хищникъ злой»! безстыдно съ шумомъ лаютъ,
И каменьемъ въ него и въ клиръ его бросаютъ.
Онъ наглыхъ патріархъ тогда еретиковъ
Къ монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ».

Ломоносовъ.

Петру Великому.

Россія, въ славу облеченна,
Куда свой взоръ не обратитъ,
Вездѣ весельемъ восхищенна,
Вездѣ труды Петровы зритъ.
Неси на небо гласы вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Онъ, древній мракъ нашъ побѣждая,
Науки въ полночь водворилъ;
Во тмѣ свѣтильникъ возжигая,
И въ насъ благіе нравы влилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Какъ Богъ, великимъ провидѣньемъ,
Онъ все собою озиралъ;
Какъ рабъ, неслыханнымъ раченьемъ,
Онъ все собою исполнялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Прошелъ землями и морями,
Учился самъ, чтобъ насъ учить;
Искалъ бесѣдовать съ царями,
Чтобъ послѣ всѣхъ ихъ удивить.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Его младенчески забавы
Родили громы наконецъ;
А посреди военной славы

Онъ былъ отечества отецъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Бесмертенъ ты, Великій Петръ!
Вселенну храбрость устрашала,
Какъ онъ противныхъ поражалъ;
Вселенну милость утѣшала,
Какъ онъ плѣненныхъ угощалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Вѣнцы, тріумфы, колесницы
Не для себя онъ учреждалъ:
Отличность, блески багряницы
Заслугъ въ наградѣ полагалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Былъ въ Вѣрѣ твердъ и ей послушенъ;
Пѣвецъ онъ самъ былъ алтарей;
Средь золъ, средь благъ великодушенъ,
Нелестный другъ своихъ друзей.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Монархамъ возвращалъ короны,
Законы подданнымъ писалъ;
Что должны дѣлать милліоны,
Собой всѣмъ образъ подавалъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Чрезъ горы проточилъ онъ воды,
На блатахъ грады насадилъ;
Довольство ввелъ въ свои народы,
Съ Востокомъ Западъ съединилъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
Онъ, истины любя уставы,

Хранилъ нелицемѣрный судъ;
Поднесь его полезны правы
Ко благоденствію ведутъ.
    Неси на небо гласы, вѣтръ:
    Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
  Поднесь вселенну изумляетъ
Величіе его чудесъ;
Премудрыхъ умъ не постигаетъ:
Не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?
    Неси на небо гласы, вѣтръ:
    Безсмертенъ ты, Великій Петръ!
  О Россы, славой, лучезарны!
О родъ героевъ и соборъ!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввѣкъ Петру гремитъ вашъ хоръ!
    Неси на небо гласы, вѣтръ:
    Безсмертенъ ты, Великій Петръ!

Державинъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Монументъ Петра Великаго.

  Хотя смерть косу поднимаетъ
Равно и на владыкъ земныхъ;
Но вѣчно память пребываетъ
Въ сердцахъ людскихъ царей благихъ.
    Твоя пребудетъ добродѣтель,
   О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ;
   Храни, храни всегда, Содѣтель,
   Его въ преемникахъ ты намъ!
  Вовѣкъ, вовѣкъ вы незабвенны,
Петра Великаго дѣла!
Петромъ бесѣды украшенны!
Петру дѣла его хвала.
    Твоя пребудетъ добродѣтель,
   О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ?
   Храни, храни всегда Содѣтель,
   Его въ преемникахъ ты намъ!
  Кто былъ въ трудахъ неутомленный,
Прямой отечества отецъ!
Великіе цари вселенны!
Въ Петрѣ вашъ зрите образецъ.
    Твоя пребудетъ добродѣтель,

О Петръ! любезна всѣмъ вѣкамъ
Храни, храни всегда, Содѣтель,
Его въ преемникахъ ты намъ!

Державинъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ:

Вельможа.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Державинъ.

Стансы [1].

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впредъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавою рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

А. Пушкинъ.

---

[1]) *Бѣлинскій о Пушкинѣ.* Изъ мелкихъ произведеній Пушкина болѣе другихъ отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства, въ истинномъ значеніи этого слова, стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго. Имя Петра Великаго должно быть нравственною точкою, въ которой должны сосредоточиться всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ надежды, гордость, благоговѣніе и обожаніе всѣхъ Русскихъ: Петръ Великій—не только творецъ бывшаго и настоящаго величія Россіи, но и всегда останется путеводною звѣздою Русскаго народа,

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ [1]).

Петръ Первый и Петербургъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ:
И думалъ онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.»
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,

благодаря которой Россія будетъ всегда идти своею настоящею дорогою къ высокой цѣли нравственнаго, человѣческаго и политическаго совершенства. И Пушкинъ нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи. Эти стихотворенія достойны своего высокаго предмета.

[1]) Эта поэма—апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только придти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ глазахъ насъ, Русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной «Петріады», но его «Стансы» (Въ надеждѣ славы и добра), многія мѣста въ «Полтавѣ», «Пиръ Петра-Великаго» и, наконецъ, этотъ «Мѣдный Всадникъ» образуютъ собою самую дивную, самую великую «Петріаду», какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта... И мѣрою трепета при чтеніи этой «Петріады» должно опредѣляться, до какой степени вправѣ называться Русскимъ всякое Русское сердце.

Бѣлинскій.

Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

А. Пушкинъ.

ПОЛТАВА.

Петръ Великій и Полтавскій бой.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.

Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падают во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,

Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды....
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,

Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

Пиръ Петра перваго.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ царь Великій
Въ Петербургѣ-городѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла Русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница-ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;

И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

А. Пушкинъ.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Петръ и князь Меньшиковъ.

Петръ.

Проектъ академическій я кончилъ,
Нашелъ и капиталы на постройку —
Изъ Рижскаго таможеннаго сбора,
И жалованье есть Нѣмецкимъ членамъ —
Изъ описныхъ имѣній на Украйнѣ.
И мѣсто выбрано, гдѣ мы теперь же
Заложимъ главный корпусъ: у Василья
На острову. Вотъ и еще домъ новый
Прибудетъ въ Петербургѣ для красы.
Я радъ, что наконецъ устроилъ это.
Лишь академіи недоставало
У насъ; солдаты есть — богатыри,
Какъ напримѣръ вотъ этотъ,—да не хмурься-жь!—
А флотъ! Съ такимъ ли славнымъ адмираломъ,
Какъ Меньшиковъ, ему не разродиться,
Не наторѣть, не выростн на славу!
Ахъ, если Англичанамъ бы на морѣ
Задать когда Полтавскую баталью!
Данилычъ, а? Или такую радость
Оставимъ ужь впередъ потомкамъ нашимъ?...
А фабрики! Смотри: сукно какое

Изъ шерсти Сѣриковъ [1]) простой мнѣ выткалъ!
О! это все пойдетъ у насъ успѣшно: —
Увѣренъ я, тутъ нечего и думать.
Науку лишь на чистомъ Русскомъ полѣ,
Науку лишь осталось мнѣ засѣять.
А нѣжное растеніе наука,
И тяжело и мудрено за нею
Ходить, смотрѣть—намъ будетъ съ непривычки;
Чуть солнце опалитъ, иль чуть морозъ прохватитъ,
Подмочитъ дождикъ, расколышетъ вѣтеръ,
Поблекнетъ и завянетъ, и надолго
Къ землѣ наклонится она.
За то
Какъ выдержитъ грозу и непогоду,
Какъ простоитъ воздушныя измѣны
И корни глубоко въ землѣ раскинетъ,
Такъ до небесъ ужь послѣ безопасно
Главой величественной вознесется.
И вотъ тогда ея благодѣянья:
Съ высокаго прекраснѣйшаго древа
Начнутъ надъ царствомъ разсыпаться манной.
Пружины государственныя ею,
Невидимыя, видимыя связи, —
Скрѣпятся, отвердѣютъ, и ничѣмъ
Никто того ужъ царства не своротитъ.
Тамъ всякій понимаетъ свое дѣло
И уважаетъ собственное мѣсто,
И всю съ него великую машину
Впередъ своею грудью подвигаетъ.
Обязанность священна тамъ, и дорогъ
Покой общественный, и смерть за славу,
За честь и счастье родины мила!
О, какъ подъ сѣнью благодатной знанья
Блаженствуетъ такое царство въ мірѣ!
Все, все растолковалъ мнѣ это Лейбницъ,
И сладко, обливаяся слезами,
Онъ говорилъ, — и понималъ я все.
Какая слава вожделеннѣй, выше, —
Быть просвѣтителемъ вѣковъ, народовъ,
Виновникомъ ихъ счастія на небѣ
И на землѣ!
(Вздыхая.)
Но долго, онъ сказалъ, —

---

[1]) Московскій купецъ, имѣвшій у себя суконную фабрику, которую ...тръ Великій часто посѣщалъ и, желая показать лучшіе пріемы тканья, ...мъ садился за ткацкій станокъ.

Вѣка должно расти такое сѣмя!

(Погружается на минуту въ размышленіе, и потомъ стремительно начавъ, въ сильномъ движеніи ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ)

Нѣтъ! Русскаго не зналъ онъ человѣка;
Нѣтъ, Лейбницъ, этого не зналъ ты чуда.
Не по годамъ, а по часамъ у насъ
Пойдетъ расти оно. Такъ чуетъ сердце!
О, Русская душа — земля другая,
Благословенная. Ея слои
Я знаю всѣ. Лишь кинь ей сѣмя, солнцемъ
Лишь чуть пригрѣй, какъ разъ оно возникнетъ...

(Останавливается съ восторгомъ.)

Такъ, такъ! увѣренъ я, что если двадцать,
Лишь двадцать лѣтъ прожить мнѣ Богъ назначитъ,
Услышу я какъ Русскимъ языкомъ
Заговоритъ иль Златоустъ, иль Лейбницъ.
И Русскій умъ найдетъ такую тайну,
Сокрытую во глубинѣ природы,
Какой и не предвидятъ Европейцы.
Ужь вотъ потѣшилось бы мое сердце,
Обнявъ избранника, и къ нимъ въ подарокъ
Пославъ его добычу дорогую.
Я умеръ бы спокоенъ за Россію:
Съ ученьемъ страшнаго нѣтъ ничего.
Ученье свѣтъ, а неученье тьма!...

Погодинъ.

НАДПИСИ.

Къ памятнику Петра Великаго

въ С.-Петербургѣ.

Петру Первому Екатерина Вторая.

Сумароковъ.

Къ монументу Петра Великаго.

Колоссъ Родосскій, днесь смири свой гордый видъ!
И Нильски зданія высокихъ пирамидъ,
Престаньте болѣе считаться чудесами!
Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.
Нерукотворная здѣсь Русская гора,

Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Пришла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины,
И пала подъ стопы Великаго Петра.

Рубанъ.

Къ портрету Петра Великаго.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ;
Богъ рекъ: да будетъ Петръ!—и бысть въ Россіи свѣтъ.

Херасковъ.

IV ОТДѢЛЪ: ПРИБАВЛЕНІЯ.

ПРЕДАНІЯ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ ВЪ НАРОДѢ [1]).

Царь Петръ.

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ему царь: «Божья ти помочь крестьянствовати!»

Мнѣ-ка надо Бога на помочь!—«А велико ли у тебя, старичокъ, семейство? — А семейство у меня двѣ дочери да два сына. — «Не велико-жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»— Кладу я деньги на три статьи: во-первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ-третьихъ въ воду мечу. — Царь призадумался, что-бъ это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ:— Въ долгъ даю—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу—двухъ дочерей кручу [2]).—

«Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю».—Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—«Этой я грамоты,—говоритъ царь,— не знаю. Ты меня сведи.»—А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ.—«Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.» — А заплатишь, такъ поѣдемъ!—

---

[1]) Пѣсни, собр. *Рыбниковымъ*.

[2]) Т. е. снаряжаю къ замужеству, одѣваю.

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: «Далече-ль, мужичокъ, бывалъ?» — Кое-куда бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя?»—Царя не видалъ, а надобъ посмотрѣть: согласился бы и помереть. — «Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.»—А какъ я царя узнаю?—«Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза: двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:— Кто же царь? — Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «Видно, кто нибудь изъ насъ царь!»

Разсказъ крестьянина Поташева о посѣщеніи Петромъ Великимъ села Нюхчи, Архангельской губерніи [1].

«Были на нашу сторонку многія и божескія попущенія и разныя бѣды: всякой панокъ, у котораго были рабы свои, крестьяне бы—по нашему, воленъ былъ творить всякой разбой и грабительство. Эдакой-то одинъ пришелъ и къ нашему селенью въ старыя времена. Тоже богатой былъ панокъ и силу большую имѣлъ: много народу водилъ за собой (а сказывалъ мнѣ всё это старикъ-дѣдушко, а дѣдушкѣ-то другой сказывалъ, а этому-то другому было восемь десятковъ лѣтъ: тотъ дѣло это самъ видѣлъ). Грабилъ этотъ панокъ всѣ деревушки по близости; надумалъ сотворить тоже и съ нашимъ селомъ и силу распредѣлилъ, и спать легъ. Поутру проснулся, диво видитъ: бьютъ его воины всякъ своего брата; бьютъ они и рубятся и на смерть другъ друга кладутъ; потемнились люди невѣдомой силы и пометались всѣ въ озеро, которое и прозвали съ той поры «святымъ», и гору подлѣ «святой» прозвали, затѣмъ, что спасеніе свое тутъ село наше получило. Увидѣлъ панокъ народу побитіе и, не вѣдаючи причины тому, взмолился Богу со слезами и крѣпкимъ покаяніемъ, и такимъ обѣщаніемъ: «Помилуешь меня, Господи—вѣру православную приму и разбойничать и убивать крещеныя души во вѣки не буду»! Господь устроилъ по его пожеланію: простилъ спокаявшагося, далъ ему жизнь и силу. Пришелъ панокъ этотъ въ село наше, отъ священ-

---

[1] «Годъ на Сѣверѣ». *Максимовъ*.

ника православнаго благословеніе и крещеніе принялъ и сталъ простымъ крестьяниномъ: сталъ землю пахать, на промысла въ море ѣздить, скоро научился съ волной править и сталъ распрехорошимъ кормщикомъ, всѣмъ, слышь, на зависть. Вотъ и идетъ, слушай, царской указъ въ Архангельской городъ: будетъ-де царь скоро—приготовьтесь. Ѣдетъ-де царь моремъ, такъ шестнадцать человѣкъ ему лочіевъ (лоцмановъ) надо. Ждутъ царя день, ждутъ и другой, хотятъ его ликъ государской видѣть; отъ дворца его не отходятъ ни днемъ, ни ночью. Смотрятъ, на балконъ вышелъ кто-то; лоцмана и пали на землю, поклононіе ему совершили и лежатъ, и слышатъ: «Встаньте-де, православные,—не царь я, а енералъ Щепотевъ; Петръ Алексѣевичъ сзади ѣдетъ и скоро будетъ. Велѣлъ онъ вамъ свою милость сказывать: выбрать-де вамъ изъ всѣхъ изъ шестнадцати самыхъ наилучшихъ, какъ сами присудите». Выбрали четырехъ, пришли къ Щепотеву. «Выберите-де изъ этихъ самаго умнаго! Онъ будетъ у Царя коршикомъ [1]), а всѣ другіе ему будутъ помогать и повиноваться». Выбрали всѣ въ одинъ голосъ Антипа Панова, того самаго, что подъ наше селеніе съ войной приходилъ и святую вѣру пріялъ. Царь пріѣхалъ на то время и самъ и сейчасъ на корабль пришелъ, Антипа Панова за руку взялъ и вымолвилъ: «На тебя полагаюсь—не потопи». Пановъ палъ въ ноги, побожился, прослезился; поѣхали. И пала имъ на дорогѣ зельная буря. Царь велѣлъ всѣмъ прибодриться, а Панову ладиться къ берегу; а берегъ былъ подлѣ Унскихъ-Роговъ, самаго страшнаго мѣста на всѣмъ нашемъ морѣ. Ладился Пановъ умѣючи, да отшибала волна: не скоро и дѣло спорилось. Царю показалось это въ обиду; не вытерпѣлъ онъ, хотѣлъ самъ править, да не пустилъ Пановъ: «Садись, царь, на свое мѣсто; не твое это дѣло: самъ справлюсь!» Повернулъ самъ руль какъ-то ладно да и врѣзался, въ самую губу врѣзался, ни за единъ камешекъ не задѣлъ и царя спасъ. Тутъ царь деньги на церковь оставилъ, и церковь построили послѣ (ветха она теперь стала, не служатъ). Сталъ царь спрашивать Панова, чѣмъ наградить его; палъ Пановъ въ ноги, отъ всего отказался: «ничего-де не надо!» Дарилъ царь кафтанъ свой, и отъ того Пановъ отказывался. «Ну, говоритъ: теперь не твое дѣло: бери!» Снялъ съ себя кафтанъ и всю одежду такую, что вся золотомъ горѣла, и надѣлъ на Панова, и

[1]) Кормчимъ.

шляпу свою надѣлъ на него; только съ кафтана пуговицы срѣзалъ, затѣмъ, слышь, золотыя эти пуговицы зрѣзалъ, что херувимы, вишь, на нихъ были [1]). И взялъ онъ Панова съ собой и въ дорогу; въ Соловецкой монастырь и въ Нюхчу привезъ, и на Повѣнецъ повелъ за собой. А въ Нюхчѣ нашей царь остановился подъ лудой [2]) Крестовой (такая невысокая, въ верстѣ отъ Пономаревой). У Вардегоры сдѣлана была царская пристань для кораблей; лѣсъ теперь разнесло, остался одинъ колодезь, да по двумъ каменнымъ грудамъ еще можно признать это мѣсто. Они-де и песочкомъ были прежде обсыпаны. Теперь вода все это замыла и унесла [3]). Въ Нюхчу нашу пришелъ царь со своимъ любимцемъ Щепотевымъ, погулялъ по ней, показалъ народу свои царскія очи. Деревню похвалилъ: «какъ-де не быть деревнѣ богатой—государево село». Жилъ онъ у насъ сутки цѣлые въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ наша церковь, а прежде стояли двѣ соловецкія кельи; для царевича былъ припасенъ другой домъ, крестьянской, на другой сторонѣ, супротивъ царскаго дома. На другіе сутки царь отправился по рѣкѣ нашей прямо къ дорогѣ, а строили эту дорогу цѣлый годъ всѣми волостями Соловецкими; изъ разныхъ сторонъ народъ пригнанъ былъ, нѣсколько тысячъ. Дорога эта такъ и покатитъ вверхъ по рѣкѣ, подлѣ берега, верстъ на 14; тутъ «поворотъ» называется, и курганъ былъ накладенъ съ печь ростомъ, на самомъ кряжу да на бережку (и теперь его знать, хоть и сталъ онъ поменьше). Тутъ царь опросилъ: «Нѣтъ-ли-де, да не знаютъ-ли, гдѣ бы можно водою проѣхать?» Сказали, что нѣту. На ту пору подъ яхтами царскими стали подгибаться, а индѣ и совсѣмъ обваливаться мосты. Доложились царю, что неловко-де ѣхать, никакъ не можно, нудно-де очень (а ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ, на корабляхъ привелъ ихъ изъ Архангельска). Велѣлъ царь на берлины поставить—лѣсины такія сдѣлали въ родѣ лыжъ бы,

---

[1]) По болѣе достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствамъ видно, что царь подарилъ кормщику свое мокрое платье, даже до рубашки, выдалъ 5 руб. на одежду, 25 руб. въ награду и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ.

[2]) Луда—голые, гранитные островки Бѣлаго моря; камень, выдавшійся изъ воды; иногда означаетъ прибрежную каменистую, мель.

[3]) Я былъ на этихъ мѣстахъ, и только по указаніямъ разсказчика можно съ трудомъ различить уцѣлѣвшіе признаки царской пристани; груды камней дѣйствительно могли быть навалены руками человѣческими. Все разсказываемое здѣсь—происходило въ 1702 г.

али нашихъ креньевъ. Такъ и потащили царскія тележки и яхты эти дальше къ Пулозеру, гдѣ курганъ высокой знать теперь и кряжище дубовое. Пулозеро (40 верстъ отъ Нюхчи) оставилъ царь въ сторонѣ, вправѣ, и въ деревню не заходилъ, а пріѣхалъ въ деревню Колосьозеро; тутъ перешелъ мостомъ черезъ рѣчку, а затѣмъ волокомъ верстъ тридцать шелъ дикимъ такимъ и опять же по мосту. Въ лѣсу-то этомъ и доселева еще полосу, просѣку такую сажени на три въ ширину, запримѣтишь, хоть мосты и заросли травой шибко. Изъ Колосьозера шелъ царь въ деревню Вожмосова [1]), откуда ужь плылъ по Выгъ-озеру и по Выгу-рѣкѣ на деревню Телейкину, черезъ рѣчки—Мурому да Мягкозерскую. Оттуда опять по мосту, по болотамъ да по лѣсамъ, на 40 верстъ до Повѣнца города. Гати по дорогѣ и до сей поры въ примѣту. Прошелъ онъ, сказываютъ, всю эту дорогу (160 верстъ) въ десять дней. А затѣмъ, сказываютъ, Онежскимъ озеромъ шелъ да рѣкою Свирью въ Ладожское. На озерѣ этомъ онъ городъ [2]) взялъ и положилъ подъ нимъ, сказываютъ, много народу. Шереметевъ попрекалъ его за это: «Зачѣмъ-де ты, царь, много народу положилъ? Лучше бы, слишь, пушку навелъ: и городъ бы взялъ скорѣе, да и народу бы-де потратилъ меньше!»

Сохранившееся преданіе крестьянки Аароновой о посѣщеніи Петромъ Первымъ Переславскаго озера [3]).

Я жала рожь. Вдругъ вижу прямо отъ Горицкаго монастыря, по горѣ, хлѣбомъ кто-то ѣдетъ верхомъ на каремъ конѣ. За нимъ, не въ дальнемъ разстояніи, то же на коняхъ ѣдутъ еще три человѣка. Тотъ, что ѣхалъ впереди, остановился недалеко отъ меня и сталъ пристально смотрѣть на озеро. Долго онъ смотрѣлъ, и я досыта насмотрѣлась на него. Онъ былъ великъ ростомъ и статенъ, въ одеждѣ, похожей на охотничью. Изъ-подъ шляпы съ навѣсомъ видны были кудри *русыхъ* волосъ. Лицо у него было нѣсколько смугловато; глаза каріе, быстрые; усъ только пробивался. На бедрѣ его висѣлъ

[1]) Деревушка эта—собственно Важмо-салма—лежитъ у проливца на юговосточномъ углу Выгъ-озера, въ 27 верстахъ отъ Пулозера. Здѣсь царь подарилъ хозяину дома, въ которомъ останавливался, кафтанъ.

[2]) Орѣшекъ, названный имъ потомъ Шлиссельбургомъ—Ключемъ-городомъ, и крѣпость Нотебургъ при устьѣ Невы.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1853 г.

мечъ; за поясомъ торчалъ охотничій ножъ; при немъ былъ небольшой огнестрѣлъ. Видъ его былъ строгъ; но я, замѣтивши на цѣли его какую-то радость, да и не зная, кто онъ таковъ, а полагая, что онъ какой-нибудь баринъ-охотникъ, сказала ему: «эхче, баринъ, зачѣмъ хлѣбушко-то мнешь». Онъ мнѣ на это отвѣчалъ: «*не брюзжи*, старуха, *хорошо вамъ будетъ*», и поѣхалъ далѣе по скату горы къ Соломидину; за нимъ послѣдовали и другіе, въ числѣ которыхъ я узнала нашего Переславскаго намѣстника. Въ послѣдствіи я узнала кто былъ таковъ этотъ баринъ. Во время стройки судовъ я съ нимъ часто разговаривала, и онъ былъ такой добръ и разговорчивый со всѣми, а въ особенности съ крестьяниномъ Михаиломъ Бобровымъ и его сыновьями Василіемъ и Михаиломъ; ихъ онъ часто призывалъ къ себѣ на думу при постройкахъ. Онъ былъ даже на свадьбѣ и крестинахъ у Михаила; а Василья онъ взялъ къ себѣ въ прислуги. Нѣкоторые изъ потомковъ сего послѣдняго проживаютъ теперь въ Петербургѣ, подъ именемъ купцовъ Товаровыхъ; другіе же остались въ селѣ Веськовѣ и доселѣ извѣстны подъ именемъ Думныхъ.

Преданіе о Переславскомъ озерѣ въ будущемъ [1]).

Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложивъ доспѣховъ бремя,
Матросъ, опершись о костыль,
Дѣтей вокругъ себя сбирая,
На волны быстрый взглядъ кидая,
Разскажетъ имъ чудесну быль.
  Дѣла Петровы вспомнивъ ясно,
Иль отъ преданья сохранивъ,
Въ своихъ разсказахъ безопасно,
Не устрашась быть справедливъ,
«Вотъ здѣсь-то», скажетъ: Царь-надежа,
Не на боку лишь только лежа,
Трудился самъ и строилъ ботъ!
Вотъ тутъ онъ имъ изволилъ править,
Умѣлъ-ста родину прославить,
Стоять гораздъ былъ за народъ».

Кн. И. М. Долгорукій.

---

[1]) Извлеченіе изъ оды, написанной въ 1803 г. по случаю перенесенія остатковъ переславской флотиліи Петра I въ новое зданіе, на берегу озера.

ЕКАТЕРИНА II О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ [1]).

Его предусмотрительность.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ,— и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано.»

А. Пушкинъ.

Вѣчная память императору Петру Первому.

О, тѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ тьмы твоихъ заслугъ;
Безмолвна въ вѣчности устройся:
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ.

Ломоносовъ

---

[1]) Добавленіе къ характеристикѣ Петра.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЙ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА I.

1672. Рожденіе Петра I.

1682. Избраніе Петра на царство (27 апрѣля). Стрѣлецкіе бунты. Мятежъ раскольниковъ.

1689. Единодержавіе Петра I. Удаленіе Софіи въ монастырь.

1695. 1-й Азовскій походъ.

1696. Начало флота. 2-й Азовскій походъ. Взятіе Азова.—Начало Таганрога.

1697. Заговоръ Цыклера и Соковнина. Поѣздка Петра за-границу. Свободный привозъ табаку въ Россію и вольная продажа его. Запрещеніе Сибирскимъ служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ, женамъ ихъ и дѣтямъ, носить богатое платье, наживаемое на счетъ казны.

1698. Стрѣлецкій бунтъ и уничтоженіе стрѣлецкаго войска.

1699. Введеніе гербовой бумаги. Учрежденіе въ Москвѣ Бурмистрской Палаты (или ратуши) съ правомъ прямо входить съ докладомъ къ государю. Учрежденіе перваго ордена (Андрея Первозваннаго).

1700. Введеніе лѣтосчисленія отъ Рождества Христова и празднованіе Новаго года съ 1-го января. Чеканка крупной золотой и серебряной монеты и установленіе пробы. Уничтоженіе патріаршества. Начало Великой Сѣверной войны. Битва подъ Нарвой. Обязательное ношеніе иностранной одежды (для чего у городскихъ воротъ были развѣшаны чучела, т. е. образцы новаго платья).

1701. Учрежденіе Математической и Навигацкой школы въ

Москвѣ; заведеніе въ ней 8 аптекъ и уничтоженіе зелейныхъ лавокъ. Запрещеніе подписываться въ прошеніяхъ на имя государя неполнымъ именемъ.

1702. Взятіе Шлиссельбурга. Вызовъ иностранцевъ для лучшаго устройства войска и торговли: введеніе принципа вѣротерпимости. Запрещеніе совершенія браковъ безъ взаимнаго на то согласія жениха и невѣсты.

1703. Пріобрѣтеніе устьевъ Невы послѣ первой морской побѣды, одержанной надъ Шведами въ Финскомъ заливѣ, въ которой два непріятельскихъ большихъ судна были взяты на абордажъ Русскими лодками подъ командою капитана *Петра Михайлова* (царя). Основаніе Петербурга (16 мая, въ Троицынъ день). Прибытіе перваго иностраннаго корабля (съ солью) къ Петербургу. Первыя Русскія вѣдомости, напечатанныя въ Москвѣ церковнымъ шрифтомъ.

1704. Взятіе Нарвы и Дерпта. Первый рекрутскій наборъ. Запрещеніе убивать младенцевъ уродовъ, и хоронить ранѣе трехъ дней по кончинѣ умершаго.

1705. Указъ о бритьѣ бородъ и усовъ всякаго чина людямъ, кромѣ священно-служителей, и о взиманіи пошлины съ тѣхъ, которые не захотятъ исполнять этого: съ царедворцевъ, служилыхъ и приказныхъ людей по 60 руб. съ человѣка; съ первостатейныхъ купцовъ 100 руб. съ каждаго; съ торговыхъ и посадскихъ людей, съ церковныхъ причетниковъ и прочихъ по 60 руб. съ человѣка; съ крестьянъ же брать при входѣ въ городъ или выходѣ изъ него каждый день по 2 деньги.

1706. Побѣда Меньшикова при Калишѣ. Установленіе графскаго титула.

1708. Булавинскій бунтъ. Сраженіе при Добромъ. Битва при Лѣсной. Измѣна Мазепы. Первая книга гражданской печати: *«Геометрія славенски землемѣріе»*. Первое раздѣленіе Россіи на губерніи.

1709. Полтавская побѣда.

1710. Завоеваніе Лифляндіи и Эстляндіи.

1711. Учрежденіе Сената. Прутскій походъ. Заведеніе гражданской типографіи въ Петербургѣ. Покореніе Финляндіи (1711—13).

1712. Учрежденіе во всѣхъ губерніяхъ гошпиталей.

1713. Перенесеніе столицы въ Петербургъ. Основаніе Александро-Невской лавры.

1714. Гангудское сраженіе, въ которомъ авангардъ Русскаго флота, подъ командою шаутбенахта *Петра Михайлова* (царя), взялъ на абордажъ Шведскую эскадру, состоявшую изъ десяти судовъ. Установленіе майората. Уставъ ордена св. великомученицы Екатерины, или ордена Освобожденія. Указъ дворянамъ начинать военную службу съ нижнихъ чиновъ. Указъ объ отдачѣ дворянскихъ дѣтей въ школы съ запрещеніемъ жениться тѣмъ изъ нихъ, которые окажутся ничему необученными.

1715. Основаніе Морской Академіи.

1716. Изданіе военнаго устава.

1717. Учрежденіе коллегій.

1718. Указъ о собираніи предметовъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ, рѣдкостей и древностей. Учрежденіе ассамблей. Уничтоженіе правежа, т. е. взысканія долговъ съ тѣлеснымъ истязаніемъ.

1719. Первая подушная перепись. Указы: противъ разоренія крестьянъ помѣщиками и—о штрафѣ за разговоры въ церкви во время богослуженія. Изгнаніе Іезуитовъ

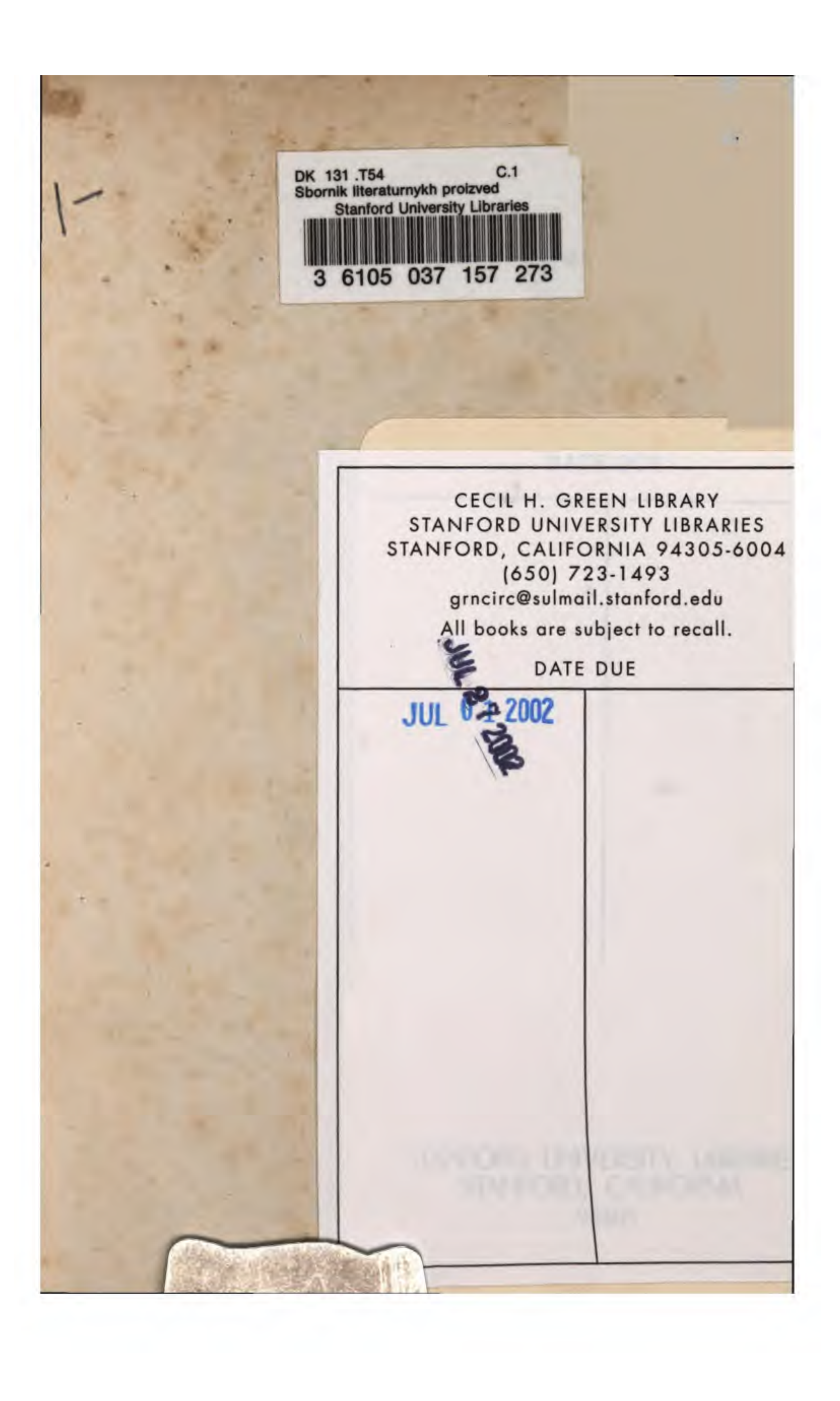
1720. Гренгамское сраженіе на Балтійскомъ морѣ. Изданіе генеральнаго регламента, указывающаго порядокъ судопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ. Указъ о сборѣ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Россіи.

1721. Ништадтскій миръ. Принятіе Петромъ I титула Императора Всероссійскаго. Изданіе Духовнаго регламента. Учрежденіе св. Синода. Регламентъ, или уставъ главнаго магистрата, съ предоставленіемъ ему права, по объявленіи въ Сенатѣ, на устройство городской полиціи, и съ возложеніемъ на него попеченія о распространеніи учебныхъ заведеній. Запрещеніе продавать крестьянъ, рабочихъ и дворовыхъ людей врозь отъ своихъ семействъ. Указъ объ обученіи крестьянъ снимать съ поля хлѣбъ не серпомъ, а косами.

1722. Табель о рангахъ. Основаніе Екатеринбурга. Походъ въ Персію и взятіе Дербента.

ОПЕЧАТКА:

	напечатано:	*слѣдуетъ читать:*
на 286 стр. во 2-й строкѣ:	1772 г.	1782 г.

DK 131 .T54 C.1
Sbornik literaturnykh proizved
Stanford University Libraries
3 6105 037 157 273
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
JUL 01 2002
JUL 2 1 2002

